либерал.ru

Интернет и идеологические движения в России

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. НИКИПОРЕЦ-ТАКИГАВА И Э. ПАИНА

либерал ru

Фонд
“Либеральная
миссия”

Интернет
и идеологические движения в России

Под редакцией
Г. Никипорец-Такигава
и Э. Паина

Новое
Литературное
Обозрение

2016

УДК [004:316](470+571)”2011/2014”
ББК 60.524.224.56(2Рос)
И73

Исследование выполнено при поддержке фонда «Либеральная миссия»

И73 **Интернет и идеологические движения в России:** Коллективная монография / Сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 480 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0517-6

Книга исследует динамику развития российских идеологических движений в драматический период 2011–2014 гг., когда возникшие в связи с масштабными антиправительственными митингами либеральные надежды вскоре были развеяны реакцией в государственной политике, а также ростом проимперских настроений. Медиа и общество находятся в сложной взаимосвязи отражений и влияний, поэтому данная книга использует двойную призму: Интернет для авторов не только зеркало, но и один из важнейших факторов социальных процессов, оказывающий на последние существенное воздействие.

УДК [004:316] (470+571)”2011/2014”
ББК 60.524.224.56(2Рос)

© Авторы, 2016
© Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин, составление, 2016
© Фонд «Либеральная миссия», 2016
© ООО «Новое литературное обозрение».
Оформление, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Портреты российских идеологических течений от «Русской зимы» к «Русской весне»

Глава 1. Конформисты 2.0: сторонники Путина, материк постсоветских людей или воображаемое большинство 25
Российский провластный конформизм и «человек советский» 27
Материал и методы, использованные в главах 1–4 33
Интернет-образ российского конформизма 38
Выводы и прогнозы: конформизм и имперские амбиции. 64
Глава 2. Националисты 2.0: попутчики империи 74
О нации и национализме 75
Интернет-образ русского национализма 106
Выводы и прогнозы: национализм на перепутье . . 129
Глава 3. Левые 2.0: с СССР навсегда 135
Теоретизируя левое движение 136
Интернет-образ российского левого движения . . 151
Выводы и прогнозы: единение на основе пророссийской и имперской идеи. 179
Глава 4. Либералы 2.0: осажденное меньшинство . . . 186
Триумф либерализма и либеральная трагедия общин. 187

Интернет-образ российского либерального сообщества 196
Выводы и прогнозы: опасность маргинализации и будущее российских либералов 233

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
От отдельных портретов к общей картине российского общества на фоне смены политических времен

Глава 5. Протест 2.0 и «коллективный портрет» российского общества на фоне «Русской зимы» 255
О конце «Русской зимы» и теоретизируя протест 2.0 256
Интернет-образ российского протеста 269
Выводы и прогнозы: причины конца «Русской зимы» и будущее протеста 294
Глава 6. Российское общество в контексте «Русской весны»: социологический анализ 307
Идеологические ресурсы российского населения 316
Параметры идеологического и политического самоопределения. Комплексы общественного мнения 339
Трудные перспективы 384
Глава 7. Россия в плену имперского синдрома: о природе политической инерции 387
Время политической реакции и нерешенные вопросы его понимания 388
О сущности «имперского синдрома» 395
Есть ли будущее после империи? 442

Заключение 448

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Словарь дискурсивных маркеров идеологической идентичности 467
Приложение 2. Дескриптивная статистика исследованной выборки 470
2.1. Возраст участников сообществ 470
2.2. Количество участников 471
Приложение 3. Результаты контент-анализа 472

Об авторах 476

ВВЕДЕНИЕ

От «Русской зимы» к «Русской весне»

Наше исследование мы начинали в одну эпоху, а закончили в другую. Революционные события в Украине конца 2013 — начала 2014 г., вовлеченность в них России и присоединение к ней Крыма — все это вызвало значительные изменения внутри всех российских идеологических движений. Самоопределение, размежевание, рост политического и идейного разнообразия, включая появление новых «ручейков» внутри каждого из них, сменились подобием единства на волне почти всеобщей поддержки аннексии Крыма и образования так называемых Донецкой и Луганской народных республик (далее — ДНР и ЛНР). Стало очевидно, что многие элементы «имперского синдрома» в России все еще сильны; особенно инерционным оказалось «имперское сознание». Ясно обозначилась смена тенденций политического развития. «Эпоха безвременья», характеризовавшаяся тотальной дезориентацией масс и утратой политических ориентиров, сменилась мобилизацией общественного сознания на основе смутных и утопических представлений о возможности воссоздания империи как внутри, так и за пределами России.

Помимо дихотомии «безвременье — имперская мобилизация», мы используем еще одну — «Русская зима — Русская весна». Последней метафорой обозначают два взаимосвязанных, но разных явления. Во-первых, «Русская весна» — это время подъема пророссийских, автономистских и сепаратистских движений в юго-восточ-

ных областях Украины, проявившихся в феврале-марте 2014 г. Во-вторых, это период единения в России ранее оппозиционных левых и националистических движений с властью на волне подъема «имперского сознания» и под флагом идеи «Русского мира». Однако есть еще и третье значение: консервативная, реакционная, антимодернизационная эпоха, которая была обозначена еще до аннексии Крыма, но стала безальтернативной политической стратегией власти именно весной 2014-го.

Если период спада оппозиционности и единения бывших оппозиционеров с властью произошел весной, то период подъема протестных движений и некоторых зачатков горизонтальных объединений определенной части либералов, националистов и левых наблюдался в декабре 2011 — начале 2012 г., в период «Русской зимы». Зима, и декабрь особенно, имеют в истории России символический смысл, отсылая нас к другой дате — 14 декабря 1825 г., когда в России произошло первое восстание сторонников Конституции, получившее затем название «восстание декабристов». То, что антиправительственные акции в 1825 и 2011 гг. состоялись в декабре, — это случайность, но сам факт исторической повторяемости волн подъема движений за политическую модернизацию России («Русская зима») и следующих за ними периодов политической реакции и стагнации («Русская весна») отражает реальную особенность исторического развития России.

Почему Интернет?

Описываемый в книге период 2011–2014 гг. наряду с политическими переменами — еще и время интенсивной интернетизации России. Интернетизация, помимо всех прочих жизненных сфер, затрагивает значимую для общественных движений сферу использования коммуника-

ции, существенно ускоряя, упрощая и обеспечивая к ней доступ, свободный от социальных и географических препятствий. Не идеализируя этот прогрессистский образ, на котором на самом деле немало известных пятен, нельзя не признать, что появление Интернета влияет на традиции и культуру коммуникации, и тем самым на условия и практики изучаемых в этой книге идеологических движений. Появление социальных медиа, которые превратили Интернет из элитарного в общедоступный инструмент эмансипации, еще более видоизменило эти условия и практики[1], произведя феномены «твиттер-» и «фейсбук-революций», электронной демократии (*e-democracy*) и электронного участия (*e-participantion*), проявившихся и в России, но имеющих здесь свою специфику.

Многие исследователи после обмена панегириками и анафемами в адрес Интернета, в котором одни видели средство либерализации, а другие — инструмент репрессий, слежки, контроля, глобализации и власти капитала, перешли к этапу более взвешенной и нейтральной оценки. Именно такую оценку предлагаем и мы, понимая Интернет как один из инструментов организации, мобилизации, коммуникации; не причину, но «контекст», компонент и фактор социальных и политических процессов. Вслед за М. Кастельсом, К. Ширки и другими исследователями мы признаем, что Интернет и социальные медиа — «организационная форма, культурное выражение и специфическая платформа для политической автономности»[2], которые «существенно меняют ландшафт современного протеста и помогают бороться за демократию в той же степени,

[1] Поэтому с 2010 г. мировые исследования в области взаимодействия Интернета и общества переориентируются на изучение именно социальных медиа.

[2] Кастельс обобщает такую точку зрения: *Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 103.

как ранее печать влияла на протестантскую реформацию»[1]. Однако мы подчеркиваем, что в зависимости от конкретных политических, экономических и социально-культурных обстоятельств влияние Интернета на общественные процессы и социальные движения вариативно и многообразно.

Впрочем, взаимодействия и взаимовлияния Интернета и общественных движений еще только предстоит уточнить, их исследования в разных странах мира находятся в начале выработки научной парадигмы и сбора эмпирических доказательств[2]. Российский же опыт почти совсем не изучен, хотя для понимания постсоветских трансформаций российского общества Рунет особенно важен. Причина в том, что только в Рунете представлен весь спектр российских политических сил и течений, так как многим из них нет места в других медиа. Поэтому в этой, не подверженной прямому контролю со стороны государственной власти публичной сфере российское общество предстает более дробным и разнообразным в идейном отношении, чем на официально очерченной политической арене.

Кроме того, Интернет остался единственным свободным (со всеми исключениями в лице кремлевских троллей и в форме спам-атак на неугодные сайты и т. п.) российским СМИ. Благодаря своим техническим свойствам Интернет постоянно «обгоняет» государственную репрессивную машину и успевает поставлять уникальные факты, публичное обнародование которых не-

---

[1] *Shirky C.* The Twitter Revolution: more than just a slogan // Prospect. 2010. 06.01. URL: http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/the-twitter-revolution-more-than-just-a-slogan.

Здесь и далее, если не сказано иное, дата обращения к интернет-ресурсам (проверка доступности) 01.09.2015.

[2] Исследователи из разных стран единодушны в признании этого факта, см., например: The Oxford Handbook of the Internet Studies / Ed. by W.H. Dutton. Oxford: Oxford University Press, 2013.

возможно посредством других каналов. Интернет также превратился в место протеста — альтернативу Манежки или Болотной, особенно после введения законов, карающих за уличные протестные выступления. Из-за того, что это пространство менее опасно для жизни, чем улица, здесь наиболее открыто выражают идейные и мировоззренческие позиции.

В силу всех этих обстоятельств Интернет предстает как новый и чрезвычайно информативный источник знаний о процессах, которые происходят в обществе, и об интересующей нас в этой книге реальной картине идеолого-политического размежевания. Однако в дополнение к тому, что Интернет служит хранилищем данных, недоступных из других источников[1], он является и самостоятельной площадкой по производству разнообразия общественно-политических процессов и феноменов — именно такое двоякое понимание Интернета проходит через всю нашу книгу.

Наша команда

Для решения поставленных задач объединились две группы исследователей: социологи, исследующие политические и массовые коммуникации, публичную сферу, цифровую культуру, представленные Галиной Никипорец-Такигава, и политологи, изучающие процессы трансформации политической системы России, — Эмиль Паин и его ученики, Сергей Простаков и Сергей Федюнин. Такое научное содружество позволило, с одной стороны, расширить рамки политологической

[1] В частности, Рунет дает уникальную возможность увидеть настроения российской провинции, плохо представленные на центральных антиправительственных митингах и в наиболее массовых оппозиционных объединениях.

парадигмы, а с другой — критически переосмыслить медиацентристское понимание общественных процессов. Помимо этого, наш творческий союз сделал возможным реализацию еще одного принципа — междисциплинарности, которая становится в последнее время императивом в исследованиях взаимодействия все более интернетизирующегося общества и все шире вовлекаемого в социальные процессы Интернета[1].

Наши проекты, результаты которых суммирует эта книга

Исследования, послужившие основой для этой книги, проводились в рамках трехлетнего проекта, поддержанного фондом «Либеральная миссия». Первая его часть называлась «Этнополитические процессы в российской блогосфере» (январь–сентябрь 2012 г.); вторая — «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа» (октябрь 2012 — апрель 2013 г.).

На этих этапах по материалам Рунета были составлены дискурсивные «портреты» четырех основных российских идеологических течений: националистов, левых, либералов и сторонников действующей власти[2]; и было осуществлено их сравнительное описание — уникальная попытка, учитывая, что до сих пор в исследованиях российских идеологий не предпринималось системных сравнений. Мы также проводим сравнения между российскими и западными течениями, подчер-

---

[1] См.: The Oxford Handbook of the Internet Studies.

[2] Результаты этих исследований изложены в статьях участников проектов: *Паин Э.А., Мохов С.В., Поляков Е.И., Простаков С.А., Федюнин С.Ю.* Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160; *Никипорец-Такигава Г.Ю.* О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 13–24.

кивая, что идеологии в российском постсоветском контексте несопоставимы с их западными аналогами. Особенности этого контекста связаны с тем, что в отношении идеологического строительства и политической эволюции страна потеряла все 70 лет советской власти; не сложилось фундаментальных принципов, таких как права человека и толерантность, которые могли бы лечь в основу устойчивой системы политических взглядов; концепция гражданской нации в дискурсах идеологических сообществ мертва, российское общество не усвоило идеи верховенства права и принципов индивидуальной свободы. Здесь по-прежнему обширно деидеологизированное, аморфное сообщество конформистов, не имеющих устойчивых политических убеждений и идеалов, а потому легко поддающихся давлению государственной пропаганды. Просоветски ориентированные левые являются весьма специфическим продуктом советской эпохи и не похожи на современные левые силы в странах Запада. Русские националисты и российские либералы — также уникальные политические группы, аналогов которым в современных развитых странах найти не удастся.

Далее последовал и третий этап проекта — «Основные идеологические движения в Рунете и их перспективы в политической жизни России». Это было комбинированное исследование, в котором мы проверяли результаты, полученные из материалов Интернета, при помощи опросов общественного мнения. Для этого мы объединили свои усилия с «Левада-Центром», который провел два опроса — в марте и сентябре 2014 г. В обоих опросах социологи использовали индикаторы идеологической идентичности, ранее выделенные нами в ходе изучения интернет-аудитории как характерные для каждого из четырех идеологических сообществ. Основной задачей был анализ реального распределения в обществе идеологических идентичностей, и главным

результатом оказалось то, что пропорции этого распределения не остаются неизменными: они сравнительно быстро «двигаются» вслед за значительными переменами политического климата в стране.

Как мы работали: методы, теоретические подходы, гипотезы

Основополагающими методологическими принципами для нас были многомерность и комплексность — сочетание качественного и количественного контент- и дискурсивного анализа, политологических и этнографических методов соцопросов и включенного наблюдения[1].

Сочетая «микроскопы» из разных научных лабораторий, мы последовательно меняем их фокус: от микроуровневых исследований интернет-коммуникации одного идеологического сообщества движемся к рассматриванию «коллективного пользователя сетей» и идеологических различий в широком историко-политическом контексте. Именно такой инструментарий, на наш взгляд, является наиболее точным для препарирования сложной массы сетевой коммуникации. Желая охватить разнообразие и многофункциональность этой массы, мы исследуем сразу несколько интернет-жанров — от форумов и блогов Живого Журнала (ЖЖ) до «ВКонтакте» (ВК) и Твиттера.

Три года работы в соответствии с описанной методикой позволили создать не статический, но динамический «портрет» современного российского общества, отслеживать не сиюминутные оценки и настроения респондентов (в чем состоит задача опросов), но устойчивые идеологические взгляды в их развитии, которые

[1] Дизайн и методология нашего исследования поэтапно описаны в главах 1 и 5.

помогли выявить значительные изменения в идейно-политических движениях современной России. В этом тоже заключается новизна предпринятого нами исследования. Более того, анализируя изменение дискурсов идеологических интернет-сообществ в период между «Русской зимой» и «Русской весной», мы обращаемся не только к происхождению современного политического режима и его общественной поддержки, но и к вопросу о роли более глубинных, социетальных трансформаций постсоветского периода развития.

Наблюдение за изменением дискурсов идеологических сообществ позволяет нам работать сразу по двум исследовательским траекториям в соответствии с «двуглавым» характером предмета нашего исследования и различием научных интересов членов нашего коллектива.

«Политологическая подгруппа» использует изучение дискурсов для выявления значимых перемен в современном политическом режиме, обращая особое внимание на независимые от воли людей инварианты социально-политического развития российского общества: циклический характер политической модернизации (волны модернизации и ретрадиционализации); порождаемое нынешней, очередной, волной стагнации ощущение «безвременья» и его прорыв; воспроизводство имперского наследия в мышлении и политике.

В ходе работы мы проверяем ряд гипотез о неустойчивом характере нынешней идейно-политической структуры российского общества. Мы полагаем, что идеологические расколы и союзы в современной России являются еще «сырыми», а формирование концептуальных ядер идеологий находится только в начальной фазе. Из этого вытекает наше предположение о том, что нынешняя композиция взаимоотношений между течениями (союз националистов и «державников», усилившаяся маргинализация либералов, резкое сжатие демократических движений в левом и националистическом сообществах

и др.) столь же неустойчива, как и предшествующие балансы политических сил — в 1990-е и 2000-е гг.

В сравнительно скором времени нас ожидают дальнейшие трансформации идейно-политических движений, и прогнозирование таких перемен, вернее, выработка концептуальной рамки для понимания этой трансформации, позволяющей делать прогнозы на будущее, — одна из задач данной книги. Для ее достижения мы предлагаем свою концепцию постимперского состояния российского общества. Мы попытаемся выявить истоки и механизмы политической инерции и того влияния, которое она оказывает на идеологическое разнообразие, создание политических идеалов, циркулирование ксенофобии в массовом сознании и формирование националистических проектов в современной России.

Одновременно с этим мы полагаем, что российское общество окончательно вышло из состояния полной деидеологизации. Иными словами, советское наследие тотального сплочения масс и идейного монизма преодолено. В процесс идеологического строительства включились самые разные общественные силы, при этом уровень реального, а не «запрограммированного» властями активизма чрезвычайно вырос по сравнению с советской эпохой. Искоренить существующие различия и расколы, даже в условиях весьма жесткого авторитарного режима, больше невозможно, однако ввиду существенных ограничений на публичное выражение идеологического разнообразия и в результате использования властями технологий мобилизации широких масс населения возможны весьма серьезные манипуляции массовым сознанием, что и продемонстрировала «Крымская кампания» 2014. Тем не менее манипуляторные возможности власти не безграничны, а уж осуществление имперского господства требует и вовсе огромных ресурсов на подавление оппозиции, сохранение существующего политического порядка и мифологизацию общественно-

го сознания. У России после краха СССР этих ресурсов в достаточном объеме просто нет, империя больше не существует, возможна лишь ее имитация.

Проецирование исследований интернет-дискурсов на эту этнополитическую тематику дополняется исследовательским фокусом, предложенным «интернетоведом» Галиной Никипорец-Такигава. Наряду с решением вопросов поиска дискурсов того или иного идеологического сообщества и разработки способов мониторинга и сравнительного анализа их динамики она формулирует и проверяет центральные для этой книги гипотезы о постсоветских идеологических идентичностях, степени резистентности российского общества и его способности к консолидации и мобилизации, характерах и мотивах протестной активности.

При этом выясняются особенности развития этих характеристик российского общества в эпоху и под влиянием киберинформации и киберкоммуникации. Несмотря на свой глобальный характер и то, что российский опыт имеет немало параллелей с нероссийским (эти параллели тоже проводятся в книге), Интернет испытывает давление местных общественных условий, в российском случае — авторитарного режима. Мы застали разные этапы выживания Рунета при этом режиме: от относительной свободы до ужесточающихся репрессий и все более настойчиво звучащих заявлений Кремля о необходимости строгой цензуры Интернета и его временных отключениях[1]. Подобные меры и обещания только подтверждают наши представления о немаловажной роли Интернета в социальных и политических процессах — и вся наша книга приводит множество тому доказательств и иллюстраций[2].

---

[1] Такие меры вводят в целях якобы обеспечения кибербезопасности страны, но на деле — как средство борьбы с протестной активностью россиян, потому что отключения предлагают проводить на время митингов.

[2] Вместе с тем мы постоянно проверяем релевантность выбора данных Интернета для выводов и прогнозов относительно общества

Структура книги

Книга состоит из двух частей. Первая часть объединяет главы, посвященные каждому из выделенных идеологических движений.

В **главе 1 «Конформисты 2.0: сторонники Путина, материк постсоветских людей или воображаемое большинство»** (Галина Никипорец-Такигава и Эмиль Паин) рисуется «портрет» провластной части российского общества, делаются выводы как о незрелости их идеологической платформы и идентичности, так и о возможностях диалога между ними и оппозиционным меньшинством. Эта же глава показывает методологический дизайн исследования, последовательно воспроизводимый в главах 1–4.

Глава 2 «Националисты 2.0: попутчики империи» (Сергей Простаков), после теоретического обзора и краткого описания исторической специфики русского националистического движения, на основе изученного материала демонстрирует, что националисты из авангарда оппозиции в эпоху «Русской зимы» вернулись к привычной стратегии попутчиков власти.

В главе 3 «Левые 2.0: с СССР навсегда» (Галина Никипорец-Такигава и Сергей Федюнин), где кратко охарактеризованы особенности российской «левизны» по сравнению с западной и проанализирован феномен рос-

---

и ту степень, в которой нарисованные нами «портреты» идеологических движений Рунета могут быть сопоставлены с развитием всего гражданского общества, в том числе и не представленного в Сети. В этом нам помогли не только данные соцопросов, приводимые в этой книге, но и регулярные опросы «Левада-Центра», которые подтверждают возможность судить по интернет-аудитории обо всем российском обществе. См.: *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 г.: истоки, динамика, результаты: доклад. Левада-Центр. 2012. Сентябрь. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport.pdf.

сийского левого популизма, исследуется дрейф левых в сторону просоветско-имперской ориентации на фоне смены эпох — от 2011–2012 гг. к «Русской весне».

Глава 4 «Либералы 2.0: осажденное меньшинство» (Сергей Федюнин), анализируя место российского либерализма в общеевропейской традиции, утверждает, что либеральный дискурс оказался не принятым в российском постсоветском обществе. Вместе с тем оговариваются некоторые возможности для восстановления утраченных навыков гражданской кооперации и политической роли отечественных либералов.

Вторая часть книги сосредоточена на российском обществе в целом. В **главе 5 «Протест 2.0 и "коллективный портрет" российского общества на фоне "Русской зимы"»** (Галина Никипорец-Такигава) предпринята попытка создать обобщенный образ россиян, каким он предстает во время массовых протестов.

Глава 6 «Российское общество в контексте "Русской весны": социологический анализ» (Лев Гудков) анализирует результаты, собранные в рамках социологических опросов по выделенным нами дискурсивным маркерам идеологической идентичности. В ней же представлен критический обзор других исследований «Левада-Центра», относящихся к тематике нашей книги.

Наконец, **глава 7 «Россия в плену имперского синдрома: о природе политической инерции»** (Эмиль Паин и Сергей Федюнин) ставит политологический «диагноз» российскому обществу и «назначает» способы лечения.

И наши слова благодарности

Наши исследования были поддержаны грантами фонда «Либеральная миссия», поэтому слова благодарности прежде всего адресуются Фонду. Благодарим всех

коллег, участвовавших в обсуждениях наших результатов по разным академическим поводам, а также внимательных рецензентов, которые помогли улучшить нашу книгу: профессора Высшей школы экономики, доктора философских наук, вице-президента фонда «Либеральная миссия» Игоря Моисеевича Клямкина и выпускающего редактора НЛО, кандидата филологических наук Евгения Александровича Шкловского. Мы очень признательны редактору НЛО Софье Тимофеевой за энтузиазм и профессионализм в работе над нашей книгой, за все точные замечания и предложения. Мы благодарим студентов-стажеров факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, принимавших участие в сборе материалов для предварительной стадии нашего первого проекта. Слова нашей искренней признательности также всем читателям, которые взяли в руки нашу книгу и на суд которых мы ее оставляем.

Галина Никипорец-Такигава и Эмиль Паин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Портреты российских идеологических течений от «Русской зимы» к «Русской весне»

ГЛАВА 1

КОНФОРМИСТЫ 2.0: СТОРОННИКИ ПУТИНА, МАТЕРИК ПОСТСОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ИЛИ ВООБРАЖАЕМОЕ БОЛЬШИНСТВО

Эта глава посвящена россиянам, поддерживающим В. Путина. Путинизм, а точнее, «конформизм» — не вполне идеологическое движение по сравнению с рассматриваемыми в последующих главах левым, националистическим или либеральным, и многие пропутински настроенные россияне затруднятся с определением идейно-политической идентичности. Отношение к Госдуме у исследуемой группы — насмешливо-презрительное, а к правительству «неолибералов» — скорее негативное. Их объединяет образ В. Путина как правителя России и гаранта по-разному понимаемой стабильности. Однако их главный идентификационный признак — осознание себя большинством. Выявленные нами дискурсивные основания провластной массы россиян во многом соответствуют теоретической модели «советского человека», предложенной Юрием Левадой и его последователями. Это, прежде всего, *конформистское единомыслие с правителем, общность коллективных фобий и предрассудков, а также убеждение в безальтернативности власти и порочности самостоятельного политического выбора*[1]. Многие из этих черт, на наш взгляд, имеют исторически более глубинную, досоветскую природу и сохраняются или целенаправленно воспроизводятся со времен империи Романовых (см. главу 7). В той или иной мере эти признаки

[1] См.: Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993; *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30; *Дубин Б.В.* Россия и соседи: проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения. 2005. № 1. С. 32–33 и др.

Рис. 1. Фотоколлаж, который воспроизводился сразу в нескольких пропутинских сообществах «ВКонтакте» 7 октября 2014 г.[1]

«имперского синдрома» характерны для всех четырех выделенных нами сообществ, но у «сторонников Путина» они представлены в наиболее концентрированном виде. Мы полагаем, что эта группа представляет собой материковый массив «советских людей», от которого в процессе идеологической диверсификации постепенно откалывались остальные идеологические течения. В силу этого рассмотрение «конформистов» открывает разговор о четырех основных идеологических течениях современной России. Сравнив данные Интернета с данными социологических опросов, мы приходим к выводу, что представления о пре-

[1] См., например: Россия | Russian Federation // ВКонтакте. 2014. 07.10. URL: https://vk.com/wall-55354262_68233. Коллаж создан из фото граффити на домах семи городов — подарка ко дню рождения В. Путина, см. подробнее: *Колесникова М.* Путину подарили на день рождения граффити «Спасибо» в семи городах России // Метро. 2014. 07.10. URL: http://www.metronews.ru/novosti/putinu-podarili-na-den-rozhdenija-graffiti-spasibo-v-semi-gorodah-rossii/Tponjg—rCh3LWgDizXPA/.

обладании сторонников Путина в российском обществе являются мифом. Изучив их дискуссии, мы делаем вывод о незрелости и неустойчивости их идеологической идентичности, но вместе с тем рассуждаем о возможности и путях диалога оппозиционного меньшинства российского общества с его воображаемым пропутинским большинством. Эта же глава показывает методологический дизайн исследования, последовательно воспроизводимый в главах 1–5.

Российский провластный конформизм и «человек советский»

Так называлась идеально типическая конструкция, предложенная Ю. Левадой для обозначения и соединения сложного набора характеристик, описывающих образ человека советской и постсоветской эпох. Она включала в себя как характеристики институционально регулируемого поведения, так и социокультурные образцы, паттерны поведения и ценностные ориентации. По мысли Левады, эта конструкция должна была находиться в ряду таких моделей, как «человек играющий», «человек экономический», «авторитарная личность» и т. д.[1] Подобные конструкции не привязаны к какой-то конкретной общности, будь то этническая или национально-государственная; их признаки предназначены для описания разных социумов и политий, включая и те, которые сложились в досоветскую эпоху. Мы еще покажем, что эти признаки хорошо сочетаются с другой теоретической конструкцией — «имперский синдром».

Терминология «нового советского человека» — строителя социалистического, а затем и коммунистического общества, равно как и соответствующая идеологема (мифологема), возникли в 1930-е гг. Нельзя утверждать, что

[1] *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Юрия Левады. С. 21.

эта идея была изобретена в СССР, поскольку подобного рода мифологемы были весьма характерны для тоталитарных режимов и аналоги идеи конструирования «нового человека» легко найти в Германии тех же 1930-х, а в Италии еще раньше — в 1920-е гг.[1] Однако только в Советском Союзе эксперимент по созданию «нового человека» и «нового общества» оказался столь длительным (итальянский и германский аналоги просуществовали около 20 лет, а советский — свыше 70 лет), что позволил социальному явлению закрепиться в культурной традиции, передаваемой на протяжении не менее двух поколений.

Л. Гудков относит первые попытки эмпирически описать советского человека к 1950-м гг. Они были представлены немецким социологом К. Менертом в его книге «Советский человек» (1958), малоизвестной у нас, но имевшей в свое время значительный резонанс в Западной Европе[2]. В 1971 г. появляется книга под тем же названием одного из официальных советских идеологов Г. Смирнова, породившая множество подражательных ей советских работ в области «научного коммунизма», представлявшего советского человека исключительно позитивно («мудрый», «отзывчивый», «коллективист», «оптимист»), чуть ли не как сверхчеловека. Ответом на это стали эмигрантские полупародии на образ советского человека (за авторством А. Синявского, А. Гениса и П. Вайля, А. Зиновьева)[3]. Так или иначе, все усилия советской пропаганды и советских ученых были сугубо умозрительными и сильно идеализированными, поскольку сама возможность охарактеризовать советского человека на материалах социологических иссле-

[1] См.: *Меерсон Б.М., Прокудин Д.В.* Лекции по истории Западной цивилизации (Лекция 5. Фашизм в Италии). М., 2004. URL: http://old.iro.yar.ru/resource/distant/society_sciense/internet/wst5.htm.

[2] *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Юрия Левады. С. 22.

[3] Там же.

дований появилась в СССР лишь в эпоху М. Горбачева. Тогда, весной 1989-го, под руководством Ю. Левады был начат исследовательский проект под названием «Советский человек», который стал первым в отечественной социологии эмпирическим исследованием на указанную тему. В том или ином виде оно повторялось в 1994, 1999 и 2004 гг., что позволило сравнивать полученные результаты и зафиксировать тренды[1].

Мы попытаемся кратко, и поэтому заведомо упрощенно, представить основные признаки «человека советского», ограничиваясь только теми из них, которые могут служить для теоретического объяснения образов, выявленных в нашем исследовании интернет-аудитории.

Конформизм. Человек советский формирует стратегию своего поведения по принципу «как все»[2]. Этот конформизм делает советского человека легкоуправляемым, манипулируемым, но лишь до определенной степени. Левада подчеркивал деиндивидуализированный, а вовсе не коллективистский характер этого образа. Коллективизм, при всем разнообразии его трактовок, предполагает взаимодействие, взаимопомощь, но как раз таких свойств не наблюдалось в поведении советского и постсоветского человека. Он склонен к единомыслию, но не к совместному действию; его единство с властью пассивное, это единомыслие зрителей, болельщиков, но не соучастников действия. Такой набор характеристик свидетельствует, по мнению Левады, «скорее об определенной принадлежности человека к системе ограничений, чем о его действиях»[3]. Именно описанный тип поведения мы увидели в период так

---

[1] Там же.

[2] Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. С. 8.

[3] Там же. С. 24.

называемой «Русской весны», в 2014 г., когда чем чаще люди узнавали о том, что большинство поддерживает власть, тем больше увеличивались показатели пассивной поддержки респондентами ее действий, что и фиксировалось в социологических опросах. Однако на демонстрации в поддержку власти этих «единомышленников» приходилось свозить в Москву на автобусах из других регионов.

Этатизм. Левада и это свойство относил к основным чертам советского человека. Типичные советские люди, так же как и их постсоветские наследники, не могли и не могут представить себе ничего, что находилось бы вне государства. При этом образ государства носил и носит мифологический, сказочный или былинный характер. Люди плохо различают границы интересов, функций, возможностей государства и общества; государства как власти и государства как страны. Большинству людей данного типа совершенно чужда идея разделения властей, поэтому власть — это правитель, название которого несущественно (царь, генеральный или первый секретарь, президент). Современные представители вида «человек советский» не обязательно считают, что «власть от бога», но так же, как и их собственно советские предшественники, уверены в безальтернативности власти.

Патернализм. Государство в представлении человека советского должно заботиться о нем. Он крайне скептически относится к негосударственным учреждениям медицины, образования, науки, экономики и т.п. Это человек, зависимый от государства, привычно ориентированный на социальный контроль, который исходит только от государства. При этом этот же человек не доверяет государству в бытовых вопросах, ожидая от него всяческих подвохов, старается уклониться от прямых взаимоотношений с представителями власти и тем более от повинностей государству, а также счи-

тает себя вправе подворовывать у государства, недоплачивать ему в виде налогов, относиться к закону как к «дышлу», которое поворачивается в любую сторону. «Власть пытается манипулировать населением, так и население, в свою очередь, управляет государством, пользуясь его ресурсами, покупая его чиновников для своих нужд»[1].

Редукционизм. В данном случае под этим термином понимается избегание сложностей, упрощенность суждений, сведение их к шаблонам, к простейшим стереотипам. Простой советский человек «вынужден и приучен следовать и принимать в расчет только очень упрощенные, даже примитивные образцы и стратегии существования, но принимать их в качестве безальтернативных ("немногое, но для всех")»[2].

Негативная консолидация. Человек советский — выходец из милитаризированного репрессивного общества, а потому его консолидация связана с противостоянием образам врагов, внутренних и внешних.

«Человеку советскому» свойственно представление «об исключительности, или особости, "нашего" (советского, русского) человека, его превосходстве над другими народами или, по меньшей мере, несопоставимости его с другими»[3]. Вместе с тем это чувство превосходства может сочетаться с комплексом неполноценности, с самобичеванием, выражающемся в эпитетах «мы рабы» или «у нас рабское сознание». Впрочем, подобная риторика больше характерна не для провластных конформистов, а для либералов, которые с пристрастием обсуждают рабское сознание российского общества (подробнее в главе 4).

---

[1] *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Юрия Левады. С. 22.
[2] Там же. С. 23.
[3] Там же. С. 22.

По мнению Ю. Левады и его последователей, названные (и некоторые другие) свойства человека советского можно считать «типичными» даже в том случае, если они характерны не для абсолютного большинства, а хотя бы для 40 % всего населения[1]. Сегодня консервативное единомыслие с властью демонстрирует существенно бóльшая доля россиян. Президент Путин служит для них олицетворением власти как таковой, государства как целого. И если к сторонникам Путина в декабре 2011 г., на момент начала «Русской зимы», могло быть отнесено, согласно данным социологов о рейтинге президента, менее половины россиян, то в разгар «Русской весны» — 83–88 %[2]. Эта цифра, скорее всего, не отражает реальности[3], и ее методологическую чистоту мы обсудим позже, тем не менее, сколько бы ни было на самом деле сторонников власти, они осознают себя абсолютным большинством и присваивают себе право говорить от имени большинства или даже «всего российского народа».

Частично такая уверенность является результатом обработки населения при помощи старых и новых технологий цензуры и пропаганды, сворачивания проекта демократизации России в виде планомерной «зачистки» информационного пространства и сужения представлений о свободе слова. С другой стороны, она же отражают внутреннее состояние общества и многие признаки его нездоровья и неблагополучия, показав-

---

[1] *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Юрия Левады. С. 25.

[2] *Опалев Р.* Рейтинг Путина начал снижаться впервые с начала года // РБК. 2014. 28.10. URL: http://top.rbc.ru/politics/28/10/2014/544e386ccbb20f033baa0ed8; *Петров В.* Деятельность Владимира Путина одобряют 88 процентов россиян // Российская газета. 2014. 29.10. URL: http://www.rg.ru/2014/10/29/opros-putin-site-anons.html.

[3] См. о сомнениях в достоверности подсчетов и/или о наивном восприятии данных соцопросов: *Рогов К.* Правда ли, что 83 % россиян поддерживают Путина? // Forbes. 2014. 11.09. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo.

шиеся уже в непропорционально агрессивной реакции на протестные акции «Русской зимы» и окончательно обнажившиеся весной 2014 г.

Данная книга в целом и каждая ее глава в отдельности есть попытка «прорисовать» это внутреннее состояние российского общества. В соответствии со второй задачей книги мы ищем его черты в саморепрезентациях россиян в Интернете — и в этой главе, открывающей наше исследование современных российских идеологических движений, подробно поясняются этапы, методы и инструментарий работы с интернет-данными, общие для эмпирических частей глав 1–4.

Материал и методы, использованные в главах 1–4

Поиск материала

Основным методом для создания «портрета» каждого из четырех рассматриваемых в книге идеологических движений стал количественный и качественный контент-анализ и дискурс-анализ дискуссий его представителей в Интернете. Для этого нужно было найти на карте Рунета подходящий материал — площадки для дебатов либералов, националистов, левых и путинистов, которыми они пользуются не спорадически, а регулярно, через которые они организуются и консолидируются, посредством которых ведут идеологические споры и размещают свои лозунги. Все четыре дискурса должны были быть полно представлены в одном жанре социальных медиа, так как это позволило бы обеспечить возможность статистического сравнения. Мы сразу предположили, что такой площадкой может быть или Живой Журнал в силу своей разнообразной направленности и статуса «ветерана» среди социальных медиа, или наиболее популяр-

ная российская социальная сеть «ВКонтакте»[1]. Чтобы сделать между ними выбор, мы сравнили встречаемость в них ключевых для каждого из изучаемых идеологических движений слов, назвав их «дискурсивными маркерами идеологических идентичностей»[2].

Предварительный список ожидаемых маркеров в виде N-граммов длиной от одного (например, «рукопожатный») до трех («продажный пособник запада») был сформирован на основе представлений политологов, участвующих в наших проектах, о специфических риторических приемах и языковых средствах, создаваемых нашими героями для идентификации «мы» и «другие» (идеологические оппоненты, враги, противники), а также об их главных политических лозунгах. Выбор маркеров дополнялся и при мониторинге разных новых и старых медиа.

Сравнив частотность упоминания групп этих маркеров в ЖЖ и «ВКонтакте»[3], мы выяснили, что ЖЖ является преимущественно площадкой для либералов: наши надежды увидеть там аналитические тексты, конструирующие и развивающие идеологию разных течений, не оправдались. К тому же ЖЖ быстро маргинализировался, из него «уходили» многие интересные нам «герои» нашей книги — не склонные к писанию и чтению длинных блогов, но активно участвующие в коммуникации при помощи более краткого, оперативного, сиюминутного, но

---

[1] «ВКонтакте» занимает второе место в рейтинге сравнительной популярности интернет-ресурсов в России, уступая только Яндекс.ру, см.: Top sites in Russia. Alexa Bulletin (2014). URL: http://www.alexa.com/topsites/countries/RU.

[2] См. Приложение 1.

[3] Помимо Интернета, дискурсивные маркеры идеологической идентичности учитывались и в соцопросах, при помощи которых мы пробовали выяснить удельный вес каждого из выделенных нами идеологических течений в российском обществе и их сравнительную популярность (см. главу 6).

не менее важного контента. По сравнению с ЖЖ «ВКонтакте» оказался более плюралистичным и демократичным жанром, в котором одинаково активно и охотно создают сообщества на основе любых, в том числе важных для нашего исследования идеологических, идентичностей. В конечном счете мы отказались от ЖЖ в качестве основного материала и привлекали его только для изучения «лидеров» (авторитетных авторов, *opinion formers*, «элиты», как мы называем их на разных страницах нашей книги) и «героев» либерального дискурса (глава 4).

Формирование выборки

Выборкой послужили по три самых массовых сообщества «ВКонтакте» из всех тех, которые нам удалось идентифицировать как левые, националистические, либеральные и пропутинские (конформистские)[1]. Из всех их записей мы создали параллельные подкорпусы из 600 сообщений: по сто для каждого из трех сообществ за два выбранных временных среза — в разгар «Русской зимы» (сплошная выборка по 30 сентября 2012 г. включительно) и на волне «Русской весны» (по 31 мая 2014 г. включительно).

Методы

Созданные коллекции были подвергнуты качественному и количественному контент-анализу. Анализируя каждое сообщение, мы одновременно собирали сведения о специфических для коммуникации внутри

[1] Для создания выборки мы изучали перекрестные ссылки (в списках «Ссылки» на стене сообществ и в самих сообщениях), количество участников, рейтинги и т. д. Все данные и краткая характеристика с указанием гендерного и возрастного кластеров содержатся в каждой соответствующей главе, а также в Приложении 2.

идеологических движений языковых и метаязыковых средствах и приемах визуализации (фото, плакаты, демотиваторы), изучали профили участников сообществ. Совокупность этих данных позволила внести дополнительные штрихи в создаваемый идеологический «портрет» российского общества. Каждое сообщение индексировалось тремя кодировщиками; по результатам независимого индивидуального кодирования выводился общий индекс. Главные семантические гнезда и система категорий разрабатывались дедуктивно на основе ряда предыдущих исследований[1] и расширялись в ходе работы. Тем же методом мы воспользовались для того, чтобы собрать весь «пазл» и описать групповой «портрет» российского общества на материале Твиттера во время массовых митингов, в offline-части которых была задействована вся оппозиция независимо от разницы в идеологических позициях, а в online-режиме — как оппозиция, так и провластные россияне (глава 5). Ниже следует перечень выделенных категорий.

Категории для контент-анализа

«Идеология»

Записи, объединенные в этой категории, связаны с выражением одобрения (позиции «про-» — выражение симпатий, поддержки, солидарности) и неодобрения («анти-» — выражение фобий, ненависти,

[1] *Nikiporets-Takigawa G.* Tweeting the Russian Protests // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2013. No. 9. P. 1–25. URL: http://www.digitalicons.org/issue09/files/2013/06/DI_9_1_Nikiporets.pdf; *Eadem.* Protest 2.0: Through Networked Negative Consolidation to Participation: Why Russian Manezhka Cannot Become Ukrainian Maidan // Russian Journal of Communication. Vol. 6. 2014. No. 3. P. 246–259.

неприятия), потому что, как показал контент-анализ дискурсов интернет-сообществ, именно выражение одобрения и неодобрения часто подменяет выработку идеологии в российском контексте идеологического размежевания. Внутри всего конгломерата «идеологических» сообщений выделяется более 30 субкатегорий, в том числе:

- пророссийские = проимперские (как мы обсуждаем ниже, «проимперские» является подкатегорией «пророссийских»; к этой же субкатегории относится выражение одобрения в отношении российского народа);
- провластные и антивластные (объектом этого рода сообщений является не только В. Путин, но и власть и ее попутчики, российский политический режим, его элементы и следствия, окружение Путина и т. д.);
- прозападные (в которых выражается поддержка Запада, а также того, что рассматривается как западные ценности — либерализма, толерантности и т. д.) и противоположные им антизападные;
- проМайдан (сообщения, одобряющие новую украинскую власть, Майдан как символ национально-демократической революции и гражданско-политического движения в 2014 г.) и соответственно антиМайдан;
- проДНР–ЛНР (сообщения, выражающие поддержку «народных» республик и деятельности их властей на востоке Украины в 2014 г.);
- ЗОЖ (сообщения, пропагандирующие достоинства «здорового образа жизни», об этой субкатегории подробно рассказывается в главе 2);
- антиимпериалистические (сообщения против олигархов, капиталистов, «буржуев» и богатых);
- антилиберальная оппозиция (сообщения, выражающие неодобрение в адрес российской либеральной оппозиции).

Полный список субкатегорий, примененных для контент-анализа, указан в сводной таблице Приложения 3.

«Действие»

К этой категории относятся записи, которые касаются организации, самоорганизации, политической активности, мобилизации, участия, например приглашения выйти на митинги, призывы подписать петицию, распространить информацию, поучаствовать в коллективном мероприятии (например, «русской пробежке»), проголосовать за Путина, а также отчеты о личном или коллективном участии в этих действиях и подобные.

«Информация»

Информационные записи передают новости, факты, описание реальности, не выражая при этом оценки и сохраняя нейтральную позицию.

«Иное»

Все, что не подлежит кодированию в соответствии с выделенными категориями, а также нерелевантный спам.

Интернет-образ российского конформизма

Характеристика исследованных сообществ

Описанная методика была прежде всего применена к описанию того идеологического движения, которое

мы назвали конформистским. Интернет-образ российского конформизма был изучен на материале трех следующих сообществ:

- «СЛАВА РОССИИ!!! ПУТИН-НАШ ПРЕЗИДЕНТ!!!» (далее — «Слава России...»), http://vk.com/putin_nash_prezident;
- «Мне реально нравится Путин!», http://vk.com/putin;
- «Сеть сторонников Путина Владимира Владимировича» (далее — «Сеть сторонников Путина...»), http://vk.com/storonnikiputina.

Количество участников во всех сообществах довольно равномерно прирастало на треть в год; это главным образом люди до 30 лет, среди которых преобладают мужчины, и только в сообществе «Слава России...» женщин больше, чем мужчин (причем это единственный пример для всех исследованных в книге идеологических сообществ в «ВКонтакте»[1]).

Идеология — главная тема интернет-дискуссий российских конформистов

Как мы видим из таблицы, обобщающей результаты контент-анализа[2], сообщения путинистов главным образом касаются идеологии (51 % объема контента в 2012-м и 77 % в 2014 г.). За этим следует обсуждение действий (21 % и 8 %); информационных сообщений существенно меньше (16 % и 13 %), и их количество не зависит от смены политических эпох (разница в значениях для 2012 и 2014 гг. составляет только три пункта, в отличие

[1] См. Приложение 2.
[2] См. Приложение 3.

от резкой разницы в показателях для «идеологизированных» и «организационных» сообщений).

Выражение неодобрения имеет в основном два адресата — Запад и отечественный либерализм.

Антилиберальные высказывания: российский либерал как главный внутренний враг конформиста

Под оппозицией «конформисты» имеют в виду либеральную оппозицию, практически обходя вниманием факт присутствия в ней левых и националистов, критика которых раздается из уст конформистов крайне редко. Главным внутренним врагом для конформиста является именно российский либерал, кому, по наиболее популярным в Интернете выражениям провластных россиян, «заплатит (или уже заплатил) госдеп США»[1], кто поддерживает США и НАТО по «идейным соображениям», кто желает «развалить рашку, а потом свалить отсюда», «устроить в России гражданскую войну как в Ливии», кто является «пятой колонной», обвиняет Путина в собственных несчастьях и безоговорочно поддерживает Майдан, украинскую власть и западную проукраинскую позицию в украинско-российском кризисе. Последние пункты расширили список преступлений «пятой колонны» перед Россией и российским народом, но в остальном путинисты используют те агрессивно-уничижительные слова, которыми начали именовать либералов во время Оранжевой революции и российских протестных движений Русской зимы[2]. Действия

[1] Здесь и далее в таких случаях цитируются сообщения в «ВКонтакте» различных пользователей, если не указано иного. В цитатах всюду сохраняется орфография и пунктуация авторов.

[2] См. подробнее: *Никипорец-Такигава Г.Ю.* О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте; *Nikiporets-*

России в Украине в 2014 г. всего лишь добавили новый объект отрицания, предложив вместо российской либеральной оппозиции (критические высказывания в ее адрес составляют 19 % всех исследованных текстов) более многочисленного и очевидного врага в виде украинской власти и Майдана (32 %).

Антиамериканские сообщения: США — главный внешний враг

Если в 2012 г. встречались обвинения как в адрес обобщенного Запада (3 %), так и в адрес США (2 %), то два года спустя не Запад, а именно США (8 %) стали главной мишенью критики. США считают автором украинских событий и антироссийской позиции Запада, в частности европейских санкций, поэтому антиамериканские сообщения лидируют среди тех, которые обращены против различных «лиц» Запада (2 % собственно антизападных сообщений, 1 % антиевропейских и 8 % — антиамериканских в 2014 г. по сравнению с 3 %, 2 % и 1 % в 2012 г.). При этом критика обобщенного образа Запада встречается значительно (в четыре раза) реже, чем выпады конкретно против США, которые в основном касаются одного и того же и для «Русской весны», и для «Русской зимы» круга тем: США — «спонсор мирового террора»[1], развязавшие войну против Сербии, Сирии и ненавидимые всеми странами, кроме ЕС[2].

Takigawa G. Tweeting the Russian Protests; *Fedor J., Nikiporets-Takigawa G.* What's the Colour of Russian Protest? // East European Memory Studies Newsletter. No. 10. 2012. P. 6–13.

[1] Название сообщества в «ВКонтакте» (233 899 подписчиков, URL: http://vk.com/anti_usa_news), на которое регулярно ссылаются все исследованные сообщества путинистов.

[2] К США есть и другие претензии, см., например, утверждения, что США — это «крупнейший мировой олигарх», которые «должны боль-

Пропутинские сообщения

Среди выражений одобрения бóльшую часть составляют те, которые имеют адресатом президента Путина. Сакрализация его фигуры является главной позитивной ценностью, скрепляющей дискурс российского провластного сообщества, проходит сквозь всю коммуникацию и постулируется в групповых самоописаниях:

> Нас объединяет уважение к Владимиру Владимировичу Путину — лидеру, политику, спортсмену и настоящему мужчине. Наша группа не имеет никакого отношения ни к одной политической организации.
>
> Мы не ставим никаких целей, не занимаемся агитацией и никого ни в чём не убеждаем. Мы хотим подчеркнуть, что эта группа именно для людей, которые относятся с симпатией к Путину.
>
> Приглашаем единомышленников принять участие в опросах, конкурсах и обсуждениях! P.S. И помните всегда: при Путине стена ВКонтакте была!)))[1]

Даже прямо не декларируя задачу популяризации образа вождя, все сообщества решают именно ее, при этом оперируют очень небольшим набором фреймов, первым из которых является «супермен — “мачо” с “твердой рукой”, держащий подчиненных в “ежовых рукавицах”, герой-одиночка, с многообразными талантами и человеческими достоинствами», а вторым — «великий мировой лидер, гарант мира, стабильности и экономического процветания».

ше 2000 долларов каждому жителю планеты Земля» (Сеть сторонников Путина... // ВКонтакте. 2012. 13.06. URL: http://vk.com/wall-34455756_11846), и другие.

[1] Из описания сообщества «Мне реально нравится Путин!»: URL: https://vk.com/putin (дата обращения: 14.08.2014).

1. Супермен-«мачо», «твердая рука» и «ежовые рукавицы», герой-одиночка, но и «на рояле может сыграть»

«Мачо». Первый фрейм состоит в демонстрации маскулинности, силы, хорошей спортивной формы, отличного здоровья президента[1].

Все это приходится как нельзя более по вкусу конформистам: фотосессии президента, которые показывают его в образе мачо (рис. 2), собрали рекордное для провластных сообществ ВК количество лайков (621).

«Твердая рука» и *«ежовые рукавицы»*. Кроме того, Путин рисуется строгим руководителем при помощи иллюстраций разных рабочих эпизодов с комментариями, помогающими донести приблизительно такой месседж: «Путину приходится работать среди политического “балласта”, “бездельников” и потешных “говорунов” (таких как В. Жириновский[2]) в Думе и в правительстве, но он их держит в “ежовых рукавицах”». Так, комментарий над фотографией мягко и дружелюбно улыбающегося Путина объясняет, что на самом деле Путин никого не хвалил, а объявил выговор трем министрам, причем

---

[1] По-видимому, чтобы развеять возможные сомнения, что Путину не хватит энергии править Россией. Подобный пиар-ход широко применяется и в других СМИ. Например, «РИА Новости» опубликовало интервью с личным врачом Путина, где он рассказывал, что состояние здоровья Путина «значительно моложе своих лет». По мнению эксперта, приведенному после интервью, «такими заявлениями подается определенный сигнал о том, что центр принятия решений по-прежнему находится в администрации президента, в Кремле и, соответственно, первое лицо как тот гарант, который может принимать решения, находится в отличной форме». См.: Врач Путина раскрыл тайну его моложавости – спорт, чай с медом, баня и массаж // РИА Новости. 2013. 05.08. URL: http://www.newsru.com/arch/russia/05aug2013/putin_2.html.

[2] См., например, демотиватор, на котором изображен Путин, со снисходительной улыбкой смотрящий на выступающего Жириновского (Мне реально нравится Путин! // ВКонтакте. 2012. 04.09. URL: http://vk.com/wall-23469754_91365).

Рис. 2. Из сообщества «Мне реально нравится Путин!», 25 мая 2014 г.[1]

такое сочетание путинской улыбки с невегетарианской ситуацией встречается неоднократно. Или же, например, разными сообществами перепечатывается фото из зала заседания Госдумы с пустыми креслами и тремя скучающими в них заседателями[2]. Но сколько бы ни крити-

[1] URL: http://vk.com/wall-23469754_197363. Такая же фотография появилась в сообществе «Слава России...» 26 мая 2014 г. (URL: http://vk.com/wall-20010328_68160), собрав 375 лайков (на 17 августа 2014 г.).
[2] Мне реально нравится Путин! // ВКонтакте. 2012. 28.09. URL: https://vk.com/wall-23469754_95028.

ковали свиту, Путин находится вне критики, чтобы соблюдать «монархический ритуал» и важнейшее условие легитимности — «эксклюзивность царя»[1].

Герой-одиночка. На фоне своей нерадивой свиты «царь» предстает героем-одиночкой, мудрым[2], могучим и добрым, как былинный богатырь Илья Муромец, как мы видим из постоянных аллюзий в визуальном ряду, посвященном как Путину, так и России[3], — и все это вместе помогает затвердить мантру о полной незаменимости Путина «Если не он, то кто???!!!!».

И «на рояле может». Помимо Путина в образе воина, хоккеиста, дзюдоиста, обслуживающего упомянутый выше фрейм «мачо», тот же самый фотоколлаж на рис. 2 подчеркивает многогранность личности при помощи фото, запечатлевшего Путина, играющего на рояле[4].

---

[1] «Пока существует легитимный царь, в России революции не происходят. А легитимность определяется монархическим ритуалом, то есть соблюдением трех важнейших условий. Первое — эксклюзивность царя. У него не должно быть прямых соперников в политическом пространстве. Второе — непогрешимость монарха. То есть можно критиковать все что угодно — его политику, его назначенцев, но только не его самого лично. И третье — трансцендентность монарха, то есть его принципиальное пребывание выше закона и демократических процедур. И соблюдение этих условий зависит от самого Путина». См.: *Белковский С.* Путин в логике велосипедиста // Газета.ру. 2014. 27.07. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/07/26_a_6146541.shtml.

[2] «Путин никогда не принимает решения, просчитанные оппонентами, Путин ничего не делает спонтанно. Все его шаги взаимосвязаны и просчитаны. Бывает, что и на годы вперед» — гласит одна из записей в сообществе «Мне реально нравится Путин!» (ВКонтакте. 2014. 22.05. URL: http://vk.com/wall-23469754_196579).

[3] См., например: Мне реально нравится Путин! // ВКонтакте. 2012. 5.09. URL: http://vk.com/wall-23469754_91571; Слава России... // ВКонтакте. 2014. 20.05. URL: http://vk.com/wall-20010328_67392.

[4] На фото запечатлен эпизод 11 декабря 2010 г., когда Путин, к большому изумлению аудитории, захотел спеть и сыграть на рояле «С чего начинается Родина» (URL: http://www.ntv.ru/novosti/213138). Результат получился более чем посредственный, и Путин честно оценил

«Земной» и «человеческий» образ Путина дорисовывают собаки на том же коллаже[1], а на симпатии «конформисток» рассчитано фото «на рыбалке». Популяризируются также высказывания Путина по разным поводам, например: «Рассуждения Владимира Владимировича о фастфуде и культуре. Интересно, всем читать» или «Путин о легионерах в футболе: сам иногда поругиваюсь, но есть и плюсы»[2]. Последнее высказывание и подобные ему, затрагивающие спортивные сюжеты, рассчитано на футбольных фанатов, с которыми Путин пытается найти общий язык с момента их выступлений на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г.

2. Великий мировой лидер, гарант мира, стабильности и экономического процветания

«Путин защитит мир от террора США НАТО ЕС Евросоюза», «Путин победитель и спаситель», «Путин самый уважаемый в мире президент» — такого рода выска-

---

свои музыкальные способности как отсутствующие, но рамка фотографии стирает все эти нежелательные подробности из памяти, пытаясь зафиксировать одну главную и положительную — присутствие у президента «высокой культуры и образования» как традиционных поводов для российской национальной гордости.

[1] Фотографии Путина в компании какой-нибудь живности многочисленны, см., например: Сеть сторонников Путина... // ВКонтакте. 2012. 10.03. URL: http://vk.com/wall-34455756_11582; Там же // ВКонтакте. 2012. 28.02. URL: http://vk.com/wall-34455756_8551.

[2] Мне реально нравится Путин! // ВКонтакте. 2012. 26.09. URL: http://vk.com/wall-23469754_94779; http://vk.com/wall-23469754_94623. Читателей меньше, чем зрителей, судя по количеству лайков; так, например, призыв «всем читать» нашел отклик (к декабрю 2012 г.) только у одного участника сообщества. Вообще чтение — менее популярная форма участия в сообществе, чем рассматривание фотографий и кликанье по опции «нравится». Но это имеет отношение не только к провластным россиянам Рунета, но и к интернет-пользователям в целом.

Рис. 3. Из сообщества «Слава России...», 31 мая 2014 г.[1]

зывания, в том числе фигурирующие в виде подписей под фото и демотиваторами, укрепляют уверенность сторонников власти в том, что Путин — признанный в мире лидер и автор российского благополучия и процветания.

[1] URL: http://vk.com/wall-20010328_68849.

Пророссийские сообщения

Вторым объектом одобрения является Россия — как общество и государство. Во время «Русской зимы» пророссийские высказывания встречались реже, чем пропутинские (7 % по сравнению с 15 % от общего объема дискурса), так как в этот период вся энергия сообществ была сосредоточена на предвыборной кампании президента. «Русская весна» не отменила необходимости хвалить президента, тем не менее эта цель была отодвинута на второй план (6 % пропутинских высказываний), а на первый вышла тема прославления России (12 %) и пророссийского сепаратизма на востоке Украины — так называемых ДНР—ЛНР (12 %). Квазигосударственные образования на востоке Украины воспринимаются в провластном дискурсе конформистов как дружественный России проект. В целом фреймы прославления России перекликаются с таковыми в отношении ее лидера: снова первый из них касается превосходства России как супердержавы, а второй — ее влияния на мировой порядок в качестве гаранта мира и великой страны.

1. Супердержава – военная мощь, экономическое процветание, стабильность, «впереди планеты всей»

Военная мощь. Первым из таких фреймов, в пандан к мачо-президенту, является необыкновенная мощь страны, выражаемая в военных успехах, в том, что «броня по-прежнему крепка и танки быстры»[1].

Экономическое процветание, стабильность и мировое лидерство. Еще одним важным фреймом дискурса провластного интернет-сообщества является обсуждение разных

[1] Мне реально нравится Путин! // ВКонтакте. 2012. 27.09. URL: http://vk.com/wall-23469754_94971.

экономических достижений (низкий внешний долг, Европа, якобы просящая денег взаймы у России, рост ВВП и т. п.) и «стабильности» по сравнению с 1990-ми гг. Для доказательств мирового лидерства российского государства конформисты используют свою крепкую память на советские достижения и такую же амнезию на лишения, связанные с жизнью в СССР. Как мы видим, аллюзии на советское прошлое пронизывают их тексты. Так, например, они откликаются на День пограничника 28 мая (как это делают и националисты, и левые) при помощи плаката, где помимо классического сурового пограничника изображен пограничный столб с двумя гербами — российским и советским[1]. Впрочем, отклик на другой советский праздник — День пионерии (при помощи приглашения проголосовать за возможность возродить пионерию с предупреждением: *«Друзья!!! Вспомним прошлое... ТОЛЬКО НИКАКИХ БИТВ НА ПОЧВЕ "ТОГДА БЫЛО КЛАССНО – ТОГДА БЫЛО УЖАСНО" !!! :)))»* — и просьбой поставить лайк, если *«помнишь»*, и сделать перепост, *«если хочешь возродить»*) — подсказывает, что в рядах конформистов есть как ностальгирующие по советскому прошлому («тогда было классно»), так и его яростные недоброжелатели («тогда было ужасно»[2]). Антизападные высказывания в сообществах провластных конформистов также реанимируют советский словарь и стиль высказывания: «В ряду стран третьего мира пополнение — США»[3]. Еще

---

[1] Слава России... // ВКонтакте. 2014. 28.05. https://vk.com/wall-20010328_68461. К плакату прилагалась ссылка на песню группы «Белый орел» с припевом: «А в чистом поле система "Град", за нами Путин и Сталинград», возводящим Путина в статус, тождественный центральному идентификационному ориентиру постсоветских россиян, связанному с Великой Отечественной войной (дата обращения: 25.06.2014).

[2] Мне реально нравится Путин! // ВКонтакте. 2014. 31.05. URL: http://vk.com/wall-23469754_199286.

[3] Слава России... //ВКонтакте. 2014. 25.05. URL: http://vk.com/wall-20010328_68035.

более ретросоветский пример выражает сочувствие афроамериканцам в Далласе. Другой пример советской стилистики и ностальгии встречается в перепосте записи И. Варламова в ЖЖ о получившем премию архитектурной биеннале в Венеции—2012 российском павильоне, посвященном научному центру «Сколково». К этой нейтральной записи завсегдатая всех белоленточных митингов и блогера (zyalt в ЖЖ) Варламова сделана приписка:

> Особо хочется отметить выдающегося советского спеца, выращенного именно в советское время, олицетворяющего и являющегося одним из тех спецов-технарей, которые уже 21 год с развала советской системы держат на своих плечах всю Россию. Это куратор указанного Павильона 35-летний Сергей Кузнецов, назначенный на прошлой неделе главным архитектором Москвы[1].

То есть конформисты раздвигают российские границы до советских, советские достижения отождествляют с российскими и Россию воспринимают как прямую (и единственную) наследницу советской славы.

2. Великая страна, гарант мира

В дискурсе провластного сообщества Россия предстает не только активным игроком на мировой арене, но и «гарантом мира». С одной стороны, подчеркивается миротворческий, с точки зрения конформистов, характер внешней политики России (прежде всего инициатива Путина против военного вмешательства в сирийскую

---

[1] Мне реально нравится Путин! // ВКонтакте. 2012. 2.09. URL: http://vk.com/wall-23469754_91282. Автор этой приписки погрешил против истины, так как Кузнецов 1977 г. рождения и учился в МАрхИ в 1995–2001 гг.

гражданскую войну). С другой стороны, Россия представляется альтернативным Западу геополитическим полюсом. В этом свете вмешательство в украинский конфликт оправдывается антизападнической риторикой, а заключение газового контракта с Китаем в мае 2014 г. интерпретируется как создание нового союза.

Новый дискурс «Русской весны» — в поддержку ДНР—ЛНР

Как мы уже упомянули, помимо прославления России, «Русская весна» 2014 г. добавила новую популярную тему в обсуждения конформистов — в поддержку так называемых Донецкой и Луганской народных республик. В количественном отношении эта тема оказалась настолько же популярной, как пророссийские высказывания (12 %). Для сторонников власти российская империя и Путин во главе ее — идеал государственного устройства. В связи с этим судьба жителей востока Украины, Крыма, будущее соседней, «братской» страны не обсуждаются, но стремление самопровозглашенных лидеров «ополченцев» оказаться в России, символически предстающей в образе совмещенной Российской империи с СССР, воспринимается с энтузиазмом и благодарностью.

Действие: от поддержки Путина до призывов поддерживать ДНР—ЛНР

Доля организационно-мобилизационных сообщений, побуждающих к действиям или повествующим о них, 15 % за 2012 и 2014 гг., уступает националистам и левым (27 % и 26 % соответственно, см. подробнее в главах 2 и 3), но превосходит уровень организации либералов (в среднем — 9 %, см. главу 4). Во время «Русской зимы»

сообщества конформистов работали на обоснование легитимности избрания Путина президентом, в противовес массовым акциям протеста. В 2014 г. сообщения организационно-мобилизационного характера встречаются почти в три раза реже, но все они носят один и тот же характер — это призывы поддерживать ДНР–ЛНР. Из фанских сообществ, рассказывающих о достоинствах своего героя-Путина, на волне «Русской весны» сообщества конформистов превратились также в центры поддержки, организации и координации помощи ДНР и ЛНР[1]. Немедленно после начала украинских событий на стене сообщества «Сеть сторонников Путина...» появился Яндекс-кошелек и просьба собирать деньги, потому что «сейчас ВОЙНА на уничтожение России». С ним соседствуют обращения «ополченца» Бабая, в которых он резко критикует всех «славян» («Вы, которые лежите на диване») и призывает их на борьбу с украинской армией («жду вас в ополчении Славянска, Луганска, Харькова и Киева тоже»). Многие сообщения содержат призывы не только оказывать финансовую помощь, но и принимать у себя дома раненых бойцов, распространять «правдивую информацию», собирать средства, рекрутировать добровольцев в народные дружины, «экипироваться и помогать деятельности Дружины» или же помогать финансово, технически и информационно для запуска патрулей по городу в защиту от «приезжих боевиков — бандеровских русофобов», «бардака и разрухи, которую могут принести в наш любимый город заезжие экстремисты».

---

[1] «Друзья!!! Мы отыскали настоящих ополченцев и нам переслали видео с просьбой о помощи Донецкой народной республике. Остальные просьбы о помощи ополченцам ДНР в 99% СЛУЧАЕВ ЯВЛЯЮТСЯ МОШЕННИЧЕСТВОМ !!! ПОМОЖЕМ НАШИМ БРАТЬЯМ, БОРЮЩИМСЯ ЗА СВОИ ПРАВА С ОРУЖИЕМ В РУКАХ!!! (ЕСЛИ СКИНЕМ ХОТЬ ПО 10 Р. ТО УЖЕ ПОМОЖЕМ НЕ ПЛОХО!!!)» (Мне реально нравится Путин!. // ВКонтакте. 2014. 21.05. URL: http://vk.com/wall-23469754_196191).

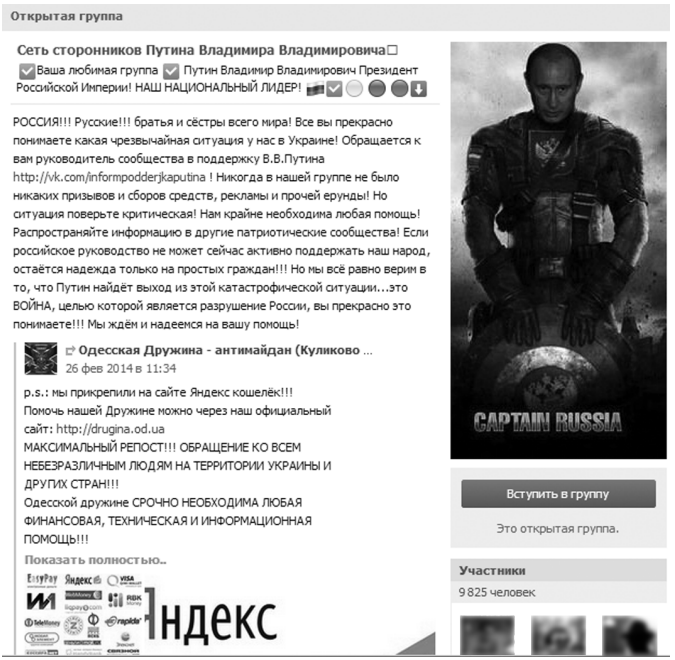


Рис. 4. Страница сообщества «Сеть сторонников Путина...» (май 2014 г.)[1]

Вместе с тем своей главной задачи пропутинские сообщества не забывают, объявляя именно Путина главной надеждой мира: «Береги Путина, кроме него никто не защитит мир от фашизма» — и единственным защитником интересов России: «С его именем связано возвращение достоинства нашей стране». Стену сообщества «Сеть сторонников Путина...» украшает обновленная «Русской весной» фотография Путина в образе «обрусевшего» *Captain America*[2] (рис. 4).

[1] URL: https://vk.com/storonnikiputina (дата обращения: 24.05.2014).

[2] Многозначность именно такого перевоплощения подсказывает «Википедия»: «Капитан Америка — это целенаправленно созданный патриотический персонаж. Его часто изображали сражающимся с гитлеровской коалицией государств. Капитан Америка был самым популярным

На этой же стене вывешены результаты опроса на тему «Согласны ли Вы, чтобы Путин стал пожизненным президентом» (см. рис. 5), из которого видно, что участники интернет-опроса поддержали президента так же единодушно (почти 88 %), как и участники социологического опроса (83–88 %).

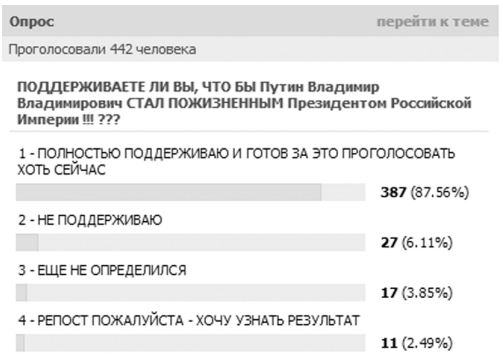


Рис. 5. Результаты опроса участников сообщества «Сеть сторонников Путина...», 24 мая 2014 г.[1]

Фильтрация информации

Даже если новости подаются в намеренно нейтральной форме, они все же тщательно выбираются с тем, чтобы показать в наиболее выигрышном свете главного кумира сообществ. Или же с тем, чтобы подчеркнуть поддержку сепаратистов украинского «Юго-Востока». В последнем стремлении сообщают такие подробности, которые скрываются российской властью и российски-

---

персонажем в период Второй мировой войны. <...> Данный персонаж стал заново использоваться в комиксах лишь в период, известный как Серебряный век комиксов, когда стал членом команды супергероев Мстителей в выпуске *The Avengers* #4 (март 1964)». См.: Капитан Америка // Wikipedia. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Капитан_Америка.

[1] URL: http://vk.com/topic-34455756_29659044. Опрос начат 29.3.2014.

ми мейнстримными СМИ, например те, которые подтверждают участие чеченцев в боевых действиях на востоке Украины, военную помощь из России, ее размер и содержание[1]:

> Еще один привет летающим укропам! Ночью был бой у погранзаставы Дьяково. Грузовики с добром прорвались без потерь, поэтому теперь у нас будут не только «Иголки», но и «швейные машинки» и другое добро. Укропским летчикам — двойной привет![2]

Все эти факты противоречат заявлениям Путина, наносят ему ущерб и смотрятся в пропутинских сообществах двусмысленно, но происходят, видимо, из патриотической горячки, в запале которой путинистам изменяет чувство меры.

Лидеры дискурса и рядовые участники сообществ

Интернет-дискуссии показывают невидимое в телевизионном пространстве и на трибунах митингов низовое звено лидеров, организаторов и вдохновителей провластного дискурса, которые собирают и перепечатывают в своем сообществе полезные с точки зрения пропагандистских задач материалы, выступают инициаторами коллективных обсуждений и т. д. Именно низовые лидеры инициируют для сообществ, иногда для

---

[1] Такие сообщения перепечатываются из материалов сообщества ВК «Русская весна» (URL: http://vk.com/rusvesna_su). Оно было основано 15 марта 2014 г. и за два месяца набрало почти две тысячи участников. Надо отметить, что «Крымская кампания» 2014 в целом сильно увеличила количество пропутинских сообществ.

[2] Сеть сторонников Путина... // ВКонтакте. 2014. 01.06. URL: http://vk.com/wall-34455756_22918.

нескольких сразу[1], укрепляющие коллективный дух мероприятия: публикуют произведения «народного творчества» и предлагают коллективно их оценить; создают фотоколлажи и распространяют видеоматериалы, показывающие в выгодном свете конституирующую для дискурса фигуру Путина; организуют онлайн-опросы, выясняющие уровень популярности вождя, подобные упомянутому выше; генерируют меры противодействия дискурсу либералов или же просто активно генерируют сообщения пропутинского содержания. Среди них в 2012 и 2014 гг. встречаются любопытные персонажи.

Так, в 2012 г. в сообществе «Слава России...» постоянно появлялись оды и песни, славящие Путина, а также гневно обрушивающиеся на либеральную оппозицию. Автор, Леонид Кузнецов, судя по профилю и его рассказам в видеозаписях за 2012 г., — выпускник кафедры русской истории Санкт-Петербургского педагогического института им. Герцена, родом из Костромской области и проживающий в Петербурге, располагал видеозаписи собственного исполнения, сделанные в интерьере своей кухни или комнаты, в разных социальных сетях, где они до сих пор доступны[2]. Например, вот как звучит написанная Кузнецовым «Ода на победу В.В. Путина на выборах президента»[3]:

---

[1] Как, например, Лариса Рохмистрова (см. ее персональную страницу в «ВКонтакте»: URL: http://vk.com/id37939219), которая является участником и создателем сразу нескольких пророссийских и пропутинских сообществ.

[2] Видеозаписи авторского чтения, с целью подчеркнуть курьезность текста и манеры исполнения, выложены Егором Ладновым, собирающим на своей странице «ВКонтакте» подборку видеозаписей: Видеозаписи Егора Ладнова: Альбомы: Нашисты, мгеровцы, всякие пропустоны // ВКонтакте. [2012–2013]. URL: http://vk.com/videos68560971?section=album_45535381.

[3] Нашист Кузнецов Лёня — Ода на победу Путина на выборах // Видеозаписи Егора Ладнова: Альбомы: Нашисты, мгеровцы, всякие пропустоны // ВКонтакте. 2012. 23.11. URL: https://vk.com/video68560971_163652393.

Вот вы пришли опять. Законно, честно,
С харизмой вашей трудно рядом встать.
Я рад за вас, и радость та не лестна.
Дневник страны вы призваны листать.
Я наблюдал за вами годы эти.
Ошибки были, видит их поэт.
Но глобализма мировые сети
Сил не имеют Русь свести на нет.
Россию мы не отдали безумцам
Которых вел богатый кукловод
Всесильный доллар — правда вольнодумцам
В которых дух предателя живет.
Вы энергичны. Что ж? Простим друг другу.
Ошибки будем вместе исправлять,
И не взирая на мороз и вьюгу,
С колен Россия сможет твердо встать![1]

При этом автор в 2012 г. являлся либо «нашистом», как указывала надпись, сопровождающая видео, либо «мгеровцем» (членом провластной организации «Молодая гвардия»), согласно самоидентификации в одном из опусов. Но во время «Русской весны» он обновил аватар, представ в майке с украинским флагом на груди, а затем и с флагом в руках; изменил профиль, указав, что его место проживания — Днепропетровск; перешел на укра-

[1] См. также «Оду Путину» другого автора — администратора группы «Слава России!!! Путин-наш президент» Екатерины Кошкиной:

Глядит на меня с экрана
Вождь наш Владимир Путин,
Гроза всех врагов поганых,
Гроза либерастов-иудин.
При Путине наша держава
Воскресла из праха и пепла,
Слава России!!!Слава!!!
Слава её президенту...

(Слава России... // ВКонтакте. 2014. 7.10. URL: http://vk.com/wall-20010328_82844).

Рис. 6. Динамика мировоззренческих метаморфоз конформистов[1].

[1] URL: https://vk.com/video68560971_163652393; https://vk.com/wall5393833_3802.

инский язык в песнях и сообщениях и окончательно вошел в роль украинского патриота. При этом интерьеры, в которых раньше создавались оды Путину, а теперь — песни против Путина и России, не изменились: автор по-прежнему творит в той же квартире, трудно сказать где расположенной (рис. 6)[1].

В том же сообществе много записей другого персонажа — Алексея Абщительного[2], который в 2012 г. являлся большим поклонником Путина В.В. и творчества «нациста Лени Кузнецова». Однако в разгар «Русской весны» он тоже вступил на путь идеологического противостояния Путину, но не сразу, а сначала распространяя материалы (сам он высказывает свою позицию редко, но часто размещает демотиваторы) в пророссийском и антиукраинском духе и вскоре — прямо противоположные по смыслу.

В профилях обоих есть информация относительно их политической самоидентификации, которая подвержена любопытным метаморфозам[3] в зависимости либо от политической конъюнктуры, либо от личных обстоятельств, перемены в которых приводят к смене политических предпочтений и адресата «од». Все это делает упомянутых авторов типичными выразителями конформизма, готовыми для собственного благополучия поддерживать любую власть.

---

[1] Контраст предстает наиболее отчетливым, когда проукраинское современное фото профиля (аватар) соседствует с архивным пропутинским высказыванием, так как «ВКонтакте» архивирует высказывания, но не архивирует аватар, являющийся всегда актуальным и обновляемым по воле владельца (см. персональную страницу Л. Кузнецова: ВКонтакте. URL: http://vk.com/id5393833).

[2] URL: http://vk.com/id20694565.

[3] Так, Леонид Кузнецов заявлял в своем профиле в ВК в 2012 г., что его политические предпочтения «умеренные», а Алексей Абщительный — «индифферентные» (на 2014 г. — то же). Леонид Кузнецов постоянно дорабатывает свой профиль и в 2014 г. объявил, что его политические предпочтения «социалистические», мировоззрение «язичництво», к источникам вдохновения добавив «Правий Сектор, боротьба».

Профи пиар-бизнеса в сетях

Среди лидеров пропутинского дискурса находятся также бизнесмены, не скрывающие того, что они профессионально зарабатывают на имени президента. Например, сообщество «Сеть сторонников Путина...» создал 28-летний журналист В. Табак 24 января 2012 г., решив таким образом поддержать кандидата в президенты на финальном этапе предвыборной кампании[1]. Мотивы создания такого проекта и сообщества автор объясняет в видеообращении, в котором предстает деловым, независимым, успешным молодым человеком, уважающим Путина за то, что тот не только не мешает процветать его бизнесу, но и создает для этого все условия. Кроме наличия самого Путина, на пиаре которого Табак построил свой бизнес, других условий успешного ведения бизнеса автор не называет, а также подчеркивает, что не имеет никакой позиции в отношении президента: «Нас[2] спрашивают — вы против Путина? Нет. Но мы и не за Путина».

Другой персонаж, работающий в сетях на пиар фигуры В. Путина, — Инна Полянская — прямо указывает в профиле как место своей работы пропутинские сообщества «Сеть сторонников Путина...», «США — спонсор мирового террора», «Антимайдан стоп СМИ против Евросоюза НАТО США»[3]. Она подчеркивает приверженность лидеру страны разными способами: создав сообщество «Антимайдан стоп СМИ...», слоган которой — «ЗА Путина Владимира Владимировича Президента Российской Империи!»; собирая в разных сообществах материал, освещающий события в пророссийском све-

---

[1] Видеообращение В. Табака, объясняющее мотивы его выбора, см.: Сеть сторонников Владимира Путина - Владимир Табак. 2012. 31.01. URL: http://youtu.be/H5dvbJMrS7w.

[2] Имеются в виду сам В. Табак и его партнер по бизнесу.

[3] См. ее персональную страницу: URL: http://vk.com/inna.polynscay.

те, и размещая его в разных пропутинских сообществах. Она также активно занимается организацией помощи раненым и беженцам с востока Украины.

Opinion formers

По линкам можно определить и более высокое звено в иерархической лестнице лидеров интернет-дискурса провластных конформистов. Это *opinion formers*, на тексты которых чаще всего ссылаются. Среди наиболее часто встречающихся ссылок во время «Русской зимы» фигурируют персональные страницы Дмитрия Беляева[1] и Николая Старикова[2]. Два года спустя у конформистов возникли другие герои, например казак Бабай[3], Игорь Стрелков-Гиркин[4] или целые сообщества ВК, задачи которых — пропаганда идеи «Новороссии» и концепции «Русского мира», а также дискурсивная борьба с противниками данных идей и концепций, среди которых преимущественно российские либералы.

Боты или люди, за деньги или по зову души?

Всех названных лидеров пропутинского дискурса, от почти неотличимых от интернет-троллей курьезных персонажей до наиболее похожих на идеологов движения, легко заподозрить в ангажированности и небес-

---

[1] URL: http://vk.com/cuamckuykot .

[2] URL: http://vk.com/nstarikov.

[3] Настоящее имя — Александр Можаев. Персональная страница в «ВКонтакте»: URL: http://vk.com/kazak_babaj.

[4] Персональная страница в «ВКонтакте»: URL: http://vk.com/id25-7955712; сообщества, выступающие от его имени: Игорь Иванович Стрелков (Гиркин) | Хроники (URL: http://vk.com/igorgirkin), Сводки от ополчения Новороссии (URL: http://vk.com/strelkov_info).

корыстности. Расследования и обвинения такого рода циркулируют в журналистике и нередко просачиваются во вполне академические сочинения, особенно те, которые в популярном среди советологов и постсоветологов ключе конспирологических теорий принимают за аксиому, что все лидеры пропутинского дискурса состоят на службе у Кремля или ФСБ[1]. Среди лидеров, разумеется, есть «сторонники Путина на службе», которые отрабатывают заказ; встречаются и деловые люди, зарабатывающие на имени президента. Но есть и те, кто искренне считает, что Путин не просто лучше своих предшественников, но идеал российского руководителя, а также те, которым политика Путина вполне по душе. Более того, «на службе» путинисты или нет — вопрос для исследователя второстепенный, более того, не вполне исследовательский, так как методов научного доказательства для подобных гипотез не существует. Общим идентификационным признаком путинистов является скорее их личная идеологическая позиция, которая, как показывает наш материал, может быть «умеренной» или «индифферентной», то есть слабой или полностью отсутствующей, но даже в последнем случае нетерпимой в отношении «врагов» и «чужих», а также отрицающей любой идеологический плюрализм.

Именно носители таких идентификационных черт пополняют ряды конформистов, вне зависимости от

[1] Популярными объектами расследований случаев небескорыстности и расценок за выгодную власти интернет-активность являются, помимо самой скандально известной Кристины Потупчик, блогеры Илья Варламов (URL: http://vk.com/varlamov; http://www.zyalt.livejournal.com), Олег Макаренко (URL: http://vk.com/fritz.morgen; http://www.fritzmorgen.livejournal.com), Дмитрий Пучков (URL: http://vk.com/goblin) — см. об этом: Топовых блогеров обвинили в «политической проституции» и службе Кремлю // Newsru. 2012. 06.02. URL: http://www.newsru.com/russia/06feb2012/potupchik.html.

профессии и образования, места работы и сферы деятельности. Некоторые из них активно создают и направляют дискурс (вполне возможно, с небескорыстными и даже поддержанными Кремлем целями[1]), большинство же так же активно одобряет и подхватывает инициативы, «заброшенные» лидерами дискурса. Для них свобода информации, палитра фактов и мнений, отсутствие цензуры, предлагаемые Интернетом[2], — совершенно без надобности. Другая цензура, сосредоточенная в их головах и основанная на отсутствии внутренней свободы, ограждает их мировоззрение от разрушительного воздействия лишних для них и не нужных им смыслов.

---

[1] Как, по всей видимости, В. Табак, который создал сообщество «Сеть сторонников Путина...» как часть пиар-кампании и готов был его закрыть после выборов президента 2012 г., посчитав, что поставленные перед ним задачи были выполнены. Однако сообщество продолжило свое существование, по-прежнему пользуясь большой популярностью, а в 2014 г. оно стало использоваться для организации и координации помощи самопровозглашенным ЛНР и ДНР. См.: «Сеть сторонников Владимира Путина» прекращает свою работу // РИА Новости. 2012. 07.03. URL: http://ria.ru/vybor2012_putin/20120307/587735682.html.

[2] Мы склоняемся к пониманию Интернета как безцензурного пространства, эффективный контроль за содержимым которого технически неосуществим. Наш материал в очередной раз доказывает именно такую точку зрения. Наличие даже самой «драконовской» цензуры администратора не означает, что в сообщества не попадают тексты идеологических противников. В разгар предвыборной кампании президента 2012 в сообществе «Сеть сторонников Путина...» появлялись примеры антипутинской направленности, и подобный материал всегда можно найти в социальных сетях. Почему администраторы относятся доброжелательно к такого рода откровенно антипутинской, то есть направленной против основных целей сообщества деятельности, — вопрос, требующий осмысления не в русле конспирологических теорий, а в связи с жанровыми требованиями сетевого творчества, среди которых флуд, троллинг и спам — одни из обязательных, равно как и соблюдение внешних признаков «свободы слова».

Выводы и прогнозы: конформизм и имперские амбиции

Самоидентификация провластного россиянина во время «Русской зимы» выстраивалась вокруг одного человека, и одобрение его персоны и его деяний было пропускным билетом в этот пропутинский фанклуб, использующий все наивные атрибуты, форматы и стилистику жанра в виде признаний в любви в стихах и прозе, музыкальных приветов[1], фотографий, конкурсов и лайков. Главным стержнем идеологической идентичности конформистов было доверие и уважение к фигуре В. Путина, а потому деятели данного идеологического течения постоянно подстраивали свои голоса, чтобы звучать в унисон. В результате конформистские страницы «ВКонтакте», где встречалось почти поровну «анти-» и «про-» контента (26 % «анти-» и 25 % «про-»), резко выделялись на фоне площадок националистов, левых и либералов, для которых было характерно преобладание выражений неодобрения по отношению к своим идеологическим противникам[2].

Однако равновесие было нарушено фактором «Русской весны»: весной 2014 г. пропорция негативных сообщений (46 %) резко увеличилась, в полтора раза превзойдя долю сообщений, выражающих политические симпатии (31 %). При этом в сообществах провластных россиян, которых во время «Русской зимы» можно было смело называть «сторонниками Путина» в соответствии с главным сюжетом их высказываний,

---

[1] Например, исповедь автора романа «Замуж за Путина»... // ВКонтакте. 2012. 02.03 URL: http://vk.com/wall-34455756_9867); а также ода, приведенная выше.

[2] Об этом см. подробнее в главах 2–4, а также в Приложении 3, где из результатов контент-анализа видно, что на этапе «Русской зимы» в пропутинских сообществах создавалось поровну текстов с позитивной и негативной идеологической ориентацией.

«Русская весна» не вызвала прилива благодарности инициатору «Крымской кампании». С одной стороны, безусловно, к видеотрансляции выступления Путина по поводу присоединения Крыма 18 марта 2014 г. написано немало панегириков:

> (1) Господи, спаси и сохрани нашего президента! Владимир Владимирович, низкий ВАМ поклон,за ВСЕ, за то что ВЫ есть !!! Мы с Вами, мы за ВАС СВОИХ НЕ ПРЕДАЕМ !!! ТОЛЬКО ИСТОРИЮ СССР верните нашим детям ,а то они незнают всех событий , а надо бы знать.
>
> (2) Наш Президент Великий лидер !!! Молодец !!! вся страна Великая и Могучая ЗА Путина !!!! тряситесь бандерлоги и до вас очередь дойдет, грузины уже нахулиганили в свое время =)
>
> (3) Браво Президент! Браво крымчане! Слава нашей великой, многонациональной стране!!!!!
>
> (4) Внимательно смотрела речь президента России — согласна со всем. Наконец-то он полностью официально озвучил то, что наболело у граждан нашей страны и держало в напряжении. Вердикт народа и правительства — Крым наш — обжалованию не подлежит![1]

Но по этим, как и по многим приведенным выше высказываниям, видно, что самый сильный панегирический стимул — не Путин, а весьма специфическая гордость за агрессивные действия России. Россией гордятся за то, что она «супер», за ее военную силу и за то, что она так умело ею воспользовалась, присоединив Крым всего лишь силами «вежливых людей»; за ее мировое лидерство, за то, что Россия несет миру

[1] Комментарии к нескольким сообщениям: Владимир Путин // ВКонтакте. 2014. 18.03. URL: https://vk.com/wall-23977193_123798?reply=124328; https://vk.com/wall-23977193_123813?reply=125500; https://vk.com/wall-23977193_123800?reply=124242; https://vk.com/wall-23977193_123779?reply=124378.

стабильность (в отличие от США), и т. п. Что, по сути, означает, что во время «Русской весны» «путинизм» окончательно соединился с массовыми имперскими амбициями[1].

Причина такого слияния в том, что «конформизм-путинизм» — это не вполне идеологическое движение по сравнению с рассматриваемыми в последующих главах левым, националистическим и либеральным. Основа консолидации провластного сообщества строится на конформизме, согласии с (практически любой) действующей властью, персонализированной и воспроизводящей патерналистские и имперские стереотипы массового сознания. В привязанности к путинской персоне как субституте идеологической платформы проявляется идеологическая незрелость конформиста, ее же следствием является и быстрая смена объекта привязанности. В конкретных условиях «Русской весны» конформизм соединил в себе как обожествление фигуры «национального лидера», так и имперские амбиции. Обе эти страсти конформиста — гражданski пассивного человека — предстают как две стороны одной медали, которую он с удовольствием носит, наблюдая и гордясь в качестве болельщика за победами своей страны и ее вождя. Провластный дискурс является отражением феномена «имперского синдрома» (см. подробнее главу 7) и связанной с ним ностальгии по советскому прошлому и государственному величию Советской империи, которая постоянно читается между строк в текстах «конформистов».

---

[1] Этот термин ввели в оборот не провластные конформисты, а либералы, о чем см. главу 4. Из данных видно, что если во время «Русской зимы» пророссийские высказывания встречались реже, чем пропутинские (7 % по сравнению с 15 %), то во время «Русской весны» пропорции изменились в обратную сторону (12 % пророссийских текстов по сравнению с 6 % пропутинских).

Эту, довольно элементарную, идейную картину мира рядового конформиста имеет смысл учитывать оппозиции, когда она ставит вопрос о собственном политическом будущем. Попытки лишить конформистов уверенности в том, что они живут в великой стране, супердержаве, уникальном и мощном государстве с передовой культурой, наукой, Достоевским и Чайковским, заранее обречены на провал. Напротив, выражения уважения к своей стране и народу имеют шансы быть по крайней мере услышаны. Если при этом удается донести до сторонника власти мысль о том, что оппозиция против российской власти, а не против России и российского народа, и что смена власти не навредит России и ее народу, более того, может происходить мирным путем[1], шансы на диалог еще более повышаются.

Уже сейчас своеобразный диалог идет в виртуальном пространстве между либеральным дискурсом и дискурсом конформистов, которые постоянно отслеживают друг друга и друг с другом конфликтуют. Как только либералы возвышают свой голос против Путина, они подвергаются нападкам со стороны «путинистов»[2]. С другой стороны, именно критика сторонников Путина (численность которых либералы явно преувеличивают и облик которых заметно де-

---

[1] Провластное сообщество сильно испугано митинговой активностью 2011–2012 гг., которая нарушает «стабильность» и намекает на возможность лишений и социальных потрясений. С другой стороны, оппозиция тоже против революций, и накануне «Русской зимы» лидеры оппозиции разрабатывали стратегии именно мирной смены власти, см.: *Салье М.* Мирное устранение Путина от власти // Радио Свобода. 2011. 11.10. URL: http://www.svoboda.org/content/blog/24355706.html.

[2] В случае дискуссий, посвященных протестам, их зачинщиками тоже являются либералы (чаще всего инициирующие митинги), тогда как резкие выпады против либералов являются ответной реакцией путинистов-конформистов (см. главу 5), и подобные примеры можно множить.

монизируют) сильно увеличила количество антироссийских (с критикой России и российского народа[1]) записей в либеральных сообществах времени «Русской весны».

Как мы видим из примеров подготовки сообщества к Антимаршу «конформистов» во время «Русской зимы» (призывы к физическому уничтожению идеологических противников) и из примеров риторики «Русской весны», виртуальные войны ведутся не менее «кровопролитно», чем реальные. Провластный конформист предстает в нашем материале агрессивным в своих нападках на либерализм, Запад и Майдан как производное от двух первых. Но не таким примитивно-первобытным, как можно о нем судить по пренебрежительной эмоционально-оценочной лексике: «быдло», «ватник» и пр., — которой его «награждают» российские либералы[2].

Критика российской либеральной оппозиции — ведущий «анти»-дискурс во время «Русской зимы» — в начале 2014 г. сменилась украинофобией, а именно критикой Майдана и новой украинской власти, так как они стали олицетворением западных (либеральных) ценностей. Однако можно заметить, что объект выражения неодобрения, при всей разнице между двумя изучаемыми микроэпохами, для сторонников Путина не изменился. По большому счету, это все тот же образ об-

---

[1] Потому что либералы обвиняют в грехах путинизма весь российский народ.

[2] При этом агрессия по отношению к «чужим» контрастна подчеркнутой вежливости по отношению к «своим». В провластном дискурсе для обращения к «своим» используются обращения «дорогие участники группы», «друзья», ср., например: «Друзья, в той информационной борьбе, которую ведут против нас наши “партнёры”, нам противостоят профессионалы своего дела. На них работает “печатная машинка”, весь Голливуд и все современнейшие технологии. Революции они устраивают, используя интернет механизмы сетевого маркетинга, но мы должны победить врага на его поле, его же оружием».

общенного Запада, «вовне» и «внутри» России. Российские либералы именно поэтому и становятся главным внутренним врагом провластного дискурса сторонников Путина, поскольку они выражают, ценят, разделяют и пытаются привнести в Россию западные модели развития, настаивая на необходимости слиться с Западным миром. Не ставящие такой задачи националисты и левые, повсеместно подчеркивающие свои горячие патриотические чувства, раздражают большинство значительно меньше (или даже вовсе не раздражают).

«Русская весна» 2014 г. еще более сблизила риторику конформистов со всеми идеологическими движениями, кроме либералов. Прежде всего — на основе отношения к украинским событиям. В их оценке конформисты оказались единодушны с теми, кто осудил новые украинские власти, пришедшие на смену бежавшему президенту Януковичу, и поддержал сепаратизм на востоке Украины (против выступили лишь либералы). В этом смысле наиболее заметны пересечения между дискурсами конформистов и националистов[1]. Во время «Русской зимы» конформист умело балансировал между своей националистической сущностью и необходимостью соблюдать мультикультурный политес, то есть уважать российское «многонациональное» устройство в соответствии с установками путинской линии по поводу «национального вопроса»[2]. Напротив, во время

[1] Один из примеров — обращение близкого к власти кинорежиссера Н. Михалкова к жителям Одессы «Русские не придут!». Это видеообращение выложено в сообществе «Сеть сторонников Путина...» и националистическом сообществе «Я русский». В нем Михалков объясняет, что России незачем вводить войска туда, где «жители продолжают жить, не оказывая сопротивления бендеровцам», где только «горстка людей открыто выражает протест», где «люди горели заживо», после чего одесситы продолжают «жить спокойно, не поднимаясь с диванов».

[2] См.: *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23.01. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

«Русской весны» в дискурсе конформистов сквозь уверения в толерантности по отношению к другим «нациям»[1] все чаще прорываются радикальные высказывания о главенстве «русской нации», о русском культурном пространстве, в которое должны втягиваться все «нации», проживающие в России. Такую же участь «путинисты», под лозунгом «Русского мира», предлагают всем «братьям»[2] (как правило, путинисты называют всех их «младшими братьями») постсоветского пространства, которым Россия как «старший брат» всегда готова «прийти на помощь». С националистами «конформистов» сближает и то качество, что выражения фобий, ненависти, неприятия и прочие элементы «анти»-дискурса не всегда являются ведущими, но часто уравновешиваются «про»-дискурсом: конформисты сплочены и довольны жизнью, когда по-детски обожают свою страну и ее спасителя Путина.

Исследование именно их дискурса открыло разговор о четырех российских идеологических течениях, поскольку рейтинги президента, измеряемые на пике «Русской весны» в 83–88 % взрослого российского насе-

---

[1] А также порицания за ее отсутствие в адрес националистов. Например, в сообществе «Сеть сторонников Путина...» выложена видеозапись уличной акции русских националистов, сопровождаемой их постоянным речевками: «Один за всех», «Россия для русских», «Кто не прыгает, тот хач». По мнению конформистов, выложивших такое видео, русские националисты подобными лозунгами и агрессией, направленной против нерусских, делают то же самое, что украинские националисты с лозунгами — против «москалей», притом по указке одного и того же автора. Видео сопровождает комментарий автора: «Болотная, 2012 год. Знакомые речевки и прыжки, не так ли? Один шаблон, а дальше варианты: хач, москаль... Трудно отделаться от мысли, что все эти технологии “стряпают” на одной и той же Кухне» (ВКонтакте. 2014. 01.06. URL: http://vk.com/wall-34455756_22919).

[2] См, например, демотиватор «Твой брат не всегда прав... но он всегда твой брат!», который сообщество «Мне реально нравится Путин!» заимствует у сообщества «Медведев — наш Премьер!» (ВКонтакте. 2012. 26.08. URL: http://vk.com/wall-23469754_90059).

ления, сформировали представление о существовании в России пропутинского большинства. Эти, звучащие из разных источников, цифры появляются, скорее всего, в результате ограничений метода, а именно того, из-за которого опросы вынуждены учитывать только тех, кто дал согласие в них участвовать. Принимая во внимание современные социально-политические российские декорации, можно предположить, что в опросах участвует в основном та часть россиян, которая поддерживает Путина, испытывая прилив гордости и благодарности за «Крымнаш». Противники же Путина и власти, скорее всего под давлением небеспочвенного страха репрессий, не просто пишут «затрудняюсь с ответом» в анкете, но вообще отказываются отвечать.

Наши данные, собранные в Интернете (см. Приложение 1) и подтвержденные в опросе «Левада-Центра» (см. главу 6), показывают, что «сторонники Путина» занимают отнюдь не главное место среди прочих выделенных нами идеологических объединений. Но попытки подсчитать их реальное количество вряд ли увенчаются успехом. Можно ли записать в их ряды два миллиона подписчиков Д. Медведева в «ВКонтакте»[1]? Вряд ли, так как эта впечатляющая цифра отражает лишь живучесть и востребованность советских способов подписки на государственные СМИ. Страница Медведева является одним из таких СМИ, но модернизированных и тем самым легче распространяемых при помощи применяемой в Интернете практики «накрутки подписчиков» за счет

[1] Д. Медведев является рекордсменом по количеству подписчиков на его страницы «ВКонтакте» (как и самым большим энтузиастом сетей среди российских чиновников). Именно Медведев, будучи президентом, первым открыл свою страницу в соцсети «ВКонтакте» в ноябре 2011 г. и имел (на 31 августа 2014 г.) почти 2 млн подписчиков. Для сравнения: официальная страница В. Путина на ту же дату имела лишь 69.117 подписчиков, у страниц В. Жириновского и Г. Зюганова было 413.241 и 112.257 соответственно.

«мертвых душ» ботов[1]. Плохим свидетельством преобладания в российском обществе «путинистов» является и массовость антилиберальной риторики в Интернете — такая риторика тоже может быть полностью искусственной и исходить от одного заказчика[2]; кроме того, среди критиков либералов находятся не только сторонники президента, но и представители нелиберальных оппозиционных течений.

Однако главная сложность при подсчете количества сторонников режима заключается в том, что помимо тех, кто готов публично об этом заявить, хотя бы в форме лаконичной галочки в анкете (ответа в ходе телефонного опроса), лайка на пропутинский пост в Интернете, участия в провластных сообществах «ВКонтакте» или фолловинга подобных твитов, есть также масса людей, вовсе не рефлексирующая на тему политического режима в России. Собственно, в этом и состоит идеологическая позиция тех, кого мы условно назвали «конформистами». Эти люди находят политический режим в России настолько подходящим для собственного комфортного мироощущения, что не ощущают потребности его анализировать. Эта аморфная масса не видна в публичном пространстве политических дебатов, они наверняка отмахиваются от вопросов социологов и не интересуются политизированным контентом Интернета. Из-за этого попытки точно определить долю провластно настроенных россиян через материалы Интернета оказываются столь же малоуспешны, как и подоб-

---

[1] О механизмах «накрутки» подписчиков в сообществах ВК см.: *Баев А.* Как найти влиятельных подписчиков? // Likount — сервис анализа сообществ. 2014. 25.01. Статья доступна по адресу: Cossa.ru: Песочница. 2014. 05.02. URL: http://www.cossa.ru/articles/155/63100/.

[2] См. примеры, найденные в Живом Журнале: *Fedor J., Nikiporets-Takigawa G.* Digital 'Dead Souls' & Russian Public Space // East European Memory Studies Newsletter. 2012. No. 11. P. 3–7. URL: http://www.memoryatwar.org/enewsletter-Oct-2012.pdf.

ные попытки коллег, оперирующих данными рейтингов президента и соцопросов.

Тем не менее мы смогли описать ту группу россиян, которая заявляет через Интернет о своей поддержке Путина, и эта «видимая» в Интернете часть провластного сообщества позволяет судить о побудительных мотивах пропутинских и «крымнашистских» высказываний, на основе которых возник миф о всеобщей всероссийской поддержке действующей власти.

ГЛАВА 2

НАЦИОНАЛИСТЫ 2.0: ПОПУТЧИКИ ИМПЕРИИ

Глава посвящена интернет-образу российского националистического движения. В ней описывается круг современных трактовок национализма и неразрывно связанного с ним понятия нации, а также предлагается общая характеристика русского националистического течения в исторической ретроспективе. Затем на основе эмпирических интернет-данных анализируется российский националистический дискурс в 2012 и 2014 гг. Анализ позволил заключить, что русскому национализму, несмотря на новые теоретические и практические нововведения в доктрину, так и не удается изжить свой имперский характер.

Рис. 7. Из сообщества «Я русский», 21 октября 2013 г.[1]

[1] URL: http://vk.com/wall-396828_1281757.

О нации и национализме

Нация — слово латинского происхождения, восходит к термину *natio*, означавшему на языке древних римлян «рождение, происхождение»[1]. В поздней Античности и в Средневековье словом «нация» обозначались обычно большие группы людей, связанных общим происхождением (например, жители римских провинций) или общими занятиями (например, купеческие гильдии или студенческие союзы[2])[3].

Первое серьезное идеологическое наполнение термина «нация» происходит в эпоху Просвещения. Английские и французские мыслители в это время разрабатывали интеллектуальные основания противостояния средневековым и традиционным авторитетам: монархии, церкви, сословной структуре общества. Дальше многих в своем интеллектуальном поиске ушел французский философ Ж.-Ж. Руссо. Он предложил концепцию народного суверенитета, предполагающую, что вся власть в стране осуществляется народом или от лица народа наделенными на то особым правом людьми.

Свершившаяся в конце XVIII века Великая Французская революция во многом была вдохновлена идеями Руссо, а еще ранее ими вдохновлялась Война за независимость США. Именно в ходе этих революционных преобразований произошло сращение республиканских и националистических принципов организации общества.

---

[1] *Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л.* Национализм: теории и политическая история. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 28.

[2] *Глаголева Е.* Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 110–113.

[3] Нация // *Прохоров Б.Б.* Экология человека: Понятийно-терминологический словарь. Р.н/Д.: Феникс, 2005. Цит. по: Academic.ru. Словари и энциклопедия. URL: http://human_ecology.academic.ru/1606/Нация.

С этого момента начинается современная история нации и национализма. Одно из классических определений дал Э. Геллнер: «Национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»[1]. Под *политической единицей* Геллнер понимал государство, а под *национальной единицей* – нацию. Их совпадение означает, что власть в государстве должна осуществляться от лица нации и хотя бы с символического ее одобрения.

Начавшаяся в конце XVIII века «эпоха национализма» приведет к тому, что стремиться к указанному совпадению будут как старые власть имущие элиты (монархи, дворяне, клерикалы), так и «поднимающиеся низы» — коллективное третье сословие: буржуазия, интеллигенция, пролетариат, отчасти крестьянство. В первом случае «совпадение политической и национальной единиц» приводило к укреплению государства и его институтов, во втором — к их демонтажу. Национализм стал мощным ресурсом и инструментом легитимности.

Реализация многих идеалов Просвещения в ходе Американской войны за независимость и Великой Французской революции привело к формированию трактовки национального принципа, который позже в исследовательской литературе получит название *гражданской (западной) модели нации*. Наиболее популярным ее определением является дефиниция, предложенная Э. Ренаном в конце XIX века: «Нация — это ежедневный плебисцит»[2]. Он подчеркивал, что кроме общности культуры и исторической памяти конституирующей для нации является общая *воля людей*, составляющих нацию, то есть желание *жить вместе*.

---

[1] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991 [1983]. С. 23.

[2] *Ренан Э.* Что такое нация? // Библиотека Гумер: История. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Ren_Nacia.php.

Параллельно с американским и французским опытом нациестроительства, повлиявшим на развитие других регионов мира, исторически утвердился и иной взгляд на нацию. В Центральной и Восточной Европе, на Балканах, в средиземноморских странах нация рассматривалась главным образом с этнических позиций. Это произошло из-за социально-экономической отсталости регионов: здесь не было мощного давления третьего сословия, требовавшего представительства. Заимствованные идеи Просвещения адаптировались местными интеллектуалами для объяснений процессов, происходящих в аграрных традиционных сообществах. Вторая предпосылка появления *этнического национализма* — политическая география Центральной и Восточной Европы. В отличие от Западной Европы здесь не сложилось в позднем Средневековье крупных относительно моноэтнических государств; напротив, ключевую роль играли или мелкие феодальные монархии (Германия, Италия), или крупные полиэтнические континентальные империи (Российская, Австрийская и Османская). Постоянные коммуникации с представителями других этносов или разделенное состояние одного народа приводило к обостренному ощущению этнических различий.

Ключевое отличие этнического национализма от гражданского заключается в том, что для практик первого отождествление с государственными институтами не является основополагающим. В этническом национализме существует склонность рассматривать государство как инструмент поддержания и защиты культуры, тогда как гражданский национализм рассматривает государство и нацию как единое целое — нацию-государство. Иными словами, в первом случае государство — инструмент в руках нации; во втором — государство и нация являются синонимами.

В современной исследовательской литературе понятиями этнического и гражданского национализмов при-

нято оперировать прежде всего как идеальными типами, как инструментами познания, а не его предметами. Ни гражданский, ни этнический национализм в чистом виде никогда не существовали, что и порождает, вероятно, неразрешимые трудности в попытках дать определение этому многогранному (идеологическому, социальному, политическому и эпистемологическому) феномену.

Русский национализм — дитя империи

В конце XVIII века и вплоть до второй четверти XIX века в русском политическом лексиконе бытует гражданское понимание нации, которое на тот момент наиболее ясно было выражено во французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.: «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации»[1].

А. Тесля пишет:

> «Нация» в этих разговорах (в петербуржских салонах начала XIX века. — *С.П.*) — это гражданская нация, тот самый «народ» в другой фразеологии, являющийся сувереном, единственным источником власти. Впрочем, эта «нация», под которой подразумевается нация политическая, обладающая субъективностью, оказывается едва ли не с самого начала переплетена с «нацией» романтиков — не той, которую надлежит создать через Учредительное собрание, но уже данной в истории, для которой время политическое — лишь момент проявления[2].

---

[1] Декларация прав человека и гражданина // Великая Французская революция. URL: http://1789-fr.ru/declaration.html.

[2] *Тесля А.А.* Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014. С. 30–31.

Под романтической нацией здесь понимается идеал этнической нации, зарождавшийся на территории немецких княжеств под влиянием идей Просвещения, романтического искусства и интеллектуальной реакции на Французскую революцию.

Популярные в российских просвещенных кругах начала позапрошлого века идеи были близки и царю Александру I, не скрывавшему симпатий к идеалу гражданственности[1]. К этим идеям он вернется во время и после Наполеоновских войн, когда дарует Финляндии (1809) и Царству Польскому (1815) конституцию. В 1818 г. граф Николай Новосильцев в Варшаве начинает работать над «Государственной уставной грамотой», завершив ее к 1820 г. Проект имперской конституции содержал в себе целый ряд положений, превращавших российское самодержавие в конституционную монархию, и подразумевал под собой воплощение идеалов гражданской нации[2]. Но к началу 1820-х гг. у Александра I уже, видимо, не хватало политической воли на столь радикальные реформы. Установить представительное правление на остальной территории империи самодержец так и не решился.

Вместо него об их воплощении задумались представители высших слоев российского общества — будущие декабристы. Еще за три года до восстания декабристов, в 1822 г., Павел Пестель начинает работать над проектом конституции будущей России. Этот проект был озаглавлен как «Русская правда»; в нем уже заметно более значительное влияние концепции этнической нации[3].

---

[1] *Миллер А.* История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). URL: http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii.

[2] Государственная уставная грамота Российской империи Н.Н. Новосильцева // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/31000/.

[3] *Пестель П.И.* Русская правда // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/p/pestelx_p_i/text_0020.shtml.

В проекте Пестеля нарочито много древнерусских архаизмов. Вместо «нации» автор подчеркнуто использует слово «народ». Название проекта Конституции возводится к своду законов Ярослава Мудрого. В отношении нерусских народов Пестель предлагает осуществлять программу ассимиляции — русификации.

Провал восстания декабристов в 1825 г. привел к тому, что слово «нация» в Российской империи оказывается под запретом в связи с общими «заморозками» во внутренней политике нового императора Николая I. Сам термин «нация» становится символом революционных, вольтерианских устремлений части российских элит. Чуть позже этому также поспособствовало Польское восстание 1830–1831 гг., ставшее водоразделом в истории взаимоотношений российского государства с национализмами окраин.

Николай I и его окружение, видимо, хорошо понимали, что сам процесс идеологических и культурных заимствований из Европы неостановим и контролировать его едва ли возможно. Тогда российская монархия предприняла неожиданный ход, состоявший в упреждающем концептуальном заимствовании. Государство-империя как «единственный европеец» в стране создало государственный «имперский национализм». Б. Андерсон назвал такое сращение империи и антиимперских националистических принципов «официальным национализмом». В знаменитых «Воображаемых сообществах» он писал:

> Ключом к определению места «официального национализма» — волевого соединения нации с династической империей — будет напоминание о том, что он появился после массовых национальных движений, которые с 20-х годов XIX в. множились в Европе, и в ответ на них. Если эти национализмы были смоделированы по образцам, взятым из американской и французской истории, то теперь они, в свою очередь, сами стали образцами. Требовалась лишь изобре-

тательная ловкость рук, чтобы дать империи возможность явить свою привлекательность в национальном наряде[1].

Изобретателем «официального национализма» в России стал министр народного просвещения граф Сергей Уваров. В своей вступительной речи на должность министра в 1833 г. он уже набросал ее общие контуры:

> Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России <...> открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность[2].

Сокращенно разработанная Уваровым концепция «официальной народности» — национализма так и будет называться: «Православие — самодержавие — народность». Уваровская триада станет своеобразным парафразом и антитезой основных лозунгов Великой Французской революции о свободе, равенстве и братстве.

Наличие слова «народность» в триаде — это попытка внедрить в русский язык эквивалент понятия «нации», но одновременно с этим и стремление очистить официальный русский язык от иностранного термина. Уваров четко выразил свое отношение к нации:

> Приняв химеры ограничения власти монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимо-конституционной формы правления, колос (империя. — *С. П.*) не протянет и двух

---

[1] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001 [1991]. С. 108–109.

[2] *Уваров С.С.* Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Вып. 1. М.: Эллис Лак; Река времен, 1995. С. 70.

недель, более того он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены[1].

После формулирования принципов «официальной народности», то есть официального национализма, граф Уваров приступает к созданию институциональной платформы для будущего использования русского национализма как инструмента легитимации монаршей власти и политической мобилизации населения. В качестве мнимого источника государственного национализма было взято этническое большинство — русские. В университетах начали создавать кафедры русской истории и словесности. К созданию официального исторического нарратива были привлечены старые церковные идеи о единстве Великой, Малой и Белой Руси. Российский историк Николай Устрялов в это же время пишет «единый учебник» для гимназий, в котором высказывает одну из ключевых идей русского официального национализма: борьба России с Польшей носит характер возвращения прежних, утраченных «русских территорий». Другой важнейшей частью новой имперской идеологии становится курс на русификацию окраин, в том числе и неславянских. А. Миллер констатирует:

Русский национализм как общественное настроение и «официальный национализм» самодержавия представляют собой тесно связанные, но самостоятельные явления, иногда идущие рука об руку, но не менее часто и конфликтующие[2].

---

[1] Цит. по: *Миллер А.И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (Начало XVIII — середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 57.

[2] *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей в русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. С. 11–12.

Спускаемый сверху имперский русификаторский проект постепенно находил своих сторонников, которые уже без участия государства поддерживали и одобряли необходимость русификаторских усилий. Так, известнейший и влиятельный публицист эпохи Великих реформ Михаил Катков, отзываясь на Польское восстание 1863 г., рассматривал русских как имперскую нацию, вступление в которую открыто через механизм культурной ассимиляции[1]. Согласно этому проекту, «трансформация империи предполагалась как создание национальной метрополии — с имперской политикой в отношении окраин: политика "гегемонии" в отношении Финляндии и Польши и колонизационная политика в отношении "восточных" и "южных" колоний»[2].

Отождествление империи с русским национализмом имело далеко идущие последствия. Это была попытка трансформировать быстро архаизирующуюся имперскую государственность в империю, опирающуюся на русское «национальное ядро»[3]. В условиях континентальной империи это вело к возникновению конфликтов, ситуации соревнования между различными националистическими проектами: украинским, польским, позже белорусским и собственно русским имперским. Сознательно или нет, но имперское руководство, страшась революции, способствовало превращению русского национализма в сугубо этнический. При этом национализм этнического большинства оказался заложником

[1] *Перевалова Е.В.* Польский вопрос в отечественной публицистике в 1860-е гг. (по материалам политической газеты А.И. Герцена «Колокол» в 1864–1867 гг.) // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 1. С. 133–143; *Тесля А.А.* Первый русский национализм... и другие. С. 37.

[2] *Тесля А.А.* Дебаты о народности // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 104.

[3] Там же. С. 99–119.

империи. Если первоначально идея нации противопоставляется имперскому «дремотному неразличению наций»[1], то русский национализм оказался силой, призванной удержать империю от распада. Именно поэтому в российской научной литературе часто вместо «официального национализма» используют термин «имперский национализм» — спущенный сверху, он на долгое время стал основой дискурса русского национализма.

Из-за этого произошло событие, до сих пор мало осмысленное российской историографией. Если воспользоваться теорией М. Хроха[2], который считает роль интеллигенции ключевой для «воображения» наций в Центральной и Восточной Европе, то становится ясно, что русские интеллектуалы (интеллигенция) были искусственным образом отстранены от участия в создании национального проекта. Русский национализм не произрастал «снизу», не был попыткой национальной элиты сбросить имперское ярмо. В силу того что национальный принцип был взят империей на идеологическое вооружение, те, кто должен был стать национальной интеллигенцией, все сильнее удалялись от государства, противопоставляя ему свои чаяния и запросы. Распространение социализма в среде русской интеллигенции начиная с середины XIX века переносило фокус ее устремлений в социально-экономическую сферу.

После революции 1905–1907 гг. в империи усилился процесс политической фрагментации, результатом которого стало появление политических партий разной направленности: либеральной, консервативно-монархической (с опорой на государственный национализм), социалистической (умеренные и радикалы), — а также

---

[1] *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию // Lib.ru. URL: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_kak_1990.txt.

[2] *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.

левых националистических партий в провинциях империи. Результатом этого процесса стало постепенное оформление самостоятельных национальных проектов вне рамок «официального национализма», прежде всего у кадетов и эсеров (правой фракции). Б. Корниенко указывает, что после 1905 г. началось и оформление «специализированных» русских националистических партий, которые отличались от типичных «черносотенных партий»; в первую очередь речь идет о «Всероссийском национальном союзе»[1].

Д. Хоскинг считает, что в начале XX века Россия предприняла смелый эксперимент: правители пытались, в равной степени преднамеренно и неосознанно, превратить полиэтническую империю в национальное (русское) государство, а самодержавие — в конституционную монархию[2]. Именно тогда были сделаны первые шаги к созданию из разнообразного и рассеянного имперского «материала» основ будущего национального государства. Э. Лор назвал это сложное социально-политическое состояние «национализирующейся империей»[3].

Но в 1917 г. «официальному национализму» Российской империи, который свелся к этому времени главным образом к русификации окраин империи (что де-факто означало форму национального строительства), суждено было потерпеть крах вместе со Старым порядком. Однако парадоксальным образом это не привело имперский национализм к окончательному историческому поражению.

---

[1] *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 10–35.

[2] *Хоскинг Д.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2001 [1997]. С. 439.

[3] *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданых» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012 [2003].

«Русская партия» и «красно-коричневый синтез»

Партия большевиков и ее главный идеолог Владимир Ленин никогда не игнорировали национализм ни в качестве инструмента реакционной политики, ни в качестве конкурирующей идеологии в борьбе за умы масс. С подачи Ленина в 1913 г. будущий «вождь народов» Иосиф Сталин написал статью «Марксизм и национальный вопрос», ставшую впоследствии одним из основополагающих текстов для советской национальной политики. Сталин называл нацию

> исторически сложившейся устойчивой общностью людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры[1].

Революционные процессы 1917 г. и последующий распад Российской империи продемонстрировали конкурентоспособность и мобилизующую силу националистических движений. После того как в начале 1920-х гг. территорию Российской империи удалось «собрать» почти в полном объеме в рамках созданного Советского Союза, большевики занялись переосмыслением своей национальной политики. Плодом их интеллектуальных усилий стала разработка так называемой политики коренизации.

Авторитетный историк советской национальной политики Т. Мартин охарактеризовал СССР как империю «положительной деятельности» (The Affirmative Action Empire)[2]. «Положительная деятельность», или

---

[1] *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Библиотека Гумер: Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/stal/marx_nac.php.

[2] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011 [2001].

«позитивная дискриминация», являлась целенаправленной политикой советских властей по развитию культуры и самосознания этнических меньшинств, направленной на достижение двух целей: взять под собственный контроль политику деколонизации, проявившуюся в событиях после 1917 г., и нейтрализовать национализм этнического русского большинства, в котором лидеры СССР видели угрозу для большевистского (отметим — имперского по своей сути) проекта «собирания земель».

В обозначенный период в официальной риторике власти апеллируют к интернационализму трудящихся — единству интересов рабочего класса вне зависимости от национальной принадлежности. Постепенно входящий в оборот термин «советский народ» на первых этапах своего употребления обозначает чаще всего всю совокупность жителей советского государства.

С началом 1930-х гг. отношение властей к прежней национальной политике меняется. Начавшийся грандиозный социальный эксперимент, связанный с воплощением в жизнь целей первого пятилетнего плана в конце 1920-х гг., привел к социально-экономическому кризису. Его прямым следствием были признаки утраты центральной властью контроля над ситуацией в стране. В кругах этнических элит союзных республик стало звучать мнение о том, что политика партийного руководства мало чем отличается от имперской русской политики. В немалой степени это было связано с тем, что для эффективного воплощения целей индустриализации требовался единый язык, в качестве которого естественно выступил наиболее распространенный язык этнического большинства — русских. Следствием этого стало преднамеренное и непреднамеренное ущемление (особенно на фоне прежней политики коренизации) языков этнических меньшинств и созданных большевиками титульных наций союзных республик. В СССР на-

чалась (или возрождалась) политика русификации под контролем центральной власти.

Д. Хоскинг так объясняет природу «сталинской русификации»:

> Логика конфликтов, порожденных «великим социалистическим наступлением», заставила советских вождей занять прорусскую позицию. Они начали придавать должное значение тому факту, что русские были носителями многонациональной идеи (прежнее «триединство» русского народа. — *С. П.*). Русский был официальным государственным языком страны, им больше всего пользовались для межнациональных контактов. Русские являлись самым многочисленным народом и — наряду с украинцами — наиболее географически мобильным, более всего склонным мигрировать за пределы своей «родной» республики[1].

Сам Хоскинг называет начавшуюся в 1930-х гг. русификацию — «реабилитацией России», подчеркивая, что она носила выраженный имперский и этатистский, а вовсе не этнический характер. В этот период были фактически уничтожены основополагающие цитадели дореволюционного русского сознания — сельская община и православная церковь.

По своему содержанию новая национальная политика Сталина в известном смысле возвращалась к лекалам Российской империи. «Официальный национализм» Советского Союза, так же как и его предшественник, имел «русские корни», но являлся идеологией сохранения полиэтнического государства на огромных территориях Северной Евразии.

Некоторые историки склонны думать, что окончательной хронологической точкой сбора французской

---

[1] *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012 [2006]. С. 173.

нации явилась Первая мировая война (1914–1918), когда в окопах миллионы мужчин усвоили исторический нарратив, национальные идеалы, мифы и культуру, которые транслировались государственной пропагандой: людям было необходимо понимать, за что они погибают[1]. В России подобной точкой перелома стала Вторая мировая война.

Именно тогда русский национализм становится органичной частью государственной идеологии. В 1941–1945 гг. апелляции к историческому прошлому русских стали всеобъемлющими: реабилитировались цари, полководцы, деятели культуры. Отныне в историческом нарративе, создававшемся под зорким надзором Кремля, Советский Союз не был антитезой Российской империи, но ее историческим продолжением. Для утверждения этой идеи со всей мощью работал советский пропагандистский аппарат в органах административного управления, в сфере образования и культуры.

Д. Бранденбергер не вполне удачно использует для обозначения этого явления сложный и многозначный термин «национал-большевизм». Под ним он понимает сталинскую политику, направленную на формирование современного русского национального самосознания под воздействием мобилизации населения в 1930–1950-е гг., коммунистического популизма и массовой культуры[2]. Как известно, урбанизация имеет центральное значение для утверждения «национального принципа»[3]. Русские стали городской нацией в результате сталинской политики индустриализации, а значит,

---

[1] *Weber E.* Peasants Into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Standford: Stanford University Press, 1976.

[2] *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2009.

[3] *Геллнер Э.* Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.

итоги национальной политики Сталина — возвращение к «официальному национализму», совмещение популизма и русификации, авторитарное понимание власти, роль Второй мировой как точки сбора нации — легли в основу развития русского национализма и самосознания в позднесоветское и постсоветское время. В данной главе вместо «национал-большевизма» Бранденбергера будет использоваться либеральный публицистический термин из 1990-х гг. — *«красно-коричневый синтез»*, который, играя с «идеологическими» цветами, точнее передает указанное сочетание патерналистского популизма и имперского национализма.

Интересно, что в силу авторитарного характера «официального национализма» Сталина любые националистические инициативы на местах строго пресекались. Так, во второй половине 1940-х гг. в Ленинграде местное партийное руководство предложило ряд инициатив, направленных на развитие русского национального самосознания. Например, предлагалось сделать столицей РСФСР Ленинград, оставив за Москвой только статус «имперской» советской столицы[1]. Результатом этих предложений стало «Ленинградское дело» и расстрел ленинградской партийной верхушки.

Постсталинский период развития русского национализма в ограниченных объемах данной главы описать не представляется возможным. Стоит остановиться только на ключевой идее русских националистов обозначенного периода — «русской партии». Н. Митрохин указывает, что в силу невозможности оказывать реальное воздействие на политику в условиях авторитарного советского государства движение русских националистов в СССР сделало ставку на «русскую партию», под которой подразумевалось наличие в партийной номен-

[1] *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. С. 287–292.

клатуре «русских лоббистов»[1]. В силу этих ничем не подкрепленных надежд русский национализм, даже не будучи официальной доктриной в постсталинском СССР, оставался охранительной идеологией. Это способствовало дальнейшему сращиванию патерналистского популизма и «официального национализма».

Современный русский национализм до Крыма (1987–2013): от черносотенного возрождения к «демократическому повороту»

Рождение современного русского национализма связано с эпохой Перестройки. В мае 1987 г. на Манежной площади впервые в советской истории был проведен митинг русских националистов, организованный обществом «Память». Общество было первой с 1917 г. русской националистической организацией, действовавшей в легальном поле. Основой идеологии «Памяти» было возрождение идей черносотенства с присущими им ксенофобией, антисемитизмом, клерикализмом и поддержкой авторитарной модели[2]. Это течение набирало обороты начиная с 1960-х гг. В годы Перестройки возвращение к подобным идеям было обусловлено поиском всеобъемлющей идеи, альтернативной государственной коммунистической идеологии.

Однако показательно, что «Памяти» так и не удалось стать по-настоящему массовой политической партией. Самым главным своим политическим противником «Память» видела не КПСС, а разнообразные демократические силы, которые сначала концентрировались вокруг

---

[1] *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

[2] *Лакер У.* Черная сотня: Происхождение русского фашизма. М.: Прогресс, 1994 [1993]. С. 289–313.

диссидентской организации «Демократический союз», а затем — «Демократической России», образованной на основе оппозиционной межрегиональной депутатской группы на съездах народных депутатов СССР в 1989–1990 гг. Тогда «новые черносотенцы» полностью проиграли демократам в идеологическом соревновании. Результатом стала быстрая маргинализация черносотенной риторики.

Тем не менее националистическая альтернатива демократическому движению не заставила себя долго ждать. В 1990 г. появляются отколовшиеся от центральной партийной линии Коммунистическая партия РСФСР и «Большевистская платформа в КПСС»[1]. Эти организации не скрывали своей оппозиционности по отношению к курсу М. Горбачева. Идеалом в советском и не только советском прошлом они видели эпоху Сталина. «Красно-коричневый синтез», который в послевоенные годы с разной степенью активности использовался руководством КПСС в качестве элемента государственной идеологии, в начале 1990-х гг. превратился в оппозиционную сначала к советским реформаторам, а затем и к российскому руководству систему взглядов.

После роспуска КПСС и распада Советского Союза в России вокруг «красно-коричневого синтеза» происходит медленное сплачивание оппозиционных по отношению к президенту Б. Ельцину политических сил. По мере втягивания России в конституционный кризис 1993 г. «красно-коричневые» стали концентрироваться вокруг Верховного Совета РФ. Благодаря тому что изначально сталинский «красно-коричневый синтез» успешно совмещал позитивный образ Российской империи с прославлением советской великодержавности, представители возрожденного черносотенства без труда влились в «красно-

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 396–397.

коричневое» движение. Однако поражение Верховного совета в противостоянии с президентом Ельциным привело к политической маргинализации этого движения.

В начале 1990-х гг. для этого были и объективные причины. «Красно-коричневые» идеи великодержавия и исключительности России не пользовались популярностью у населения[1]. Но постепенно с этим росло и общественное разочарование от реалий постсоветской России. В декабре 1993 г. первое место (по партийным спискам) на первых постсоветских выборах в парламент получает Либерально-демократическая партия В. Жириновского (ЛДПР) — 22,9 %; в декабре 1995 г. на парламентских выборах побеждают коммунисты Г. Зюганова, считавшие себя наследниками КПСС, — 34,9 %. На протяжении десяти лет эти партии были единственными политическими силами, озвучивавшими имперско-националистические лозунги, и одновременно способными оказывать влияние на принятие политических решений. Об особенностях их националистической риторики будет сказано ниже.

Остальной русский национализм был выведен из легального поля. Согласно положениям российской Конституции, принятой в декабре 1993 г., российские власти ставили своей целью оформление в стране гражданского национализма. В ситуации «парада суверенитетов» и растущего регионального сепаратизма этнических меньшинств под ним понималось не столько массовое общественное участие в политической жизни, сколько все то же старое имперское «дремотное неразличение народов». Жителям России предлагалось отказаться от этнической и принять российскую «гражданскую» идентичность. В связи с растущими после 1993 г. авторитарными тенденциями российской власти принципиальный для гражданского национализма вопрос об участии

[1] Подробнее об этом см. в главе 7.

жителей страны в выработке общественного консенсуса постепенно снимался с повестки дня. Гражданский национализм в понимании власти и обслуживавших ее экспертов — это прежде всего недопущение этнических конфликтов и сепаратизма. Именно эта система взглядов была закреплена в принятой в 1996 г. «Концепции государственной национальной политики»[1].

Русский национализм после поражения в 1993 г. «красно-коричневой» коалиции и вплоть до середины 2000-х гг. претерпел сложные трансформации. «Красно-коричневый синтез», положенный в его основание, давал благодатную почву для того, чтобы разношерстные левые и правые силы видели в постсоветской России чуждое государство. Страна воспринималась как осколок Советского Союза, в котором власть и ресурсы не принадлежат «простым русским людям». Фактически во всех постсоветских республиках, кроме России, у власти оказались националисты (или, вернее, советские элиты, взявшие на вооружение националистическую повестку), апеллировавшие к этническому большинству. В России же была воспроизведена — по советским лекалам — «мягкая» имперская модель, которая вначале совершенно игнорировала «русский вопрос». Характерна перемена в первой половине 1990-х гг. смыслового значения старого лозунга черносотенцев — «Россия для русских». До 1917 г. он означал прежде всего русификаторские усилия власти; в постсоветский период он стал призывом к расширению политических и юридических прав этнического большинства.

Естественно, что в такой ситуации российские власти оказывали целенаправленное противодействие

[1] Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/.

русским националистам. Последовательно были разгромлены или маргинализировались все крупнейшие националистические партии и движения в России, сменявшие друг друга: общество «Память», Русское национальное единство (РНЕ), движение наци-скинхедов в начале 2000-х гг., Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ). Статья 282 против разжигания национальной, религиозной или социальной розни, введенная в Уголовный кодекс РФ в 1996 г. одновременно с принятием «Концепции национальной политики», стала мощным инструментом борьбы с русскими националистами.

Надо отметить и две другие важные причины маргинализации русского национализма — нацификацию и противодействие ему национализмов этнических меньшинств. Пик национализма как политического течения пришелся на первую половину XX века, завершающая стадия которой совпала со становлением германского национал-социализма. Симпатии политиков-националистов к этой идеологии и ее дальнейшее осуждение и фактический запрет после 1945 г. привели к тому, что этнонационалистический дискурс стал резко осуждаться. При этом для многих националистов разных стран символика и организация немецких нацистов стала ролевой моделью. Русские националисты приобщаться к этой моде стали уже в 1950-х гг.[1], а по-настоящему массовым это явление стало после 1991 г. Из-за того что в советское время любые проявления «неофициального» национализма не допускались, а победа во Второй мировой войне стала конституирующей для массового сознания, политические движения, испытавшие идейное и эстетическое влияние нацизма, не могли рассчитывать на широкую поддержку общества.

---

[1] *Митрохин Н.* Русская партия. С. 191–198.

Противодействие национализмов этнических меньшинств русскому национализму носило не линейный, а циклический, маятникообразный характер[1]. В 1990-е гг. «парад суверенитетов» региональных элит и пробуждение национализмов окраин были стимулированы распадом СССР и ослаблением центральной власти. Но русские националисты на это отреагировали далеко не сразу. Ситуация начала меняться лишь во второй половине 1990-х гг. Социологические опросы «Левада-Центра» фиксировали рост этнического самосознания русских на протяжении 15 лет. В 1998 г. поддержка лозунга «Россия — для русских» находилась на минимальном уровне — 13 %, в 2003 г. она достигла 21 % и вплоть до 2013 г. с перепадами выросла до значения в 23 %[2].

Основным источником такого роста стали антикавказские и антимигрантские настроения, оказавшиеся в центре дискурса русских националистических движений в начале 2010-х гг. Антикавказские настроения начали расти еще в середине 1990-х гг. и были напрямую связаны с Чеченской войной. Позже к этому фактору добавились и другие; прежде всего — нарастающий приток нерусских мигрантов в большие города России. Нерусская миграция состоит из двух разных потоков: это трудовые мигранты из бывших советских республик — Украины, Беларуси, стран Средней Азии и Южного Кавказа, и мигранты из перенаселенных республик Северного Кавказа. В результате этническая напряженность вылилась в погромы и крупные несанкционированные акции русских националистов: Кондопога в Карелии (2006), митинг на Манежной площади в Москве (2010),

---

[1] *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 178–194.

[2] Общественное мнение — 2013. Ежегодник. М.: «Левада-Центр», 2013. С. 197.

Пугачев в Саратовской области (2013), район Бирюлево на окраине Москвы (2013).

Тем не менее всю свою постсоветскую историю русский национализм оставался попутчиком власти, так как основополагающий для него — охранительный по отношению к империи — элемент никуда не исчезал долгое время ни у «красного», ни у «коричневого» крыла. В начале 2000-х гг. националисты поддержали курс В. Путина на борьбу с распадом Российской Федерации и сепаратизмом в этнических республиках. Националистические идеологи вплоть до начала 2010-х гг. не могли предложить обществу ничего такого, чего не могла предложить власть. В свою очередь, последняя позволяла себе публично заигрывать с национализмом. Так, в марте 2008 г. Путин заявил: «Он (Д. Медведев. — *С. П.*) в хорошем смысле такой же русский националист, как и я. Он настоящий патриот и будет самым активным образом отстаивать интересы России на международной арене»[1].

Но подобные высказывания являлись единичными в публичной риторике представителей российской власти, и в них скорее говорилось о желании возвращения России былого статуса сверхдержавы и предотвращения распада страны, что само по себе никак не противоречило идеям русских националистов.

Говорить о едином или даже о нескольких признаваемых всеми лидерах националистов в современной России не приходится. За последнюю четверть столетия на эту роль могли претендовать только Дмитрий Васильев — руководитель общества «Память», и Александр Баркашов — его телохранитель, а впоследствии глава движения «Русское национальное единство» (РНЕ). Но пик политической популярности этих деятелей прихо-

[1] *Баранов А.* Владимир Путин: «Медведев не меньший русский националист, чем я» // Комсомольская правда. 2008. 08.03. URL: http://www.kp.ru/daily/24060/303858.

дится на годы Перестройки и первого срока президентства Ельцина. В первое «путинское» десятилетие ничего принципиально не изменилось.

До 2011 г. русские националисты мало чем отличались от других политических движений, которые оказались в немилости у действующей власти. Ни либеральная общественность, ни сторонники левых идей до последнего времени также не имели во главе консолидирующей фигуры. Такой фигурой мог стать Алексей Навальный, который мог одинаково претендовать на роль лидера и оппозиционных либералов, и националистов, особенно после того, как осенью 2011 г. поддержал националистическую акцию «Хватит кормить Кавказ», вышел на «Русский марш 2011» и активно за него агитировал[1]. Но после событий зимы 2011/2012 гг. и особенно выборов в Координационный совет оппозиции, организованных непосредственно командой Навального и состоявшихся в октябре 2012 г., стало ясно, что оппозиционно настроенные граждане в целом не поддерживают националистов. В ноябре 2012 г. Навальный на «Русский марш» уже не пришел, сославшись на болезнь[2]. И далее он старался дистанцироваться от националистического движения.

Только в 2013 г., во время предвыборной кампании по избранию мэра Москвы, Навальный вернулся к риторике борьбы с незаконной миграцией. Но исполнявший на тот момент свои обязанности мэра Сергей Собянин обладал реальным административным ресурсом для перехвата антимигрантской повестки. В Гольянове был

---

[1] Русский Марш // Блог Алексея Навального. 2011. 03.11. URL: http://navalny.livejournal.com/639991.html; РМ // Блог Алексея Навального. 2011. 04.11. URL: http://navalny.livejournal.com/640474.html. Блог А. Навального в ЖЖ был заблокирован 13 марта 2014 года Роскомнадзором, см.: URL: http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news24447.htm.

[2] За Брейвика и против Ленина. В центре Москвы прошел «Русский марш»: репортаж «Ленты.ру» // Lenta.ru. 2012. 04.11. URL: http://lenta.ru/articles/2012/11/04/rumarsh/.

создан лагерь для содержания пойманных нелегальных мигрантов, в котором содержалось 586 человек[1]. «Эмигранты и Собянин — последний месяц я только это и слышал. Более того, они даже умудрились своровать у нас несколько пунктов из программы, выступить с ними», — с нескрываемой обидой говорил в июне 2013 г. лидер националистического объединения «Русские» Дёмушкин[2].

Влияние и популярность современных националистических идеологов продуктивно рассматривать, используя придуманное властью и навязанное обществу в последние десять лет различение между «системной» и «несистемной» оппозицией. «Системная» оппозиция сотрудничает с властью и представлена в представительных органах. «Несистемная» оппозиция не только не представлена в законодательных собраниях различного уровня, но и подвержена постоянному давлению со стороны Кремля.

«Системные националисты»

Главным «системным» националистом является Владимир Жириновский — лидер Либерально-демократической партии России (ЛДПР), одним из ключевых лозунгов которой в 2011 г. стал слоган «Мы за русских! Мы за бедных!»[3]. Для многих националистически ориентированных избирателей лидер ЛДПР оказывается

---

[1] Лагерь для нелегалов в Гольяново ликвидируют через неделю // Lenta.ru. 2013. 09.08. URL: http://lenta.ru/news/2013/08/09/vientamid/.

[2] Собянин и Навальный делят националистов // Телеканал «Дождь». 2013. 20.06. URL: http://tvrain.ru/articles/sobjanin_i_navalnyj_deljat_natsionalistov-346162/.

[3] Сегодня — митинг «ЛДПР за русских!» // Официальный сайт ЛДПР. 2011. 04.11. URL: http://ldpr.ru/events/Today_the_Liberal_Democratic_Party_rally_in_Russian/.

единственной приемлемой кандидатурой для голосования на парламентских и президентских выборах, но ни популярностью, ни авторитетом у активистов русского национализма он не пользуется. Жириновский является едва ли не единственным политиком, который последовательно озвучивал идеи о защите прав русских, но, как и власть, скорее в контексте великодержавнических, имперских амбиций, а не сугубо националистической повестки дня.

На сходных, но несколько иных позициях стоят Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и ее лидер Г.А. Зюганов. По своему идеологическому содержанию КПРФ является не просто националистической партией, но самой влиятельной сталинистской организацией в России (см. подробнее главу 3).

Вышеописанными партиями ограничен круг «системной» националистической оппозиции. Но великодержавническая риторика является одним из фундаментов провластной элиты и представителей Кремля. Однако и здесь наличествует некоторое идеологическое разнообразие. Так, Наталия Нарочницкая активно пропагандирует цивилизационный православный русский национализм, близкий к идеологии «официального национализма» Российской империи. Александр Дугин является создателем термина «евразийская сверхдержава», которым он обозначает важнейшую цель российской внешней политики — интеграцию постсоветских стран в единое политическое пространство и противостояние Западу[1]. На позициях, близких к идеологии КПРФ, стоит Александр Проханов — главный редактор газеты «Завтра», являющейся самым влиятельным СМИ, стоящим на великодержавнических позициях. В 2012 г. он возглавил «Изборский клуб», в который вошли и вышеуказанные «охранители» российской власти (см. главу 7).

---

[1] *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

Режиссер Никита Михалков не только поддерживает нынешнюю власть, но и активно пропагандирует «официальный национализм». Так, в своем «Манифесте просвещенного консерватизма» он пишет:

> Здоровый просвещенный национализм — национализм полиэтнический и поликультурный. Это свободный, творческий, в настоящем смысле слова созидательный национализм. В нем нет комплекса инородства. Он не боится соперничества и поглощения чужеродными элементами. Напротив, он способен впитывать и творчески перерабатывать их в себе. Именно такой тип национализма создавал в мировой истории великие империи с позитивной миссией, которые были свойственны византийской, англосаксонской и российской государственности[1].

Самым же интересным персонажем в провластной элите, разделяющей националистические взгляды, является Егор Холмогоров. В 2000-х гг. он выпустил программные для русского национализма книги «Русский проект. Реставрация будущего» и «Русский националист», которые, однако, не снискали большой популярности у аудитории. Кроме того, до украинских событий 2013–2014 гг. он был одним из немногих русских националистов, много выступавших в центральных СМИ. С одной стороны, Холмогоров был признанным участником весьма оппозиционного «националистического бомонда», но при этом никогда не скрывал, что поддерживает курс В. Путина. Его, таким образом, на момент 2013 г. можно было рассматривать как связующую фигуру между «системными» и «несистемными» националистами.

---

[1] *Михалков Н.* Право и Правда: Манифест просвещенного консерватизма // Полит.ру. 2010. 26.10. URL: http://polit.ru/article/2010/10/26/manifest/.

«Несистемные националисты»

Многие идеологи русского национализма на протяжении последних двадцати лет в том или ином виде провозглашали свою оппозиционность действующей власти. Они обвиняли ее в целенаправленном подавлении русского движения, невнимании к проблемам этнического большинства и нежелании бороться с наплывом мигрантов в крупные города страны. Хотя интенсивность такого рода обвинений время от времени снижалась из-за задаваемой властью повестки дня.

В 2010–2013 гг. наметилось ключевое изменение в националистической риторике, которое можно охарактеризовать как демократический поворот. Он совпал с началом формирования «антисоветского консенсуса», самым выразительным проявлением которого стало создание отдельной антисоветской колонны на «Русском марше 2012»[1]. С тех пор националистические лидеры все чаще в своих публичных выступлениях стали открещиваться от авторитаризма и сталинизма. Подобные тенденции в риторике, в свою очередь, трансформировали основной круг ключевых для современного русского национализма идей. Важно подчеркнуть, что эти перемены затронули именно «несистемных» националистов.

Лидеры формирующегося национал-демократического движения являлись завсегдатаями трибун оппозиционных митингов в Москве в 2011–2013 гг., а их сторонники составляют большинство в националистической колонне во время протестных акций. Е. Галкина так характеризует их ключевые отличия от национал-патриотов, основные идеологи которых принадлежат к группе «системных» националистов:

---

[1] Манифест Антисоветской колонны на Русском Марше-2012 // Форум Братства Ревнителей Православия. 2012. 26.08. URL: http://forum.pravbrat.ru/index.php/topic,363.0.html.

> Нацдемы, как правило, весьма эмоционально винят Советскую Россию в уничтожении крестьянства, традиций самоуправления, в национальной политике, направленной на подавление русской этничности, в диктате государства и тоталитаризма[1].

Сегодня эти претензии адресуются уже Российской Федерации, которая мыслится как прямой наследник политики Советского Союза в отношении русского большинства. На подобных позициях стоят лидеры Национал-демократической партии и самые активные из «несистемных» националистов: Константин Крылов, Владимир Тор, Ростислав Антонов, Александр Храмов и другие. Таких же взглядов придерживается и Валерий Соловей — лидер партии «Новая сила».

Гораздо дальше в национал-демократической риторике пошли идеологи «Национал-демократического альянса» Алексей Широпаев и Илья Лазаренко. Ими отвергается не только советский период истории, но и имперское наследие эпохи Романовых. Они и их сторонники выступают за пересмотр современных федеральных отношений и создание русских республик, в своих рассуждениях часто трактуя распад России как общее благо[2]. Исторически своими предшественниками они видят русских коллаборационистов времен Второй мировой войны и их лидера генерала Андрея Власова[3].

Особняком в 2012–2013 гг. стоял вдохновитель самого модного националистического интернет-проек-

---

[1] *Галкина Е.* Национально-культурное строительство в СССР и постсоветский мир // СССР: Жизнь после смерти / Под ред. И. Глущенко и др. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 83.

[2] К очередной годовщине // ЖЖ Алексея Широпаева. 2013. 02.02. URL: http://shiropaev.livejournal.com/166263.html.

[3] Власов // ЖЖ Алексея Широпаева. 2011. 01.03. URL: http://shiropaev.livejournal.com/61289.html.

та «Sputnik & Pogrom» Егор Просвирнин[1]. Свою деятельность он характеризует как «интеллектуальный национализм», ссылаясь на низкий уровень рефлексии и знания истории, свойственный, по его мнению, среде русских националистов. В своих программных текстах центральное внимание Просвирнин уделяет необходимости демократических перемен для русского народа, ссылаясь на важность строительства русского национального государства. Вместе с этим он является одним из самых последовательных и ярких критиков советского проекта, а также современного левого движения. Однако антикавказская, антивластная, а также во многом антилиберальная риторика большинства его текстов мало отличает главного редактора «Sputnik & Pogrom» от остальных «несистемных» националистов.

В целом, несмотря на широкое распространение национал-демократических идей, которое трансформирует идеологию части «несистемного» националистического истеблишмента, в нем немало тех, кто придерживается и традиционных для постсоветского национализма идей.

Ярким примером последних в обозначенный период являлся Дмитрий Дёмушкин — лидер организации «Этнополитическое объединение “Русские”», которое объединило основную массу мелких националистических движений и членов разгромленных ныне РНЕ, ДПНИ и Славянского Союза (СС). Дёмушкин был представлен в центральных медиа, несмотря на критику в отношении власти, которая касается главным образом миграционной политики. В марте 2013 г. он предложил Федеральной миграционной службе помощь в виде миграционных патрулей, состоящих из нацио-

[1] Sputnik & Pogrom. Официальный сайт. URL: http://sputnikipogrom.com.

налистов[1]. Идеология данного движения максимально приближена к национал-социализму. Так, в одном из пунктов его политической программы написано:

> Русские — это Нация, обладающая устойчивыми генетически передающимися психофизиологическими признаками, национальным самосознанием и уникальной культурой. Русские являются носителями фено- и генотипа Белой Расы. Русская культура является частью индоевропейской культуры[2].

Важной отличительной особенностью «несистемного» национализма в сравнении с «системным» течением является выраженная тенденция на изживание «красно-коричневого синтеза». Главным образом это связано с тем, что в оппозиционной среде в начале 2010-х гг. данный дискурс был аккумулирован преимущественно левыми силами — «Левым Фронтом» Сергея Удальцова и «Другой Россией» (бывшей Национал-большевистской партией) Эдуарда Лимонова.

Пестрая разнородность оппозиционного «несистемного» национализма, тем не менее, никак не сказывалась на тенденциях к взаимной консолидации. Несмотря на то что многие националистические идеологи конкурируют между собой за статус «властителя русских дум», они уверенно преодолевали разногласия на основании оппозиционности к путинскому режиму, а также кавказо-, исламо- и мигрантофобии.

---

[1] Националисты предложили ФМС помощь в формировании миграционных патрулей // Lenta.ru. 2013. 27.02. URL: http://lenta.ru/news/2013/02/27/demushkin/.

[2] I. РОССИЯ — РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО // «В эфире независимое радио Гондураса! Обзоры, события, факты, комментарии» [ЖЖ Владимира Басманова]. 2012. 08.02. URL: http://basmanov.livejournal.com/1228952.html.

Ключевое отличие «несистемных» националистических идеологов от «массовых» националистов, о которых речь пойдет ниже, состояло в противостоянии власти и в распространении демократических лозунгов. Но, как показали дальнейшие события, связанные с украинским Майданом, присоединением Крыма к России и поддержкой сепаратистов на юго-востоке Украины, демократические, антиимперские тенденции в русском национализме были слишком слабы, чтобы распространиться среди большинства его сторонников.

Интернет-образ русского национализма

Выше мы постарались выделить два макро-течения среди идеологов и медийных фигур русского национализма, отличавшихся между собой прежде всего отношением к действующей власти. Однако открытым остается вопрос о степени влияния публичных фигур русского национализма на широкие группы сторонников. Насколько содержание «массового» русского национализма совпадало с транслируемым до украинских событий 2013–2014 гг. националистическими лидерами набором идей? И как эти события отразились на состоянии идеологии русского национализма? Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратимся к рассмотрению интернет-образа «массового» национализма.

Характеристика исследованных сообществ

В качестве репрезентативной выборки для анализа националистического дискурса, представленного в Интернете, нами были выбраны три самых популярных

националистических сообщества в социальной сети «ВКонтакте»[1]:

- «Правые», http://vk.com/rus.prav;
- «Я_русский», http://vk.com/yarusskiy_org;
- «Русские пробежки. Русские за ЗОЖ. Русь»!, http://vk.com/ruszabeg_ru.

Две последние группы являются полностью открытыми для вступления участников. Среди их участников преобладают молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет. Состав сообществ выраженно мужской. Так, в конце августа 2014 г. только 35 тысяч из почти 250 тысяч участников группы «Я русский» были девушками. Похожее соотношение и в сообществе «Русские пробежки» — четыре тысячи девушек из 20 тысяч участников.

Паблик «Правые» является центральной страницей для сети публичных страниц под таким же брендом: «Правая литература»[2], «Правые Спорт»[3], «Правые города»[4]. Последняя из указанных страниц ВК служит инструментом для поиска единомышленников в провинциальных городах. «Правая литература» ставит своей целью просвещение сторонников русского национализма; подборка литературы весьма характерна: русская классика, инструкции по рукопашному бою и выживанию в экстремальных ситуациях. Интересно, что встречаются и книги по теории национализма — в мае 2014 г. выкладывалась книга Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1789 года». Однако если в 2014 г. анализируемый паблик «Правые» оказался

[1] См. Приложение 2. Описание общей методики формирования выборки для контент-анализа и описание категорий см. в главе 1.

[2] Правая литература // ВКонтакте. URL: http://vk.com/pravaya_literatura.

[3] Правые Спорт // ВКонтакте. URL: http://vk.com/rus.prav.sport.

[4] Правые города // ВКонтакте. URL: http://vk.com/rightpower.

ретранслятором новостей собственных тематических сообществ, то в 2012 г. его администраторы работали в основном над формированием идейных взглядов. Одним из ключевых источников информации был сайт «Правые новости»[1], который хотя и является сам по себе новостным агрегатором, однако чужие нейтральные сообщения чаще использует для выражения собственной идеологической позиции, например: «Футбольный кавказец Магомед Оздоев: Русские, вперед? Меня это оскорбляет!»

Сообщество «Я русский» — самое крупное националистическое сообщество «ВКонтакте». У него практически нет существенных отличий от «Правых» ни по контенту, ни по подаче материала. В обоих сообществах существует система предварительной модерации пользовательских сообщений перед размещением их на стене. Но надо отметить, что авторы «Правых» гораздо чаще прибегают к анонимности и скрываются под вымышленными именами.

Материалы «Правых» и «Я русский» носили как в 2012-м, так и в 2014 г. выраженный идеологический характер. При этом за указанный период значения данного показателя только выросли: у «Правых» с 67 % идеологизированных сообщений в 2012 г. до 77 % в 2014 г.; в «Я русский» — 64 % и 87 % соответственно.

Ниже будут проанализированы при помощи выделенных категорий (идеология, действие, информация, иное) все три националистических сообщества. Тематике «здорового образа жизни» (ЗОЖ) и соответствующему ей сообществу «Русские пробежки» будет посвящен отдельный параграф, так как эта тематика стоит особняком среди националистских тем.

---

[1] Правые новости. URL: http://pn14.org.

Идеология — ведущая тема интернет-коммуникации «массового» русского национализма

«Русская зима» и «Русская весна» для «массового» русского национализма представляют две различные эпохи. «Русская зима» — это время доминирования антикавказского и антимигрантского дискурса. «Русская весна» перевела фокус внимания националистов на события в Украине.

Отношение к власти

Прежде всего, значительно изменилось отношение к власти, к фигуре президента Путина. Резкая критика Кремля не была популярна у националистов и в 2012 г. — всего 5,6 % сообщений содержали в себе критику Кремля. В 2014 г. под эту категорию попало всего 2,6 % сообщений. Но сообщения, которые можно охарактеризовать как провластные и пропутинские, встречаются у националистов еще реже — 1,3 % в 2014 г.

Судя по материалу, большинство авторов исследованных националистических сообществ ВК являются попутчиками власти. Причиной этого может служить тенденция постоянного перехвата властью националистической повестки дня и неспособности со стороны националистов предложить свою, по-настоящему альтернативную. Однако критика власти времен «Русской зимы» и «Русской весны» отличается по своему содержанию. В 2012 г. власть рассматривалась в основном как «пособник» Кавказа и ислама (представленного в обобщенном, карикатурном виде) в борьбе с русским народом. В 2014-м власть упрекалась уже в нежелании поддержать русских сепаратистов на юго-востоке Украины.

Ниже представлено голосование участников сообщества «Я русский» в мае 2014 г. (рис. 8). Его результаты в целом совпадают с результатами нашего контент-анализа: во всем массиве сообщений данного сообщества было обнаружено только одно антипутинское сообщение. Но сами националисты не особенно активно участвуют в выработке провластного и пропутинского дискурса, о чем говорят приведенные выше данные. «Массовый» национализм носит конформистский, часто даже аполитичный по отношению к власти характер, что, как и показали события 2013 и 2014 гг., позволяет Кремлю с легкостью использовать болевые точки русского национализма: мигранто- и кавказофобию, а также страхи за разрушение Российской империи («имперского тела», о котором мы еще будем рассуждать в главе 7).

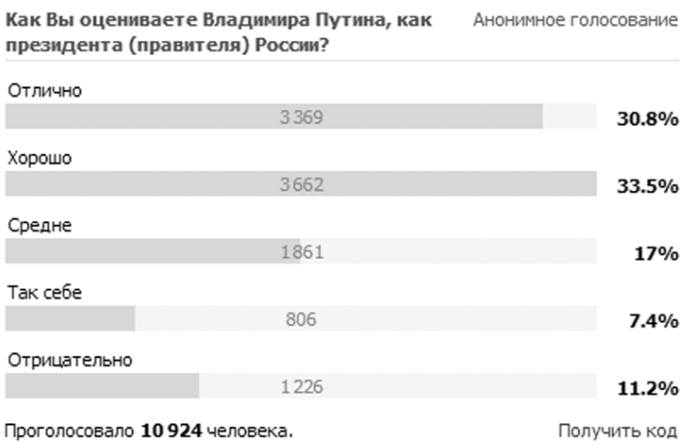


Рис. 8. Результаты голосования участников сообщества «Я русский», 24 мая 2014 г.[1].

[1] URL: http://vk.com/wall-396828_1630731.

В 2014 г. «массовый» русский национализм полностью подтвердил тенденцию, которая стала явной еще в период «Русской зимы»: русский национализм — попутчик авторитарной власти, которая отказывается от строительства национального государства в пользу империи. В таком выборе сказывается прежде всего «имперская» родословная русского национализма, не позволяющая ему превратиться в альтернативу авторитарной власти. Как будет показано ниже, в решающий момент, когда власть публично заявила об имперских амбициях, у «массового» русского национализма не оказалось лидеров, способных провозгласить альтернативную повестку дня.

Отношение к оппозиции

Отношение к оппозиции, а также к либералам и левым не является важной темой для «массового» национализма. Во времена «Русской зимы» только 1,6 % сообщений можно охарактеризовать как прооппозиционные. Число критических высказываний по отношению к либералам и оппозиции в целом в этот период отличается мало — 2,6 %. Характерная для правых идеологий критика левых идей не встречается, что легко объясняется влиянием «красно-коричневого синтеза».

В 2012 г. в паблике «Правые» в прооппозиционных сообщениях звучала общая мысль о необходимости участия националистов в протестах со всеми оппозиционными силами. Так, в «Правых» публиковалась ссылка на интервью главы Русского имперского движения Станислава Воробьева, который объяснял, почему он выдвинул свою кандидатуру на выборах в Координационный совет оппозиции[1]. В сообществе «Я русский», напротив,

[1] Интервью главы Русского Имперского Движения Станислава Анатольевича Воробьева корреспонденту Национальной Службы Ново-

преобладала установка, что с нынешней оппозицией нельзя иметь ничего общего, так как она ведет русский народ в «Западный Содом и Гоморру» и хочет подчинить страну Америке.

В ситуации «Русской весны» акценты у националистов изменились. Оппозиционную и особенно либеральную повестку дня «массовые» националисты стали замечать еще меньше: всего 1,3 % сообщений «за» и «против» оппозиции. Фактически ни в 2012-м, ни в 2014 г. «массовый национализм» не был оппозиционным.

Отношение к Русской православной церкви

Обсуждения Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП) столь же мало занимают националистов. Во время «Русской зимы» Церковь находилась в центре нескольких скандалов, породивших информационные поводы, которые националисты не оставили без внимания (1,3 % в 2012 г. составили выражения неодобрения РПЦ), тем не менее через два года ни положительных, ни критических сообщений в адрес РПЦ МП не встречается. На самом деле отношение националистов к РПЦ МП сдержанно положительное, и в принципе обсуждение этой темы из активных разговоров исключается только потому, что является предметом размежевания между открытыми сторонниками Церкви и критиками политической активности или внутрицерковной коррупции.

стей // Национальная (Народная) Социалистическая Инициатива. 2012. 28.09. URL: http://nsi14.org/lenta/news381/.

Мигрантофобия, кавказофобия и исламофобия

Основой негативной консолидации «Русской зимы» для националистов были три взаимосвязанных фобии: *неприятие и боязнь мигрантов, выходцев с Кавказа и ислама как религии и образа жизни.* В 2012 г. выходец с Северного Кавказа играл для националистов роль конституирующего «иного». Это верно как для «элитарного» сообщества националистов, так и для националистических масс «ВКонтакте». Так, в 2011 г. была выпущена этапная для русского национализма брошюра «Кавказ–2011: Русский взгляд»[1], в создании которой принял участие весь «свет» русской национал-демократии: Константин Крылов, Владимир Тор, Валерий Соловей и другие. В документе не только предлагался ряд мер по решению кавказского вопроса, но и осуждалась национальная политика СССР и РФ как противоречащая интересам русского населения.

«Массовый» национализм смотрел на подобные проблемы проще, сводя их к преступлениям, совершенным мигрантами, активно вводя в оборот термин *«этническая преступность»*. В крупнейших националистических интернет-сообществах фактически каждый день обсуждались преступления с участием кавказцев и мигрантов из Средней Азии. В трех сообществах 18,3 % сообщений в совокупности представляли «кавказскую», «мигрантскую» и «мусульманскую» тематики. Главным адресатом критики была первая из них: о преступлениях, совершенных кавказцами, и их образе жизни говорилось в 11,6 % сообщений, и основной пафос этих дискуссий сводился к лозунгу «Хватит кормить Кавказ!» — центральному для русских националистов (и маркеру националистической идеологической идентичности — см. главу 1 и Приложение 1).

---

[1] Доклад «Кавказ 2011: Русский взгляд» // ДПНИ. 2011. 24.04. URL: http://dpni.org/articles/publikacii/22207/.

Новый дискурс «Русской весны» — Украина как новый враг для негативной консолидации

«Русская весна» изменила основания для «негативной» консолидации русских националистов. Прежние три объекта критики в дискуссиях националистов в 2014 г. заняли только 10,6 % всего объема сообщений. Причем первое место заняли не антикавказские или антиисламские, но антимигрантские высказывания — 6,6 %. Уверенно рассуждать о причинах такого шифта трудно, но можно предположить, что таким образом отозвалось «эхо» антимигрантской истерии 2013 г.

Новым же источником единения националистов выступила Украина. «Русской зимой» русских националистов она практически не интересовала (0,4 %), но «Русской весной» в совокупности «украинские» сообщения» составили 16,6 %. Негативная консолидация осталась при этом доминирующей — 11 % сообщений были так или иначе связаны с осуждением новых украинских властей, а о поддержке борьбы русских сепаратистов в Луганской и Донецкой областях говорилось только в 5,6 % сообщений. Если в 2012 г. врагами в основном называются кавказцы и так называемая «толерантная» (либеральная) часть общества, то в 2014 г. к ним прибавились «укропы» и «майданутые» — украинцы и сторонники киевского Майдана. При этом резким контрастом с «другими» и «врагами» звучат позитивные консолидирующие обращения сторонников националистического дискурса друг к другу: «соратник», «братья и сестры».

Пророссийский сентимент и поддержка русских добровольцев в ДНР–ЛНР

Администраторы «Правых» и «Я русский» не скрывали своей поддержки «Русской весны», хотя и с опре-

деленными оговорками. В «Правых» было опубликовано специальное сообщение администраторов, в котором они говорили о своем неприятии как Майдана, так и действий российских властей. Позиция администраторов этого сообщества ВК была выражена так:

> У кого вдруг смятение и кто не понял — позиция сети «Правые» по Майдану негативная. Тем не менее: мы максимально стараемся соблюдать нейтралитет и держать независимость, и все же промытых ребят Майданом — особо видеть не рады. К слову говоря, близким родственникам и другим малограмотным фанатам Путина и его своре — здесь не рады так же[1].

Русские националисты — «массовые» и «элитарные» — стремились представить «Русскую весну» не как явление, напрямую связанное с действиями российских властей в Украине, но как пробуждение русского самосознания. Или же речь шла об «уникальном» совпадении интересов «антирусской» власти в Кремле с настоящими интересами русской нации. Характерен резкий рост пророссийских сообщений в 2014 г. — 7,3 % против 0,6 % в 2012 г. Эти сообщения касаются прежде всего восхваления военной силы России, ликования по поводу побед спортивных команд и возвращения утраченных в прежние годы «исконных» земель. Возвращение Крыма является для националистов центральным поводом для гордости за Россию. Не менее важной для «массовых» русских националистов в 2014 г. оказалась тема русских добровольцев в Луганской и Донецкой областях (рис. 9).

[1] URL: http://vk.com/rus.prav.

Рис. 9. Из сообщества «Я русский», 24 мая 2014 г.[1]

Эти симпатии принципиально отличали дискурс националистических сообществ в Интернете от государственной пропаганды «Русской весны» по телевидению, где центральное значение придавалось мирному русскоязычному населению Украины, страдающему от действий собственной армии. Для «массового» националиста события на юго-востоке Украины стали свидетельством подъема русского национального самосознания.

Антиамериканские и антизападные настроения

Присутствовавшее в 2012 г. почти в латентном виде неприятие США, Европы и Запада в целом в 2014 г. стало открытым и массовым. Во времена «Русской зимы» представление о том, что Россия должна быть частью

[1] URL: http://vk.com/wall-396828_1631264.

европейского мира, отвергалось большинством националистов уже в силу того, что современная Европа трактуется как «царство Содома и Гоморры» и «торжествующего ислама». Примечательно, что идеи панславизма в 2012 г. практически отсутствовали, кроме единственного случая текста в поддержку косовских сербов. Но для «массовых националистов» это не является самостоятельным сюжетом, а полностью зависит от «Русской весны». США и Европа воспринимаются как мировая закулиса, цель которой — препятствие русским в национальном возрождении. Антизападные сюжеты в совокупности (антиамериканские, антиевропейские и антизападные) в сообщениях выросли в несколько раз — от 0,6 % в 2012 г. до 4 % в 2014 г.

Националистическая интернет-элита

Общая тенденция, которая свойственна дискуссиям националистов: стремление консолидировать свои ряды, избегая разобщающих тем и концентрируясь на тех, которые не вызывают разногласий. Все то, что разногласия вызывает: поддержка власти, отношение к оппозиционным митингам на Болотной площади, отношение к религии, — из дискуссий практически исключается. В исследуемых сообществах также почти не встретишь национал-социалистической эстетики, которая осуждается «советскими патриотами», хотя в реальности на пространствах «ВКонтакте» немало нацистских сообществ — например, «WotanJugend» или «НСИ-информ»[1], но они не являются мейнстримом. Также не встречаются и обсуждения болевых точек советского прошлого. Общими и самыми обсуждаемыми темами у

[1] WotanJugend // ВКонтакте. URL: http://vk.com/wotanjugend; НСИ-информ // ВКонтакте. URL: http://vk.com/nsiinform.

националистов являются призывы к самоорганизации, пропаганда здорового образа жизни, борьба с преступниками в среде мигрантов и кавказцев.

Тенденции негативной консолидации (ср. 32 % «идеологических» сообщений, выражающих неодобрение, и 23 % тех, которые выражают одобрение) заметны как среди идеологов, так и среди «массовых» националистов, но зависят в большей степени от первых. К ним относятся администраторы и создатели сообществ. Именно благодаря их усилиям достигается низкий уровень конфликтности дискуссий среди рядовых националистов, так как они контролируют контент, отбирают те сообщения, которые считают пригодными для публикации, и используют функции бана, то есть запрета участвовать в дискуссиях для пользователей, чьи высказывания нарушают правила и идеалы сообщества «ВКонтакте». Администраторы и создатели сообществ, очевидно превосходящих по численности все оффлайновые националистические партии вместе взятые, таким образом, могут быть отнесены к кругу идеологов националистов, то есть к «элите», которая в значительной степени направляет общую дискуссию и влияет на разработку идеологии.

Самоорганизация «массового» русского национализма

Что касается неидеологизированного дискурса, то националисты в Интернете стараются широко использовать неполитическую мобилизацию для поддержки заключенных националистов, которые отбывают сроки по ст. 282 УК РФ, воспринимаемой «массовыми» националистами как «русская статья»; а также для поиска людей и рабочих мест для безработных русских, следуя второму важному для националистов лозунгу: «Русский, помоги русскому» (рис. 10).

Рис. 10. Плакат на стене сообщества «Русские пробежки. Русские за ЗОЖ. Русь!», 30 сентября 2012 г.[1]

На фоне эффективной организации посредством Интернета в 2012 г. особенно заметно снижение организационной активности в социальных сетях в среде «массового» национализма в 2014 году. Если в 2012 г. 31 % всех сообщений в исследуемых сообществах были посвящены организации мероприятий и призывам к самоорганизации, то в 2014 г. этот показатель снизился до 23 %, причем снижение было выявлено во всех трех сообществах. Обсуждение событий в Украине на волне «Русской весны» поглотило организационную часть контента националистических сообществ ВК — впрочем, так же, как и популярную двумя годами ранее «кавказскую» тему.

[1] URL: http://vk.com/wall-22668555_84012.

Наиболее масштабных успехов самоорганизация посредством Интернета достигает среди сторонников ЗОЖ, которым мы в силу этого посвятили отдельный раздел.

ЗОЖ как важный элемент «массового» русского национализма

В январе 2011 г. вслед за событиями на Манежной площади в Москве впервые была проведена акция «Русские пробежки», которая затем стала регулярной и распространилась по всей России и даже за ее пределами. Во время «Русских пробежек» молодые люди, придерживающиеся националистических взглядов, устраивают массовые забеги без выявления победителя. «Пробежки» проходят с использованием националистической символики (в основном флаг «имперка»[1]) и часто пресекаются властями, не переставая от этого быть массовыми и регулярными.

«Русские пробежки» являются децентрализованной организацией, не имеющей иерархии и существующей только в виде сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Официальный сайт агрегирует новости и фотоотчеты с пробежек в разных регионах. На сайте они характеризуются как

> организованное силами честных людей неофициальное патриотическое движение, направленное на пропаганду здорового образа жизни и спорта среди русского народа, в обществе, на основе собственного примера. Русскими пробежками проводятся спортивные, оздоровительные, культурные и образовательные мероприятия[2].

---

[1] Черно-желто-белый флаг, использовавшийся в России в качестве государственного в годы правления Александра II в 1850–1880 гг.

[2] Русские пробежки. URL: http://www.ruszabeg.ru/ (на 01.09.2015 — «Русские за ЗОЖ»).

Кроме «Русских пробежек» широкое распространение получила практика совместных уличных тренировок. В качестве инвентаря используются турники, брусья, проводятся бойцовские поединки и спарринги. Как правило, это происходит благодаря организаторским усилиям самих участников и под лозунгами «Русский значит здоровый», «Русские за ЗОЖ».

Эксперты информационно-аналитического центра «Сова» в своем докладе указывают на наличие двух тенденций, которые привели к появлению «русских пробежек»: желание националистических организаций заниматься социальными проектами и тем самым предстать перед обществом в лучшем свете и собственно распространение идей здорового образа жизни[1].

Между тем авторы указывают на то, что в организации «русских пробежек» большую роль играли представители националистических организаций, имеющих своей целью вербовку молодых людей, в том числе и школьников. Не стоит отрицать, что на местном уровне, особенно в больших городах, организация «русских пробежек» не могла не проходить без участия националистов «со стажем». Однако децентрализованный и слабоуправляемый характер «пробежек» в масштабах всей страны отрицать также сложно.

Сообщество «Русские пробежки» в сети «ВКонтакте», как и сайт организации, является прежде всего агрегатором новостей. Основную часть контента составляют перепосты сообщений региональных сообществ «Русских пробежек» («Русские пробежки — Москва», «Русские пробежки — Курск», «Русские пробежки — Калуга» и т. п., см. рис. 11). Администраторами центрального

[1] *Юдина Н., Альперович В., Верховский А.* Между Манежной и Болотной: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году в России // Информационно-аналитический центр «Сова». 2012. 24.02. URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2012/02/d23739/.

сообщества являются 30 человек, которые организуют «пробежки» у себя в регионах. Стоит отметить также наличие международных представительств «Русских пробежек», например, в Люксембурге и Лиссабоне. Особняком стоят «пробежки» из Украины и Белоруссии, в которых слово «русские» заменили на «славянские», отражая важную для националистов идею восточнославянского единства. Но все же главный фокус коммуникации в сообществе «Русские пробежки» — самоорганизация, а не идеология. Именно это сообщество «Пробежек» позволяет убедиться в организационном потенциале социальных сетей.

Даже на фоне остальных националистических сообществ, в которых также встречаются сообщения о проведении и организации мероприятий, количество такого контента в сообществе «Русские пробежки» наивысшее среди всех исследованных в книге сообществ — 58 % и 50 % в 2012 и 2014 гг. соответственно.

Бóльшая часть пропаганды ЗОЖ посвящена борьбе с употреблением алкоголя. Ключевой и мобилизующий лозунг — «Русский значит трезвый», в тех или иных вариациях встречающийся в большинстве агитационных материалов. Даже создается впечатление, что весь ЗОЖ заключается не в популяризации различных видов спорта или здорового питания, а в простом отказе от алкоголя. Отказ от курения также является объектом пропаганды, но скорее второстепенным. Косвенным свидетельством этому является тот факт, что борьба с курением не вдохновила сторонников «здорового национализма» на создание столь же ходового лозунга, как «Русский значит трезвый».

В остальном содержание агитационных материалов посвящено «классическим» националистическим темам: семейным ценностям, русским воинским подвигам, уважению к старшим, антикавказскому и антимигрантскому дискурсам.

Рис. 11. Из сообщества «Русские пробежки. Русские за ЗОЖ. Русь!», 20 мая 2014 г.[1]

Встречаются и экстравагантные темы: например, лозунг «Русские против блондорасизма», под которым подразумевается борьба со стереотипом о глупых блондинках. Видное место среди гендерно окрашенного контента ЗОЖ-сообществ занимает пропаганда против связей русских женщин с представителями нерусских народов — преимущественно выходцами из Средней Азии и с Кавказа. Широкое распространение получило унизительное прозвище «чернильница», обращенное к русским женщинам, вступающим в близкие отношения с мужчинами, происходящими из этих регионов.

Здесь, как и в других лозунгах из арсенала русских националистов, русский народ рассматривается как деградирующее сообщество, нуждающееся в спасении. Этот акцент пропаганды ЗОЖ на вымирании русских и вреде от смешения с инородцами является мощнейшим мобили-

[1] URL: http://vk.com/wall-22668555_113675.

зующим фактором. Также в пропаганде ЗОЖ у националистов всплывают старые идеи об антирусском заговоре, но под «новым соусом». Речь идет об информационной войне, под которой в широком смысле подразумевается пропаганда нездорового образа жизни и антитрадиционалистских (модерных, либеральных, западных) ценностей.

При этом в «Русских пробежках» редко публикуются идеологически насыщенные тексты, в основном — изображения с позитивным или негативным содержанием (рис. 12 и 13).

Рис. 12. Из сообщества «Русские пробежки. Русские за ЗОЖ. Русь!», 24 сентября 2012 г.[1]

[1] URL: http://vk.com/wall-22668555_83408.

Рис. 13. Из сообщества «Русские пробежки. Русские за ЗОЖ. Русь!», 23 сентября 2012 г.[1]

Сочувствие к лозунгам ЗОЖ со стороны «массовой» подгруппы сообщества русских националистов показывает, что националистам в этой части их агенды раньше других удалось, в каком-то смысле интуитивно, найти свободную нишу для оппонирования власти. Ею стал бионационализм с его вниманием к проблемам здоровья и сохранения представителей нации[2].

---

[1] URL: http://vk.com/wall-22668555_83354.

[2] Данный термин появился сравнительно недавно. Одними из инициаторов его введения являются австриец Г. Готтвейс и кореец К. Бьюнгсу, которые в 2009 г. опубликовали статью, посвященную бионационализму в Южной Корее (*Gottweis H., Byoungsoo K.* Bionationalism, Stem Cells, BSE, and Web 2.0 in South Korea: Toward the Reconfiguration of Biopolitics // New Genetics and Society. Vol. 28. No. 3. 2009. P. 223–239). Фактически под бионационализмом Готтвейс и Ким подразумевают любые националистические проявления, укладывающиеся

Так, в случае с борьбой за «честные выборы» или социальную справедливость националистам приходится в агитации не просто играть на чужом поле, но и пытаться догнать либералов (своих идеологических противников). Напротив, появление бионационализма позволяет сторонникам данной идеологии претендовать на самостоятельный оппозиционный дискурс. Между тем, как отмечалось выше, данные процессы протекают в «массовом» национализме, практически не затрагивая националистических идеологов (лидеров дискурса). Отсутствие влиятельных публичных спикеров современного русского бионационализма делает его будущее туманным.

Сторонники русского национализма долгое время произносили лозунги, далекие от объективной повестки дня: восстановление монархии, восстановление имперских порядков времен Романовых, пересмотр территориальных итогов распада СССР и, наконец, борьба с вымышленным всемирным антирусским заговором.

Сегодня националистам не нравится, что, по их мнению, государственная власть пытается решить демографические проблемы российского населения в целом, без учета его этнического состава. До сих пор, по большому счету, плохо прочитанный как идеолог русского национализма А.И. Солженицын утверждал: «Сбережение народа — высшая изо всех наших государственных задач». «Массовый» национализм, который в большинстве сво-

---

в рамки фуконианского видения биополитики — системы контроля государства и общества над телом человека. Если национализм начинает делать акцент на вопросах здоровья, гигиены, сексуальности, можно говорить о его биополитической составляющей. Тело деперсонифицируется и отчуждается от личности. Человек и биологические процессы, связанные с его жизнедеятельностью, воображаются как принадлежащие нации, вследствие чего политическая власть осуществляется через телесный дискурс.

ем вряд ли знаком с данной формулой выдающегося русского писателя, в каком-то смысле самостоятельно дошел до ее понимания. Борьба с пьянством, проведение спортивных мероприятий, вовлечение молодежи в их организацию являются ответом на отсутствие особой «русской биополитики» у государства.

Но, акцентировав внимание на проблемах демографии и нежелании государства решать их, русский национализм не дает по-настоящему нового проекта преобразований государственной политики и общественного устройства. ЗОЖ понимается как привычная борьба с засильем инородцев посредством занятий физкультурой и отказа от вредных привычек. Перспективы его политизации остаются неясными, хотя способность мобилизовывать массы под лозунгами «За здоровый образ жизни» уже доказана.

Информационные сообщения в сообществах «массового» русского национализма

Информационные сообщения составляют относительно небольшую часть контента националистических сообществ — 11 % «Русской зимой» и всего 4 % «Русской весной». Такое падение в 2014 г. объяснимо тенденциями, которые существовали еще в 2012 г. Как мы уже упоминали, националисты чаще всего сопровождают новости своими оценками, связанными с их идеологической идентичностью, с использованием типичной националистической или ксенофобной риторики. Например, сообщение в паблике «Правые» от 26 сентября 2012 г.:

> Вован откроет толерантный еврейский музей, пожертвовав на него свою зарплату.
>
> 8 ноября в Москве откроется Еврейский музей и Центр толерантности, сообщает издание «Большой

город». Предполагается, что на открытии этого музея, который станет «самым высокотехнологичным на всем постсоветском пространстве», будет присутствовать президент Израиля Шимон Перес и президент РФ Владимир Путин[1].

В сообществе «Я русский» соблюдался в 2012 г. более нейтральный тон. Здесь было больше ссылок на «общие» информационные источники. Однако большинство сообщений администраторы сообществ также сопровождали текстом, подсказывающим определенное прочтение новости. Так, 30 сентября новость «Комсомольской правды» о погроме в Бангладеш сопровождалась следующим текстом:

> Говорите «невинность мусульман» это ложь? Мусульмане все добрые и пушистые?
>
> сегодня ночью более 20 тысяч мусульман устроили погромы и поджоги домов и храмов буддистов, за то, что кто-то из местных жителей выставил фото в фейсбук, где горит коран[2].

В 2014 г. подобная подача информационных сообщений сохранилась и стала использоваться еще активнее из-за общего политического обострения. Именно этим объясняется снижение количества нейтрально поданных новостей. Наиболее низким процент информационных сообщений был в сообществе «Русские пробежки». Задача этого сообщества — организовывать, а не информировать и разъяснять идеологические основы.

---

[1] Правые // ВКонтакте. URL: http://vk.com/wall-23486475_1209559.
[2] Я русский // ВКонтакте. URL: http://vk.com/wall-396828_927483.

Выводы и прогнозы: национализм на перепутье

Так случилось, что в связи с политическим кризисом 2014 г. в Украине основным объектом ксенофобии в СМИ стали националисты, правда не русские, а украинские, которых часто называли «фашистами», «бандеровцами» (а часто и вовсе экзотично — «бендеровцами») и агентами влияния Запада.

Такой «антинационализм» косвенно затронул и «элитарные» слои русских националистов. Некоторые из идеологов воспринимают нынешнюю официальную пропаганду ксенофобии как враждебную себе. Их отношение к событиям в соседней стране, к Майдану оказалось неоднозначным, но чаще всего — не таким, как у российской власти и поддерживающего ее большинства российского общества.

Особенно сильно это сказалось на представителях национал-демократического крыла русских националистов, которые в той или иной форме поддержали протестующих на Майдане. Наиболее последовательно это сделал «Национал-демократический альянс» (НДА). Лидер этой организации Алексей Широпаев назвал события в Киеве «антиколониальной, демократической, европейской (в плане цивилизационного вектора) революцией»[1]. По его мнению, мы стали свидетелями того, как становящаяся европейской страна освобождается от власти азиатской империи.

С большей осторожностью оценивали Майдан русские националисты, группирующиеся вокруг Национал-демократической партии (НДП), но и они не скрывали свою поддержку Майдану, видя в нем прежде всего до-

---

[1] *Широпаев А.* Об Украине и исторических связях // РуФабула. 2014. 31.01. URL: http://rufabula.com/articles/2014/01/31/about-ukraine-and-historical-ties.

казательство значительной политической роли этнических националистов в украинском обществе. С таких позиций «Похвальное слово Майдану» написал один из лидеров этой партии Владимир Тор[1]. О каких же преимуществах украинского национализма говорят русские националисты?

Во-первых, украинскому национализму не нужно было проходить мучительный разрыв с имперской идеологией, поскольку он изначально формировался как антиимперское движение. Во-вторых, идеология украинского национализма в полной мере сформировалась еще в первой половине XX века и к сегодняшнему времени имеет полноценный и законченный свод идеологических мифов, политических нарративов и установок. В-третьих, украинский национализм поддерживается значительной частью украинских политиков и интеллектуалов либерального толка, тогда как в России национализм при активном участии интеллектуалов-либералов был маргинализирован и табуирован (см. главы 4 и 7). В-четвертых, украинские националисты развивали свои политические движения в условиях относительно демократического государства и оказывали влияние на власть легальными средствами. Русский же национализм испытывал сильное давление со стороны государства и, в своей нынешней форме, был обречен на поражение в политическом соревновании с нынешней властью.

После того как Крым был присоединен к России, ряды оппозиции из числа русских националистов стали быстро редеть, в том числе и ряды национал-демократии. Например, Егор Просвирнин, недавний едкий

[1] *Тор В.* Похвальное слово Майдану // ЖЖ Дневник русского православного националиста. 2013. 10.12. URL: http://tor85.livejournal.com/2535915.html; Национал-демократическая партия. Официальный сайт. URL: http://rosndp.org/pohvaljnoe-slovo-majdanu.htm.

критик власти, не скрывал поддержки ее действий во время «Крымской кампании» и радостно приветствовал вхождение полуострова в состав России. Изменение своей позиции он прокомментировал в одном из текстов на сайте:

> И то, что Путин после десятилетий сдачи русских интересов везде и всюду вдруг вспомнил, что Крым — русская земля, вообще-то хорошо... Ругать Путина за то, что он начал выполнять часть нашей программы, как минимум странно[1].

Среди немногих националистических группировок, которые осмелились и тут проявить оппозиционность, наиболее заметной оказался уже упомянутый НДА[2]. Вместе с тем и другие русские националисты, даже в пылу радости по поводу возвращения русского Крыма, не хотят утратить политическое лицо и раствориться в общем хоре голосов, поддерживающих власть. Поэтому та или иная мера оппозиционности по отношению к власти присуща многим представителям русского национализма. Например, с публичной критикой власти по «крымской» теме неожиданно для многих аналитиков выступил Дмитрий Дёмушкин.

Пока трудно точно предугадать, как украинский кризис и связанные с реакцией на него внутриполитические изменения в России повлияют на дальнейшую эволюцию русского национализма. Возможно, эти события лишь на время отклонили основной вектор его развития, ведь в мировой истории национализм чаще всего самоопределялся, отталкиваясь от образа империи как своего ан-

---

[1] Зачем «Спутник и Погром» продался Кремлю? (важный текст) // Sputnik & Pogrom. 2014. 28.02. URL: http://sputnikipogrom.com/russia/9581/lets-work-for-our-supreme-leader-putin/.

[2] *Широпаев А.* С Днём независимости, Украина! // Русская фабула. 2014. 24.08. URL: http://rufabula.com/author/alexey-shiropaev/75.

типода. Но нельзя исключить проявления и противоположной тенденции — более тесного, чем ранее, переплетения националистических и великодержавных идей, у синтеза которых, в отличие от дискурса национал-демократов, даже не многолетняя, а двухвековая история.

Действительно, сегодня имперский национализм становится политическим попутчиком российской власти. Как демонстрирует полученный эмпирический материал, «массовый» национализм и не отступал от идей великодержавности. С большим воодушевлением имперские националисты восприняли факт присоединения Крыма к России. На время забыты, отброшены все разногласия с властью. Однако по мере идейного сближения с властью теряется специфика имперского национализма и его привлекательность для потенциальных адептов. Это идеологическое течение становится неотличимым от основной массы постсоветских сторонников восстановления СССР, что может привести к оттоку из националистических движений его членов. Многие из них теперь имеют возможность реализовывать свои политические интересы под покровительством нынешней власти, не называя себя националистами — термином, имеющим в России весьма негативную коннотацию.

Характерно, что в 2012 г. можно было говорить о разных векторах «массового» и «элитарного» русского национализма. Первый стремился к решению проблемы иноэтнических мигрантов, а второй пытался внести в него демократическую повестку. «Русская весна» на первый план вывела восстановление имперского порядка в прежних границах. И теперь в некотором роде уверенно можно говорить о единстве националистических идеологов и масс — их сплачивают общая повестка возвращения «исконных земель».

Траектория развития пока немногочисленного национал-демократического течения в русском национализме теперь представляется гораздо более трудной.

Его лидеры, а среди них собрались ведущие теоретики русского национализма, хорошо понимают фундаментальное отличие национализма от имперской идеологи и политики. Вероятность их отступления от своих принципиальных позиций невелика, даже в условиях, когда значительная часть представителей этого движения поддержала власть по «крымскому вопросу». Можно с уверенностью прогнозировать, что эта категория националистов недолго останется в роли попутчиков власти.

В России вызревает социально-экономический кризис — как по внутренним причинам, так и вследствие усиливающейся международной изоляции России. Все это уже вызывает новое политическое размежевание в стране, которое будет лишь нарастать. В этих условиях весьма вероятно усиление давления властей на все самоорганизующиеся идеологические группировки, в том числе и на организации национал-демократов. К тому же их оппозиционность буквально предопределена неизбежным ростом спроса на лозунги «защиты русских» в самой России. Российская власть неоднократно объявляла о своем праве защищать русских за пределами России, но положение русских во многих регионах Российской Федерации явно не лучше того, чем оно было в бывшей украинской Республике Крым. На это обратил внимание известный вологодский блогер Роман Романенко, который с сарказмом попросил президента России ввести войска в Вологодскую область, так как, по его мнению, в ней права русских ущемляются не меньше, чем в Крыму[1].

Нарастают требования защитить права русских на представительство в органах власти и на защиту русского языка в системе образования Татарстана. С этими требованиями выступают прежде всего организации

[1] *Романенко Роман.* Обращение к В.В. Путину // Facebook. 2014. 04.03. URL: http://www.facebook.com/roman.romanenko.39/posts/458887544240096.

национал-демократического направления. На Северном Кавказе с правозащитными идеями в отношении русских выступает партия национал-демократического направления «Новая сила». Ее оппозиционность в этом регионе не только не ослабевает, но и возрастает. Дальнейшее обострение межэтнической напряженности, связанное с притоком инокультурных мигрантов, также будет стимулировать оппозиционность русского национал-демократического движения.

Но и на таком фоне русский национализм остается имперским. Сегодняшние и будущие вызовы ставят перед националистами задачу «перевоспитания» самих себя. Иначе маргинализирующийся с каждым годом имперский порядок утянет за собой в историческую черную дыру и русский национализм.

ГЛАВА 3

ЛЕВЫЕ 2.0: С СССР НАВСЕГДА

Глава посвящена интернет-образу левого идеологического движения. После выделения общих идеологических констант левой идеологии описываются современные западные тренды ее развития, а также ее российская специфика. Далее на основе эмпирических данных анализируется интернет-образ российского левого движения и его лидеров. Делается вывод о том, что этот образ точно отражает просоветскую идентичность левой части российского идеологического поля, основанную на воображении советского прошлого, апелляциях к государственной мощи и антизападных фобиях.

Рис. 14. Плакат, открывающий стену сообщества «Советский Союз в нашем сердце»[1].

[1] URL: https://vk.com/photo-14407777_0 (дата обращения: 15.06.2014).

Теоретизируя левое движение

Б. Манен в своей классической работе выделил принципы представительного правления, впервые изобретенные в конце XVIII века и остающиеся неизменными и по сей день: регулярные выборы, определенная независимость власть имущих от электората в принятии решений, свобода выражения мнения и политических предпочтений управляемыми, дебаты как необходимое условие принятия публичных решений[1]. Форма этих принципов, которые и сформировали современный идеал либеральной представительной демократии, существенно эволюционировала со времен Французской и Американской революций: от парламентаризма в допартийную эпоху при отсутствии всеобщего (мужского) избирательного права, через эру партийной демократии с расширением политических прав населения и становлением национальных партийных систем к «аудиторной» демократии (*démocratie du public*) с характерными для нее снижением роли партийной принадлежности, повышением значимости индивидуальных лидеров и, главное, коммуникационных связей[2].

Укоренение этих принципов, равно как и становление различных форм демократии в России, происходило прерывисто и с опозданием в сравнении с западными странами. Опыт парламентаризма и строительства устойчивой партийной системы начала XX века был поглощен революционными процессами 1917–1920-х гг. Возвращение к «вечным» принципам современного демократического устройства в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в условиях роста влияния массовых коммуникаций, обнажило многочисленные трудности, связан-

---

[1] *Манен Б.* Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2007 [1995]. С. 12–15.

[2] Там же. С. 240–290.

ные в первую очередь со слабостью института парламента в системе органов высшей власти, аморфностью партийной системы и отсутствием контроля власти со стороны общества.

Эти обстоятельства, непосредственным образом связанные с советским прошлым и воспроизводством его социально-политического наследия, оказали влияние на политические процессы в современной России и, в частности, на формирование особого контекста идеологического строительства. Этот особый контекст наиболее отчетливо проявляется на примере левого идеологического фланга.

Использование термина «левые» применительно к российскому постсоветскому контексту проблематично, как и сама возможность апеллирования к традиционному для западных стран на протяжении последних двухсот лет идеологическому спектру, на одном полюсе которого находятся «левые» силы, а на другом — «правые». Если в странах с устойчивыми либерально-демократическими режимами и левые, и правые впитали либеральные идеалы индивидуализма, свободы личности и прав человека (см. главу 4), то в России, до- и особенно постсоветской, либеральные идеи оказались всего лишь одной (а во втором случае — еще и отнюдь не доминирующей) из множества идеологических платформ. Если сегодня в западных политических системах наблюдается стирание или, во всяком случае, существенное сглаживание идеологических расколов, имевших место на протяжении длительного времени вплоть до конца XX века, а также переориентация политических сил на новые, конкретные, зачастую ситуативные различия по главным идеологическим маркерам, то в современной России все еще продолжается период идеологического размежевания. В 1990-е гг. была первая фаза этого процесса, завершившаяся становлением ярко выраженного авторитарного режима в начале XXI века, который углубил деидеологизацию

большинства («советского материка», см. главу 1) и тенденцию дальнейшего размежевания политизированного меньшинства. Начиная с 2000-х гг. и по сей день мы являемся свидетелями новой фазы дробления «советского материка» деидеологизированного электората. Процессы консолидации на основе неоимперской идеи «Русского мира» приостановили, но не пресекли окончательно этот процесс. Российские идеологические трансформации, таким образом, в какой-то мере ортогональны тем, что имеют место в западных странах: хотя в обоих случаях идеологические различия и их медийная эксплуатация являются значимыми, в России вместо стирания прежних идеологических расколов и замещения их новыми происходит постепенное нарастание идеологического многообразия в обществе, порождающего все новые и новые ценностные разногласия и противоречия. Продолжение этого процесса в будущем представляется нам высоковероятным. При этом его развитие происходило и, по всей видимости, будет и впредь происходить не только по линии левый—правый, но более сложно и дробно.

Принимая во внимание данные факторы, мы постараемся обосновать использование концепта «левые» применительно к определенному идеолого-политическому сообществу современной России, о необходимости чего свидетельствует как минимум саморепрезентация этого сообщества и его членов, называющих себя левыми. Краткий анализ концепта поможет понять специфические характеристики образа российских левых, представленных в русскоязычном сегменте Интернета.

Левые: от утопизма к реформизму

Пользующееся пространственной метафорой разделение на «правых» и «левых» по идеологическим мотивам берет начало в революционной Франции конца

XVIII века: первые выступали с позиций восстановления прежнего порядка — монархии («консерваторы», «ретрограды»), в то время как вторые стояли за реализацию революционных идеалов свободы и равенства, то есть изживания наследия Старого режима («прогрессисты», «радикалы»). Под знаменами последних — революционных и прогрессивных левых — оказались самые разносторонние силы, объединенные в основном идеей необходимости преобразований в республиканском ключе; во всем остальном французские сторонники республиканского устройства общества и государства не обладали единством взглядов. Позже, с появлением, концептуальным развитием и широким распространением иных идеологий — социализма, коммунизма и анархизма, — довольно абстрактная и гибкая категория «левые», ассоциировавшаяся прежде со сторонниками республиканизма и классического либерализма, стала применяться к носителям и пропагандистам новых, «социально ориентированных» идей[1]. Эти трансформации, имевшие место в XIX веке в странах Европы, способствовали формированию семантического ядра концепта: именно окраска этих идеологических сил, во множестве их течений и интерпретаций, наполнила термин неким устойчивым смысловым содержанием.

Таким образом, несмотря на непрекращающиеся перекрестные споры в научной литературе[2] о границах, от-

---

[1] Так, знаменитый французский либерал первой половины XIX века Фредерик Бастиа в своем прославленном памфлете 1850 г. «Закон», критикуя социалистов за их пренебрежение к свободе и собственности, никогда не упоминает по отношению к ним термин «левые». Это явным образом свидетельствует о том, что семантический сдвиг, в результате которого «левыми» стали именовать социалистов, произошел уже во второй половине позапрошлого столетия: *Бастиа Ф.* Закон // Московский либертариум. 1999. 23.11. URL: http://www.libertarium.ru/lib_law.

[2] См. критический анализ споров в: *Anderson P.* 1998. "A Sense of the Left". New Left Review, I/231: 73–81; *Bobbio N.* Left and Right: The Significance of a Political Distinction. Cambridge: Polity Press, 1996; *White J.* 2010. "Left,

деляющих правых от левых, равно как и о полезности использования иных парных оппозиций (демократы — сторонники авторитаризма, умеренные—радикалы) и специальных политологических категорий (например, вопрос «идеологического центра» между левым и правым полюсами) для описания идеологического многообразия, можно говорить о консенсусе среди исследователей идеологий. Благодаря этому становится возможным выделить некоторые «идеологические константы», которые характеризуют левую мысль последних по крайней мере 100—150 лет и справедливы в отношении идеологий социализма (в форме радикальных коммунистических течений ленинизма, сталинизма, троцкизма, маоизма и т. д., левых радикалов, а также в умеренных формах, заложивших основы социал-демократии), анархизма, экологизма и более дробных идеологических течений (левый феминизм, мультикультурализм и т. д.).

Роль «собирателя» левых идей сыграл марксизм, ставший во второй половине XIX века своего рода идейной призмой. С одной стороны, учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса вобрало в себя опыт предыдущей «социально ориентированной» мысли — утопических проектов XVI–XVII веков и XVIII — начала XIX века, восходящих, по мнению М. Мамардашвили, как и современные левые утопии, к алхимии, последователи которой были нацелены вовсе не на описание природной реальности, а на ее мистическое переживание. Если алхимики «изживали себя через термины описания природных процессов», то левые утописты, говоря о построении справедливого общества или, в современном контексте, об эксплуатации, империализме, неолиберализме и т. д., «изживают себя в терминах описания социальных процессов, социаль-

---

Right and Beyond: The Pragmatics of Political Mapping", LSE Europe in Question Discussion Paper Series, No. 24. URL: http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/LEQS/LEQSPaper24.pdf.

ных структур, политических событий»[1]. С другой стороны, марксистское учение стало общей платформой для дальнейших идеологических интерпретаций, построений и дискуссий. Марксизм заложил основы социалистической и коммунистической мысли, являвшейся одновременно критической научной теорией общества (во многих элементах спорной и ошибочной) и идеологией, с присущими ей эмоциональным воздействием и прогрессивистским пафосом. А. Медушевский отмечает:

> К числу важнейших характеристик марксизма как идеологии относятся тезис о тождестве мысли и действия; теория классовой борьбы, раскалывающей общество; специфическое соединение научного и романтического взглядов на мир; апокалиптическое видение будущего; идея страдания, борьбы и спасения избранных; четкая и простая теория социального действия[2].

Именно на этой базе возникли основные характеристики новой, современной «левизны» в европейской, а затем и мировой политике.

Важнейшей «идеологической константой» для левых идеологий является, бесспорно, идея эгалитаризма. Все те, кто считают себя левыми, сходятся в понимании равенства как первостепенной и наиболее важной для социального строительства ценности[3]. Речь идет о равенстве во множестве его трактовок: от правового равенства, последовательно защищаемого мыслителями либеральной ориентации, до равенства социального — в возможностях (дискурс классового доминирования и «равен-

---

[1] *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. Социальная алхимия [1979] // Опыт физической метафизики. (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 267.

[2] *Медушевский А.Н.* Социология права. М.: ТЕИС, 2006. С. 94.

[3] *Bobbio N.* Left and Right... P. 60–71.

ства шансов») и результатах, прежде всего материальных (конструирование идеи «социальной справедливости», то есть главным образом вопросы перераспределения доходов в пользу наименее богатых посредством налогообложения, государственной собственности, ограничения частного капитала, активного участия государства в экономике в целом). Идея многоаспектного равенства и процесс его достижения — эмансипация сообществ, которые в том или ином обществе рассматриваются значительной частью населения как угнетенные или неравные в правах, — очень важны с точки зрения актуализации метафоры идеологического противостояния «левый—правый».

Надо отметить, что это противопоставление играет само по себе важнейшую роль в перцепции левой идеологии или, вернее, множества идеологических течений левой ориентации. Правые воспринимаются как защитники элитизма, аристократизма, интересов наиболее богатых и влиятельных слоев общества. Такое видение правых способствует созданию идентичности левых, позволяет им преодолевать разногласия и выступать единым фронтом тогда, когда это касается вопросов распределения власти и богатств, введения в действие новых законов, пересмотра важных правовых норм.

Несмотря на глубоко укоренившееся в современных западных обществах сочетание индивидуализма и гражданского участия, которые, по мысли Алексиса де Токвиля, составляют суть демократии и ее устойчивости[1],

[1] По мысли Токвиля, изучавшего американское общество первой половины XIX века, благодаря сочетанию конституционной гарантии прав гражданина и поддержанию социального участия демократия как *стремление к равенству* может балансировать между двумя порождаемыми ею тенденциями, первая из которых «ведет людей к независимости и может внезапно подтолкнуть их к анархии», а вторая «проявляется не столь быстро и не столь наглядно, но <...> значительно более целенаправленно ведет людей к закрепощению»: *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 481.

несмотря также и на выработку ценностного консенсуса на основе баланса между защитой индивидуальной свободы и обеспечением социального равенства, различия между двумя идеологическими полюсами — левым и правым — можно обнаружить в западных странах и сегодня. Так, они дают о себе знать в позициях политических сил по вопросам «традиционных» ценностей (сохранение «естественного» и «социального» неравенства, вопросы иерархии ценностей, семьи и т. д.) и защиты разного рода меньшинств (этнических, культурных, сексуальных).

Реактуализация противостояния левых и правых хорошо заметна по дебатам об однополых браках в Европе, США и других западных странах. Несмотря на то что призывы к уголовному преследованию геев или их моральному порицанию практически не встречаются (за исключением сообществ религиозных консервативных фанатиков в Америке), а идея однополых гражданских союзов поддерживается всеми политическими силами, вопрос максимальной эмансипации сексуальных меньшинств становится важнейшим для идеологической самоидентификации левых и правых, возможно, в современных условиях даже более важным, чем различия в экономических подходах и стратегиях[1]. Об этом свидетельствуют дискуссии о гей-браках и недавние массовые протесты во Франции в 2012–2013 гг.: ни одна политическая сила, считающая себя левой, не выступила против однополых браков, поддержав предвыборное обещание президента Олланда о полном уравнении гетеросексуальных и гомосексуальных союзов. Более того, многие левые силы, например французские коммунисты, годами твердили о необходимости этого уравнения. И наоборот, партии, ассоциирующие себя с правым идеологиче-

[1] *Bell D.A.* Liberté, Égalité, but Not Homosexualité // Foreign Affairs. 2013. June 24. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/139527/david-a-bell/liberte-egalite-but-not-homosexualite.

ским полюсом, в лице их лидеров и популярных фигур приватизировали в публичном пространстве защиту ценностей традиционной нуклеарной семьи, критикуя идею усыновления детей гомосексуальными парами и инициативу поддерживать для них суррогатное материнство[1].

С другой стороны, на волне деколонизации и деконструкции расистского дискурса начиная с 1960-х гг., в условиях, когда рабочий класс деформируется, появляются новые формы социального протеста, распадается советская империя и растет число иммигрантского населения в странах Запада[2], важным идеологическим шагом многих левых сил, опять-таки в их противостоянии правым, становятся отказ от марксистской риторики и выбор риторики «антирасистов», защитников меньшинств и идеала мультикультурализма. В то же время правые стали развивать дискурс заступников национальной идентичности под угрозой размывания образа нации[3], защитников идентичности «автохтонного» населения, «традиционных» ценностей и некоторых форм историко-культурного и религиозного христианского наследия в организации публичной жизни и функционировании государства (вопросы светскости, в том числе ношения религиозных символов, вопросы госу-

---

[1] Отметим, что никто из правых, тем не менее, не выступает с инициативами запретить аборты или усложнить процедуру разводов, что отличает французский и многие другие политические контексты от случая, например, Италии.

[2] См. сравнительный и критический анализ статистических данных на примере Франции и крупных западных стран в книге: *Tribalat M.* Assimilation. La fin du modèle français. P.: Editions du Toucan, 2013. P. 21–104.

[3] Этот дискурс у крайне правых принимает формы антииммигрантской и ксенофобской риторики. См.: *Функе Х., Ренсманн Л.* Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений // Актуальные проблемы Европы. 2004. №2. С. 74–98; *Wieviorka M.* Le Front national: entre extrémisme, populisme et démocratie. P.: Maison des Sciences de l'Homme, 2013.

дарственных символов, официальных праздников, преподавания истории и т. д.)[1].

Помимо равенства и стремления к тотальной социальной эмансипации важной характеристикой левых сил является их нацеленность на выработку концепций социального переустройства человека, его сознания, общественной структуры. Таким образом, большие левые идеологические проекты, прогрессивистские и рационалистические, видят целью радикальное изменение общества, осуществляемое революционным (коммунизм, крайние анархисты и пр.) или реформистским (социал-демократы, зеленые и т. д.) путем.

Особое внимание в «левой» мысли уделяется вопросам коллективной жизни: человек рассматривается как существо не исключительно индивидуалистическое, но также ориентированное на другого, то есть как субъект, коллективный по своей биологической и/или социальной природе. Еще такой всемирно признанный теоретик анархизма, как Петр Кропоткин, утверждал в своей работе «Взаимная помощь как фактор эволюции», что кооперация является значимым и действенным естественным законом биологической эволюции видов (в противовес дарвиновскому тезису о естественном отборе в процессе взаимной борьбы), а следовательно, «практика взаимной помощи и ее последовательное развитие создали самые условия общественной жизни»[2]. Одновременно с этим левые идеологи и мыслители, по точному определению Исайи Берлина[3], в силу

---

[1] См. подробнее: *Amselle J.-L.* L'ethnicisation de la France. P.: Lignes, 2011; *Федюнин С.Ю.* Мир после мультикультурализма: научные прорывы и политические тупики // Вестник Института Кеннана в России. 2013. Вып. 23. С. 66–76.

[2] *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб.: Товарищество «Знание», 1907 [1902]. С. 297.

[3] *Берлин И.* Два понимания свободы [1958] // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 122–185.

следования давней философской традиции придерживаются так называемой позитивной трактовки свободы, то есть верны идее необходимости саморазвития человека и обеспечения для этого возможностей, в том числе при помощи насилия и принуждения. Подразумеваются разные стратегии достижения человеческой свободы: от введения экономических гарантий и пособий для наиболее уязвимых социальных категорий и создания благоприятных условий для «человека труда»[1] вплоть до максимальной реализации концепции активно вмешивающегося в экономику социального государства (welfare state, Etat-providence) или, в радикальных вариантах, вплоть до попыток реализации социальной утопии построения социализма (коммунизма) во многих странах XX и даже нынешнего столетия.

Подпитываясь от интеллектуальных споров на протяжении двух столетий, эволюционируя вместе с либерально-демократическими политическими режимами и социальной структурой западных обществ, допускающей все бóльшие вкрапления индивидуализма, в своей массе левые западных стран существенным образом утратили ортодоксальность и радикально-критическую позицию в отношении действительности. Процессы последних нескольких десятилетий, в особенности начиная с 1980-х гг., свидетельствуют об окончательном пробуждении от изрядной дозы«опиума для интеллектуалов», которое предсказывал Раймон Арон в 1955 г.[2], разоблачая революционную мифологию левизны. Во второй половине XX века значительная и в конце кон-

---

[1] Сегодня эта идея, уже вне классовых различий, активно развивается сторонниками позитивной дискриминации в рамках т. н. capabilities approach. См., например: *Sen A.* Inequality Reexamined. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992; *Nussbaum M.C.* Women and Human Development: The Capabilities Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

[2] *Aron R.* L'Opium des intellectuels. P.: Calmann-Lévy, 1955.

цов одержавшая триумф над позицией радикальных собратьев часть левых сил в Европе приняла активное участие в формировании социал-либерального консенсуса. Заплаченная цена за политическую адаптацию — отказ от идеи разрыва с прошлым и настоящим во имя стремления к утопическому образу будущего[1] и решительное отмежевание от тоталитарного опыта СССР, Китая и соцстран. Об этом нельзя забывать, сравнивая европейских левых с теми, кто себя называет сторонниками левой идеи в российском идеологическом поле[2].

Российские левые: груз советского наследия

Из-за разницы контекстов левые в постсоветской современной России если формально и придерживаются выделенных нами идеологических констант, то зачастую

---

[1] Подобные проекты остались не более чем предметом для «сектантских» дискуссий среди отдельных популярных, то есть медийно растиражированных, левых интеллектуалов вроде Эрнесто Лаклау, Алена Бадью или Славоя Жижека. См.: *Мусихин Г.И.* Очерки теории идеологий. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 131–150.

[2] Здесь мы сознательно обращаемся к теории политического поля, разработкой которой занимался Пьер Бурдьё, в целях поиска концептуальных рамок для описания и понимания взаимозависимости носителей тех или иных политических идей. Таким образом, в логике политического поля ни одна идеологическая позиция, в условиях современной медиатизированной политики («аудиторной» демократии или ее имитации), не может быть «выключенной» из общего контекста («поля») противостояния, а потому всякая позиция с неизбежностью является постоянным реагированием на позиционирование других «игроков». Идеология становится в данной логике разновидностью символического капитала, который конвертируется в символы, приобретающие свою силу за счет медийного тиражирования. См.: *Bourdieu P.* 1981. La représ entation politique. Eléments pour une théorie du champ politique // Actes de la Recherche en Sciences Sociales, No. 36–37. P. 3–24.

придают им иное по сравнению с западными левыми смысловое содержание и дискурсивное звучание. Российское левое сообщество воспроизводит важные для современных левых в странах либеральных демократий идеологические маркеры: и прогрессизм, и эгалитаризм, и коллективизм в отношении понимания человеческой природы и видения желаемого общественного устройства, и, конечно, требования социальной справедливости путем государственного перераспределения благ и иного вмешательства государства в экономику для обеспечения материального равенства.

Однако в глубине различий историко-политического и интеллектуального наследия российских и западных левых мы легко убеждаемся, обратившись к политическим партиям и объединениям, публично позиционирующим себя как левые и, дополнительно, коммунистические, социалистические, социал-патриотические. К ним относятся лидеры и сторонники КПРФ, «Справедливой России», а также более мелких партий и объединений патриотической направленности. Именно эти левые господствуют в политическом поле российского телевидения и в российском интернет-пространстве. Левые же европейского типа (которые называют себя «евросоциалистами»[1]) представляют собой довольно замкнутое маргинальное меньшинство, не имеющее реального политического представительства; интеллектуальный островок, развивающийся в идейной динамике современной социал-демократической мысли западных стран, окруженный большинством, апеллирующим с разной степенью интенсивности к советскому прошлому.

[1] Этот термин используется, в частности, журналистами Сергеем Смирновым и Павлом Пряниковым, а также повсеместно в Сети. Не путать с идеологией евросоциализма, развиваемой европейскими интеллектуалами, в т. ч. внутри Партии европейских социалистов (PES), как идеология единой социалистической Европы.

Важнейшая отличительная черта этих «массовых левых» (или «старых левых», учитывая их противопоставление более поздним по времени возникновения евросоциалистам) состоит в их «советскости», то есть приверженности к советскому, марксистскому, ленинско-сталинскому наследию в виде символического ресурса и риторики, использующей марксистские тезисы, хотя и преимущественно в неортодоксальном виде. Для них, иронически воспроизводя формулу Жан-Поля Сартра, марксизм/ленинизм/сталинизм / советский опыт остались непревзойденным философским горизонтом нашего времени (*horizon philosophique indépassable de notre temps*). В западных странах левая идеология стала своего рода вектором, определяющим, в каком направлении улучшать настоящее, тогда как в постсоветской России до сих пор не произошла деутопизация левой мысли. Утопический элемент, состоящий в создании концептуальных и воображаемых ограждений «от способности увидеть, что происходит в действительности»[1], по-прежнему чрезвычайно силен в идеологии российских левых.

Данное обстоятельство обусловлено уже упомянутым выше особым характером российского идеологического строительства, которое испытывает сильное влияние советского прошлого, прервавшего развитие идеологических течений, партий и движений. Постсоветские российские левые, в большинстве своем социалисты и коммунисты[2], не прошли огранки политической эволюцией XX века в рамках реальной представительной демократии, но несут в себе советский — то есть, с одной стороны, утопический, но одновременно

---

[1] *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии... С. 265.

[2] Отсутствие сколько-нибудь значимых сил анархистов и зеленых является симптоматичным для констатации концептуального несовпадения российской и европейской ситуаций.

с этим ретроспективный — элемент. И в данном смысле эти российские левые, составляющие подавляющее большинство, являются консерваторами в отношении желания сохранить «лучшие достижения советского прошлого»: «достоинство рабочего человека», «мощь государства», «величие страны» и т.п. Именно такое эксплуататорское в буквальном смысле слова отношение к советскому прошлому, старательно мифологизируемому, позволяет российским левым прекрасно жить без создания и осмысления образа соперника — правых. Не вступая здесь в дискуссии о легитимности термина «правые» и его смыслового наполнения в российском постсоветском контексте, отметим, что российские левые советской ориентации автономны от деления «левый—правый».

Таким образом, отличительной чертой большинства современных российских левых, разделяющих общее идейное наследие с идеологиями социализма, коммунизма, анархизма, развивавшихся на европейской и российской дореволюционной почве, является эксплуатация сконструированного ими же позитивного образа советского прошлого. В силу этого левый популизм, апеллирующий к равенству и солидарности, сочетается с отсылками к победам и достижениям советской империи; именно поэтому государственный патернализм идеологически увязывается с империализмом во внешней политике на пространстве бывшего СССР; по этой же причине призывы к эгалитаризму сосуществуют с концепцией «иного», «незападного», «самостоятельного» пути развития российского общества и вытекающей из нее западо- и американофобией. Советское идеологическое наследие и прагматические действия российских левых политиков постоянно смещают акценты в ключевых левых лозунгах: дискурс защиты прав представителей меньшинств (этнокультурных, сексуальных и социальных) практиче-

ски отсутствует у массовых левых (но является конституирующим для меньшинства новых левых), равно как и дискурс толерантности (показательно, что само это слово является бранным в публичном пространстве) и борьбы с дискриминацией по признаку пола, этнической принадлежности, культурной идентичности, социального происхождения, родного языка и т.д. Вместо всего этого в риторике левых сил доминируют попытки воскресить попранные идеологемы интернационализма и «дружбы народов», которые достаются из советского официоза и гротескно контрастируют с постсоветскими реалиями, например с фактическим отсутствием в России иммиграционной и интеграционной политики, а также с агрессивными действиями в отношении бывших союзных республик — как на словах (страны Балтии), так и на деле (Грузия—2008, Украина—2014).

Итак, кратко охарактеризовав специфику левого фланга идеологического спектра в современной России и описав контекст употребления термина «левые» в современной российской политике, мы переходим к анализу ключевых характеристик многообразного левого дискурса в пространстве Интернета.

Интернет-образ российского левого движения

Характеристика исследованных сообществ

Как и в случае всех четырех проанализированных в книге идеологических движений (см. описание общей для глав 1–4 методики работы с данными в главе 1), выборкой послужили три самых массовых сообщества среди всех сообществ в «ВКонтакте», которые мы идентифицировали как левые:

- «Советский Союз в нашем сердце»[1], http://vk.com/club14407777;
- «Коммуна», http://vk.com/kommuna_rus;
- «Как учил дедушка Ленин (Марксизм|Коммунизм)»[2], http://vk.com/club9610474.

70 % участников трех исследованных нами левых сообществ ВК — мужчины, а наиболее часто встречающийся возраст участников — 20–25 лет. В среднем левое интернет-сообщество моложе всех остальных, изученных нами на примере «ВКонтакте»: доля пользователей старше 30 лет здесь наименьшая[3]. Участники сообществ, как правило, проживают в городах (Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Новосибирск, Иркутск и т.д.) и имеют самый разный профессиональный и образовательный бэкграунд. В левых сообществах можно встретить немало украинцев из преимущественно русскоговорящих регионов, причем это не новые участники, привлеченные в сообщества «Русской весной», а давнишние. Несмотря на то что левые сообщества постоянно привлекают молодежь, они теряют популярность: количество их участников падает из года в год — и это единственный подобный результат среди всех изученных идеологических сообществ, для которых характерны обратные тенденции роста популярности.

Выбранные нами для исследования интернет-образа российских левых три сообщества «ВКонтакте» оказались связаны друг с другом, дублируют материалы из одинаковых внешних источников (партийных сайтов

[1] В 2014 г. сообщество переименовали в «Наша_Родина_Советский_Союз».

[2] Подробнее о численности каждого сообщества см. в Приложении 2. Описание общей методики формирования выборки для контент-анализа и описание категорий см. в главе 1.

[3] См. подробнее сравнительные данные в Приложении 2.

и СМИ)[1], цитируют друг друга (особенно много пересечений между сообществами «Советский Союз в нашем сердце» и «Как учил дедушка Ленин») и даже объединяют участников (некоторые участники сообщества «Коммуна» входят также и в сообщество «Советский Союз в нашем сердце»).

Идеология — ведущая тема интернет-коммуникации российских левых

Содержание дискуссий исследованных сообществ «ВКонтакте» говорит об их высокой идеологизированности (64 % от объема дискурса в 2012 г. и 66 % в 2014 г.) и довольно высокой (25 % и 26 % соответственно) и незначительно уступающей только националистам среди изученных движений (23 % против 31 %) ориентации на организационную деятельность и мобилизацию сторонников. При этом члены сообществ обмениваются не нагруженной дополнительными смыслами информацией довольно редко (5 % и 2 % от общего контента) и реже других идеологических движений (16 % и 13 % для путинистов, 17 % и 7 % для либералов, 11 % и 4 % для националистов за 2012 и 2014 гг.).

Во время «Русской зимы» идеологии была посвящена не просто наибольшая часть текстов левых, но и в 1,2 раза большая, чем в коммуникации других движений (51 % для конформистов, 52 % для либералов, 55 % для националистов). Более того, только в их дебатах не произошло никаких заметных перемен из-за событий «Русской весны». Уровень идеологизированности массового левого интернет-сообщества остался почти без изменений,

[1] Прежде всего с официальных сайтов КПРФ и «Справедливой России», а также с сайта левой политической партии «РотФронт», сайтов радио «Радиогазета “Слово”», газеты «Солидарность» и др.

незначительно увеличившись — с 64 % до 66 % объема дискурса. Для других же движений прирост идеологизированного контента в дискурсе был значительным: в полтора раза для сторонников Путина (с 51 % до 77 %), в 1,7 раза для либералов (с 52 % до 88 %) и в 1,3 раза — для националистов (с 55 % до 71 %). Кроме того, во время «Русской весны» с точки зрения пропорции идеологизированного контента левый дискурс показал самое низкое по сравнению с тремя другими значение — 66 %.

Это указывает на две особенности дискурса российских левых Рунета. Во-первых, он, вероятно, идеологизирован в большей степени, чем контент других движений (потому что для других движений рост идеологизированности коммуникации был вызван чрезвычайными политическими обстоятельствами). А во-вторых, высокая идеологизированность, смысловая и ценностная нагрузка левого дискурса не зависят от политических декораций, так как левые сообщества имеют свой круг тем, который стабилизирует их дискурс. Сразу отметим, что то же верно и для дебатов организационно-мобилизационного содержания, о которых мы расскажем подробно в разделе «Действия».

Среди коммуникации на идеологические сюжеты преобладает выражение неодобрения, более чем в полтора раза (в 2012-м) или 2 раза (в 2014-м) превышая выражения одобрения. Последние имеют несколько адресатов.

Российская власть — главный внутренний враг левого движения во время «Русской зимы» и «Русской весны»

Во время «Русской зимы» российская власть была главным объектом неодобрения для левых (16 % объема дискурса), так как, по их мнению, она является олигархической, капиталистической, империалистической,

антинародной, бандитской, продажной и дурачащей народ при помощи пропагандистских обещаний «стабильности»[1]. Ярким примером такого изображения государственной власти служит демотиватор, распространенный сообществом «Коммуна» (рис. 15).

Рис. 15. Из сообщества «Коммуна», 23 сентября 2012 г.[2]

[1] «Хочешь реальной борьбы и смены этой продажной власти? Хочешь помочь протестному движению? Тогда вступай в ряды Левого фронта!» — этот призыв со стены сообщества ВК «Левый фронт» (URL: http://vk.com/leftfront) перепечатан сообществом «Коммуна» в 2012 г.

[2] URL: http://vk.com/wall-8375_324184. Демотиватор позаимствован сообществом «Коммуна» со стены сообщества «Левый фронт» (URL: http://vk.com/leftfront).

Современная российская власть дискурсивно противопоставляется власти советской, в том числе эпохи застоя, которую, при всех недостатках, на взгляд левых, отличало предоставление населению настоящей стабильности в виде гарантий социальной защищенности.

Вместе с тем левые поддержали присоединение Крыма и на этом этапе развития вмешательства России в дела Украины одобрили действия российской власти: в начале 2014 г. был зафиксирован 1 % высказываний в поддержку российской власти по сравнению с 0 % два года назад, равно как и резкое снижение критики в адрес российской власти с 16 % в 2012-м до 3 % в начале «Русской весны»[1]. Данные изменения статистически фиксируют рост одобрения имперской внешней политики и видимости государственной мощи.

Но поддержка российского режима со стороны массовых левых закончилась тогда, когда власть, по их мнению, оказалась недостаточно последовательной в отношении антиукраинских восстаний. Так, на примере сообщений одного из исследованных сообществ, можно увидеть, каких действий ожидали левые от российской власти. Судя по опросу, проведенному сообществом «Коммуна» в июле 2014 г., на вопрос «Нужно ли, исходя из вновь открывшихся обстоятельств, немедленно оказать Новороссии полноценную военную помощь?» 69,07 % проголосовавших ответили «да», 15,98 % — «нет», 9,79 % выбрали ответ «не знаю», а 5,15 % участников опроса выбрали проукраинский вариант ответа «я — враг ватников, колорадов нужно жечь»[2]. То, что такой помощи не последовало, левые расценили как заговор российских и украинских элит и российского олигархата с украинским против «красной революции» «Юго-Востока» (см. рис. 16 и тексты ниже):

---

[1] См. Приложение 3.

[2] URL: https://vk.com/topic-8375_30355583. Опрос начат 20.07.2014.

ВОТ И СНОВА МЫ СТАЛИ БРАТЬЯМИ,
ЖАЛЬ ПО ГЛУПОСТИ, А НЕ ПО МАТЕРИ.
У НАС ЦАРЬ, У ВАС ОЛИГАРХИЯ,
ВОТ КАК СЛИПНУТСЯ
БУДЕТ МОНАРХИЯ!

Как это ни странно, но вся придворная камарилья Путина признала президентские выборы на Украине. Думается, не без длительных консультаций. Министр Лавров признал выборы, и даже патриарх Кирилл их благословил... Вряд ли значит, что они с этим согласны. Скорее, это лукавый манёвр.

Но дело даже не в этом. Дело в том, что на Украине победила одна из голов дьявольского, всепожирающего дракона капитало-олигархии. Можно предположить, что российские царьки и украинские купчики договорятся, а то и слипнутся, как пельмени, или вареники. Не стоит даже исключать новых альянсов, а то и вовсе слияний, которые никогда не будут на пользу простым, рядовым трудящимся.

Но чёрт с ними! Да, если есть чёрт, то он именно с ними — и с российскими царьками, и с украинскими купчиками.

Очень жаль, если этой грядущей опасности ещё не понял единый народ России и Украины[1].

Тогда же появилась запись передачи на интернет-канале «Красная Линия» на тему «Агония украинского олигархата», в которой прозвучало программное для левых отношение к украинским событиям и роли в них российской «олигархической» власти:

Зачем киевская хунта организовала фарс под названием «президентские выборы»? Основных причин было

[1] Коммуна // ВКонтакте. 2014. 27.05. URL: https://vk.com/wall-8375_403112 (перепост сообщения из сообщества «Крокодил: советский сатирический журнал»).

две: удержаться у власти самим и исполнить волю своих западных хозяев. От России требуется мудрая твёрдая политика. Но способна ли олигархическая власть в России на такую политику?[1]

Скрытое одобрение Путина со стороны левых можно усмотреть в том, что они стали вдвое реже его критиковать по сравнению с 2012 г. (4 % против 2 % в 2014 г., тогда как либералы критикуют персонально Путина почти в два раза чаще — 9 % в 2014 г. в сравнении с 5 % в эпоху «Русской зимы»). Однако критика лично Путина никогда не была ведущим топосом у левых, в отличие от либералов. Левые, судя по их высказываниям, во власти не любят не только Путина, но и всех тех, кто формирует «систему», а потому они предпочитают не высказывать свои обвинения исключительно в адрес президента. Это, в частности, следствие более дружеских взаимоотношений левых с российской властью, особенно заметных на примерах движения Сергея Кургиняна «Суть времени» и КПРФ: среди исследованных сообществ одно в большей степени прозюгановское («Коммуна»), а другое — «Советский Союз в нашем сердце» — заметно лояльно к «Сути времени», которую они критикуют, но все же не удаляют из друзей сообщества, а иногда даже хвалят. В этом же можно усмотреть признание за Путиным возможности принятия репрессивных решений и стремление не играть с ним в опасные игры. Опять же, здесь проявляется контраст с либералами, которые в своих интернет-дискуссиях смело вызывают на дуэль именно Путина — впрочем, оставляя за ним право полностью игнорировать такие вызовы.

---

[1] См., например: Коммуна // ВКонтакте. 2014. 30.05. URL: https://vk.com/wall-8375_403314.

Антилиберальные высказывания: российский либерал — второй злейший внутренний враг левого движения

Российская либеральная оппозиция постоянно являлась вторым важнейшим объектом идеологической атаки со стороны левых: ее подозревали в участии в заговоре Запада или, одновременно с этим, в работе на кремлевскую пропагандистскую машину. «Либерал, демократ, пацифист» — те, с которыми левым совсем не по пути, как гласит устав сообщества «Как учил дедушка Ленин», не меняющийся с 2012 г.:

> Если ты либерал, демократ или, не дай бог, пацифист — оставь свои убеждения при себе. А если не можешь, лучше покинь группу[1].

В связи с украинскими событиями российские либералы предстали еще в одном качестве — предателей, «онтологических», «экзистенциальных», которые «в голос и прилюдно рыдают над пармезаном и хамоном, которыми им якобы придется пожертвовать ради независимости России и Новороссии», как считает процитированный во всех изученных левых сообществах В. Третьяков[2]. Отношение к либералам облекается в самые нетолерантные выражения, среди которых «либераст» — наиболее мягкий вариант. В нелюбви к либералам левый дискурс сближается с риторикой русских националистов и провластных конформистов.

---

[1] Устав внутренней службы группы «Как учил дедушка Ленин Марксизм Коммунизм Сталинизм» // ВКонтакте. 2012. 24.06. URL: http://vk.com/topic-9610474_26557371.

[2] *Третьяков В.* Формула предательства. 10 смертных грехов русской интеллигенции // КПРФ. 2014. 08.16. URL: http://kprf.ru/activity/culture/133781.html.

Из-за Интернета, который способствует прозрачности агенды любых самых маргинальных течений и их видимости друг другом, один и тот же антилиберальный контент курсирует между сообществами: так, демотиватор против певца Андрея Макаревича, открыто выступившего против аннексии Крыма и антиукраинской истерии, без всякого дополнительного комментария был выложен в сообществе «Советский Союз в нашем сердце» у левых и одновременно в националистической группе «Я русский». В случае с Макаревичем, олицетворяющим в данном случае либералов, которые «постоянно недовольны любым режимом» (это смысл демотиватора, который изображает Макаревича недовольным режимом в 1970, 1990 и 2014 гг., с текстом «Может, дело не в режиме, а в человеке?»), виден антилиберализм, свойственный как националистам, так и конформистам и левым. Также из-за прозрачности дискурсов одни и те же мемы «путешествуют» между сообществами разной идеологической ориентации. Так, Шариков (см. рис. 15) к 2014 г. стал для либералов символом «тупых левых ватников»; левые, в свою очередь, используют этот образ для олицетворения пропутинской интернет-пропаганды, тогда как конформисты — для критики либералов[1]. То есть эта игра, дающая возможность любому желающему сочинять демотиваторы с Шариковым, «представляется просто универсальным генератором демотиваторов под самые различные политические и идеологические глупости текущего момента»[2].

---

[1] Шаблоны, на основании которых можно составлять демотиваторы с Шариковым любого содержания, выложены на странице «ВКонтакте» «Полиграф Полиграфыч знает» (URL: http://vk.com/poligrafych_znaet).

[2] *Colonel Cassad [Борис Рожин]*. Полиграф Полиграфыч знает... // Colonel Cassad: Рупор тоталитарной пропаганды [ЖЖ Бориса Рожина]. 2012. 24. 4. URL: http://colonelcassad.livejournal.com/708060.html. Запись о современной жизни мема сопровождает обширная кол-

Против националистов и конформистов

Одновременно с ростом антипатий по отношению к либералам окреп и критический настрой в адрес других российских идеологических оппонентов, прежде всего провластных конформистов. По мнению левых, дело «Новороссии» и украинского «Юго-Востока» (именно так левые, вслед за официальным дискурсом российской власти, называют сепаратистов ДНР и ЛНР) осуществляется людьми с просоветскими, а также антикапиталистическими взглядами, тогда как, в их глазах, конформисты поддерживают капиталистическую и олигархическую российскую власть. Кроме того, даже в контексте «Русской весны», характеризующейся патриотическим угаром, левые не забывали подчеркивать свое резкое неприятие русских националистов и русского патриотизма, от которого, по их мнению, один шаг к нацизму.

Левые солидарны с «массовым» национализмом и в отношении необходимости борьбы за здоровый образ жизни. Так, например, сюжет «Серьезный разговор про алкоголь», выложенный в националистическом сообществе «Русские пробежки», повторяется и в левых сообществах, причем если националисты призывают бросить пить и заняться спортом, левые прежде всего заостряют внимание на том, что «спаивание России» — это западные происки, Россия же исторически была исключительно трезвой страной, в которой даже квас был под частичным запретом и в которую крепкие алкогольные напитки были завезены намеренно западными коммерсантами, желавшими (и желающими) растлить и поработить народы России[1]. Таким образом, националисты,

---

лекция левых, либеральных, конформистских, националистических демотиваторов.

[1] Запрещенный в России (см.: *Политзек*. Документальные фильмы, запрещенные в России. Часть 2 // Нет антинародному режиму. 2014. 14.11. URL: http://rejimu.net/filmi-zapreshennie-v-rossii/2/) антиал-

не рассуждая об истоке пьянства, активно борются с последствиями, а левые увлеченно ищут первопричину, которая, что неудивительно, отыскивается на Западе.

Американофобия

Запад мыслится левыми виновником, невольным или сознательным, разных российских бед, среди которых главная, по мнению левых, развал СССР. Кроме того, Запад является олицетворением власти капитала, противником интернационализма и дружбы народов, насаждающим по всему миру культ денег и наживы. При этом российские левые сочувственно упоминают сотоварищей из партий левой идеологической ориентации на Западе, но считают их цели и задачи, о которых мы уже рассуждали в теоретической части нашей главы, далекими от собственных. Запад к тому же, по мнению левых, питает (во всех смыслах) российскую либеральную оппозицию, которую левые считают антинародной и антироссийской. Поэтому страх перед влиянием европейских и в целом западных чуждых идеологических и моральных ценностей (равно как и ненависть к ценностям «мирового глобализма, превратившего в товар даже самое святое»), помноженный на привычку искать

когольный фильм «Технология спаивания» (URL: http://youtu.be/t4dlhGd_gXo. 2012. 13.01.), на который ссылаются многие патриотические ресурсы. В фильме рассказывается о том, что в России не пили; что когда китайцы привезли алкоголь, русские от него отказались, и до начала XVIII века алкоголь народу продавали только в кабаках. Согласно мнению авторов фильма, алкоголь был введен в моду Петром I вместе с европейской одеждой и прочими нововведениями, но при этом страна якобы оставалась трезвой до 1923 г., «войну выиграла трезвая», а в 1950-е гг. в стране пили меньше, чем в Европе. Однако к 1965 г. стали потреблять уже около 5 литров спирта на человека, к 1970-му — 11 литров, что было выгодно государству, доходы которого от продажи дешевого алкоголя были колоссальны.

врагов, составляют еще одну платформу негативно направленных идеологизированных дискуссий. В этом левый дискурс сближается с националистическим и провластным, где также циркулируют фобии в отношении Европы и США и теории заговора воображаемого Запада против России.

В динамике от 2012 к 2014 г. здесь также заметен шифт, обусловленный украинским кризисом: поскольку главным его виновником объявлены США, то именно в их адрес слышится главная критика (2 % по сравнению с 1 % высказываний против обобщенного «Запада»), когда речь заходит о внешних врагах. Это сближает коммуникацию левых с коммуникацией провластных конформистов, для которой мы уже отметили те же тенденции.

Новый объект для антивластной и антилиберальной критики — Майдан и новые украинские власти

Помимо перечисленных выше объектов для критики, украинские события предложили и другой — новую украинскую власть и Майдан. Собственно антимайдановский дискурс (в среднем по трем сообществам ВК — 27 % контента, в то время как в сообществе «Коммуна» этот показатель на фоне «Русской весны» достиг 45 %) укрепился за счет абсорбции им всей традиционной левой антириторики. Новая украинская власть воспринимается в левом интернет-сообществе такой же антинародной и олигархической, как российская, и воображаемый украинский «Юго-Восток» считается жертвой обеих сторон: украинская власть обвиняется в ведении войны против собственного народа, а Кремль — в том, что не вводит войска на территорию Украины для прекращения подавления сепаратизма (потому что это «не их народ», см. рис. 16).

Рис. 16. Из сообщества «Как учил дедушка Ленин», 31 мая 2014 г.[1]

Критика российской либеральной оппозиции — ведущий «анти»-дискурс во время «Русской зимы» — сменился во время «Русской весны» украинофобией, а именно критикой Майдана и новой украинской власти, так как именно они стали олицетворением либеральных и прозападных ценностей и выступили противниками империализма, государственного патернализма и советизма.

Просоветский дискурс российских левых

Все то, что классифицируется как советское, вызывает безусловное одобрение со стороны левых. СССР в понимании постсоветских левых — великая страна, образец, к которому должна вернуться Россия.

[1] URL: https://vk.com/wall-9610474_16099.

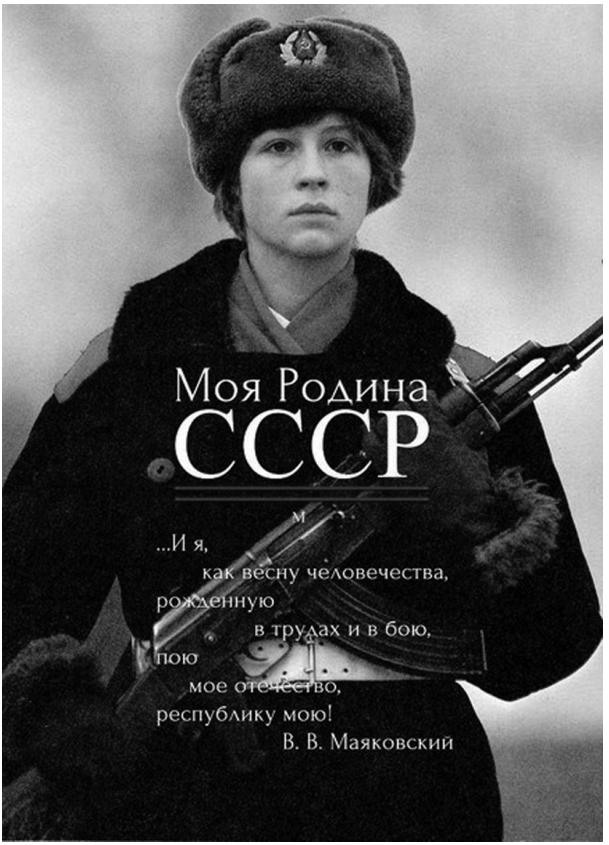


Рис. 17. Аватар одной из участниц сообщества «Как учил дедушка Ленин»[1].

Постоянный визуальный контекст их коммуникации посвящен прославлению этого образца (например, многочисленные клипы и плакаты в назидание молодым о том, что родители строили великую страну, а молодежь

[1] Оля Изместьева // ВКонтакте. URL: http://vk.com/id164520138 (фото: 2013. 3.12. URL: http://vk.com/photo164520138_316336474) (дата обращения: 20.06.2014).

превратилась в общество потребления, но жить без идеалов нельзя и т. д.). О просоветской ориентации свидетельствуют как содержание, так и сами названия сообществ с прямыми цитированиями советского дискурса: «Университет марксизма-ленинизма», «Наша Родина — СССР — Политическая группа», «СССР — Наша Советская Родина», «За новую Советскую Россию. Моя родина СССР», «Комсомольская искра», «Религия — опиум для народа». То, что идеологическая суть «массового» левого движения в российском случае заключается в советском популизме, видно по названиям наиболее популярных сообществ «ВКонтакте»: для самоидентификации сообщества в целом реже используют термин «левый» («Девушки левых политических взглядов»), чем «советский» и «коммунистический»[1], тогда как большинство названий содержит марксизм/ленинизм/сталинизм/советизм в качестве ключевых для левых индикаторов идеологической идентичности. В этом отношении самыми красноречивыми являются гнездовым способом образованные сообщества: «Карл Маркс и Фридрих Энгельс в нашем сердце»[2]; «Владимир Ильич Ленин в нашем сердце!»[3]; «Иосиф Виссарионович Сталин в нашем сердце»[4]. Есть и немало сообществ, которые формиру-

---

[1] Так, изучив названия сотни левых сообществ, мы обнаружили, что 20 из них содержат «СССР», или «советский», или оба слова в названии, 17 — «коммунизм» или «коммунистический», 9 — имя Ленина и «ленинизм», 6 — Сталина и «сталинизм», 6 — Маркса и «марксизм», 5 — слово «левый», 5 — «социализм» или «социалистический».

[2] 23 684 участника (01.10.2014), URL: http://vk.com/club21263793. Подобные сообщества марксистов: «Карл и Фридрих спешат на помощь», «Современный марксизм» и др.

[3] 31 349 участников (01.10.2014), URL: http://vk.com/club13367820. Другие сообщества, подчеркивающие приверженность идеям ленинизма, например «Клуб последователей Ленина», «Руки прочь от Мавзолея В.И. Ленина», «Клуб марксистов-ленинцев» и пр.

[4] URL: http://vk.com/club13367820. В этом сообществе 40 191 участник (01.10.2014). Другие сообщества, подчеркивающие приверженность

ются для обсуждения ключевых исторических событий, относящихся к советскому прошлому (например, «Великая_Октябрьская_Социалистическая_Революция»[1] или «Памяти нашей Победы»[2]), к прославлению героев («Герои былых времен (Группа памяти)»[3], «Леонид Ильич Брежнев»[4]) и осуждению врагов («Иуда Солженицын. Мы знаем, о чем он писал»[5], «Народ против партии "Единая Россия"»[6], «Антилиберализм»[7] и т. д.).

Среди идеологических установок и целей, артикулируемых в левых сообществах как в 2012, так и в 2014 г., можно обнаружить, как мы увидим в развернутой цитате ниже, борьбу с «путинской бандой» за «возвращение достоинства великой свободной стране», стремление к построению «великой свободной Родины» и поддержку идеи «Русского мира».

Торжество имперской идеологии и этатизма состоит в широко распространенной идее о том, что «советский период — вершина истории России», а также в смешивании русского национализма с советизмом: «Русский социализм — социализм по-русски, построенный в интересах русских и других народов России, связанных с русскими общей судьбой». Все эти лозунги, общие для российского левого движения, представлены в описании сообщества ВК «Коммуна», девизом которого является «Россия! Русский мир! Социализм! Товарищество!»:

фигуре Сталина, например «Воинствующий Сталинизм», «Сталинизм. Сталин — наш великий Вождь», «Общество "Сталин"», «Сталинская эпоха», «Великая Красная Армия Сталина», «Иосиф Виссарионович Сталин», «Наш Сталин» и др.

[1] 20 619 участников (01.10.2014), URL: http://vk.com/club21243115.

[2] 126 458 участников (01.10.2014), URL: http://vk.com/club68489.

[3] 6838 участников (01.10.2014), URL: http://vk.com/repou_cccp.

[4] 220 участников (01.10.2014), URL: http://vk.com/l_brezhnev.

[5] 2921 участник (01.10.2014), URL: http://vk.com/antisolj.

[6] 10 797 участников (01.10.2014), URL: http://vk.com/antier.

[7] 7707 участников (01.10.2014), URL: http://vk.com/antiliberalizm.

Если ты патриот своей Родины

Если ты считаешь своим долгом помочь ей в беде

Если ты разделяешь идеалы справедливости

Если ты видишь, как путинская банда убивают нашу страну

Если ты любишь историю своего народа

Если ты дорожишь его традициями и культурой

Если ты не навидишь «ценности» мирового глобализма, превратившего в товар даже самое святое

Если ты понимаешь, что советский период — вершина истории России

Если ты за великую свободную Родину...

Значит — ты наш товарищ. Здесь, в «Коммуне» ты найдёшь друзей и единомышленников. Помни! Единственное лекарство, способное поставить Родину на ноги, — русский социализм. Русский социализм — социализм по-русски, построенный в интересах русских и других народов России, связанных с русскими общей судьбой. Вернём великой стране достоинство![1]

Среди источников, на которые чаще всего ссылаются участники сообщества «Коммуна», можно назвать сайты радио «Радиогазета “Слово”» или организации «Всероссийское созидательное движение Русский Лад», а также такие сообщества ВК, как «За отставку правительства Медведева!», «Наш Сталин (Иркутск)», «Красная Евразия», «Философия общего дела (Николай Фёдоров)», «Панславизм сегодня» и др. Из круга интересов понятно, что участники данного, типичного для левых в Сети сообщества среди основных проектов желаемого мироустройства видят, наряду с большинством других левых, панславизм и построение «Красной Евразии», а применительно к России — возвращение в Советский

[1] URL: http://vk.com/kommuna_rus (август 2014 г.). Частичный текст описания выложен: 2012. 4.09. URL: http://vk.com/wall-8375_319967.

Союз. Причем, несмотря на то что это скорее коммунистическое сообщество, чем сообщество памяти СССР, многие участники этого сообщества входят и в сообщество «СССР в нашем сердце».

Им же свойственно, как и левым в целом, желание приписать Сталину достижения советской индустриализации и заслугу победы во Второй мировой войне. Они понимают фигуру Сталина как часть российской истории и антисталинские выпады считают искажением исторической действительности, таким же, как и искажение марксистской идеи в СССР:

> Современное понятие сталинизма большинство людей отождествляет с режимом, действовавшим на основе революционной и социалистической фразеологии и беззаветной преданности народа великому вождю. Благодаря ему партия превратилась в централизованную массовую организацию. К заслугам Сталина относится то, что он создал из отсталой аграрно-индустриальной страны мощное промышленное государство с высокоразвитыми системами здравоохранения, образования, в котором преобладал военно-промышленный комплекс. Армия была снабжена ядерным оружием, а границы СССР защищали державы-союзники[1].

Тем не менее в динамике произошло некоторое смещение акцентов в идеологизированном контенте, выражающем симпатии левых. Во-первых, доля таких сообщений в 2014 г. (21 % от объема дискурса) уменьшилась в сравнении с 2012-м (25 %). Во-вторых, если во время «Русской зимы» левые активно пропагандировали свою оппозиционность (15 %), то два года спустя, на волне поддержки лозунга «Крым — наш», этот топос стал

[1] Из описания сообщества «Как учил дедушка Ленин»: URL: http://vk.com/club9610474.

в три раза менее популярным (5 %). С другой стороны, к 2014 г. выросла просоветская компонента левой риторики (с 8 % до 11 %), а в дискурсе появилась открытая пропаганда за антиукраинский сепаратизм (3 %). Левые трактуют дестабилизацию на «Юго-Востоке» Украины как возможность реинкарнации СССР и «народного движения» против олигархической, антинародной, прозападной власти, безусловно и безоговорочно, как мы уже отметили выше, поддерживая проект так называемой «Новороссии». «Никто не спасет Россию за нас! “Белый дом” Октября 1993 года возродился на земле Новороссии»[1] — эти слова, высказанные на официальном сайте КПРФ, цитируют в отношении к украинскому кризису разные левые сообщества ВК.

Действия: от субботников и организации митингов к помощи беженцам из Украины и ДНР–ЛНР

Организационно-мобилизационный контент занимает четверть объема дискурса российских левых (26 % всех сообщений, в среднем за 2012 и 2014 гг.), незначительно уступая первенство в этом отношении лишь националистам (27 %), но значительно опережая провластных конформистов (15 %) и либералов (9 %). Однако организационно-мобилизационный потенциал левых, как и их идеологический контент, оказывается неизменным в динамике. Несмотря на то что с наступлением украинского кризиса во всех идеологических течениях снизилось количество сообщений организационного характера (у конформистов произошло

[1] Публицист Алексей Богачев: Никто не спасет Россию за нас! «Белый дом» Октября 1993 года возродился на земле Новороссии // КПРФ. 2014. 30.05. URL: http://kprf.ru/international/ussr/131794.html.

снижение в два с половиной раза, у либералов — почти в четыре раза, а у националистов — в 1,3 раза), у левых этот показатель незначительно подрос (с 25 % в 2012 г. до 26 % два года спустя).

Изменения коснулись и содержания сообщений, призывающих к действиям: ко времени наступления «Русской весны» левые сообщества превратились из организаторов субботников, красных колонн (регулярно организуемых обществом «Суть времени») и митингов, приуроченных к советским памятным датам, в организаторов помощи беженцам из Украины и ДНР–ЛНР. Нарушая собственные уставы, запрещающие коммерческую и политическую рекламу, левые сообщества, как и сообщества сторонников Путина, начали размещать объявления о сборе денежных средств и о мобилизации для пополнения ополчения.

При этом в 2014 г. левые сообщества «Советский Союз в нашем сердце» и «Как учил дедушка Ленин» стали самыми активными (46 % и 26 % соответственно) сообществами ВК с точки зрения организационной и мобилизационной деятельности после «лидера» по этому показателю среди всех исследованных сообществ — националистической группы «Русские пробежки» (50 % при 58 % в 2012 г.), о которой шла речь выше в главе 2.

Помимо сбора денег, российские левые сообщества помогают украинским коммунистам передавать призывы и воззвания:

> Украинские товарищи! Не поддавайтесь обману! Организуйтесь для СВОЕЙ борьбы! Выдвигайте требования одновременных выборов парламента и президента по демократическим правилам в нормальной обстановке, а не посредством денежных залогов и силового давления, в разумные сроки для организации свободной избирательной кампании по всей Украине. Необходимо использовать

элементы буржуазной демократии для борьбы с фашиствующими элементами и организации классовых сил трудящихся для будущей борьбы за социализм вместе с трудящимися России и других республик СССР. Вставайте в ряды борющихся! Союз коммунистов Украины Рабочий Фронт Украины Российская коммунистическая рабочая партия Российский объединенный трудовой фронт (РОТФРОНТ) КПСС[1].

Лидеры дискурса и рядовые участники сообществ

Наш материал показывает невидимое в телевизионном пространстве и на трибунах митингов, более низовое звено лидеров, организаторов и вдохновителей. Таких, как, например, Сергей Ласков[2] из Карачаево-Черкесска, который инициирует дискуссии, призывает выйти на акции, передает новости о деятельности коммунистов Карачаево-Черкесска, или Сергей Фомичев из «Союза Советских офицеров»[3], активно пишущий в сообществе «Советский Союз в нашем сердце», причем по сравнению с «Русской зимой», когда его почти не было видно, в 2014 г. лидирующий сразу в нескольких левых сообществах «ВКонтакте». Он помещает пространные тексты по всем организационным, философско-историческим (религия и коммунизм, например) идеологическим вопросам:

---

[1] Такое воззвание со ссылкой на интернет-канал «Красное ТВ» (URL: http://krasnoe.tv/node/21775) было выложено в сообществе «Как учил дедушка Ленин», см.: Заявление коммунистических, рабочих и левых организаций Украины и России // ВКонтакте. 2014. 25.05. URL: http://vk.com/wall-9610474_16049.

[2] URL: http://vk.com/id146125269.

[3] URL: http://vk.com/id70075365.

> только и левым не стоит обольщаться! если нас не выбирают, значит, мы ненамного лучше! пора переходить от взаимной грызни к объединению усилий, от слов к делу, от ругания народа — к работе с ним, от простой критики власти — к борьбе с капитализмом![1]

Данная запись в сообществе «Как учил дедушка Ленин» сопровождает демотиватор, направленный против «олигархических» лидеров Украины Коломойского, Порошенко и Тимошенко с подписью: «Они вас грабили в 90-х как братва, в 2000-х как бизнесмены, а сейчас как патриоты. Если People хавает — значит лох это судьба. На деле это вами выбранная власть!» То есть при помощи параллелей с украинской ситуацией российскому рабочему классу предлагается сделать более правильный выбор. Но прежде — объединиться и выполнить все остальное, к чему призывает в этом тексте Сергей Фомичев.

Безусловно, к лидерам, незаметно, но эффективно направляющим ход и темы дискуссии, относятся и администраторы сообществ. Несмотря на внешние признаки полной свободы выражения (наличие опций «предложить новость», «добавить обсуждение», «поделиться ссылкой», «написать сообщение»), на пути к публикации стоят администраторы и/или редакторы сообщества, которые руководствуются его правилами, иногда весьма строгими. Яркими свидетельствами того, как администраторы волюнтаристски ограничивают свободу слова, которая по самой сути и замыслу непременно должна присутствовать в Интернете, являются не скрываемые ими заявления типа: «Комментарии идиотов, разумеется, удалены» (сообщества «Коммуна»), «Модераторы сообщества всегда правы. То есть вообще всегда. За попытки оспорить решение модера-

---

[1] Как учил дедушка Ленин // ВКонтакте. 2014. 20.05. URL: http://vk.com/wall-9610474_15985.

торов — расстрел за баней» (сообщества «Как учил дедушка Ленин», см. также приведенную выше еще одну выдержку из устава, где вход в группу запрещен для «либералов, демократов и пацифистов»). Довольно строгие правила размещения ссылок выработаны редакцией сообщества «Советский Союз в нашем сердце». На пути к публикации любого материала в двух других сообществах также стоят админы:

> Здесь можете выкладывать свои материалы для дальнейшей публикации админами. После модерации, если материал окажется действительно полезным, мы его опубликуем[1].
>
> В очередной раз напоминаем, что ссылки без описания, ссылки на личные странички, призывы куда-то сбегать[2], добавиться в друзья, за кого-то проголосовать, с кем-то посраться, будут удаляться. Наиболее злостные авторы таких постов будут заблокированы за спам. Также мы не даем от имени сообщества объявлений о сборе денег, так как не имеем возможности проверить честность просящих и правильность процесса. Спасибо[3].

Радикализация дискурса

Как мы увидели, правило не собирать деньги и не прибегать к рекламе через сообщества «ВКонтакте» было нарушено левыми с началом «Русской весны». «Русская весна» не только произвела эти отступления от правил, но и радикализовала язык и стиль коммуникации во всех ле-

---

[1] Коммуна // ВКонтакте. URL: https://vk.com/kommuna_rus (дата обращения: 17.10.2012).

[2] Имеются в виду «Русские пробежки», о которых см. подробнее в главе 2.

[3] Как учил дедушка Ленин // ВКонтакте. URL: https://vk.com/club9610474 (дата обращения: 10.06.2014).

вых сообществах (как и во всех идеологических движениях без исключения, см. главы 1, 2 и 4), причем это изменение особенно разительно именно у левых. Если дискурс описанных в предыдущей главе националистических сообществ при всех выгодных — в условиях современного российского контекста — сторонах плана содержания отталкивает планом выражения, так как именно националистам свойственны в самой большой степени грубость и кровожадность, некоторая примитивность или первобытность языка и мысли, то у левых мы обычно встречаем противоположную картину. При менее яркой патетике среди них немало искусных ораторов, и их же в целом отличает самая низкая степень языковой агрессии. Они стараются следить за своим языком и призывают «товарищей»[1] выражаться в рамках приличий:

> Уважаемые товарищи и друзья! Напоминаем вам, что в нашей группе не приветствуется употребление ненормативной лексики, личные оскорбления в адрес оппонентов, оскорбления по национальному и религиозному принципу, а также любые высказывания, направленные на разжигание национальной и религиозной розни. Также запрещена пропаганда, направленная на оправдание «евромайдана» и деятельности киевской хунты, равно как антинародной деятельности (или бездеятельности) олигархического руководства России. Все комментарии, содержащие данные признаки, будут расцениваться как троллинг и немедленно удаляться, а их авторам — выноситься строгое предупреждение. Если же они ему не внем-

[1] Каждое из изученных нами идеологических течений пользуется своей предпочтительной формой обращения. У провластных конформистов и либералов это «друзья»; националисты используют, помимо «соратники», еще и более эмоционально окрашенные обращения типа «братья и сестры»; левые называют единомышленников «товарищи».

лют, будут добавлены в «черный список». И не говорите, что вас не предупреждали[1].

Использование «падонковского», «олбанского» или других интернет-сленгов в нашей группе — дурной тон. При ведении дискуссий в группе оценки и мнения подкрепляйте аргументами. А еще лучше — с аргументов начинайте. Деяния, влекущие за собой расстрелы за баней без следствия и суда: мат, флуд и флейм в обсуждениях; тезисы из Резуна-Суворова, Носовского-Фоменко, Солженицына, Аксенова, Шаламова, Новодворской; оскорбительные высказывания в адрес администрации и участников сообщества; коммерческая реклама организаций[2].

Тем не менее в эпоху «Русской весны» в дискурсе левых появились упреки в недостатке мыслительных способностей у сторонников евроинтеграции («майданутые»[3]), а также агрессивные высказывания в адрес новой украинской власти. Несмотря на то что левые сообщества времени «Русской зимы» культивировали более или менее приличные манеры ведения дискуссий и отличались, можно сказать, некоторой ровностью тона, на волне «Русской весны» для них стали свойственны те же антимайданная крикливость и истеричность, которые мы наблюдали в националистических и провластных сообществах (главы 1 и 2). «Укропы», «хунта», «геноцид», «убийцы», «херои», «евромайдановцы», «свидомые», «каратели», «фашисты», «неофашисты»[4] — все эти эпитеты,

---

[1] Описание сообщества «Коммуна» (ВКонтакте. URL: http://vk.com/kommuna_rus).

[2] Выдержки из устава сообщества «Как учил дедушка Ленин» (ВКонтакте. 2012. 24.06. URL: http://vk.com/topic-9610474_26557371).

[3] Или же «Никогда я не буду умною» как отклик на распространенное через Сеть стихотворение украинской девушки «Никогда мы не будем братьями» (например: Как учил дедушка Ленин // ВКонтакте. 2014. 24.05. URL: http://vk.com/wall-9610474_16043).

[4] И.И. Мельников: «Постановка вопроса о запрете КПУ — это та ко-

используемые для стигматизации украинцев и новых властей Украины, циркулируют во всех сообществах за исключением либерального. Таким образом, левые значительно ослабили последние — лингвистические — основания противопоставлять себя российскому официальному дискурсу и разделяющим его конформистам, поддерживая все изобретения кремлевской пропаганды и участвуя в использовании одинаковых языковых средств и стилистических приемов. На все бранные выпады в адрес Украины строгие администраторы-модераторы (они же к тому же нередко создатели и/или авторы уставов сообществ) смотрят благосклонно, потому что в их правилах предусмотрены на этот случай послабления: если «оскорбительные высказывания в адрес Российской Федерации, ее исторических предшественников и исторических личностей запрещены», то в адрес «любой страны, государства, народа и отдельных личностей здравые суждения и обоснованная критика приветствуются»[1].

Разногласия внутри снимаются общей мечтой о возвращении в СССР

Разногласия между политическими течениями внутри формально единого левого лагеря России очевидны в случае кургиняновской «Сути времени» и КПРФ. Сторонники Компартии считают последователей Кургиняна провластными активистами, искажающими и разрушающими левую идею. Вместе с тем одни терпят соседство с другими на одних и тех же пространствах Сети. Такую взаимную толерантность показали все левые со-

---

нечная станция, когда мы точно можем назвать нынешнюю киевскую власть неофашистской!» // КПРФ. 2014. 13.05. URL: http://kprf.ru/party-live/cknews/131300.html.

[1] Из устава сообщества «Как учил дедушка Ленин».

общества: например, на стене сообщества «Коммуна» висит обращение Геннадия Зюганова к молодежи[1], но среди участников есть и его противники. Как мы уже упоминали выше, интернет-сообщества при всех клятвах в служении свободе слова, являются не более свободными, чем offline-объединения, и «вычищают» волей и руками админов инакомыслящих из своих рядов. В толерантности по отношению к сторонникам «Сути времени» со стороны других постсоветских левых прочитывается мучительная несвобода от принципа единения, а также краеугольный камень их идеологии — ностальгия по СССР. Левое движение в России — это прежде всего и главным образом движение, пропагандирующее советский популизм, объединяя поверх любых других возможных идеологических разногласий всех тех, кто выступает за возврат в Советский Союз[2].

Впрочем, есть и другие левые, так называемые новые левые, «евросоциалисты», которые ставят перед собой иные цели. Эти маргинальные для левого движения группы маргинальны и в Сети, не образуя сообществ в популярном «ВКонтакте», но общаясь на более элитарной площадке Фейсбука. Однако это общение носит характер не коллективного, а индивидуального действия. Фактически никаких объединений сторонников обновления левой идеологии в России не существует. Есть лишь отдельные сторонники европейской социал-демократии, такие как журналисты Павел Пряников и Сергей Смирнов, пытающиеся распространять левые — в современном западном смысле — идеи в столичных интеллектуальных кругах.

---

[1] Обращение Г.А. Зюганова к молодежи (ВКонтакте. URL: http://vk.com/pages?oid=-8375&p=ОБРАЩЕНИЕ_К_МОЛОДЁЖИ!).

[2] В частности, кургиняновцев, всячески подчеркивающих именно этот пункт своей программы — ср. название сообщества «Суть времени С.Е. Кургиняна. До встречи в СССР» (URL: http://vk.com/club24241707).

Выводы и прогнозы: единение на основе пророссийской и имперской идеи

Заключительная часть данной главы, посвященной левому движению, касается не только его, так как «Русская весна» сблизила левую риторику с дискурсами всех движений, кроме либерального. Поэтому этот раздел отчасти обобщает итоги трех предыдущих глав и предвосхищает четвертую, посвященную либеральному движению, подводя читателей к центральным выводам, сделанным в наших исследованиях и в этой книге, о трансформациях российских идеологических движений с 2011 по 2014 год. Суть этих трансформаций в том, что разногласия были нивелированы и произошло единение всех движений, кроме либерального и некоторых лидеров национал-демократического и новолевого дискурсов, на основе пророссийской и имперской идеи. На основе общности восприятия событий «Русской весны» и под влиянием Интернета, сделавшего прозрачной внутригрупповую коммуникацию, расколотые (основанные на фобиях и негативной самоидентификации) и гибридные (основанные на пересечении различных дискурсов, например либерального и националистического) движения сблизились. Общим топосом оказался, во-первых, антимайдановский, направленный против новых украинских властей и Майдана в его феноменологическом и символическом значении.

Этот новый враг оттянул на себя фокус фобий, устойчивых для движений, способствовав их расцвету. Левые и конформисты показывают в одинаковой степени (27 % и 32 % от общего объема контента соответственно) отрицательное отношение к Майдану и европейскому выбору Украины. Националисты в своей массе тоже критикуют Майдан, но в значительно меньшей степени (11 %). Это довольно четко отражает разницу

в идеологиях и вытекающее из нее символьное значение украинских событий для разных идеологических движений современной России. Если для левых пришедшая через Майдан украинская власть — империалистическая и антисоветская, а для конформистов — прозападная (главным образом проамериканская) и бело-ленточно-либеральная, то для националистов оценка Майдана совсем не так однозначна, и интернет-дискурс очень точно отражает эти метания и поиски «точного перевода» украинских событий в стане националистов, которые мы подробно описали в главе 2. Левым и конформистам подобные метания и смена адресата поддержки не были свойственны. То же, но строго наоборот, не было свойственно либералам, что опять же точно показывает антисепаратистский проукраинский характер их дискуссий, о которых разговор в следующей главе.

Во-вторых, три идеологических течения во время «Русской весны» сошлись на изначально левом поле антиолигархических настроений. Выбор Петра Порошенко в президенты Украины в 2014 г. заставил националистов, первоначально поддержавших Майдан, от него отвернуться. Сообщество провластных конформистов уверено, что такой выбор президента подталкивает страну к новому Майдану (см. опрос «Когда будет новый майдан», в котором приняли участие 1617 человек). Левые же поясняют, что, «убрав одного олигарха» при помощи Майдана, к власти пришел другой «олигарх» — Порошенко[1]. Таким образом, теперь новую украинскую власть так или иначе называют олигархической все, кроме либералов. Либеральное течение — единствен-

[1] См., например, сообщение в сообществе «Коммуна» с подробным отчетом о размерах состояния Порошенко, сопровожденное саркастической подписью «Героической борьбе Майдана против олигархов посвящается»: 2014. 30.05. URL: https://vk.com/wall-8375_403354.

ное, продолжающее свою отдельную линию противостояния политике России в отношении Украины.

Проимперский и пророссийский топос — ведущий консолидирующий дискурс «Русской весны». В этом смысле наиболее заметны пересечения между дискурсом провластных конформистов и националистов[1]. Националисты теряют готовых примкнуть к ним конформистов тогда, когда показывают излишнюю правизну (в ее российском понимании). Если же им удается показать себя как страстных патриотов, государственников, имперцев — симпатии провластных конформистов на их стороне. Мы видим на примере националистов и шаги навстречу провластному дискурсу, когда они отказываются от кавказофобии, замещая ее мигрантофобией (см. подробнее в главе 2).

Есть и пророссийские и проимперские сюжеты, вызывающие идентичный отклик во всех трех сообществах, кроме либерального. Один из таких сюжетов — рекордная победа российской хоккейной сборной на Чемпионате мира в 2014 г. Все три сообщества также вспомнили День пограничника, отмечаемый с советских времен 28 мая, лишь слегка разойдясь в эстетике и семантике поздравлений в зависимости от собственного идеологического вектора. У провластных конформистов визуальный ряд в откликах был более пророссийским, хотя и символично учитывающим советское наследие — они использовали плакат, на котором рядом с суровым пограничником в советской форме изображен пограничный столб с двумя гербами: советским и российским. Левые прямо позаимствовали советский плакат «Границы СССР нерушимы» с соответствующим пограничником и пограничным столбом, а у националистов не было плаката, но был пророссийский дух, выраженный во фразе: «С днем пограничника. Границы

[1] См. сноску 1 на с. 69.

России на замке». Использование этой советской идеологемы, в которой националисты сменили только название страны, подчеркивает просоветский сентимент, не чуждый националистам, но ими скрываемый. Напротив, левые открыто заимствуют националистические (проимперские) лозунги. Так, на плакате, вспоминающем «черный» для левых день расстрела Белого дома 4 октября 1993 г., националисты предстают как попутчики: перед зданием, где когда-то находился Верховный Совет РСФСР, красуются как советский, так и андреевский и имперский флаги (см. рис. 18).

Рис. 18. Из сообщества «Коммуна», 29 сентября 2012 г.[1]

Левые в Сети неизменно проповедуют патриотизм и любовь к истории своего народа, его традициям и культуре, но в целом пророссийский дискурс не очень удо-

[1] URL: http://vk.com/wall-8375_325422.

бен для них. Они более склонны к просоветским рассуждениям или же говорят о России, подразумевая СССР и считая Россию историческим продолжением Страны Советов. Однако с существенной поправкой: России вменяется в обязанности восстановление прежних границ и забота о соблюдении геополитических интересов бывшего Советского Союза, границы которых простираются даже за пределы бывшего СССР. Подмена одной страны другой в картине мира российских левых не всегда происходит автоматически. В случаях сбоя левые ударяются в откровенный шовинизм, разговоры о «Русском мире», русском социализме, «старшем брате» (русском народе), которому надо заботиться о многих постсоветских «младших», таким образом пытаясь описать нынешние, постсоветские реалии в идеологизированных терминах советской эпохи. Имперский национализм пронизывает дискурс российского левого интернет-сообщества: разговоры о российском величии чрезвычайно характерны для него, равно как и высказывания, свободно мигрирующие от чистого и незамутненного патриотизма к великодержавничеству и обратно.

При этом, по сути, левые, в отличие от националистов, не предлагают ни одного нового лозунга, прямо и упрямо заимствуя смыслы в советских анналах. Несмотря на эти лозунги «второй свежести», левое движение по-прежнему собирает молодежь, находящую левые идеи привлекательными. Как мы уже упомянули, судя по возрастному составу большинства участников левых сообществ «ВКонтакте», просоветские идеи продолжают рекрутировать в ряды левых движений очень и очень молодых людей. Левые идеологи умело пользуются широко разветвленной и созданной в советские годы инфраструктурой и методами пропаганды[1]. Оказываются

[1] Например, их «Красный семестр» — «открытый творческий проект, бесплатный обучающий цикл лекций и семинаров по теме “Марксизм

задействованными и все креативные организационные возможности Интернета, например онлайн-опросы и аватарки, которые во время «Русской весны» дополнили слоганы типа «Save Donbass People». В 2014 г. на стенах левых сообществ ВК размещались опросы, посвященные украинскому кризису (один из примеров в сообществе «Коммуна» мы упомянули выше). Тем не менее видно, что по сравнению с националистами активность отзыва на опрос меньшая (националисты собирают тысячи голосующих по тому же поводу[1]). Это позволяет предположить, что многие молодые люди, записавшиеся в левые сообщества, присутствуют там номинально, исходя из какой-то общей, не особенно продуманной симпатии к левым идеям, апеллирующим, в российском контексте, к социальной защищенности рабочего человека и изобретенным образам Советского Союза.

Понятно, что марксизм и социализм привлекают молодых людей не только из России, однако для российского левого движения специфично то, что наибольшей популярностью пользуется советский популизм (см. также главу 6). Ностальгией по советскому прошлому охвачены молодые люди, которые никогда не жили в Советском Союзе и не имеют никаких личных представлений о той эпохе, но операционализируют постпамять (в понимании М. Хирш[2]), переданную им родителями, в которой услужливо забыты лишения и убоже-

---

и современность"». Среди организаторов числятся «Ленинградское интернет-телевидение» и «Фонд рабочей академии», а задачей курса ставится освоение трудов Гегеля, Маркса, Ленина; см.: «Красный семестр». Спецвыпуск № 4 // Красное.ТВ. 2013. 10.04. URL: http://krasnoe.tv/node/18056.

[1] Так, по вопросу «Как вы оцениваете Владимира Путина, как президента (правителя) России?» в сообществе «Я русский» 24 мая 2014 г. проголосовали 10 924 человека (см. главу 2).

[2] *Hirsch M.* The generation of postmemory // Poetics today. 2008. Spring 29(1). P 103–128.

ство повседневной и общественной жизни, но мифологизированы и сусально блестят страницы «славного советского прошлого». В этом проявляются тревожное неблагополучие, незрелость и другие ментальные и душевные болезни и травмы общества, а также эффективность государственной пропагандистской машины, которую не может сломать главный для молодежи медиум — Интернет. Взаимное уживание абсолютно модерного, вполне западного и глобального образа жизни с пещерно-советским способом восприятия действительности, стремление в «прекрасное советское прошлое» с мобильным телефоном с 4G в руке, тоска по великой стране — все это проявления «имперского синдрома», до сих пор охватывающего все постсоветское общество вне зависимости от его возрастных страт. Появление 5G и полная интернетизация России — дело недалекого будущего, но «врачевание» общества от стремления назад, в советское прошлое займет значительно более длительный промежуток времени и не сможет обойтись одними средствами киберкоммуникации.

ГЛАВА 4

ЛИБЕРАЛЫ 2.0: ОСАЖДЕННОЕ МЕНЬШИНСТВО

Глава посвящена либеральному сообществу Рунета. Вначале мы описываем место и роль либерализма в западных странах и России. Сравнительная перспектива позволяет понять, как связан современный образ либерального интернет-сообщества с общеполитическими тенденциями постсоветской России. При помощи эмпирического анализа либерального дискурса мы стараемся не только выявить его специфические черты, но и прояснить причины маргинализации и виктимизации отечественного либерализма. Анализ дебатов между лидерами либерального общественного мнения дополняет сделанные выводы, делает возможным критический взгляд на те проблемы, с которыми столкнулись российские либералы в «посткрымской» России. В свою очередь, это позволяет либеральному сообществу по-новому взглянуть на состояние российского общества и собственные перспективы.

Рис. 19. Логотип сообщества «Свободные новости».

Триумф либерализма и либеральная трагедия общин

Западный опыт...

«Пусть власть наконец смирится с таким положением дел — нам нужна свобода, и мы ее добудем»[1], — эти слова Б. Констана, произнесенные во время его самой известной лекции в Парижском атенее в 1819 г., можно начертать в качестве девиза на знамени либерализма.

Феномен либерализма сложен в силу своей многогранности; он одновременно является мировоззрением, этической позицией, интеллектуальной традицией, экономической концепцией и политическим движением. По мысли Л. Дюмона, либерализм можно рассматривать как своего рода квинтэссенцию ценностной революции Модерна. В этом смысле либерализм является порождением общества эгалитаризма и индивидуализма, появление которого становится возможным благодаря отделению экономики от политики, власти — от собственности[2]. В либеральном, модерном, индивидуалистическом обществе человек (как единственный моральный и экономический субъект) и его свобода (как принцип взаимодействия индивидов и как высшая ценность) — те критерии, которые позволяют определить «пределы власти, которую общество вправе осуществлять над личностью»[3].

---

[1] *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей [1819] // InLiberty.ru. URL: http://www.inliberty.ru/library/99-o-svobode-u-drevnih-vnbspeenbspsravnenii-so-svobodoy-u-sovremennyh-lyudey-.

[2] См.: *Дюмон Л.* Homo aequalis, I. Генезис и расцвет экономической идеологии / Пер. с фр. М.: Nota Bene, 2000 [1977].

[3] *Милль Дж.* О свободе [1859] / Пер. с англ. // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10.

Отдельные черты либерализма могут спонтанно проявляться в различных обществах — под видом борьбы против тиранической власти или восстановления попранных прав[1]. Собственно, динамический взгляд на либерализм позволяет охарактеризовать его как постоянное развитие теории прав человека и расширение их понимания в том или ином социальном контексте[2]. Однако сами права невозможны без их осмысления, без осознания того, что «последствиями свободы являются история и общество»[3]. Переосмыслив фигуру индивида и концепцию общества, либерализм можно описать как «новый способ жить вместе на основе мира, терпимости, взаимовыгодного добровольного обмена и кооперации»[4].

Последовательной силой, ценностной и практической, либерализм становится в середине XVII века на европейском континенте. Став хронологически первой из «больших» идеологий, либеральные дискурс и практика приобрели конституирующие функции по отношению к современному обществу. Либерализм на протяжении трех с половиной столетий определяет развитие незави-

---

[1] И. Берлин, противопоставляя две идеально-типических концепции свободы, настаивал на том, что либеральная мысль есть отражение концепции «негативной свободы». Иными словами, либерализм представляет собой развитие этики свободы личности *от* насилия, неравноправия и принуждения высшей воли (властителя, суверена, верховного Разума, религии и т. д. См.: *Берлин И.* Два понимания свободы [1958] С. 122–185. В этом смысле ограничение государства (теория конституционализма и правового государства, концепция разделения властей) и идея многообразия стилей жизни, выбираемых человеком по собственному усмотрению, имманентно присущи либеральному мировоззрению.

[2] *Медушевский А.Н.* Социология права. С. 58–59.

[3] *Мамардашвили М.К.* О гражданском обществе [1989] // Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. (Вильнюсские лекции по социальной философии.) М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 214.

[4] *Palmer T.G.* The History and Structure of Libertarian Thought // Why Liberty: Your Life, Your Choices, Your Future / Ed. by Tom G. Palmer. Ottawa, Illinois: Jameson Books, 2013. P. 24–25. (Перевод С. Федюнина.)

симых стран Европы, а также обществ Северной и Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии, унаследовавших европейскую политическую практику. Путем европеизации мира и постоянно наращивающей обороты глобализации либерализм оказывает влияние практически на все общества мира, и это влияние сегодня только растет.

Либеральные идеи легли в основу организации правовой, экономической и политической жизни западных стран. Именно либеральная революция ценностей сформировала ныне дискурсивно «победившую утопию» либеральной демократии, концептуально являющуюся синтезом либерального «вольтерианства» и демократического «руссоизма»[1]. Вместе с капитализмом — экономической концепцией модерного общества — либерализм привел к созданию социально-политического консенсуса самых разных по культурно-историческим характеристикам обществ[2]. Все значимые политические силы стран Евросоюза или США, Канады или Австралии, Индии или Японии разделяют принципы либеральной демократии и рыночной экономики, и отказ от них неминуемо ведет к политической дискредитации. И социалисты, и сторонники консервативных политических течений, и левые, и правые, равно как и сторонники более сложных, гибридных идеологических позиций, сделали либеральные идеи и правила организации общественной жизни неотъемлемой частью своих программ[3]. Результатом «распыления» либерального

---

[1] *Кара-Мурза А.А.* Как возможен «русский мир»? // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2011. С. 499–500.

[2] *Zakaria F.* The 20 Percent Philosophy // Public Interest. No. 129. 1997. P. 101. Цит. по: *Palmer T.G.* Classical Liberalism and Civil Society // Palmer T.G. Realizing Freedom: Libertarian Theory, History, and Practice. Washington, DC: Cato Institute, 2009. P. 221.

[3] Так, говоря о современных левых и правых во французской политике, А. Кара-Мурза отмечает: «И сегодня французские правые

мировоззрения стало то обстоятельство, что в политическом лексиконе западных обществ термин «либерал» имеет в наши дни весьма размытые семантические границы: «либералами» в полном смысле слова правильно называть современных либертарианцев, однако в более общем смысле «либералами», «прогрессистами» могут считаться и социал-демократы (вроде Демократической партии в США или британских неолейбористов), и консервативные силы (такие, как немецкие христианские демократы и японские либерал-демократы).

Все это не означает, что либерализм победил или получил законченное воплощение в западных обществах. Вряд ли о возможности такого воплощения вообще можно говорить: либеральное мировоззрение является не только программой практических преобразований, но и этической системой, реализуемой изо дня в день. С одной стороны, став основой консенсуса развитых обществ, либерализм потерял широкое политическое представительство в виде прежде всего партий. В той или иной мере защита либеральных метаидей — дело всех политиков западных стран; другой вопрос, что каждый из них добавляет к этим идеям особый колорит и вписывает их в собственные системы взглядов на общественное устройство. С другой стороны, многие постулаты либерализма, в частности либеральная экономическая программа (концепция *laissez-faire* капитализма), до сих пор не нашли своего широкого применения на практике. Сегодня, в эпоху победы концепции государства всеобщего благосостояния, экономический либерализм и вовсе оказался исключен из интеллектуального и политического мейнстрима.

и французские левые обладают хотя и *разными*, но равно *способными к синтезу* "языками" (условно говоря, либерал-консервативным и социал-либеральным) и борются за мозги и голоса хорошо образованного среднего класса, у которого есть реальный выбор» (*Кара-Мурза А.А.* Как возможен «русский мир»? С. 500).

Видимым противовесом победившему в западных странах либерализму стали крайне правые политические партии и ультраконсервативные движения, характеризующиеся ксенофобной риторикой и стремлением «закрыть» страну от глобализационных влияний (в виде массовых миграций, размывания «традиционных ценностей» и национального сознания, а также «пагубного влияния» мирового финансового капитализма[1]). Эти настроения отличаются очевидной антилиберальностью, тогда как либерализм защищает принцип открытого общества, свободного движения людей, товаров и информации[2]. Однако подобные «внесистемные» движения и настроения сегодня если и могут получить серьезную общественную поддержку, то их популистские программы не имеют шанса на реализацию.

...и российские реалии

Дореволюционная Россия имела собственную либеральную традицию мысли и общественной жизни. С момента ее появления на российской почве во второй половине XVIII века быть либералом означало быть сторонником общественного просвещения, прогресса и вестернизации. Постепенно либерализм приобрел статус одного из векторов развития страны, хотя лишь некоторые правители и государственные деятели придерживались курса на более-менее последовательное

[1] Этого, в частности, требует французский Национальный фронт под руководством М. Ле Пен, выступающий за выход Франции из ЕС и в пользу новой индустриализации национальной экономики. См. подробнее о феномене правового (и левого) популизма, а также о случае Нацфронта: *Taguieff P.-A.* L'illusion populiste. Essai sur les démagogies de l'âge démocratique. Paris: Flammarion, 2007; *Wieviorka M.* Le Front national : entre extrémisme, populisme et démocratie.

[2] *Медушевский А.Н.* Социология права. С. 88.

реформирование государства и освобождение общества от зависимости и бесправия[1].

История отечественного либерализма трагична и удивительна. Трагична, поскольку либеральные идеалы никогда не становились основой социально-политического развития России. Удивительна, поскольку она свидетельствует о том, что для либерализма не существует географических и культурных границ и что он совместим с российской действительностью. Начавшись с «просвещенного абсолютизма» и пройдя через период гегельянско-чаадаевского отчаяния, отечественный либерализм как интеллектуальная и политическая сила доказал свою состоятельность. Во второй половине XIX века в ее рамках работали выдающиеся правоведы, историки, публицисты, общественные и государственные деятели: от Грановского, Чичерина, Гессена и Кистяковского до Витте, Струве, Муромцева и Милюкова[2]. Из либеральной интеллектуальной среды, опиравшейся на городские слои, выдвинулись политические движения, оформившиеся к началу XX века в партии кадетов, октябристов, прогрессистов... Опыт совмещения просветительской деятельности и парламентской активности оказался весьма плодотворным. При этом российские либералы той эпохи ставили перед собой те же интеллектуальные задачи, что и их европейские коллеги, да и в политическом отношении мало чем от них отличались.

Видные российские либеральные мыслители стремились поддержать эволюционный путь развития России,

---

[1] См.: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993 [1974]; *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? / 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013.

[2] См.: *Кара-Мурза А.А.* Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: Институт философии РАН, 2006; *Медушевский А.Н.* Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX — начала XX вв. М.: Новый хронограф, 2010.

выступая за поступательную модернизацию и реформирование государства «сверху». Так, либеральная общественность поддерживала концепцию постепенного перехода к конституционной монархии. За это радикалы социалистической направленности «наградили» либералов такими эпитетами, как «монархисты», «империалисты» и «охранители». Последний термин, кстати, многие либералы не боялись использовать для определения умеренности своих политических позиций: достаточно вспомнить об «охранительном либерализме» Б.Н. Чичерина или «консервативном либерализме» П.Б. Струве. Вместе с тем отечественный либерализм был идеологией прогресса.

Российские либералы конца XIX — начала XX века увлекались идеями синтеза либерализма и социализма, имперского могущества и осторожного, инклюзивного национализма по образцу французской ассимиляции. В этот период — период своего расцвета — российская традиция либерального мышления и воплощения либеральных идей в социально-политическую жизнь была одновременно и обильна (на поле общественно-политической активности), и явно недостаточна (в масштабах многоукладной империи, большую часть населения которой составляли неграмотные крестьяне). Как и европейские либеральные политики и ученые, их российские коллеги занимались прививкой общественному сознанию идей о нерушимости индивидуальных прав и о том, что государство должно быть поставлено на службу граждан. И те и другие примерно в одно и то же время уступили свое место на политической арене и в социальной науке (прежде всего в экономике). Однако в европейских странах достижения либерализма были сохранены и, в самом общем виде, положены в основу идеологического строительства[1]; в Рос-

[1] На Западе не обошлось и без срывов, вызванных слабостью либеральных институтов и ценностей в модернизировавшихся обществах. Эти срывы привели к появлению фашизма, нацизма и коммунизма.

сии они были перечеркнуты десятилетиями советского господства.

Ущерб, связанный с уничтожением на российской почве ростков либерализма, индивидуализма и гражданственности, не восстановлен до сих пор. От широкого представительства либералов в общественных дискуссиях и политических институтах столетней давности сегодня, после более чем двадцати лет постсоветского существования России, мало что осталось. Проект социальных и политических преобразований, составленный и реализовывавшийся либералами в России до 1917 г., не потерял своей актуальности и сегодня[1], хотя современные либералы не проявляют к нему большого интереса. Современному российскому научному и общественному сознанию во многом еще только предстоит восстановить утраченные связи с академической и политической школой дореволюционного либерализма.

Болезненные трансформации, связанные с крахом советской системы и посткоммунистическим периодом, после непродолжительного всплеска интереса к либерализму способствовали дискредитации его образа в России. Либерализм стал несправедливо ассоциироваться с ростом имущественного неравенства, ухудшением благосостояния значительной части населения и другими «социальными болезнями» переходного периода. Стать основой общественного консенсуса ему не удалось; на-

---

Однако тот факт, что тоталитарные идеологии вызвали неприятие сторонников либеральной демократии в странах Западной Европы и в США, а после Второй мировой войны были безоговорочно морально осуждены, говорит о силе того влияния, которое либерализм оказал на эти общества. Процесс индивидуализации за несколько последних десятилетий сильно изменил их облик. См., например: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Под ред. Ю. Кузнецова. М.: Новое издательство, 2011 [2005].

[1] *Медушевский А.Н.* Диалог со временем... С. 15.

против, либеральный дискурс начал стремительно маргинализироваться. Природа этой маргинализации прямо противоположна западному опыту XX столетия: если на Западе либерализм стал формой и основным идеологическим содержанием современных политических систем, то в России он оказался выброшенным на обочину общественно-политической жизни. Несмотря на то что за выдающимися либералами долгое время сохранялись некоторые значимые публичные посты, их дискурс в 2000-е гг. предельно сжался до «внесистемного» состояния. Однако одно без другого существовать не может: там, где либеральные ценности практически исключены из публичного дискурса, нет и широкой практики по реализации идей либерализма в жизни гражданского общества. И если окончательно свернуть с пути рыночной экономики в России сегодня уже невозможно[1], то с защитой и укреплением политических прав, созданием правового государства, защитой либерального духа Конституции и развитием практик гражданской кооперации возникают самые серьезные трудности[2]. Как отмечает либеральный политик В. Рыжков,

> у нас же [в России] политическая жизнь проходит пока на основе антилиберального консенсуса: либеральные

[1] Основы рыночной экономики были построены благодаря либеральным экономическим реформам первой половины 1990-х гг. и созданию новой правовой базы, позволяющей рыночным механизмам функционировать. Один из реформаторов, известный экономист Е. Ясин в связи с этим замечает, что «в итоге либеральных реформ мы имеем рыночную экономику. Не такую эффективную, как хотелось бы, но работающую» (*Ясин Е.Г.* Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. С. 5).

[2] См., например, книгу, в которой представлен глубокий анализ социально-политической ситуации в современной России, выполненный с либеральных позиций: *Ясин Е.Г.* Приживется ли демократия в России / 2-е изд., расшир. и доп. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2012 [2005].

ценности совершенно осознанно подвергаются оскорблениям, диффамации. Практически вся пропагандистская машина государства работает на то, чтобы дискредитировать, прежде всего, либеральные ценности[1].

Процессы сворачивания либерального проекта преобразований общественно-политической жизни и вытеснения либерального дискурса на маргинальные позиции во многом определяют современное состояние либерального интернет-сообщества, описанию которого посвящена данная глава. Ниже мы представляем и обсуждаем результаты исследования, способные объяснить специфичность современного состояния либерального течения, отражающегося в зеркале Рунета.

Интернет-образ российского либерального сообщества

Представляется весьма интересным и значимым выяснить, маргинален ли либеральный дискурс в Интернете так же, как на реальном политическом поле. Это поможет нам ответить на следующий вопрос: каковы шансы либералов внести свой вклад в создание общественно-политического консенсуса на основе ценностей и практики индивидуальной свободы, равноправия и добровольной гражданской кооперации?

Для описания дискурса российского либерального интернет-сообщества важны, в первую очередь, аутентичные слова и семантико-смысловые конструкции, которые используются именно этим сообществом для его самопозиционирования.

---

[1] Миссия либерала: какова она? // Мир России. 2011. Т. XX. № 2. С. 78.

Дискурсивные маркеры идеологической идентичности

Самоидентификация сообщества: либеральное «мы»

На либеральных интернет-площадках нечасто можно встретить очевидное разделение либералов и иных оппозиционных нынешнему политическому режиму сил. Возможно, в этом есть прагматическая цель — увеличить количество участников виртуального сообщества. Тем не менее есть и альтернативное (и более правдоподобное) объяснение: открытость участников сообщества в ведении дискуссий, к которым подключаются не только те, кто разделяет либеральную повестку дня и ассоциирует себя с либерализмом. Сообщество готово включать в себя широкий круг так называемых «оппозиционеров» и «рукопожатных», противопоставляемых «власти» и «нерукопожатным» лицам — деятелям авторитарного режима и носителям неприемлемых для либеральной системы ценности идей: расистских, (этно)националистических, просоветских, антидемократических. Тем не менее, как показывают наши данные, круг «рукопожатных» и реальных оппозиционеров в глазах российских либералов образца 2014 г. существенно сжался по сравнению с эпохой «Русской зимы» 2012 г.: из него оказались исключены все, кто поддержал присоединение Крыма к России и действия последней в отношении Украины.

В целом либералы в Сети склонны к негативному самоопределению[1]. Они часто прибегают к смысловым играм, основанным на противопоставлении идейным конструктам апологетов власти собственной позиции. Либералы склонны «отвечать» как на упреки в свой ад-

[1] См. Приложение 1.

рес, так и на действия соперников. Ярким примером такой стратегии служит употребление термина «антиселигер», выражающего принадлежность к либеральному стану через неприятие провластной идеологии и эстетики. Есть и иной пример: противопоставление «креативного класса», обладающего, в представлении либералов, спросом на индивидуалистическую повестку дня и демократические преобразования, и «быдла» — плохо образованных конформистов[1]. Таким образом, можно говорить о слабой выраженности групповой солидарности сообщества при относительно высокой готовности сотрудничать с политическими оппозиционерами, оказавшимися в схожем положении — «вне системы». Однако эта готовность распространяется, как показывают наши данные, на довольно незначительный круг представителей иных течений.

Идентификация идеологических противников, врагов: нелиберальные «другие»

Кластер характеристик «других» оказался у российских либералов в Рунете самым широким: именно к нему можно отнести наиболее устойчивые и часто употребляемые конструкции либерального дискурса. Негативные маркеры прежде всего отображают дистанцирование либералов от дискурса официальной власти и ее сторонников. Так, в 2012 г. наиболее широкое распространение получили такие аутентичные выражения, как «партия жуликов и воров», «сурковская пропаганда», «арестократия», «путемеды», «кремлежулики», «крем-

[1] О слове «быдло», имеющем давнее происхождение, в толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова сказано, что оно применяется в отношении людей «к[ото]рые бессловесно выполняют для кого-н[ибудь] тяжелую работу», см.: Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2453.

лядь», «жуликоватая номенклатура». Сами по себе эти конструкции выражают недовольство сложившимся политическим режимом и такими его чертами, как коррупция, непотизм, несменяемость власти, использование медийной пропаганды и репрессий в отношении оппозиции. Одновременно с этим жесткой критике подвергаются неинтеллектуальные круги общества, неспособные к самостоятельной рефлексии и/или выражающие одобрение политическому режиму В. Путина («быдло», «быдлопатриоты», «поцреоты», «путиноиды»). Эту же участь либералы уготовили для масс населения, не имеющих собственных ценностей и политических предпочтений, но готовых поддержать авторитарную власть в обмен на преференции — деньги и карьерные возможности («нашисты», участники «путингов», то есть митингов в поддержку курса президента Путина).

К началу 2014 г. к такого рода описанию общественных сил, не поддерживающих требования модернизации, в либеральном дискурсе добавились семантические конструкции, напрямую связанные с украинской тематикой. Противники Майдана и, если воспользоваться кремлевским термином, «киевской хунты» были прозваны либералами «ватниками», «анчоусами» и «колорадами» (за использование так называемой георгиевской ленточки в качестве патриотического символа). Именно этот раскол — на сторонников и противников украинского Майдана, на поддерживающих и не поддерживающих аннексию Крыма и создание ДНР–ЛНР — стал для либералов (и всего российского общественного сознания) краеугольным. В результате этого раскола пропасть между ними и иными идейно-политическими течениями увеличилась. В связи с этим конфликтом, перенесенным на российскую почву в виде коренного поворота во внутренней политике государства, в либеральной среде приобрел популярность концепт «рашизм». В основе этого термина лежит объединение

двух семантических полей — «русскости» и «фашизма», указывающее на сравнение действий режима В. Путина с политикой А. Гитлера в отношении соседних для Германии государств накануне Второй мировой войны. Однако есть и более глубокий смысл, скрывающийся за этим словом, а именно указание на фашизацию российского обществу в связи с «Крымской компанией» 2014 г. и антиукраинской пропагандой, в свою очередь выставляющей «фашистами» сторонников Майдана. «Рашизм» — это не только разоблачительный термин, но и попытка отмежеваться от действий российских властей и поддерживающих ее слоев населения, разделить общество на «адекватных» и «крымнашистов», а также декодировать «геббельсовскую пропаганду»[1] Кремля и (про)государственных СМИ. При помощи ассоциаций с фашизмом и нацизмом либеральный дискурс характеризует и иного «другого» — сообщества русских националистов (иногда за исключением сторонников демократического развития, или национал-демократов). Уникальным термином для этих целей у либералов является слово «руSSкость». Критика того, что в либеральной среде обозначается «рашизмом», «отвечает» как на риторику российских властей, так и на имперский национализм их попутчиков — многих левых и собственно русских националистов.

Основным — конституирующим — «другим», или врагом, в дискурсе либералов выступает обобщенный образ российского политического режима — авторитарного, репрессивного, антимодернизационного. Удивительно, но советское для российских либералов не является непосредственным объектом критики. Для дистанцирования от левого сообщества, главным образом от просоветски ориентированных течений,

[1] Этот термин пришел на смену устоявшемуся ранее выражению «сурковская пропаганда».

либералы не выработали уникальных дискурсивных конструкций. Тем не менее в этих целях используются фигура Сталина и образ сталинского режима как режима тоталитарного. С одной стороны, это позволяет либералам провести границу между своим сообществом и левыми, а с другой, сравнение двух тоталитарных режимов — сталинского и гитлеровского — дискредитирует всех противников либеральных принципов организации общества и государства.

Отличительной особенностью российского либерального движения является его антироссийский дискурс, который способен, как будет показано ниже, становиться центральным — в определенное время и в особых политических условиях. Значительные социальные слои этого общества в представлении российских либералов приобретают образ «ваты» — образ объекта конструирования со стороны медийной пропаганды и непросвещенных масс, впадающих в коллективное помешательство.

Все указанные выше характеристики позволяют сделать первый вывод: консолидация либерального сообщества Рунета носит преимущественно негативный характер.

Политические цели либерального сообщества

Негативная направленность либерального дискурса и его критическая составляющая по отношению к современному положению дел в России соседствуют со слабой выраженностью политических целей. Обнаружены только четыре (во множестве их семантических вариаций) устойчивых индикатора, служащих выражением либеральных политических ценностей и требований: «европейский путь», «демократия», «правовое государство», «за честные выборы» (лозунг 2012 г., во многом утративший свою популярность два года спустя).

Во-первых, очевидно, что все эти элементы связаны друг с другом и зачастую дискурсивно подменяют друг друга. Во-вторых, очень многие традиционные ценности либеральной идеологии, в связи с довольно скупой артикуляцией политического идеала, выражены лишь имплицитно; они просто не оказываются в фокусе внимания и идеологической проработки. Это касается, например, основополагающих ценностей индивидуализма (в его противоположность холизму) и личной свободы, на которых базируются концепции прав человека, ограниченного государства и правопорядка. В отличие от западных обществ, в среде российских либералов отсутствуют осмысленные рассуждения о свободе как о принципе организации жизни людей, их взаимоотношений между собой и с верховной властью. Помимо этого, очень мало говорится о необходимости защиты прав человека и об эмансипации притесняемых групп населения. Практически не ставится под сомнение идея о необходимости вмешательства государства в экономическую жизнь; вместо этого в фокус внимания попадают лишь вопросы борьбы с коррупцией и обеспечения транспарентности действий политиков и чиновников. И это при том, что либеральная доктрина не легла в основу политического строительства в постсоветской России, а элементарные конституционные права граждан нарушаются или недолжным образом защищены[1].

---

[1] Систематическим мониторингом нарушения прав человека в России с начала 2000-х гг. занимается Международное общество «Мемориал»: Мемориал. Правозащитные программы. URL: http://www.memo.ru/s/186.html. О выхолащивании либерального духа российской Конституции через развитие заложенных в нее авторитарных тенденций см.: *Медушевский А.Н.* Размышления о современном российском конституционализме. М.: РОССПЭН, 2007; *Краснов М.А.* Законодательно закрепленные полномочия Президента России: необходимость или сервилизм? // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2011. № 4 (83). С. 1–13.

Это ведет к тому, что позитивный, конструктивный проект социального (пере)устройства в дискурсе либерального интернет-сообщества выражен слабо. Фактически он ограничивается самыми общими требованиями модернизации российского общества и политической системы по образцу развитых стран. Основанием для такого рода требований служат поверхностные сравнения стран Европы и США с российской ситуацией.

Характеристика исследованных либеральных сообществ

В рамках изучения либерального дискурса, «живущего» в пространстве социальных медиа, мы предприняли попытку выделить наиболее популярные, взаимосвязанные и устойчивые тематики обсуждений российских либералов и характерные черты содержания их коммуникации на материале трех популярных сообществ либеральной направленности «ВКонтакте»[1]:

- «Эхо Москвы», http://vk.com/echomsk;
- «Свободные новости. Народ против жуликов и воров» (далее — «Свободные новости»), http://vk.com/narod_protiv;
- «Республиканская партия России — Партия народной свободы» (далее — «РПР–ПАРНАС»)[2], http://vk.com/parnasparty.

Все три сообщества являются открытыми, среди их участников и подписчиков преобладают лица мужского

[1] См. Приложение 2. Описание общей методики формирования выборки для контент-анализа и описание категорий см. в главе 1.

[2] Название на момент исследования; на 2015 год сообщество называется «Партия народной свободы».

пола. Во всех из них более 50 % участников составляют молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Первая группа, согласно ее описанию, является «клубом фанатов, любителей и слушателей радиостанции Эхо Москвы, а также всех тех, кто поддерживает “Эхо” и его либеральную политику». При этом администраторы сообщества замечают, что данная площадка «не является официальным представительством» одноименной радиостанции и «существует исключительно на инициативных началах пользователей данной социальной сети».

Как и сообщество «Эхо Москвы», публичная страница «Свободные новости» является площадкой, независимой от партий или каких-либо политических движений. В отличие от первой группы, здесь можно встретить публикации только от имени сообщества. Это означает, что в данном сообществе существует не только система предварительного цензурирования, но и деперсонификация прошедших редакторский фильтр сообщений. Тем не менее эта практика отнюдь не абсолютна: в большинстве случаев к сообщениям прилагаются ссылки на иные сообщества «ВКонтакте», записи в ЖЖ и на Фейсбуке или информационно-аналитические порталы.

Наконец, сообщество «РПР–ПАРНАС» отличается от остальных прежде всего своей открытой аффилиацией с одноименной политической силой: администраторы описывают сообщество как «сообщество сторонников Республиканской партии России — Партии народной свободы». Соответственно, в сообществе присутствует специфический контент, посвященный деятельности данной партии и ее лидеров как в российской столице, так и в регионах. Данное обстоятельство стало важным для выбора этого сообщества в качестве третьей площадки, анализ дискурса которой способен сказать больше о некоторых особенностях риторики либерального сообщества Рунета. В данном сообществе сообщения, как правило, публикуются от имени сообщества, одна-

ко в выборке за 2012 г. можно встретить и тексты за авторством его членов. Важно также отметить, что инициаторами публикации многих сообщений от имени сообщества являются гражданские активисты Партии народной свободы; однако сообщений за их авторством в 2014 г. значительно меньше, чем два года назад.

Идеология — главная тема и цель интернет-активности. Особенности идеологической составляющей либерального дискурса

Как и в иных идеологических сообществах Рунета, российские либералы используют площадки Сети, в том числе «ВКонтакте», в целях производства идеологического контента. Результаты анализа сообщений в трех сообществах ясно свидетельствуют: либеральный дискурс по своему составу является идеологизированным, при этом в не меньшей степени, чем дискурсы провластного сообщества конформистов, левых и националистов. Это говорит о том, что идеология стала для либералов, как и для их идеолого-политических соперников, главной составляющей и наиболее важным назначением интернет-активности. Либерально ориентированные сообщества «ВКонтакте» представляют собой дискурсивные площадки, задача которых — консолидировать сторонников определенных идеологических воззрений. Инструментами для этого служит групповое позиционирование по линии выражения симпатий и антипатий, то есть позитивная и негативная самоидентификация относительно тех или иных событий, трактуемых и оцениваемых через призму либеральных взглядов и ценностей. Остальные формы интернет-коммуникации — информирование и организация внутри сообщества — оказываются значительно менее востребованными.

В динамике, если в 2012 г. объем идеологического контента в дискурсе либералов (52 %) был сопоставим с аналогичными значениями у националистов (55 %) и сторонников российской власти (51 %), тогда как у левых уровень дискурсивной идеологизации был несколько выше (64 %), то к 2014 г. либералы оказываются самыми заинтересованными в производстве идеологических по своему содержанию сообщений, оценок и мнений — 88 % (71% у националистов, 77% у провластных конформистов, 66% у левых).

В пропорциональном отношении идеологические антипатии и негативные оценки общественно-политических событий откровенно доминируют над количеством актов выражения симпатий и положительных оценок. В этом проявляется одна из ключевых черт российского либерального сообщества, представленного в Интернете, — негативная направленность его высокоидеологизированного дискурса. Либералы более всего склонны обращать внимание на негативные тенденции и вырабатывать соответствующий образ соперников, к которым относятся, как упоминалось выше, в первую очередь представители и сторонники политического режима В. Путина, а также русские националисты. В динамике роль идеологической составляющей дискурса российских либералов становится еще более значительной: доля антипатий и негативных оценок в 2014 г. во всех трех либеральных сообществах увеличилась с 46 % до 73 % от общего контента. Одновременно с этим, по сравнению с 2012 г., почти в три раза выросла доля сообщений, выражающих позитивную самоидентификацию либералов — с 5 % до 15 %. И в этом смысле, несмотря на беспрецедентно высокий уровень идеологического негатива в дискурсе либералов по состоянию на весну 2014 г., наблюдается и некоторая внутренняя динамика по развитию позитивного либерального идеологического контента. Это в конечном счете может работать на создание собственно либеральной

(а не антипутинской, антироссийской или антинационалистической) идентичности: пропорция преобладания идеологических антипатий над выражением симпатий уменьшилась с 8,69 % до 4,74 %.

Новый дискурс — поддержка Майдана и новых украинских властей

Однако рост позитивной самоидентификации либералов в Сети связан не с укреплением прооппозиционных настроений (изменения в доле данного контента в дискурсе либералов незначительны — 5 % в 2012 и 4 % в 2014 г.), а с появлением нового фактора, сильнейшим образом повлиявшего на соотношение сил идеологических сообществ в Сети и в российской политике. Речь идет об украинском Майдане 2013–2014 гг. и последовавшей за ним смене государственной власти в Киеве. Именно выражение одобрения по отношению к украинскому демократическому движению и свержению коррумпированного режима В. Януковича в соседней стране (который либералами рассматривается как «филиал» российского политического режима) радикально увеличило долю положительных оценок в дискурсе российских либералов. Это означает, что тенденции развития страны последних лет не прибавили либералам ни уверенности в будущем, ни надежды на реализацию политического идеала в России. Тем не менее однозначно позитивное восприятие украинских трансформаций (европеизация и десоветизация массового сознания, выбор страны в пользу демократии, правового государства и сближения с Европейским союзом) свидетельствует о наличии у российских либералов пусть и довольно абстрактных, но устойчивых ценностных и политических предпочтений. Очевидным образом, они хотели бы видеть подобное стремление общественных сил

к демократизации и модернизации в России, и в этом смысле украинский сценарий выступает в их глазах важным примером — примером, как бы оправдывающим деятельность российской либеральной оппозиции. Так, в одном из сообщений в сообществе «РПР–ПАРНАС» от 31 мая 2014 г. цитируется официальное заявление партии о ситуации вокруг Украины: «Успех Украины на европейском пути демократизации — это шанс России стать европейской свободной страной!»

Таким образом, политический проект российских либералов в условиях «Русской весны» фактически стал синонимом реализации в России украинского сценария, разумеется, без крови и потерь, которые выпали на судьбу «братского народа» (этот, советский по происхождению, термин встречается у либералов довольно часто). Так или иначе, российское либеральное сообщество, единственное из всех, открыто выступило в поддержку украинской демократической революции 2013–2014 гг. и новых властей Украины, одновременно заклеймив действия России в ее отношении: присоединение Крыма, массированную антиукраинскую пропаганду, поддержку сепаратистов ДНР—ЛНР. Выступив против действий российской власти, либералы на этот раз подверглись как давлению со стороны Кремля и околовластных кругов, так и критике из уст проимперски настроенных националистов и левых. Стратегию либерального ответа на обвинения оппонентов хорошо иллюстрируют два примера. Первый из них — публикация видеозаписи (с подписями «Вы хотели оскорбить нас, а оскорбили себя» и «Бандерлоги — это вы»), которая была сделана украинскими патриотами из Одессы в ответ на антиукраинское видеообращение Н. Михалкова «Русские не придут». Этот ответ, адресованный российской провластной общественности, опубликован сразу в двух сообществах — «Эхо Москвы» (30 мая 2014) и «Свободные но-

вости» (31 мая 2014)[1]. Второй пример — цитирование стихотворения Е. Левковича в публикации от имени одного из модераторов в сообществе «Эхо Москвы» (1 июня 2014)[2]:

Я узнал, что у меня
есть огромная семья:
Янукович и Кадыров,
полк наемных командиров,
Пшонка, Гиркин и Бабай,
Абвер, Безлер, Бородай,
осетинские абреки,
вежливые человеки,
офицеры ГРУ,
активисты КПУ,
казаки и алкашня,
прокурорша-барышня,
Добкин, «Беркут», РНЕ,
журналисты из КП,
из Луганска гопота,
с красным знаменем толпа,
мародеры и садисты,
ополченцы и чекисты...
Это Родина моя?
Да пошли вы нах..., бл...

Обличение российского народа и российской власти

Вызывает удивление тот факт, что во всем проанализированном объеме данных у либералов не встречается

[1] URL: http://vk.com/wall-3818_1068888; URL: http://vk.com/wall-364976_2444186.
[2] URL: http://vk.com/wall-3818_1071686.

ни одного сообщения, которое можно было бы классифицировать как «пророссийское». Из этого следует, что либеральный позитивный идеологический контент не выражает готовности сообщества демонстрировать свою привязанность к России. С одной стороны, эта особенность российских либералов только способствует укреплению их негативного образа в глазах других. В то же время есть основания полагать, что данная черта отнюдь не досадное недоразумение или антипатриотизм либералов, а их стратегическая позиция. Последняя, вероятно, заключается в негласном запрете на выражение симпатий к российскому обществу (и тем более государству), не отвечающих функции обличения проблем и пороков. Это обличение может принимать радикально-экспрессивные формы критики империализма (как на рис. 20 с цитатой из Д. Дудаева) или антиамериканизма (рис. 21), свойственных государственной пропаганде и подверженным ей россиянам. В этой, безусловно, политической, даже мировоззренческой позиции можно увидеть попытку обратиться к наследию некоторых представителей либеральной мысли в России, в частности П.Я. Чаадаева (ссылки на цитаты из автора «Философических писем» встречаются в исследованных сообществах не раз[1]). Очевидным образом, подобное понимание (единственно верное, в глазах современного российского либерала) патриотизма как обличения недостатков народа вместе с властью не прибавляет либеральному дискурсу популярности, а также знаменует собой разрыв

[1] Так, например, в сообществе «РПР–ПАРНАС» в одном из сообщений содержится изображение портрета Чаадаева со следующей подписью: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны Родине истиной. УРА-ПАТРИОТИЗМ ВРЕДИТ РОССИИ» (2012. 26.09. URL: http://vk.com/wall-23322374_45163).

с традицией либерально-консервативной мысли, сложившейся в России во второй половине XIX — начале XX века. «Молчаливый» патриотизм, который сочетается с желчной критикой соперников, власти, страны, только далее подталкивает либералов к самоизоляции.

Рис. 20. Из сообщества «Эхо Москвы», 30 мая 2014 г.[1]

Рис. 21. Из сообщества «Свободные новости», 29 мая 2014 г.[2]

[1] URL: http://vk.com/wall-3818_1068940.
[2] URL: http://vk.com/wall-364976_2444087.

Не менее интересные выводы позволяет сделать анализ содержания негативно-идеологического контента в динамике от «Русской зимы» к «Русской весне».

В 2012 г. львиную долю этой части контента составляли антивластные сообщения, нацеленные на критику действий российских властей (во внешней и внутренней политике; в области образования и здравоохранения; в отношении наращивания расходов на оборону и поддержании модели «сырьевой» экономики) и разъедающей их ряды коррупции. Несмотря на то что удельный вес сообщений антивластного содержания в сообществах не был одинаков (19 % от всего контента в сообществе «Эхо Москвы», тогда как в сообществах «Свободные новости» и «РПР–ПАРНАС» — 37 % и 33 % соответственно), общая доля данного контента в 2012 г. составила 30 %. Как правило, критике подвергались различные действия федеральной власти, негативный эффект от которых кажется либералам очевидным. В частности, распространенным примером антивластной риторики либерального сообщества является высмеивание законодательных инициатив Государственной думы, получившей от либеральной общественности прозвище «бешеного (или взбесившегося) принтера»[1]. Немалую популярность получил и эпитет В. Познера в отношении нижней палаты российского парламента — «Госдура»[2]. Так, иллюстрацией критического отношения к депутатам и их работе является сообщение от 29 сентября 2012 г. в сообществе «Свободные новости»

[1] См., например, заметку ведущего на радиостанции «Эхо Москвы» М. Ганапольского, которая цитируется в сообщении, опубликованном от имени одноименной группы ВК 26 сентября 2012 г.: *Ганапольский М.* Взбесившийся принтер снова включается!.. // Эхо Москвы. 25.09.2012. URL: http://echo.msk.ru/blog/ganapolsky/933983-echo/.

[2] Познер поспорил с Путиным по поводу «сиротского закона»: «Выставили страну на посмешище» // NEWsru.com. 24.12.2012. URL: http://www.newsru.com/russia/24dec2012/pozner.html.

Рис. 22. Сообщество «Свободные новости», 27 сентября 2012 г.[1]

о предположительном наличии у депутата от «Единой России» («партии жуликов и воров» в дискурсе либералов) В. Пехтина имущества за рубежом. В заглавии текста коротко написано: «СТЫД и СОВЕСТЬ ГОСДУМЫ (какая госдума, такая и совесть)»[2].

Во время «Русской зимы» недовольство персоной президента Путина, его политикой, поведением и заявлениями занимало только 5 % от объема дискурса в трех сообществах в среднем. Это чуть меньше, чем критика религий, главным образом РПЦ (рис. 22): их упрекали не только за приверженность традиционным, доиндивидуалистическим формам сознания, но и за попытки вмешательства в политику и частную жизнь граждан (прежде всего в связи с делом панк-группы «Pussy Riot»).

---

[1] URL: http://vk.com/wall-364976_1381413.
[2] URL: http://vk.com/wall-364976_1385294.

В 2012 г. антирелигиозная тематика занимала 6 % от контента исследованных либеральных сообществ, хотя в сообществе «Эхо Москвы» эта цифра достигала 11 %. Критические высказывания в адрес российского общества были весьма редки — только 3 % от проанализированного объема сообщений. Это примерно на том же уровне распространенности, что и критика в адрес российской оппозиции и отдельных ее представителей (2 %).

Рост критики российского общества «Русской весной»

В 2014 г., после присоединения к России Крыма и активизации военного конфликта на востоке Украины, картина радикальным образом изменилась. Во-первых, негатива в либеральном дискурсе стало значительно больше — в полтора раза в сравнении с 2012 г. Во-вторых, стало другим и распределение негативно-идеологического контента по тематикам — отдельным субкатегориям. Прежде всего, объем антироссийских сообщений вырос в десять раз — с 3 % до 33 %. Недовольство и огульная критика россиян приобрела лавинообразный характер в связи с массовой — согласно социологическим данным — поддержкой гражданами России аннексии Крымского полуострова и созданных в зоне вооруженного конфликта так называемых ДНР и ЛНР. Важно отметить, что негативное отношение непосредственно к этим протогосударственным пророссийским образованиям на территории Луганской и Донецкой областей Украины занимает лишь 3 % от общего контента. Основным виновником происходящих негативных перемен либералы, таким образом, видят российское общество — общество, либо молчащее, либо выражающее радость от того, что соседняя страна дестабилизирована. Либералы пола-

гают, что существует коллективная вина российского общества за то, что политика Кремля пользуется большой поддержкой. Об этом свидетельствует огромная масса сообщений. Так, типичными являются попытки «пристыдить» россиян, как, например, сообщение в сообществе «РПР–ПАРНАС» от 19 апреля 2014, в котором цитируется следующая запись из блогосферы:

> РОССИЮ НАЧИНАЮТ НЕНАВИДЕТЬ
>
> Ну что, дорогие россияне, особенно москвичи, особенно те 120 тысяч человек вчера на Красной площади яростно размахивавшие пока еще не запрещенными флагами, наше имперское самолюбие получило самоудовлетворение? Крым наш! Не на веки, конечно, как не вечна и сама Россия. Но сейчас он наш. Так же как наша сейчас Абхазия. Правда большинство из нас никогда не было и не будет отдыхать на абхазских курортах. Но в Крым теперь мы точно поедем отдыхать. Потому, что больше в мире нас нигде не хотят видеть. В Таиланде в гостинице висит объявление: мы не обслуживаем оккупантов из России. Такое же объявление висит в испанском ресторане. В Турции нам за крымских татар скорее всего втихую плюнут в компот или в суп. Так что остается только Крым да Сочи...
>
> Про то, что Киев — мать городов русских, теперь можно забыть. Там даже проспект Московский переименуют, что бы мы себя слишком комфортно не чувствовали.
>
> Весь мир против нас!
>
> Но ничего, пляшем, Крым то — наш!!![1]

С другой стороны, либеральный дискурс, как мы уже отмечали, склонен к проведению аналогий состояния современной («посткрымской») России с фашистскими режимами XX века — этой параллели посвящена большая часть визуального ряда в коммуникации

[1] URL: http://vk.com/wall-23322374_84443.

либеральных сообществ в 2014 г. (рис. 23). Рассуждая о причинах фашизации (и шире — просоветской, имперской и православной радикализации, см. рис. 24) российского общества, либералы часто приходят к пессимистическим выводам: дело не столько в кремлевской пропаганде, сколько в том, что россияне сами являются опорой путинского режима. Типичным в этом смысле является сообщение, опубликованное 16 апреля 2014 г. также в сообществе «РПР–ПАРНАС». Сообщение является цитатой записи популярного блогера А. Мальгина:

> РОССИЯ ВО МГЛЕ.
>
> В принципе все эти бюджеты (думаю, немалые) на поддержание троллей, ботов и прочей нечисти вполне можно закрывать. Граждане прекрасно справляются сами. Фашизация населения достигла такого уровня, что Интернет перестал представлять для власти опасность. Лучше бы они махнули на него рукой.
>
> Я всю жизнь удивлялся той метаморфозе, которая произошла с немецким обществом в тридцатые годы. Как одна из культурнейших европейских наций за короткий период времени дошла до совершенно скотского состояния.
>
> Сейчас все это произошло у нас на глазах. Даже два-три года назад Россия была совсем другой страной. Конечно, народ в целом не был ни культурным, ни милосердным, но то, что есть сейчас, и сравнить нельзя с тем, что было недавно. Я разговариваю со своими хорошими знакомыми, даже с некоторыми родственниками, — они ничего не хотят слышать. Только «Россия, вперед!»
>
> Иногда чувствуешь себя каким-то вопиющим в пустыне. И думаешь: а зачем вообще пытаться кого-то в чем-то убедить. Зачем это все? Убедить невозможно. Их убедит история, как ни высокопарно это звучит. Или не убедит.

Вслед за Гербертом Уэллсом можно повторить с полным основанием: «Россия во мгле». Не вытащить нам ее оттуда. И надо ли это — противостоять миллионам зомби?[1]

Рис. 23. Из сообщества «Свободные новости», 27 мая 2014 г.[2]

Рис. 24. Из сообщества «Эхо Москвы», 1 июня 2014 г.[3]

[1] URL: http://vk.com/wall-23322374_84224.
[2] URL: http://vk.com/wall-364976_2443919.
[3] URL: http://vk.com/wall-3818_1071686.

О выводе, сделанном российскими либералами в отношении сограждан, свидетельствует и то, что доля антипутинской составляющей в их дискурсе за два года выросла значительно скромнее, а именно с 5 % до 9 % от общего контента. При этом совокупный рост недовольства действиями В. Путина и России как общества и государства очевидным образом способствовали заметному сокращению объема антивластной риторики — с 30 % до 20 %. Критика действий власти внутри страны в период «Русской весны», которая у либералов ассоциируется с фактической войной России против Украины и попыткой задушить ее стремление встать на европейский путь развития, отошла на второй план. Однако антивластная риторика никуда не исчезла. Более того, линия критики действий власти в 2014 г. осталась той же, что производилась либералами на волне «Русской зимы»: образ российского парламента как «взбесившегося принтера» (рис. 25) только укрепился в связи с новыми инициативами законодателей.

Рис. 25. Из сообщества «РПР–ПАРНАС», 24 апреля 2014 г.[1]

[1] URL: http://vk.com/wall-23322374_84755.

Перед лицом новых вызовов потеряла остроту и критика клерикализма и религиозного фундаментализма (только 1 % от общего контента в 2014 г.). Стоит объяснить и наличие в либеральном дискурсе трех исследованных сообществ негативных оценок Майдана и новых украинских властей (5 %), а также политики США (1 %). Это связано с отсутствием фильтров на публикацию сообщений в сообществе «Эхо Москвы»: все антиамериканские и антиукраинские высказывания появились именно здесь. Эта группа является наиболее открытой из трех в том смысле, что допускает сообщения за авторством любых членов сообщества без предварительного фильтра со стороны администраторов. В этом отношении сообщество «ВКонтакте» копирует политику открытости комментариев в блогах радио «Эхо Москвы». Именно поэтому здесь нередко можно встретить откровенные выпады в адрес членов сообщества и защищаемых ими либеральных принципов и позиций. Так, в 2014 г. 14 % контента сообщества составили тексты, выражавшие неприятие Майдана или ненависть к Украине; тогда как либералы единогласно подержали украинскую сторону конфликта. Как правило, данные тексты добавляются пользователями умышленно и в большом количестве практически одновременно, с разницей в несколько минут. Это касается, например, пяти антиукраинских и одного антиамериканского сообщения, опубликованных пользователем под именем «Катя Cvetkova» 31 мая 2014 г.: все сообщения представляют собой изображения, одно из которых (фотография урны для мусора, возле которой валяются украинские удостоверения, с подписью «Свобода выбора») встречается и в провластных сообществах конформистов[1].

[1] Эхо Москвы. 2014. 31.05. URL: http://vk.com/wall-3818_1069910; Сеть сторонников Путина... 2014. 30.05. URL: http://vk.com/wall-

Радикализация дискурса и специфические фобии российских либералов

Отдельно стоит отметить, что ксенофобия по отношению к этническим и религиозным сообществам как рациональное направление либерального интернет-дискурса не выражена, хотя и встречаются отдельные сообщения антикавказского и антиамериканского содержания. Тексты, которые были бы направлены на критику Запада, европейских стран, мигрантов или мусульман, просто отсутствуют. Вместе с тем нет даже фрагментарных упоминаний об идее гражданской нации и концепции решения межкультурных противоречий: либералы не пытаются переубедить ксенофобов, вместо этого записывая их в категорию «непросвещенных масс» или «националистов». Либеральный дискурс изобилует фобиями, как и дискурсы всех иных идеологических течений, однако их объектом являются не приезжие или инородцы, а соотечественники, поддерживающие Путина, любящие СССР и радующие тому, что «Крым — наш». Можно сказать, что по состоянию на 2014 г. в риторике либералов народо- и русофобия стали основополагающими элементами.

Информирование как функция интернет-дискурса либералов

В явно очерченном процессе идеологизации либерального дискурса заметно снижение доли новостных сообщений. Если в 2012 г. сообщения информационного характера были равномерно распределены во всех трех сообществах «ВКонтакте» и составляли 17 % все-

---

34455756_22854; Слава России... 2014. 30.05. URL: http://vk.com/wall-20010328_68646.

го контента, то два года спустя эта доля существенно сократилась — до 7 %. Стоит отметить, что количество информационных сообщений в сообществе «Эхо Москвы» изменилось незначительно (19 % и 16 % в 2012 и 2014 гг. соответственно), что объясняется особой открытостью сообщества и высокой долей в вырабатываемом ею контенте материалов одноименной радиостанции. Тем не менее тренд на ослабление информационной функции либеральных интернет-площадок очевиден. Частично это может быть объяснено тем, что многие сообщения информационного характера стали наполняться оценочным содержанием, то есть приобретать и идеологическую нагрузку. При этом доминирует стратегия избегать двойственной идеологической оценки тех или иных событий. То, что в 2012 г. могло подаваться как новость, лишенная особого идеологического содержания и заложенной в самом сообщении интерпретации, два года спустя стало инструментом идеологической консолидации. В частности, это хорошо видно по сообществу «Свободные новости»: в 2012 г. в исследованном массиве сообщения информационного характера составляли 14 % группового контента, в 2014-м — только 3 %. Если в 2012 г. типичными были сообщения, которые просто передавали содержание публикаций на информационных порталах (как, например, сообщение от 29 сентября 2012 г. «Пенсионер обвинил депутата Митрофанова в крупной взятке», со ссылкой на агентство «Лента.ру»), то два года спустя в сообществе ежедневно стали публиковать «новостную картину дня». Суть этой практики состоит в том, что предлагается подборка новостей за один день, не являющихся ценностно нейтральными: так, почти все новости обличают действия российской власти, а в конце обязательно присутствует скриншот твита-комментария этих новостей либеральным автором.

Действия либералов: о слабости групповой солидарности

Сжатие роли неидеологических функций интернет-коммуникации заметно у либералов и по контенту организационно-мобилизационного характера. В целом доля таких сообщений в либеральном дискурсе составляет 9 %. Это наименьшее значение среди всех идеологических сообществ, представленных в Рунете. Изменение доли сообщений организационного характера в динамике отображает спад к 2014 г. активности и понижение стимулов к кооперации — гражданской, идеологической и политической. Падение доли организационно-мобилизационного контента в либеральном дискурсе почти в четыре раза — с 15 % (2012) до 4 % (2014) — отображает собой затухание эффекта «Русской зимы». В частности, в сообществе «Свободные новости» за двухгодичный период и вовсе произошел обвал организационного контента — с 23 % до 4 %. В 2012 г. организационно-мобилизационная активность была разносторонней и проявлялась как в агитации за оппозиционных кандидатов, обсуждении выборов в Координационный совет оппозиции и «Марша миллионов», прошедшего 15 сентября 2012 г., так и в создании либеральных сообществ «ВКонтакте» и призывах активно участвовать в их жизни. На волне «Русской весны» организационная коммуникация либералов в Сети ограничилась призывами посещать «Марши правды», помогать больным детям и подписывать интернет-петиции.

Можно предлагать различные интерпретации такого резкого снижения организационно-мобилизационной активности российских либералов в Сети: от страха перед репрессиями власти (вылившимися, в частности, в процесс по так называемому «Болотному делу», до сих пор находящемуся в фокусе внимания либеральной общественности) до осознания бесперспективно-

сти политической деятельности в условиях укрепления авторитарного режима («закручивания гаек»). Так или иначе, для либеральных сообществ Рунета и для либералов в целом свойственны скорее акты мысли, чем акты действия. Динамический анализ дискурса подтверждает данное заключение.

Категория «иное» как показатель идеологизации дискурса

Объем сообщений, попавших в категорию «иное», то есть тех текстов, которые не подлежали кодировке, за исследованный период радикально сократился — с 16 % до всего лишь 1 %. Процесс идеологизации либерального дискурса, таким образом, происходил не только за счет уменьшения организационного и информационного контента, но и путем отсева сообщений без определенного содержания, а также рекламы и спама. По всей видимости, это происходило посредством ужесточения критериев отбора сообщений в сообществах, а также в результате «уплотнения» контента идеологизированными сообщениями на фоне ярких политических событий в России и Украине. Наиболее резкий перелом в этом отношении произошел в сообществе «Эхо Москвы»: с 2012 по 2014 г. доля сообщений, кодированных как «иное», уменьшилась с 34 % до 1 %, тогда как доля идеологических текстов выросла с 40 % до 81 %.

Либеральная интернет-элита: разделяй и безвластвуй

До сих пор мы говорили об общих характеристиках образа либералов в Рунете. Теперь мы обратимся к лидерам либерального дискурса — его *opinion formers*. Многие

ключевые идеи и поводы для обсуждения исходят и/или популяризируются конкретными лицами, обладающими медийной популярностью. В этом смысле вряд ли возможно говорить о существовании раскола между сегментом «массового» либерального сообщества и отдельно стоящей «элитой» лидеров дискурса: столь значимых различий между этими подгруппами выявлено не было.

Попытки очертить конечный список влиятельных фигур, демонстрирующих свою приверженность либеральному мировоззрению, были бы не очень продуктивными по двум основным причинам.

Во-первых, слой видных либералов в России, как и в любой другой стране, довольно широк и не состоит исключительно из лиц одного социально-профессионального слоя. Однако у них есть и общие черты: все они, как правило, люди, занимающиеся интеллектуальной деятельностью. Российские либералы — это социальная категория прогрессистов, среди которых сегодня можно встретить ученых и общественных деятелей, блогеров и журналистов, предпринимателей и публичных интеллектуалов. Все они, как правило, представлены в пространстве Сети.

Вторая причина состоит в том, что российское либеральное сообщество довольно неоднородно. «Междоусобные» споры и конкуренция различных точек зрения у либералов, с одной стороны, являются отражением интеллектуализма, свойственного либеральному дискурсу в любой стране, а с другой — свидетельствуют о неуверенности российских либералов в реализации собственных (весьма разнородных) чаяний в социально-политической плоскости. Неслучайно негативизм и критическая ориентация либерализма столь сильно выражены как в идеологическом контенте, так и в либеральном дискурсе в целом.

Таким образом, все, что будет сказано ниже о качествах либеральной интернет-элиты, будет относиться

и к образу всего либерального сообщества. Опираться в нашем анализе мы будем скорее на идеи и смыслы различных подходов, нежели на авторитет конкретных персонажей. Так или иначе, среди названных личностей читатель, знакомый с российским контекстом и дискурсивными площадками Рунета второй половины 2000-х — начала 2010-х гг., вряд ли встретит незнакомую фамилию.

Изучение дискуссий либеральных лидеров дискурса вновь возвращает нас к сравнительной перспективе — проведению параллелей, с одной стороны, между российским либерализмом в его нынешнем состоянии и, с другой, дореволюционным и западным опытом либерального политического строительства.

Либеральное сообщество неоднородно и атомизированно

Если охватить разнообразие либерального общественного мнения, даже ограничившись одним лишь Интернетом, не представляется возможным, то сказать о существующих внутри него напряженностях и противоречиях — вполне посильная задача. Важнейшим противоречием, бросающимся в глаза, является разделенность публичного сегмента либерального сообщества России. Основное разделение проходит по вопросу сотрудничества с государственной властью — на «системных либералов» (или «сислибов») и оппозиционеров, другими словами — на «институционалистов» (или «технократов») и «непримиримых». Если первые видят свою миссию во внутреннем преобразовании российского государства и в попытке реализовать либеральный проект хотя бы частично, в условиях множества политических ограничителей, то вторые или, по крайней мере, наиболее радикальные представители либеральной оппозиции видят в таком подходе предательство

либеральных идеалов и коллаборационизм. Эта напряженность характерна для видных российских либералов, перед которыми в определенный момент встает реальный выбор: сотрудничать с властными структурами или отказаться от такого сотрудничества по моральным и идейным соображениям.

Тем не менее, несмотря на явную напряженность, вряд ли можно говорить о расколе российских либеральных политиков и общественных деятелей. Все они, в общих чертах, придерживаются одних и тех же ценностей и идеалов, однако избирают разные стратегии — индивидуальные (личная карьера) и коллективные (позиции партий и гражданских движений) — для их претворения в жизнь. В российской истории либералы сталкиваются с этой проблемой не впервые: современные либералы начала XXI века находятся в том же положении, что и их предшественники в дореволюционную эпоху. В этом (и, наверное, только этом) смысле фигуры А. Кудрина, Г. Грефа и А. Чубайса можно уподобить царским министрам М. Лорис-Меликову, С. Витте и П. Столыпину. Им и тогда, и сейчас противостояли сторонники более радикальных преобразований, отказывавшиеся от сотрудничества с авторитарной властью. Но если выдающиеся либеральные оппозиционеры прошлого — П. Милюков, А. Гучков или М. Родзянко — пользовались широкой поддержкой городских слоев и опирались на парламентскую деятельность, то их современные наследники, действующие в путинскую эпоху (скажем, Б. Немцов, Г. Каспаров и А. Навальный), оказались отлучены от публичной политики и возможности влиять на принятие государственных решений.

В недавнем прошлом изменилось и положение «системных либералов». Моментом окончательного поражения стратегии точечных либеральных реформ изнутри политического режима В. Путина — или того, что российский публицист А. Морозов назвал «разгромом

лояльного институционализма»[1], — стало возвращение В. Путина в президентское кресло в мае 2012 г. К разочарованию в отношении фигуры президента Д. Медведева после «рокировки» в «правящем тандеме»[2] в среде российских либералов отныне добавился и иной фактор — преследования, репрессии в отношении лидеров массовых протестов, среди которых оказались и либеральные оппозиционеры. В этом отношении разгром либералов, как «системных», так и оппозиционных, в период после аннексии Крыма в марте 2014 г. лишь закрепил предшествующие тенденции:

«В 2012–2013 годах Кремль "отжимал" с политической сцены участников акций протеста — одни шли под аресты, другие бежали из страны, третьи отступали в область приватной жизни. В 2013–2014 годах новость в том, что замолкают, сходят со сцены или вообще уезжают из страны "лояльные институционалисты". Старый консенсус добит Крымом и санкциями»[3].

Изменение положения лагеря российской либеральной оппозиции за период 2012–2014 гг., таким образом, было значительным. Российские либеральные лидеры перешли от организации и участия в массовых протестах к апатии и антироссийскому дискурсу, заняв пораженческую позицию. Антивластный запал либеральных политиков сместился в сторону безапелляционного неприятия путинского режима и отсечения себя от значи-

---

[1] *Морозов А.* Что происходит с Кремлем? Разгром «лояльного институционализма» // Гефтер.ру. 2014. 13.08. URL: http://gefter.ru/archive/12799.

[2] Евгений Ясин: президент пожертвовал реформами ради поста премьера // Радио Свобода. 2011. 29.09. URL: http://www.svoboda.org/content/article/24343655.html. Несогласие и разочарование либерально настроенной части экспертного сообщества проявились в выходе ряда членов из Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека — сначала в декабре 2011 и затем в июне 2012 г.

[3] *Морозов А.* Указ. соч.

тельной части общества «крымнашистов» — подавляющего большинства, в представлении либералов.

Критика власти в среде либеральных оппозиционеров в эпоху «Русской зимы» была сосредоточена на требованиях честных выборов и масштабных программ государственного реформирования. Это хорошо видно, в частности, по графику всплесков упоминаний некоторых лидеров либерально настроенных групп населения (А. Навальный, О. Кашин, Б. Немцов, А. Венедиктов, Б. Акунин) в декабре 2010 — декабре 2012 г. (рис. 26).

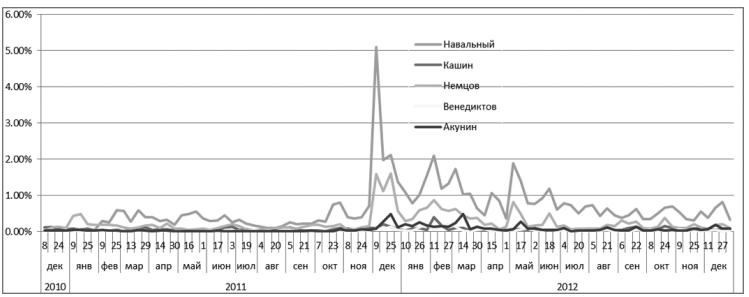


Рис. 26. Упоминание ряда лидеров либерального дискурса в Живом Журнале во время «Русской зимы».

Источник: Сергей Федюнин.

Данный график свидетельствует о высокой связи всплесков упоминаний некоторых представителей либеральной дискурсивной «элиты», представленной в Сети, с подготовкой, проведением и обсуждением результатов массовых акций протеста. Почти все всплески упоминаний связаны с призывами к новым митингам и шествиям, наращиванию активности и поиску соответствующих для них поводов (что сопровождается спорами, выработкой лозунгов и тегов), в особенности в период проведения самых массовых протестов: в декабре 2011 г., сразу после выборов в Госдуму, а также накануне и после «Марша миллионов», прошедшего 6 мая 2012 г. (за день до инаугурации избранного президента Путина).

В 2012 г., после начала «Болотного дела» и приговора по делу «Pussy Riot», после ужесточения законодательства на митингах, лидеры либерального дискурса продолжали вести споры о том, необходимо ли пытаться предотвратить революцию или стоит всеми силами и средствами «раскачивать лодку»[1]. Тогда, год спустя после вспышки митингов гражданского протеста, казалось, по выражению Б. Акунина, что «эйфория прошла» и «многое не получилось», хотя «лед треснул и тронулся» и уже «обратно не смерзнется»[2].

Идея «раскачивания лодки», выдвинутая оппозиционерами в ответ на высказывание Путина в 2011 г., к 2014 г., когда протесты за честные выборы окончательно утихли, приобрела иной смысл — желание поражения правительства Путина в его противостоянии с Украиной и конфронтации с Западным миром[3]. Вслед за сообщениями о появлении российских военных на территории Крыма и его присоединением к России в либеральной среде стали высказываться мнения о скором конце путинского режима[4] и закате империи в России[5]. Однако такие настроения не сочетаются с активностью либеральных «интеллектуалов» по выработке

---

[1] См., например: *Акунин Б.* Год спустя // Эхо Москвы. 2012. 09.12. URL: http://echo.msk.ru/blog/b_akunin/965010-echo/; *Каспаров Г.* Центрист-мечтатель // Эхо Москвы. 2012. 10.09. URL: http://echo.msk.ru/blog/kasparov_garry/965952-echo/.

[2] *Акунин Б.* Год спустя.

[3] В частности, об этом заявил один из видных либеральных общественных деятелей и организатор митингов оппозиции А. Рыклин, см.: Быть ли «пораженцем» на украинской войне? // Радио Свобода. 2014. 23.09. URL: http://www.svoboda.org/content/transcript/26601841.html.

[4] Михаил Касьянов: «Это начало конца режима Путина» // Голос Америки. 2014. 13.04. URL: http://www.golos-ameriki.ru/content/vv-casiyanov-interview/1892574.html.

[5] См., например, выказывания Е. Ихлова: Леонид Гозман, Станислав Белковский, Евгений Ихлов о войне Путина против Украины // Радио Свобода. 2014. 02.03. URL: http://youtu.be/YeQibxM0wpg.

собственных политических проектов — проектов на будущее «после», на случай скорого, по ощущениям некоторых, поражения российского политического режима.

В отношении выработки единой политической стратегии либерального сообщества на протяжении всего постсоветского периода и в особенности в путинскую эпоху ведутся постоянные споры, перерастающие в локальные расколы и несогласованность позиций. Призывы к объединению либерально ориентированных политических и гражданских сил, созданию политических структур для борьбы с режимом Путина звучат практически от всех значимых либеральных объединений; но дальше разговоров дело не заходит. По-прежнему сохраняется напряженность в отношениях между множеством раздробленных движений и партий. В качестве примеров достаточно вспомнить организацию массовых протестов во время «Русской зимы» и избирательную кампанию по выборам мэра Москвы летом 2013 г., во время подготовки которой либеральная общественность на интернет-площадках успела разругаться. С одной стороны, звучали взаимные упреки в «сливе» уличных протестов 2011–2012 гг.[1] С другой стороны, на стратегический для оппозиции пост мэра российской столицы, где прошли самые активные протесты и где наблюдается самое плотное скопление либерально ориентированных групп населения, выдвинулись сразу два кандидата с либеральными имиджами и программами — С. Митрохин от «Яблока» и А. Навальный от РПР–ПАРНАС. В адрес Навального посыпались «старые» обвинения, словно, по словам писателя Л. Рубинштейна, многие представители либеральной общественности испугались политики, как только лозунг «мы здесь власть» стал переходить

[1] *Кичанова В.* Что изменится, если Навальный попадет в тюрьму? // Slon.ru. 2013. 05.07. URL: http://slon.ru/russia/chto_izmenitsya_esli_navalnyy_syadet-962968.xhtml.

в практическую плоскость[1]. После вполне успешной кампании на выборах в мэры Москвы Навальный оказался, в числе прочих оппозиционных лидеров, под домашним арестом. В результате его деятельность стала притягивать значительно меньше внимания со стороны общества.

В феврале 2014 г. произошел раскол и в объединенной партии РПР–ПАРНАС, не просуществовавшей в объединенном виде и двух лет: партию покинул один из ее сопредседателей — В. Рыжков. В целом попытки консолидации в либеральной, «правой»[2] части идеологического спектра не увенчались успехом: «Яблоко», РПР–ПАРНАС, «Солидарность», «Гражданская платформа», «Демократический выбор», «Партия прогресса» (сторонники Навального) и др. просто не смогли найти общей платформы. Неконсолидированность, раздробленность и атомизированность либерального сообщества знаменует собой многократное воспроизводство ситуации 2003 г., когда две крупнейшие либеральные партии — «Яблоко» и СПС — после длительных переговоров в конечном итоге отказались от объединения (первоначально предполагавшегося для совместного участия в парламентских выборах). Это произошло как раз накануне начала стягивания шагреневой кожи пространства политических свобод и публичной политики. Спустя более десяти лет, в 2014 г., положение либеральных сил, не способных консолидироваться, еще менее завидно: либеральный дискурс не присутствует в мейн-

[1] *Рубинштейн Л.* Требуется Ланцелот. Вернемся к идее честности, господа // Грани.ру. 2013. 24.07. URL: http://grani.ru/blogs/free/entries/217181.html.

[2] Характеристика либералов как «правых» политических сил берет начало в начале 1990-х гг.: во многом сторонники рыночной экономики и западной модели демократии, используя этот термин, противопоставляли себя «государственникам» и коммунистам, то есть «левым» силам.

стриме, заглушается «малиновым звоном» об «особом пути» и «уникальной цивилизации», а политическая конкуренция имитируется со стороны официальных властей. В условиях, когда реформирование государства, развитие правовой системы и правового сознания, демократизация общественной жизни стали фикцией, а федерализм и конкуренция откровенно имитируются[1], когда господствует авторитарно-бюрократический режим и поддерживается имперский порядок управления, либеральная альтернатива становится не менее актуальной, чем на закате советской эпохи. Однако либеральное сообщество пока не в состоянии воспользоваться этим запросом на перемены. Вместо этого оно, устами В. Панюшкина, ограничивается констатацией: россияне живут не своей жизнью[2].

Тенденция к самодроблению либерального дискурса отражает, таким образом, как стремление отдельных либеральных политиков и общественных деятелей не растерять свой капитал, так и неготовность либералов к совместным действиям и выработке позитивной программы социально-политических преобразований. Российским либералам образца 2014 г. остается только констатировать свое политическое бессилие, если не сказать поражение. Либералы созерцательно отмечают, выражаясь словами Г. Явлинского, что «новый курс, избранный руководством России, — курс на построение некоего евразийского государства — это курс разруши-

---

[1] См. на эту тему книгу либерально-ориентированного политолога Д. Фурмана, охарактеризовавшего российский политический режим 2000-х гг. как «имитационную демократию»: *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.

[2] *Панюшкин В.* Чужая жизнь для наших граждан // Snob.ru. 2014. 27.05. URL: http://www.snob.ru/selected/entry/76621. Ссылка на данный текст встречалась в сообщениях в сообществах «Эхо Москвы» и «Свободные новости».

тельный для России, курс деградации, курс действительно опасный»[1].

Очевидно, склонность к огульной критике, разобщенность и атомизированность не способствуют выработке новых идей и политических программ действий. И. Клямкин, рассуждающий о «состоянии институциональной беззаботности» российского либерального сообщества, отмечает, что «слова о важности институтов мы (либералы. — *С. Ф.*) уже выучили, но думать о том, как они должны быть устроены, нам по-прежнему не интересно»[2].

Выводы и прогнозы: опасность маргинализации и будущее российских либералов

В целом трансформация дискурса либералов от эпохи «Русской зимы» к «Русской весне» свидетельствует об углубившемся расколе между либеральным сообществом и всеми остальными идеологическими сообществами. С одной стороны, украинские события отвлекли российскую либеральную (и не только либеральную) оппозицию от задачи обличения российской власти. С другой стороны, пропасть между либеральным мировоззрением и дискурсами всех иных сообществ углубилась. Негативная энергия либералов переключилась на критику личности Путина и, в еще большей степени, российского общества. Либералы открыто ассоциируют себя с украинской революцией, с Майданом. Более того, они выступили в поддержку пришедших на смену режиму Януковича властей и проводимой ими анти-

[1] *Явлинский Г.* Новый курс Путина: «Россия — не Европа» // Радио Свобода. 2014. 27.09. URL: http://www.svoboda.org/content/article/26608863.html.

[2] Миссия либерала: какова она? С. 98.

террористической операции на юго-востоке Украины. Обвиняя Россию в дестабилизации ситуации в соседней стране, российские либералы порвали все связи с оппозиционными кругами, поддержавшими действия российского руководства по созданию «Русского мира». От хрупкой готовности либералов сотрудничать с «умеренной оппозицией», всеми потенциально «рукопожатными», доминировавшей в 2011 — начале 2012 г., два года спустя мало что осталось. Либералы заняли строгую позицию: кооперироваться (в частности, для организации так называемых «Маршей правды» и «Маршей мира») только с теми силами, которые настроены антипутински и антироссийски, то есть не являются «крымнашистами». Вряд ли можно поставить либералам в вину их бескомпромиссность в отстаивании собственных ценностных позиций, однако стремление к уничижительному отношению к стране и многим ее жителям, безусловно, не прибавляет им популярности. Сочетание рефлексии, знаний и хорошего владения словом с агрессивностью и нетерпимостью в либеральном дискурсе свидетельствует о его особом положении в контексте постсоветской России.

Подводя общий итог контент-анализу дискурса либерального интернет-сообщества, важно указать на ряд обстоятельств. Прежде всего, групповая идентичность либералов выражена слабо: негативная консолидация (образы «других») проявляется ярче, чем позитивные стратегии самоопределения. Либеральный дискурс негативно направлен, сконцентрирован на критике государственной власти и российского общества. Зачастую выработка собственной идеологии подменяется отрицанием чужих ценностей и политических идеалов, что проявляется в выражении фобий, ненависти, гнева, неприятия и неодобрения. Таким образом, образ желаемого будущего — конструктивный проект (пере)устройства общества и государства — размыт и не подвергается

эксплицитному обсуждению. Наши данные свидетельствуют о том, что у либералов в Рунете соотношение объемов негативно и позитивно идеологизированного контента составляет в среднем (за 2012 и 2014 гг.) семь к одному. Это обстоятельство не только мешает российским либералам выстраивать доброжелательные отношения с другими идеологическими сообществами, но и, вместе с тем, отвлекает их от действий (выработки программ, стратегий, обдумывания действий и пр.). Как показала трансформация либерального дискурса от эпохи «Русской зимы» к периоду «Русской весны», подобная позиция ведет к усилению маргинализации либералов как «извне», так и посредством самоизоляции. Либералы сохраняют образ последовательной оппозиции, не склонной к кооперации с прорежимными силами, однако заплаченная за принципиальность цена оказывается слишком высокой: сужение горизонтов собственной активности, подогревание ненависти в стане соперников и падение популярности в глазах потенциальных сторонников.

Таким образом, можно заключить, что «внесистемное» состояние либерального дискурса в пространстве публичной политики с высокой точностью отражается в зеркале Рунета. Интернет-коммуникация либералов обнажает черты российского либерализма, не свойственные его западным аналогам: боязнь и неприятие общества, негативная стратегия самоидентификации, слабость организации и неготовность возвращаться к разработке позитивных образов. Во многом все эти характеристики «лица» российского либерализма есть следствие маргинального положения его дискурса в общественных дебатах. Российские либералы сталкиваются с проблемами донациональных и недемократических обществ, не прошедших через горнило модернизации и не усвоивших основы индивидуалистического мировоззрения и правового сознания. Те же проблемы возни-

кают перед либеральной идеологией и в иных обществах по всему миру, однако российские либералы вынуждены противостоять еще и советскому наследию — в массовом сознании и в собственной реакции на происходящее. И если, по выражению историка А. Кара-Мурзы, дореволюционный опыт российского либерализма показывает, что «в России возможно плодотворное сочетание либерального мировоззрения и глубокого патриотического чувства»[1], то советское происхождение и реалии постсоветской жизни воспитали в современных либералах много цинизма и пассивности, но мало патриотизма и уважения к российскому народу.

Изучение тенденций в изменении дискурса видных либеральных политиков и идеологов, к которому мы сейчас обратимся, подтверждает эти выводы. Однако этот дополнительный анализ позволяет открыть новые грани дискурса отечественного либерализма начала XXI столетия.

Несмотря на то что в теории неизменными спутниками либерализма в понимании истории являются эволюционизм и прогрессизм, а в этнополитической, национальной теме — конструктивизм, многим российским либералам свойственны представления о существовании «колеи» развития, в которую попало российское обществе на определенном отрезке своей истории (разумеется, представления о том, когда появилась «колея», существенно разнятся — от монгольской Орды до Петра Великого). Из того обстоятельства, что у российского общества не сложилось приверженности либеральным идеалам и длительной демократической традиции, часто делается не вывод о том, что ее нужно культивировать, а вывод, противоположный по смыслу: изменить все общество и массовое сознание не удастся. Российские либералы по-прежнему не осознали задачу, которая

[1] Миссия либерала: какова она? С. 77.

> заключается в том, чтобы тенденцию, давно развивавшуюся внутри российской авторитарной традиции, довести до преодоления самой этой традиции, а не в том, чтобы в очередной раз пытаться к ней прислониться[1].

Согласно распространенным среди российских либералов идеям, в России якобы сложилась авторитарная политическая культура, «рабское сознание» или ментальность «быдла», не позволяющие даже надеяться на развитие России по демократическому европейскому сценарию (см. также главу 7). В этой логике российский народ, в силу исторического наследия и выработавшихся за века культурных качеств, «плох»: толпа бесправных «рабов», не способных отказаться от своей исторической памяти и поддержать либеральный курс, противопоставляется проевропейской просвещенной элите. Такого взгляда на российское общество в его исторической ретроспективе придерживаются либеральные по своим взглядам историки Ю. Афанасьев и Ю. Пивоваров: первый рассуждает о массовом мифологическом сознании «холопов»[2], второй является создателем концепции «русской власти» (совместно с А. Фурсовым)[3]. По сути, в идее о культурологической предопределенности развития они соглашаются с кинорежиссером А. Кончаловским, автором показанных на телеканале «Культура» 12 фильмов под общим названием «Культура — это судьба».

---

[1] *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? С. 37.

[2] *Афанасьев Ю.* Уровень массового сознания в России до сих пор мифологический // inoСМИ.ru. 2012. 30.01. URL: http://inosmi.ru/ukraine/20120130/184338010.html.

[3] *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. 1999. № 4. С. 176–197; *Пивоваров Ю.С.* Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2006. № 1. С. 12–32.

При активном участии видных либеральных деятелей происходит мифологизация образа России, развитие которой якобы предопределено по «колее» авторитаризма, сырьевой экономики или «рабского сознания» людей, притом почти что без надежды на успех проекта народного просвещения и реализации либерального сценария. Естественным продолжением подобных настроений становится противопоставление просвещенного (свободно мыслящего) меньшинства и безнравственного большинства[1], или «креативного класса» и народных масс, которые хватаются за «подачки» от властей и не ценят конституционные права и свободы[2].

Попытки интерпретировать современные социально-политические процессы в ином русле не столь успешны среди либералов. Так, российский политолог и либеральный мыслитель М. Афанасьев, возражая тезису, согласно которому «устойчивое “путинское большинство” отражает воспроизводящуюся самодержавно-патриархальную политическую культуру россиян», признает, что его возражения не пользуются в либеральном сообществе ощутимым успехом[3].

Столь воодушевившее российских либералов украинское национально-демократическое движение, как в 2004, так и в 2013–2014 гг. могло бы дать надежду на преодоление подобного взгляда на российское общество. Возможно, это «очарование» либералов успехами украинских протестов против коррумпированного режима и в поддержку евроинтеграции поспособствует выработке их позитивной программы действий. Если

---

[1] *Дыховичный И.* У основной массы людей – рабское сознание // Snob.ru. 2009. 11.06. URL: http://www.snob.ru/chronicle/entry/3718.

[2] *Собчак К.* Сколько стоит россиянин // Snob.ru. 2013. 15.03. URL: http://www.snob.ru/profile/24691/blog/58494.

[3] *Афанасьев М.* О древней и новой политической культуре в России // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. М.: Новое издательство, 2011. С. 15–22.

«братский народ» с «той же культурой», живущий по соседству и вышедший из советской «шинели», сумел запустить процессы либерализации общества и демократизации политической системы, то и российский народ сможет. Однако эта мысль пока не получила должного осмысления и проработки в стане российских либералов. Пока дальше заявлений, весьма разумных и важных с моральной точки зрения, о том, что есть в России люди, выступающие против дестабилизации и войны в соседней стране[1], у либералов не заходит.

Представления о культурной предопределенности развития российского общества опасны сами по себе, поскольку они лишают либералов и всех сторонников модернизационного пути в России жажды бороться за преобразования, реформы, воплощение своего идеала. Однако опасно впадать и в другую крайность — представление о том, что источник всех зол в российском обществе — «зомбоящик», государственная пропаганда. Вера во всесилие телевидения и отсутствие реальных трудностей на пути формирования нового, либерального сознания населения — заблуждение, свойственное некоторым видным либералам[2]. Такой взгляд на вещи возвращает к проблеме слабой проработанности позитивного идеологического каркаса и программ действия

---

[1] См., например: Лев Рубинштейн о Марше мира // Новая газета. 2014. 18.09. URL: http://www.novayagazeta.ru/tv/topics/65315.html.

[2] В частности, об этом не раз высказывался Б. Немцов, сопредседатель РПР–ПАРНАС: *Nemtsov Boris.* На самом деле россияне ненавидят то, что ненавидят пропагандоны зомбоящика, получившие инструкции в Кремле... // Facebook. 2014. 09.04. URL: http://www.facebook.com/boris.nemtsov/posts/611717592231178 (запись доступна по ссылке: Оппозиция. 2014. 09.04. URL: http://vk.com/wall-14795584_77339); «Прежде всего нужно не боевиков отозвать, а перестать врать об Украине» — *Он же.* Вчера у Шустера... // Facebook. 2014. 21.06. URL: http://www.facebook.com/boris.nemtsov/posts/646019802134290; Борис Немцов. Шустер LIVE. 2014. 20.06.. URL: http://youtu.be/1TjRz7_iBdU.

в дискурсе российских либералов. До определенной степени этот подход, равно как и концепция культурной предопределенности авторитаризма и «рабского сознания», «оправдывает» в глазах либералов неготовность рассуждать о конкретных мерах и стратегиях реформирования общества и государства.

В российском либеральном сообществе идея гражданской нации, выкристаллизовавшаяся в западных обществах в XVIII–XIX веках, до сих пор не получила поддержки и не стала предметом серьезных обсуждений. Непонятными для идеологов российского либерализма остались как тезис Э. Геллнера о нации как основе экономической и политической модернизации[1], так и мысль Д. Растоу о том, что национальное единство — единственное предварительное условие для запуска процесса устойчивой демократизации[2]. Гражданско-национальная идея ничего не значит для большинства представителей либеральной «элиты». Мертва она и в либеральном сообществе в Сети. У российских либералов до сих пор господствуют представления о том, что в основу нации ложатся исключительно элементы традиционной культуры численно преобладающего народа (этноса)[3]. А потому либо национализм, без попыт-

---

[1] См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм.

[2] См.: *Растоу Д.А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15. Полная оригинальная версия статьи: *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. Vol. 2. No. 3. Apr. 1970. P. 337–363.

[3] Так, М. Ходорковский, ссылаясь в своей статье 2012 г. на «европейский опыт» национального строительства, оставляет непроясненной его суть. Между тем она заключается в гражданском взаимодействии вне культурных различий, в выработке общих ценностей и общественного консенсуса, на основе которого формируется политическая нация. Именно на этом фундаменте возможно существование таких национальных государств, как Швейцария с ее четырьмя государственными языками, Испания с ее этнокультурными расколами и Великобритания, объединяющая четыре крупных автохтонных

ки разобраться в его различных формах, отвергается на корню, либо предпринимаются попытки инкорпорировать идеи русского этнического национализма в лоно либеральной повестки дня.

Эта особенность современного российского либерального дискурса заставляет задуматься. Получается, что уроки европейского либерализма о необходимости сочетания индивидуальных прав и свободы с ответственностью за принадлежность к гражданско-политическому сообществу нации не выучены современными российскими либералами. К сожалению, дореволюционный опыт российских либералов и в этом отношении практически полностью игнорируется их современными наследниками.

За этим, конечно, можно увидеть советское прошлое, которое, вновь вдохнув жизнь в имперский строй, практически на столетие отсрочило вопрос национального строительства в России. В результате время для его решения, которое теперь отложить на такой же длительный период не получится, пришлось на сегодняшний день. А либералы оказались к нему концептуально и теоретически неподготовленными.

Если национальная тематика все-таки обсуждается видными либералами в Рунете, то почти никто не говорит о концепции народного суверенитета и проекте гражданской нации, заключающемся в сочетании идеи

народа. Несмотря на историческую роль ассимиляционного процесса, в конечном счете не язык и не единая культурная традиция стали связующим звеном, принесшим социальный мир в эти страны и послужившим делу объединения граждан. Тем не менее мысли Ходорковского — важный шаг на пути к осмыслению роли гражданско-политической консолидации в России. Показательным скорее является тот факт, что отклика это теоретизирование у либералов практически не вызвало. См.: *Ходорковский М.* Между империей и национальным государством. Национализм и социальный либерализм // Новая газета. 2012. 14.06. URL: http://www.novayagazeta.ru/politics/53088.html.

прав человека и ответственности за социальную общность. Идея «мы — народ, источник власти» — основа не только гражданского, но и национального единства — не стала ключевой для либеральных идеологов и не получила в их среде концептуального осмысления, несмотря на использование такого лозунга во время протестов «Русской зимы». Дискуссии о роли национально-демократической революции в Украине 2013–2014 гг. создают стимулы для российских либералов на пути осознания важности конструирования национального сознания, консолидации граждан на основе общей политической идентичности. Однако эти стимулы снова могут не вызвать никакой ответной реакции в умах российского либерализма, как этого не случилось после «оранжевой революции» 2004 г.: дискурсивная пропасть между обществом и просвещенными слоями, между народом и либерально настроенным меньшинством дает о себе знать. Страх перед народными массами — по-прежнему значимый фактор, мешающий либералам выйти из состояния «бездеятельности», интеллектуальной и политической. Знаменитые строки М.Ю. Лермонтова о «немытой России», «стране рабов, стране господ» отражают аксиоматику отношения многих современных российских либералов к своей стране. Только сегодня неприятие к «Рашке», смешанное с иронией и помноженное на ощущение обреченности всех попыток изменить общество к лучшему, выражается в несколько иных терминах:

> Как называется страна, где Рогозин — элита, а Гуриев — маргинал, где у президента есть миллиардные счета, а в больницах нет лекарств, где Тайванчик на свободе, а Сергей Кривов в тюрьме, где Жириновский заведует патриотизмом, а Габрелянов учит Венедиктова журналистской этике?
>
> Правильно: это Россия!
>
> Что ждет эту страну при таких раскладах?

Правильно. Вот именно он и ждет.

А что же тут удивительного?

А удивительное тут то, что, когда *он* наступит, это нас искренне изумит! И мы будем спрашивать: как же так? С чего это вдруг?

Мы, живущие в стране, где Рогозин — элита, а Гуриев — маргинал...[1]

Абсолютно новым явлением в последние годы стал раскол лидеров либерального общественного мнения на сторонников традиционного игнорирования национальной тематики и тех, кто поддерживает заимствования из идеологии русских националистов. Первые сводят все межкультурные проблемы к следствиям существования коррумпированного и неподотчетного политического режима, порождающего уродливые формы общественных отношений (вроде режима власти Р. Кадырова в Чечне, которая вместе с ее руководителем стала универсальным символом коррупции). Вторые заговорили о необходимости реанимации «русской темы» и о потребности считаться с устойчивыми стереотипами в отношении «выходцев с (Северного) Кавказа» и иммигрантов из стран Центральной Азии.

Несмотря на то что, как отмечалось выше, ксенофобия не является характерной чертой дискурса российских либералов, отдельные лидеры либералов прибегают к ней. Использование мигранто- и кавказофобии, бесспорно, является стратегическим приемом, нацеленным на привлечение новых сторонников среди оппозиционных сил и значительных слоев российского населения. Конструкт «мигрант», «народная» семантика которого в российском обществе распространяется на иммигрантов «неславянской внешности» (таким образом приез-

[1] *Шендерович В.* Очевидное и удивительное // Ежедневный Журнал. 2014. 23.05. URL: http://www.ej.ru/?a=note&id=25203.

жие, например, из Украины и Беларуси «мигрантами» не считаются) и выходцев с Большого Кавказа (среди которых — граждане России), был взят на вооружение некоторыми представителями либеральной интернет-элиты. Ю. Латынина огульно называет трудовых «мигрантов» («гастарбайтеров») одними из главных виновников недостаточно высокого благосостояния россиян[1], в то время как А. Навальный, завсегдатай «Русских маршей», поддерживает заявление Координационного совета оппозиции, написанное русскими националистами и оправдывающее попытки жителей города Пугачева Саратовской области в июле 2013 г. учинить этническую расправу над членами чеченской диаспоры[2].

Наличие в либеральном дискурсе раскола на сторонников и противников использования риторики русского национализма со всей ясностью было продемонстрировано в октябре 2011 г., когда в либеральном кругу состоялись открытые дебаты по поводу стремительно набиравшего популярность лозунга «Хватит кормить Кавказ». Классическое либеральное игнорирование национальной темы защищали либеральный экономист С. Алексашенко[3] и гражданский активист Р. Доброхотов[4]. «Национал-либеральные» идеи были высказаны в ответной полемике со стороны А. Навального[5] (который, будучи

---

[1] *Латынина Ю.* Вытеснение граждан рабами // Газета.ru. 2012. 24.08. URL: http://www.gazeta.ru/column/latynina/4736785.shtml.

[2] *Некрасов А.* С наступающим 33-им! Или умеренного нацизма не бывает // Эхо Москвы. 2013. 14.07. URL: http://echo.msk.ru/blog/andnekrasov/1115010-echo/.

[3] *Алексашенко С.* Хватит кормить! Кого? // ЖЖ saleksashenko [Сергей Алексашенко]. 2011. 22.10. URL: http://saleksashenko.livejournal.com/129956.html.

[4] *Доброхотов Р.* Хватит кормить Путина! // Эхо Москвы. 2011. 22.10. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/dobrokhotov/823024-echo/.

[5] Актуален ли лозунг «Хватит кормить Кавказ»? // Эхо Москвы. 2011. 22.10. URL: http://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/822833-echo/.

членом партии «Яблоко» до 2007 г., пытался совмещать социал-либеральное мировоззрение с русским национализмом, за что и был из нее исключен[1]) и В. Милова[2]. Они, в свою очередь, выразили поддержку ксенофобным настроениям многих россиян, полагая, что настало время объединить «адекватный» русский национализм с либерализмом (посредством использования лозунга «Хватит кормить Кавказ»)[3]. Сигнал был услышан некоторыми интеллектуалами националистического толка: так, один из идеологов русского национализма В. Соловей заговорил о необходимости поддержать Навального как «мужественного человека», продвигающего в том числе националистическую повестку дня[4]. Позже сходные национал-либеральные идеи высказал М. Ходорковский в статье «Между империей и национальным государством»[5], говоря о «единстве принципов свободы и нации»[6].

Противоречия внутри либерального лагеря между сторонниками объединения с национал-демократами

---

[1] *Вишневский Б.* Евгению Гонтмахеру: все было — и «зига», и «Слава России!» // Эхо Москвы. 2013. 22.08. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/boris_vis/1141290-echo/.

[2] *Милов В.* Ответ Сергею Алексашенко по вопросу национализма // All that you can't leave behind — ЖЖ Владимира Милова. 2011. 23.10. URL: http://v-milov.livejournal.com/361263.html.

[3] См. подробнее об этом: *Паин Э.* Российское идеологическое безвременье в зеркале Рунета // Вестник Института Кеннана в России. 2013. Вып. 24. С. 62–73; *Laruelle M.* Alexei Navalny and Challenges in Reconciling 'Nationalism' and 'Liberalism' // Post-Soviet Affairs. Vol. 30. No. 4. 2014. P. 276–297.

[4] *Соловей В.* Почему важно поддерживать Алексея Навального // Агентство политических новостей. 2012. 05.01. URL: http://www.apn.ru/publications/print25675.htm.

[5] *Ходорковский М.* Между империей и национальным государством. Национализм и социальный либерализм // Новая газета. 2012. 14.06. URL: http://www.novayagazeta.ru/politics/53088.html.

[6] За это Ходорковский удостоился похвалы со стороны национал-демократов: *Сергеев С.* Национализм и либерализм // Русская платформа. 2012. 01.07. URL: http://rusplatforma.org/publikacii/node724/.

и их оппонентами не исчезли и на волне «Русской весны», обернувшейся травлей видных российских либералов (среди них — Д. Быков, Л. Гозман, А. Макаревич, Б. Немцов, Л. Улицкая и многие другие), прозванных «пятой колонной». Однако перед лицом маргинализации — со стороны идейных противников либерализма как мировоззрения, последовательно отстаивающего принцип индивидуальной свободы, — эти споры отошли на второй план.

Так или иначе, российским либералам и их лидерам фактически неинтересен европейский, либеральный по своей сути, дискурс гражданского национализма, равно как и неизвестен им поиск новых форм социальной интеграции и западные дебаты на эту тему[1]. Запад по-прежнему представляется скорее абстрактным идеалом, а не практической моделью, которую можно было бы воплотить на российской почве.

Анализ либерального дискурса в Рунете позволяет составить представление о самочувствии либерального сообщества, вернее, реконструировать тот образ политических перспектив отечественного либерализма, который формируют известные либералы, выступающие в Сети от его имени. Основываясь на ранее выделенных характеристиках сообщества и вновь возвращаясь к основному условию, определяющему образ российских либералов Рунета, — маргинальному положению либерального дискурса в постсоветском контексте, мы выдвигаем следующий тезис: сообщество демонстрирует пессимизм в отношении реализации своего политического идеала — воплощения «европейского пути» в России. В частности, эти настроения к середине 2014 г. получи-

[1] См., например: Reinventing the Melting Pot: The New Immigrants and What It Means to Be American / Ed. by T. Jacoby. New York: Basic Books, 2004; Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models / Ed. by M. Emerson. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011.

ли выражение в рассуждениях о той легкости, с которой президент Путин «сливает» Россию Китаю[1].

В крайних формах этот пессимизм выражается в представлении, согласно которому поражение либерального идеала в России уже свершилось, а либералы являются проигравшим меньшинством и последним просвещенным оплотом. Долг либерала при этом — сражаться на стороне побежденных, бороться с химерами без надежды на (окончательный) успех. Такой взгляд на положение либералов в российском обществе и политике был, в частности, выражен в статье 2012 г. за авторством В. Новодворской с говорящим названием «Уходящему — Синай, остающимся — Голгофа»[2].

Представление об осажденном меньшинстве, потерпевшем поражение, сложилось в либеральной политической и интеллектуальной среде за несколько лет до «Крымской кампании» 2014 — в результате разрушения иллюзий в отношении модернизационного курса президента Медведева и возвращения Путина в Кремль. «Закручивание гаек», репрессивная политика власти в отношении оппозиции в 2012–2014 гг. и дискредитация образа либералов государственной пропагандой способствовали усилению пораженческих настроений среди либеральной «элиты». Апогей пораженчества отражен в вопрошании писателя В. Ерофеева: «Как тут жить дальше?»[3]

Маргинализация либералов в эпоху «Русской весны» беспрецедентна за весь постсоветский период разви-

---

[1] См., например: *Малашенко А.* Пропаганда // Эхо Москвы. 2014. 24.05. URL: http://echo.msk.ru/blog/malashenko/1326944-echo/; *Пионтковский А.* Хороший статус: мудрая старшая сестра // Kasparov.ru. 2014. 29.05. URL: http://www.kasparov.ru/material.php?id=5386EF0A07C56.

[2] *Новодворская В.* Уходящему — Синай, остающимся — Голгофа // The New Times. 2012. 10.09. URL: http://newtimes.ru/articles/detail/56839/. В заголовке — строка из стихотворения Б. Чичибабина «Дай вам Бог с корней до крон...».

[3] *Ерофеев В.* Как тут жить дальше? // Snob.ru. 2014. 02.09. URL: http://www.snob.ru/selected/entry/80436.

тия страны. Упреки в «оранжизме» и обвинения в финансировании российской либеральной (и не только либеральной) оппозиции «из Госдепа» циркулировали в интернет-пространстве давно. Эти образы высмеивались уже организаторами и участниками массовых протестов периода «Русской зимы»[1]. Однако раньше либеральная общественность не становилась предметом столь организованной травли — как со стороны идеологических противников, так и со стороны официального дискурса российской власти. Либеральное сообщество в данных условиях выдвинуло три стратегии взаимодействия с враждебной по отношению к нему окружающей средой: а) оставаться и тихо ненавидеть общество (внутренняя эмиграция); б) оставаться и стремиться изменить общество к лучшему («теория малых дел»); в) покинуть страну (космополитический эскапизм).

С одной стороны, происходящие изменения вряд ли напугают тех, кто принял для себя решение оставаться в России и бороться до конца за свои идеалы и против того, что им не соответствует, — в меру сил и в рамках сужающихся возможностей. В конечном счете, либеральное мировоззрение — это скорее процесс, чем конечная цель. Более того, у многих лидеров либерального движения есть опыт двойной жизни — внутри локального сообщества и одновременно во враждебной ему среде. Противостояние политическому режиму и давлению массового сознания закалило этих людей еще в советское время. Более того, в пользу продолжения борьбы, пусть и в качестве меньшинства, свидетельствует ощущение шаткости политического режима Путина[2] и того, что пропутинское агрессивное большинство в России, как мы говорили много раз выше (см. Введение, глава 1) и еще неоднократно

[1] См подробнее об антилиберальном дискурсе у «путинистов» в главе 1.

[2] См., например, высказывания В. Рыжкова: Как нам с Ходорковским открыть Россию? // Радио Свобода. 2014. 21.09. URL: http://www.svoboda.org/content/transcript/26598005.html.

подчеркнем (глава 7 и Заключение), — иллюзия, искусственное порождение, вызванное радикальным сужением политического разнообразия за пределами Интернета[1].

Мало что изменится и в стратегии поведения тех либеральных деятелей, которые не задумываются о крупномасштабных проектах по переустройству социально-политической жизни всего общества. Их кредо — «теория малых дел». Предмет приложения сил в рамках этого подхода чрезвычайно разнообразен и в «посткрымской» России[2]: от участия в муниципальных выборах до интернет-активности, от поддержки подвергающихся давлению со стороны властей до просветительской деятельности. Однако в этой стратегии теряются общая перспектива и готовность к осуществлению проектов преобразований в масштабах страны.

Одновременно с этим настроения на отъезд из России в среде образованных и либерально ориентированных слоев населения становятся еще более популярными, чем раньше. Из видных либералов этой стратегией воспользовались Р. Адагамов[3] и Г. Каспаров[4], за ними последовали О. Кашин[5] и Б. Акунин[6]. Последний при этом отметил,

---

[1] *Рогов К.* Правда ли, что 83 % россиян поддерживают Путина?

[2] По сути, о такой стратегии для «здорового среднего класса» в путинской России говорил М. Ходорковский на «Форуме 2000», состоявшемся в Праге в октябре 2014 г.: Михаил Ходорковский на Форуме 2000 в Праге. 2014. 12.10. URL: http://www.youtube.com/watch?v=kgX0TZQGkIY.

[3] Блогер Рустэм Адагамов уехал из России // Kasparov.ru. 2013. 01.03. URL: http://www.kasparov.ru/material.php?id=5130544360468.

[4] Каспаров назвал причину отъезда за границу // Lenta.ru. 2013. 06.06. URL: http://lenta.ru/news/2013/06/06/kasparov1/.

[5] Олег Кашин об эмиграции: «Поселился в отеле в Швейцарии, а меня и здесь уже ищут» // Дождь. 2013. 25.05. URL: http://tvrain.ru/articles/oleg_kashin_ob_emigratsii_poselilsja_v_otele_v_shvejtsarii_a_menja_i_zdes_uzhe_ischut-344198/.

[6] *Акунин Б.* Во субботу, день ненастный. (Отвечаю на вопросы) // Любовь к истории: Блог Бориса Акунина. 2014. 30.08. URL: http://borisakunin.livejournal.com/135653.html.

что «трезвому с пьяными в одном доме неуютно», однако пообещал «периодически навещать — смотреть, не заканчивается ли запой»[1] российского общества. Разговоры о новой волне эмиграции из России и возможности «перенести» Россию за ее географические границы в виде создания «глобального русского сообщества»[2] стали весьма популярными в либеральной среде.

Так или иначе, российские либералы рассматривают себя исключительно как меньшинство, то есть группу граждан, не способную даже потенциально заинтересовать своими идеями и ценностями большинство россиян. Более того, либералы считают себя меньшинством хотя и проигравшим в самой России, но не в своем кругу и не в диаспоре, рассредоточенной по миру в виде миллионов «русских европейцев».

Маргинальное положение либерального дискурса в Рунете и в российской политике в целом служит главным препятствием развитию позитивной повестки дня сообщества либерально ориентированных людей. Ввиду этого либеральный дискурс оказывается негативно направленным и тематически замкнутым, подверженным влиянию иных идеологических течений, в результате чего блокируются классические для либерализма идеи (такие, как многосторонний концепт индивидуальной свободы, гражданской нации) и привносятся такие, которые ценностно ему противоположны (идея культурной предопределенности и концептуальные заимствования у русского этнического национализма). Тем не менее есть основания полагать, что указание на эти качества, присущие среде видных российских либералов и либеральному интернет-сообществу, может способствовать их критическому пересмотру в будущем.

---

[1] *Акунин Б.* Во субботу, день ненастный.

[2] *Соболева И.* Эмиграции больше нет // Новая газета. 2014. 06.09. URL: http://www.novayagazeta.ru/comments/65162.html.

Можно надеяться и на то, что это подтолкнет их к формированию позитивной повестки дня и созданию пространства публичной политики как в виртуальной среде, так и в реальной политике.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать вывод о том, что либеральный дискурс в российском политическом пространстве на сегодняшний день не имеет возможностей для формирования идеологического консенсуса, на основе которого была бы возможна выработка крупномасштабного проекта общественно-политических трансформаций. Тем не менее мы полагаем, что либеральная повестка дня в нынешних условиях гораздо более актуальна, чем еще десять-пятнадцать лет назад, что ценности и практики свободы и прав человека, равенства перед законом, эффективного государства и добровольной гражданской кооперации востребованы широкими слоями российского общества. Об этом свидетельствует гражданско-политическая активность времени «Русской зимы». Однако проблема заключается в том, что «элита» российского либерального сообщества пока значительно отстает от растущих потребностей граждан. Она погружена в состояние теоретического и идеологического кризиса, самоизоляции от западного и российского дореволюционного опыта. Во многом она остается не носителем либеральных идеалов, а довольно замкнутым сообществом «русских европейцев». Между тем от способности либеральных идеологов консолидировать усилия и выработать четкую идейно-политическую альтернативу сегодня зависит не только будущее либерально мыслящих людей в России, но и перспективы социально-политического развития всей страны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

От отдельных портретов к общей картине российского общества на фоне смены политических времен

ГЛАВА 5

ПРОТЕСТ 2.0 И «КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ» РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ФОНЕ «РУССКОЙ ЗИМЫ»

Эта глава, следующая за анализом каждого из четырех идеологических движений, рассматривает их во время Народного схода 18 июля 2013 г., который объединил людей вне зависимости от политической позиции и идеологической идентичности. Изучив посвященную митингу коммуникацию, мы делаем выводы о некоторых чертах, характерных для российского общества в целом. В разных главах книги мы подчеркиваем, что идеологические движения подменяют выработку собственной идеологии отрицанием программы и риторики «врага» или «врагов», выражением фобий и комплекса негативных эмоций. Такой же негативный характер носит консолидация для российского протеста, и это обстоятельство, как мы показываем, обусловило конец краткого периода подъема гражданского российского протестного движения, названного в книге «Русской зимой». Мы приходим к выводам относительно способности разных оппозиционных идеологических движений к объединению, а также о триггерах, специфике, лозунгах и целях такого объединения, чтобы сделать вывод об условиях и способности российского общества к сопротивлению властям, о специфическом для России характере мобилизации и участия в протестных движениях. Мы также продолжаем развивать представления о влиянии Интернета и новых технологий на гражданское движение и решаем поставленную в книге задачу охвата разных интернет-жанров, обращаясь к тому из них, который не был исследован в предыдущих главах, — Твиттеру[1].

---

[1] Я благодарю Алексея Шипилева из «Sun Microsystems», Дмитрия Кана из «SemanticAnalyzer Group», дополнительных кодировщи-

О конце «Русской зимы» и теоретизируя протест 2.0

Если каждая предшествующая глава была посвящена отдельному идеологическому течению и его приверженцам, то данная собирает разрозненные фрагменты пазла — российского гражданского общества в «коллективный портрет». Декорациями для него выбран последний из наиболее массовых антипутинских протестных митингов «Русской зимы» — Народный сход 18 июля 2013 г., который прошел более чем в 35 городах России[1], в том числе в символьном для российского протеста месте — на Манежной площади. В этот день в Кирове состоялся суд над Алексеем Навальным по делу «Кировлеса»[2], и его

ков — аспирантов Санкт-Петербургского университета Катю Касумову и Игоря Синельникова и их руководителя Анну Смолярову, без помощи которых не состоялась бы эмпирическая часть этой главы. Фрагменты главы были опубликованы в: *Nikiporets-Takigawa G.* Protest 2.0: Through Networked Negative Consolidation to Participation: Why Russian Manezhka Cannot Become Ukrainian Maidan. P. 246–259.

[1] А также в Берлине и Киеве, согласно Яндекс-карте «мест протестных акций» (на 18 июля 2013 г.); равно как и в Таллинне, Париже, Лондоне — согласно Твиттеру, который раньше и четче, чем Яндекс, отражал географию и масштаб протеста. Подробный репортаж о Народном сходе в Москве см.: Акции в поддержку Навального // Лента.ру. 2013. 18.07. URL: http://lenta.ru/chronicles/navalny/; первые отзывы об этом событии см: «Из блогера в неоспоримые лидеры» // Лента.ру. 2013. 18.07. URL: http://lenta.ru/articles/2013/07/18/navalnyreaction/. Разные методики подсчетов количества вышедших на митинги и их результаты, колеблющиеся от 7 до 40 тысяч человек, суммированы в комментариях к посту: *Шнейдер Михаил.* Думать тут не надо... [Публикация фото с комментарием] // Facebook. 2013. 19.07. URL: http://www.facebook.com/mikhailshneider/posts/675669099113369.

[2] 18 июля 2013 г. Алексей Навальный был признан Ленинским районным судом города Кирова виновным в хищении имущества государственной компании «Кировлес» и приговорен к пяти годам колонии общего режима. Взят под стражу в зале суда и помещен в СИЗО, однако уже на следующий день Кировский областной суд изменил меру

Рис. 27. Один из твитов 18 июля 2013 г.[1]

команда задолго до суда призывала устроить митинг, но их мобилизационная кампания[2] собрала немногих, более

пресечения на подписку о невыезде, вследствие чего Навальный был освобожден (см.: Навальный, Алексей Анатольевич // Википедия; или см.: Навальный вошел в пятерку медиаперсон года // Грани.ру. 2013. 19.12. URL: http://grani.ru/Society/Media/m.222554.html).

[1] URL: https://twitter.com/201cm/status/357928958727163904; URL: http://instagram.com/p/b6tAQROD0Y/. Здесь и далее все ссылки на Твиттер (https://twitter.com) имеют дату публикации 18 июля 2013 г. и даются в краткой форме (дата обращения: 18.07. — 20.09.2013). Ссылки, не работающие на 2014–2015 гг., не указываются.

[2] 7000 заявили о готовности выйти на митинги в Фейсбуке (как заявляли организаторы, см: В Москве пройдет несанкционированная акция в поддержку А. Навального // РосБизнесКонсалтинг.ru. 2013. 18.07. URL: http://top.rbc.ru/society/18/07/2013/866582.shtml).

того, сослужила дурную службу тем, что сделала планы заранее известными оппонентам[1] и позволила им обстоятельно подготовиться, а также отказать в разрешении на митинг в Москве и в большинстве российских городов.

Все эти обстоятельства делали возможность проведения Народного схода маловероятной, но неожиданная суровость правосудия (которая удивила самого Путина[2]), вызвала такое возмущение[3], что люди все-таки собрались на митинги, причем, как утверждали очевидцы, «быстро и в огромных количествах». Сторонников Навального, лидеров оппозиции и завсегдатаев митингов оказалось меньшинство, большинство же были, по свидетельству самих протестующих, «обычные люди» (рис. 28), «не самые приближенные к протесту», «граждане»[4], «народ», «люди, вышедшие отстаивать свое право гражданина и человека, люди, не позволяющие вытирать об себя ноги и унижать, люди, выражающие свое презрение этой гнусной бездарной циничной власти»[5]. Участников митингов возмущал именно прецедент кафкианского суда и цинизм устроившей его власти, а их жертва была отодвинута на периферию их внимания или же была вовсе

---

[1] Твиттер-восстание за 2 недели: Манежка Навального // Zalgo: Here I comes [ЖЖ Андрея Залго]. 2013. 10.07. URL: http://zalgoman.livejournal.com/13813.html.

[2] Путин назвал приговор Навальному странным // Lenta.ru. 2013. 02.08. URL: http://lenta.ru/news/2013/08/02/navalny/.

[3] «Даже в очереди в жко какой то старик говорил — навальный 5 лет, а васильева гуляет». URL: http://twitter.com/TheSuperDay/status/357839517639647232. Здесь и далее в таких случаях цитируются твиты различных пользователей, если не указано иного.

[4] «Мне кажется сегодня очень озадачило кремлевых политологов. что терли путину про “лидеров оппозиции”. Нет ее в РФ на #манежка ГРАЖДАНЕ!». URL: http://twitter.com/el_mario_che/status/357946983782162432.

[5] *Ларина Ксения*. Я вернулась. Провела там около двух часов... // Facebook. 2013. 18.07. URL: http://www.facebook.com/xenialarina/posts/571003392941483.

им безразлична[1]. Главный лозунг «против Путина и власти», а также опасения, что на месте Навального может оказаться любой, попавший к ним в немилость, заставили выйти на митинги и противников Навального[2].

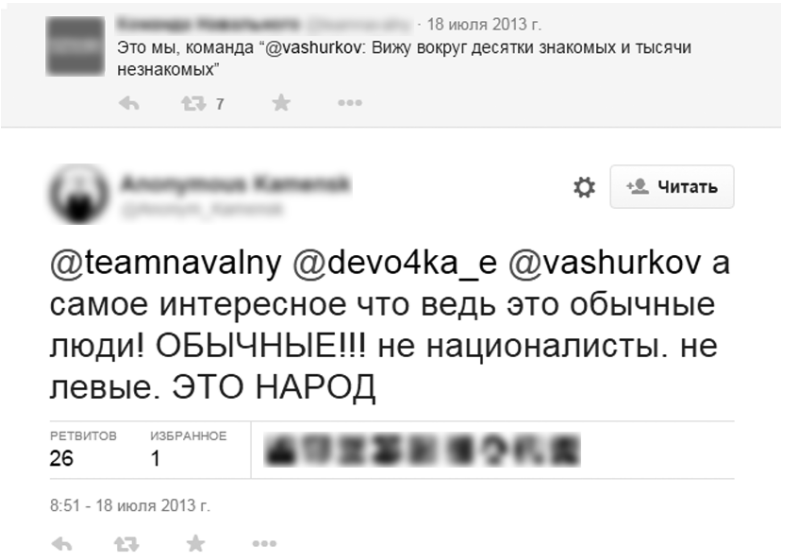


Рис. 28. Твиттер-коммуникация по поводу Народного схода 18 июля 2013 г.[3]

---

[1] Как утверждали в твитах: «Навальный — повод. Это митинг не ЗА, а ПРОТИВ» (URL: http://twitter.com/GPetushkov/status/357913407258763267), «И сколько пришло просто недовольных судебной системой и Навальный им пофиг» (URL: http://twitter.com/Uprav_Dom/status/357916883317563392) и т. п.

[2] В Твиттере мы находим свидетельства участия ряда коммунистов и националистов. С другой стороны, некоторые противники Навального в этот раз воздержались от участия именно из-за их отношения к Навальному (среди таковых были «лимоновцы»; те либералы, которые не могут простить Навальному его «заигрываний» с националистами; «левофронтовцы»; все те, кто вменяет Навальному в вину судьбу «узников Болотной» и др.).

[3] URL: https://twitter.com/Anonym_Kamensk/status/357890496762355713.

Эта последняя «российская Манежка» до наступления «Русской весны» некоторыми очевидцами была названа «самой массовой несанкционированной политической акцией за последнее десятилетие». Упреждающие действия властей сильно усложнили течение митинга, и людям приходилось занимать немногочисленные не заполненные ограждениями, ОМОНом, автозаками и активным автомобильным движением пространства[1]. Впрочем, ОМОН был настроен не слишком «кровожадно» — власть безошибочно угадывала спад протестной волны и понимала некоторую игрушечность происходящего. Кроме того, «крайне сдержанная реакция ОМОНа и вообще всех московских силовых структур на “беспорядки” в самой непосредственной близости от Кремля»[2] была также результатом неуверенности в сигналах «сверху».

В дебатах по поводу причин провала «Русской зимы», а также того, почему российская Манежка 18 июля 2013 г., как и другие «российские Манежки», не смогли приблизиться по накалу гражданского сопротивления к украинскому Майдану 2013–2014 гг., помимо очевидной результативности давно перезапущенной в России репрессивной машины советского образца, часто называется еще и такая, более абстрактно сформулированная причина, как «другой народ». Переводя этот тезис на академический язык, речь ведут об особенностях идентификационного комплекса (постсоветского) россиянина, которые препятствуют активному проявлению гражданской позиции и развитию российского гражданского протеста. Мы попробуем вскрыть эти особенности, анализируя наш основной материал — интернет-коммуникацию.

---

[1] Поэтому то, что народ забирался на подоконники Госдумы, было не только вызовом и актом бесстрашия, но и вынужденным действием.

[2] *Крашенинников Ф.* Раскол элит, как и было сказано // ЖЫVOY ЖOURNALЪ: совсем необязательное чтение [ЖЖ Федора Крашенинникова]. 2013. 19.07. URL: http://fyodorrrrr.livejournal.com/1881180.html.

Дебаты по поводу Народных сходов были очень интенсивны[1], и в них объединились как сторонники, так и противники Навального, режима, оппозиции; как постоянные участники митингов, так и впервые на них пришедшие; люди, интересующиеся политикой, наряду с теми, кто никогда не слышал о Навальном; «нашисты» и провластные конформисты (см. главу 1) вместе с ненавидящими власть и возмущенными и напуганными этим примером политических репрессий; вышедшие на Манежку из любопытства или оказавшиеся там случайно; а также просто использовавшие «горячую» тему Народного схода, чтобы попасть в тренды Твиттера или разместить свою коммерческую рекламу. Иными словами, обсуждение Народного схода объединило в Интернете носителей самых разных идеологических идентичностей и тех, у кого она отсутствует. Надо учитывать также и то, что из-за «зачищенности» русского медийного пространства Твиттер как часть Рунета является еще и одной из немногих возможностей публично выражать свое недовольство властью, более того, сделать это без непосредственной угрозы для жизни. Поэтому здесь мы видим порой более честные и откровенные высказывания, чем те, которые звучат на митингах, где за любое высказывание можно угодить в автозак. Интернет к тому же остается главной формой выражения для тех, кто по разным причинам не способен выйти на улицы, — таковых было немало, судя по собранным нами материалам. В силу этого интернет-дискуссии в этот день как нельзя более подходят для задач выявления черт российского гражданского общества и российского протеста, поставленных в этой главе.

Здесь также уточняется реальная и перспективная роль интернет-коммуникации в жизни идеологических

[1] См. свидетельства интенсивности интернет-коммуникации, связанной с протестом, например: Полмиллиона постов про Навального опубликовано «ВКонтакте» за час // Ria.ru. 2013. 18.07. URL: http://ria.ru/society/20130718/950589755.html.

движений. Признавая эту роль и влияние, исследователи не единодушны по поводу их масштаба и характера. Ряд ученых настаивают на чисто инструментальной функции Интернета; другие утверждают, что интернет-коммуникация всегда вторична по отношению к традиционной, не обладает ее преимуществами и не может ее заменить[1]. Третьи же сходятся на том, что роль Интернета полностью выходит за границы инструментальности, так как создает коммуникационную и организационную среду «автономности» от любого институционального контроля на основе низовых объединений, не требующих лидеров и институтов, а также культуру постоянной подключенности (*perpetual connectivity*), самопрезентаций и множественных интеракций. Предполагается, что это настолько радикально меняет культуру и практику социальных движений, что производит, по сути, их новый тип[2]. Среди практик движений нового типа — модернизация формы[3] и управления[4], более эф-

---

[1] См. об этом в: *Gladwell M.* Small Change. Why the Revolution Will Not be Tweeted // The New Yorker. 2010. 04.10. URL: http://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-3; *Alexander A., Aouragh M.* The Egyptian Experience: Sense and Nonsense of the Internet Revolution // International Journal of Communication. No. 5. 2011. P. 1344–1358; *Ross C.* The Leaderless Revolution: How Ordinary People Can Take Power and Change Politics in the 21st Century. L.: Simon & Schuster, 2011. Другие исследователи придерживаются противоположной точки зрения, считая, что интернет-коммуникация существенно расширяет и оптимизирует возможности горизонтальных связей; более того, что она используется тогда, когда традиционная коммуникация невозможна; см. об этом ниже в этой главе, а также многочисленные нероссийские примеры, например, в: *Karpf D.* The MoveOn Effect: The Unexpected Transformation of American Political Advocacy. Oxford: Oxford University Press, 2011.

[2] См. сноску 2 на с. 11.

[3] См. подробнее в: *Mercea D.* Digital Prefigurative Participation: The Entwinement of Online Communication and Offline Participation in Protest Events // New Media and Society. No. 14. 2012. P. 153–169.

[4] Подобные российскому Координационному совету российской оппозиции (URL: http://www.cvk2012.org).

фективное решение вопросов мобилизации, координации, информирования, *e-democracy* и *e-participantion*[1]. Кроме того, в Интернете солидаризируются автономные оппозиционные движения и из атомарных голосов собирается «коллективный голос гражданского общества»[2], способствующий созданию кроссрегиональных и транснациональных объединений. В ответ на такие угрозы власти разных стран тестируют возможности полного или частичного отключения Интернета[3] и другие способы ограничения циркуляции в Интернете неугодного власти контента. Но сталкиваясь с необходимостью регулярно пользоваться Интернетом, проникшим во все формы жизнедеятельности, правительства в конце концов находят те или иные способы сосуществования с *Internet freedom*, используя ее другую сторону — многократно описанную учеными и практиками способность

---

[1] *Morozov E.* How the Net Aids Dictatorships // TEDGlobal. 2009. URL: http://www.ted.com/talks/evgeny_morozov_is_the_internet_what_orwell_feared.html; *Lotan G. et al.* The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // International Journal of Communication. No. 5. 2011. P. 1375–1405 (P. 1401); *Castells M.* Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. P. 2; *Howard Ph. et al.* Opening Closed Regimes: What Was the Role of Social Media During the Arab Spring? // Project on Information Technology & Political Islam (PITPI). 2011. URL: www.pITPI.org. P. 2.

[2] *Bakardjieva M.* Mundane Citizenship: New Media and Civil Society in Bulgaria // Europe-Asia Studies. Vol. 64. No. 8. 2012. P. 1356–1374.

[3] См. об опыте Туниса и Египта, а также России и США: *Elkin M.* Exclusive: Tunisia Internet Chief Gives Inside Look at Cyber Uprising // Wired. 2012. 28.01. URL: http://www.wired.com/dangerroom/2011/01/egypts-internetshutdown-cant-stop-mass-protests/; *Ackerman S.* Egypt's Internet Shutdown Can't Stop Mass Protests' // Wired. 2012. 28.01. URL: http://www.wired.com/dangerroom/2011/01/egypts-internet-shutdown-cant-stop-mass-protests/; *Швейц М.* Интернет: конец свободы и анонимности // Polit.ru. 2012. 04.12. URL: http://www.polit.ru/article/2012/12/04/www_blackout/; How Facebook Could Help Swing the US Election // NewScientist. 2012. 12.09. URL: http://www.newscientist.com/article/dn22261-how-facebook-could-help-swing-the-uselection.html.

Интернета служить «управлению демократией»[1] путем контроля над оппозиционными движениями и манипуляции общественным мнением против любой расходящейся с официальной повестки дня[2].

Мы склоняемся именно к такому пониманию функций Интернета в социальных движениях, видя его как один из инструментов организации, мобилизации и коммуникации, как важный «контекст», компонент и фактор социальных и политических процессов. Но предлагаем учитывать, что в зависимости от конкретных политических, экономических и социально-культурных обстоятельств влияние Интернета на общественные процессы вариативно и многообразно. Поэтому изучение интернет-коммуникации требует учета местной специфики, многомерных теоретических и методических подходов с фокусом на дискурсивных практиках, а также временной перспективы, позволяющей следить за развитием дискурсов в динамике. Как читатель уже мог убедиться, мы придерживаемся именно такого подхода во всех главах этой книги, посвященных анализу интернет-данных[3].

---

[1] См. также рассуждения о «виртуальной» политике, которая более эффективна для манипуляции общественным мнением, чем прямые репрессии: *Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale University Press, 2005.

[2] *Assange J.* Assange to RT: Entire Nations Intercepted Online, Key Turned to Totalitarian Rule // RT. 2012. 02.12. URL: http://rt.com/news/assange-internet-control-totalitarian-943; *Бурибаев А., Баданин Р.* Как власти читают ваши блоги: расследование Forbes // Forbes.ru. 2012. 16.08. URL: http://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/92590-kak-vlasti-chitayut-vashi-blogi-rassledovanie-forbes; *Morozov E.* The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: PublicAffairs, 2011; *Морозов Е.* Цена вопроса // Kommersant.ru. 2011. 09.03. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1595762/print; *Morris J. et al.* Introduction: New Media in New Europe-Asia // Europe-Asia Studies. Vol. 64. No. 8. 2012. P. 1349–1355; *Robertson A.* New World Order: Is the UN about to Take Control of the Internet? // The Verge. 2012. 29.11. URL: http://www.theverge.com/2012/11/29/3706352/un-itu-talks-dubai-guide/.

[3] См. также описание методических принципов, общих для всех глав, касающихся аналитики интернет-данных (главы 1–5), в главе 1.

При всей местной специфике, российское протестное движение, Рунет и их взаимодействия и взаимовлияния существуют не изолированно от мировых тенденций, что дает нам возможность вычленять особенности и строить прогнозы для России на основе изучения нероссийского опыта, критически анализируя приложение к российскому контексту наработок ученых, которые исследуют Интернет и социальные движения, роль интернет-коммуникации в жизни социальных движений и взаимодействие online- и offline-форм протеста много лет. Поэтому наша методология включает сопоставительную перспективу. В соответствии с еще одним нашим методологическим решением применять разные теоретические подходы[1] в этой главе мы опробуем культурологические фреймы теорий эмоций в социальных движениях (J. Jasper, J. Goodwin) и сетевой коммуникации (*digital communication networks*, M. Castells).

Эти и другие теоретики гражданских движений в поиске новых исследовательских парадигм обратились к социологии эмоций и, на основе разработок нейропсихологов[2], объявили эмоции каузальным фактором[3], который «придает движение движению»[4]. Пона-

---

[1] См. о других парадигмах во Введении.

[2] *Damasio A.* Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. Orlando, FL: Harcourt, 2003.

[3] *Melucci A.* The Process of Collective Identity // Social Movements and Culture / Ed. by H. Johnston, B. Klandermans. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 41–63; *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004; *Goodwin J., Pfaff S.* Emotion Work in High-Risk Social Movements // Passionate Politics: Emotions and Social Movements / Ed. by J. Goodwin et al. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 282–302; The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behaviour / Ed. by W.R. Neuman et al. Chicago: University of Chicago Press, 2007.

[4] *Eyerman R.* How Social Movements Move: Emotions and Social Movements // Emotions and Social Movements / Ed. by H. Flam, D. King. Routledge, 2005. P. 41–56.

чалу эмоциям приписали исключительно благотворное влияние на все этапы развития социальных движений и на достижение ими поставленных целей. Но позже обнаружили, что на самом деле в движениях задействованы как негативные, так и позитивные эмоции, и именно их комбинации служат своего рода *moral battery* движений[1]. При этом в движении эмоции следуют друг за другом, образуя «цепи эмоций»[2]. Первой по очереди и важности эмоцией является «праведный гнев»[3] граждан. Если индивиды чувствуют себя оскорбленными каким-то несправедливым с их точки зрения действием, они готовы превратить свое возмущение в протестное движение. Но на пути к выходу на улицы стоит страх репрессий — вторая эмоция в «цепи». «Страх[4] может быть спутником гнева, однако мотивационная составляющая страха — это установка не на нападение, а на бегство[5], которая, по мере нарастания, может подавлять интенсивность гнева, направленного на источник негатив-

---

[1] *Jasper J.M.* Emotion and Motivation // Oxford Handbook of Contextual Political Studies / Ed. by R. Goodwin, C. Tilly. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 157–171.

[2] *Elster J.* Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[3] Jasper различает две формы гнева: *reflex — reflexive,* или спонтанный аффективный, в котором не участвуют никакие когнитивные механизмы, и моральный, или «праведный», гнев.

[4] М. Урнов ссылается здесь на работы Л. Гудкова и Ю. Левады, в которых есть «социологическое описание эмоции страха, основанное на очень богатом материале исследований Левада-центра (тогда ВЦИОМ)»: *Гудков Л.Д.* Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 46–53; *Левада Ю.А.* Проблема эмоционального баланса общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 2. С. 7–16.

[5] М. Урнов ссылается здесь на книгу Леонарда Берковица «Агрессия: причины, последствия и контроль» (СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. С. 82–88).

ных переживаний»[1]. Этот страх преодолевается в процессе коммуникации, посредством которой индивиды узнают, что они не одиноки, что их возмущение разделяют и поддерживают другие люди и что возмущенных достаточно много, чтобы собраться на митинг.

Возможность коммуникации является, соответственно, вторым условием возникновения социального движения. Причем чем быстрее и интерактивнее этот процесс, тем выше вероятность его перерастания в коллективный протест. Интернет же создает именно такую удобную среду, которая помогает быстро и интерактивно объединять, разделять, обсуждать индивидуальные недовольство и возмущение цинизмом власти; здесь аккумулируется отношение к ней как к общему врагу, тем самым создается «когнитивное сопереживание» или «когнитивный консонанс»[2]. Здесь же обсуждаются и тем самым подавляются индивидуальные страхи и опасения. Подобная «мобилизация посредством эмоций», или эмоциональная мобилизация[3], как раз и служит триггером социального протеста.

Обобщая все эти теории, созданные на материале движений в разных странах, можно составить примерно такую схему этапов эмоциональной мобилизации, которая ведет к участию в гражданском коллективном действии:

- несправедливое действие со стороны власти[4] заставляет некоторых граждан испытать унижение и оскорбление;

---

[1] *Урнов М.Ю.* Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект Пресс, 2008.

[2] *Castells M.* Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. P. 14–15. М. Кастельс пользуется двумя терминами: *cognitive empathy* и *cognitive consonance*.

[3] Ibid. P. 219–221.

[4] В случае Манежки и Народных сходов по всей России 18 июля 2013 г. — вопиюще циничный случай проявления властью произвола:

- «рассерженные горожане» выражают негативные эмоции посредством интернет-коммуникации;
- обмен эмоциями аккумулирует энергию гнева по отношению к власти как к общему врагу, а также помогает преодолеть страх репрессий;
- связанные посредством интернет-коммуникации индивиды достигают нужного «градуса эмоционального кипения» и решаются действовать;
- с началом действия возникают энтузиазм из ощущения единения, возможности артикулировать моральные принципы, чувство принадлежности к истории, гордость за «своих», восхищение их нравственным достоинством, преданностью делу и др.;
- эти позитивные эмоции дают чувство удовлетворения и желание продолжать протест[1], а также вовлекают в протест новых участников;
- за одной акцией следует другая, люди присоединяются к протестному движению на регулярной основе, возникает постоянное коллективное протестное движение, которое в итоге добивается поставленных целей.

Суммировав разные концепции при помощи такой схемы, мы проверили эту схему на нашем материале, чтобы уточнить ключевые характеристики российского протеста в процессе решения нашей главной задачи — выяснения портрета российского гражданского общества и идеологических идентичностей россиян.

приговор Навальному на фоне турбулентного недовольства властью. В украинском случае Майдана — отказ Януковича от переговоров о вступлении Украины в Евросоюз.

[1] Несмотря на осознаваемую невозможность немедленного достижения целей.

Интернет-образ российского протеста

Характеристика материала

В качестве источника материала для этой главы среди разных жанров Интернета был выбран Твиттер. Митинги, как говорили их участники, собрались главным образом через эту сеть и в меньшей степени через Facebook и «ВКонтакте». Твиттер же служил приоритетным и иногда единственным источником информации[1], способом связи в мобилизационных и координационных целях, а также средством пропаганды (рис. 29):

Рис. 29. Один из твитов 18 июля 2013 г.[2]

[1] Ср. многочисленные свидетельства: «ВКонтакте уныл чуть более чем полностью. Абсолютно никакой инфы об акциях Твиттер тащит» (URL: http://twitter.com/istayer/status/357934781448728576); «Еслиб не твиттер не чего б я не знала про манежку #навальный» (URL: http://twitter.com/AnkyReg/status/357936024300687360).

[2] URL: http://twitter.com/AlexRychkoff/status/357852933271986176.

К тому же Твиттер объединил протестующих по всей России и за ее пределами, и с его помощью за происходящим следили в разных странах (в США, Украине, Финляндии, Эстонии и др., как мы видим из твитов) и разных российских городах (в Кирове, Краснодаре, Екатеринбурге и др.)[1], посылая советы участникам Манежки — центрального российского митинга, на который возлагали главные надежды.

Методы

Выборкой послужил корпус твитов, связанных с Народным сходом, полученный из коллекции, собранной 18 июля из данных API-адресов уникальных учетных записей по популярным ключевым словам и хэштегам трендов российского Твиттера и некоторым другим частотным хэштегам методом «снежного кома» (16 хэштегов и 2 ключевых слова). Всего было собрано 26 503 твита, среди них 47 % спама[2] и 31 % оригинальных твитов. Чтобы вычленить оригинальные твиты[3], учитывался

[1] Один из примеров отклика таких зрителей: «#манежка Народ держитесь!! Мы с вами за тысячи километров через онлайн трансляции. Смотрим тут http://www.svoboda.org/media/videotube/37.html».

[2] Процент спама увеличивался с развитием акции: если в начале акции было 23,3 % спама, то в ее разгар — 61,7 %. Среди спама была реклама (например, предлагающая услуги интимного характера, или услуги раскрутки сайтов, или реклама строительного оборудования), «прикрученная» к популярным хэштегам и автоматически распространяемая с коммерческими целями. Такими же техниками пользуются и в целях цензуры и подавления «прооппозиционного» контента в Интернете. Однако распознать, стоит ли за спамом кремлевский цензор или бизнесмен, не представляется возможным, так как последние «прикручивают» свою рекламу ко всем горячим темам и хэштегам без исключения. Надо отметить, что общее количество спама не отличалось от ранее изученных кейсов протестной интернет-коммуникации, доля спама в которых составляла примерно 50 %.

[3] Спам и твиты ботов не были важны для данного исследования.

комплекс метаданных, собираемых из профилей и лент авторов; показатели одновременной встречаемости одного и того же твита под разным авторством (сигнал, что автор является не ботом, а живым человеком); рейтинги авторов в этот день и т. д.[1] Эта комплексная обработка позволила получить на выходе корпус из 8343 твитов, которым могло быть с высокой степенью вероятности приписано оригинальное авторство[2].

Собранная коллекция твитов была исследована при помощи качественного и количественного контент- и дискурс-анализа[3], а затем и статистического анализа динамики ведущих дискурсов интернет-коммуникации относительно временной шкалы, охватывающей время митингов (*time-series analysis*). Большая синтаксическая и семантическая вариативность твитов исключила их автоматическую обработку[4], поэтому был выбран метод

---

[1] В частности, все способы определения спама, разработанные Алексеем Шипилевым для предыдущих корпусов.

[2] Всего 8006 авторов, то есть почти все твиты в коллекции были написаны разными авторами.

[3] Кодирование было включенным, то есть каждый твит приписывался к такому количеству категорий, сколько смыслов видел в твите кодировщик. Во всех спорных случаях кодировщики обращались к Твиттер-лентам авторов. Это помогало, например, установить, был ли автор на митинге, даже если его твит не содержал на это прямых указаний (лексических маркеров «мы — они», как в примере «Выжимают с Манежки»). Без обращения к метаданным этот и подобные твиты могли быть интерпретированы как информационные («их выжимают с Манежки») или как свидетельствующие о личном участии («нас выжимают с Манежки»), так как они могли быть с одинаковой степенью вероятности написаны как участником митингов, так и просто случайным прохожим или же зрителем или читателем online-трансляций и чужих твитов.

[4] «Анализатор тональности» для *sentiment analysis*, созданный Дмитрием Каном и SemanticAnalyzer Group, которая занимается разработкой и поддержкой NLP (*national language processing*) инструментов для русского языка (http://semanticanalyzer.info/blog/) и успешно применяет их для разных коммерческих нужд, не мог быть в полной мере задействован в нашем исследовании, так как потребовал бы дополнительной доработки для специфического языка протестной коммуникации.

ручного кодирования 2063 твитов, случайным образом выбранных из 8343. Категории для кодирования задавались дедуктивно на основе предыдущих разработок, выполненных на материале протестных маршей 15 сентября и 15 декабря 2012 г. и 13 января 2013 г.[1], в которых было намечено тематическое деление создаваемых на тему протестных митингов твитов на «прооппозиционные», «антиоппозиционные» и «нейтральные». Эта схема позволяет отнести к одной из перечисленных категорий любой твит, связанный с митингами. Мы продолжили начатую в наших предыдущих исследованиях интернет-коммуникации методику: учитывали всю сложную совокупность производимых в ее рамках дискурсов, не оценивая тексты исключительно с точки зрения *про-* и *анти*оппозиционности, но подробно изучая нейтральные твиты. Именно из аморфной и трудно поддающейся классификации группы «иное» нам удалось выделить высказывания носителей идеологии «против всех», которая будет описана ниже.

Методологически в данной главе, как и в предыдущих, мы также проверяли репрезентативность, возможности и ограничения сбора и анализа интернет-данных, подбирая наиболее подходящие инструментарий и методы. Мы принимали во внимание общепринятые стандарты в области анализа и интерпретации твиттер-данных, а также критическую реакцию, которая ставит под сомнение увлечение только «большими» данными (*big data*), собираемыми при помощи API-адресов, и призывает не пренебрегать ценностью традиционных «малых». Мы нашли компромисс между двумя подходами — привлекли «большие» данные, но отказались от их автоматической обработки. Способ интерпретативного чтения каждого твита, учет как «малых», так и «больших» данных, а также работа одновременно с ка-

[1] *Nikiporets-Takigawa G.* Tweeting the Russian Protests.

чественным и количественными методами позволили придать количественным исследованиям тщательность качественных. Эта методика, общая для всех глав книги, в которых анализируются интернет-данные (главы 1–5), развивается в данной главе на материале, ранее не затронутом в книге, — на твитах.

Совокупность указанных подходов позволяет не только выделить ведущие дискурсы твиттер-коммуникации, связанной с протестным движением, и увидеть, как именно оппозиция и ее противники пользуются Твиттером, но и продвинуться в понимании ее функций, выяснить, какие механизмы самоорганизации соцсети способны производить и поддерживать, в какой мере они могут участвовать в процессе мобилизации, принятии решений об участии в коллективном действии, прояснить роли, которые Интернет играет в социальном движении в настоящий момент, а также то, как эти роли меняются от одной акции к другой в зависимости от конкретных обстоятельств и с течением времени, чтобы прогнозировать их развитие.

Вместе с тем нам было важно не только подтвердить выводы, сделанные для трех предыдущих массовых акций, но также развить и дополнить их. Поэтому мы прибегли к более детальному дискурс- и контент-анализу и, следовательно, использованию субкатегорий, которые выделялись индуктивно в ходе анализа твитов, а также на основании уже известных классификаций, разработанных другими исследователями интернет-коммуникации[1] и неглубокого контент-анализа подвыборки твитов. В результате внутри основных категорий «нейтральные — прооппозиционные — антиоппозиционные»

[1] *Qu Y. et al.* Online Community Response to Major Disaster: A Study of Tianya Forum in the 2008 Sichuan Earthquake // 42nd Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS). Waikoloa, USA. 2009. URL: http://epubs.surrey.ac.uk/7535/ .

и «идеология — действие — информация — иное» (такие же категории мы использовали в главах 1–4) было выделено 11 субкатегорий, отражающих ведущие дискурсы протестной коммуникации.

Категории для контент-анализа

«Идеология»: твиты, свидетельствующие об идеологической идентичности

К этой категории относились твиты, которые выражали одобрение/неодобрение по отношению к власти, оппозиции, Народному сходу и его участникам, Навальному. Они носили ярко выраженный эмоциональный характер. Эмоции, сопровождающие протест, воспринимаются их участниками как немаловажный фактор[1]. Что же касается политизированной коммуникации, эмоциональные высказывания важны и интересны тем, что показывают идеологическую идентичность, так как оценка фактов и событий свидетельствует о системе ценностей, а эмоции делают это свидетельство еще более эксплицитным и детальным, добавляя краски, оттенки, нюансы и коннотации симпатиям и антипатиям. Все высказывания такого рода можно разделить на несколько субкатегорий в зависимости от объекта эмоциональной реакции, а также в зависимости от двух основных экстенсионалов «одобрение — неодобрение» («про» — «анти») эмотивно-оценочных отношений.

[1] См. некоторые твиты, подчеркивающие важность эмоций: «Народ на #манежка недовольный. А должен быть реально злой. А так, пришли, побурчали и расходятся... Вот когда разозлятся, тогда и будет путч» (URL: http://twitter.com/luxemburq/status/357940752174694401); «Сегодня власть сильно разозлила много мыслящих людей, пока все мирно прошло... в следующий раз берегись дзюдоист! #Navalny #манежка» (URL: http://twitter.com/flexilya/status/357941731372703744) и др.

«Про-»: «-Манежка» – одобрение по отношению к участникам схода

Эти твиты выражали поддержку, благодарность за «гражданскую позицию», восхищение (например, «Испытываю невероятное уважение к вышедшим на улицы Москвы»[1]), солидарность с участниками митингов («Мурашки от тех, кому не все равно. Спасибо всем за гражданскую позицию. Вместе мы сможем #Манежка» и т. п.).

«Про-»: «-Навальный» – одобрение по отношению к Навальному

В таких твитах высказывались эмоции одобрения (восхищение, поддержка, сочувствие и т. д.) по отношению к Алексею Навальному (например, «#navalny ТЫ ГЕРОЙ!!!»[2], «Теперь Навальный — символ протеста в России, однозначно», «Отныне у российской оппозиции есть лидер[3] #Навальный»). К этой же группе относились все твиты, которые сопровождались хэштегом «Занавального».

«Анти-»: «-власть» – неодобрение по отношению к политическому режиму

Эти твиты создавали, чтобы передать неодобрение по отношению к Путину, судье Блинову, который

---

[1] URL: http://twitter.com/AGuriynova/status/357936908917161986.

[2] URL: http://twitter.com/doskerman/status/357930439194836994.

[3] Фраза Юлии Латыниной, которую ретвитили 202 раза (см.: *Латынина Ю.* Алексей Навальный вынудил режим совершить стратегическую ошибку. Отныне у российской оппозиции есть лидер // Новая газета. 2013. 19.07. URL: http://www.novayagazeta.ru/columns/59130.html).

вынес приговор Навальному, производным режима в виде избирательности правосудия[1], цензуры, пропаганды и ее исполнителей («канделаек»[2], «прокремлевских проституток из едра, нашистов и т. п.»); а также в адрес России и ее народа (как откровенных провластных конформистов, так и пассивного большинства), допустивших существование такого режима: «Сегодня мне стыдно за свою страну. #Навальный», «рашка — это дно. это #безысходность!Это полное разочарование ! Желаю смерти Царю! #Navalny», «Глупость нашего правительства сопоставима только с безразличием и инертностью нашего народа»[3]. Многие подчеркивали жестокую абсурдность приговора при помощи аллюзий на произведения Франца Кафки[4], подчеркивая приметы разрыва происходящего с реальностью: «Я понимаю, были бы разумные доказательства вины. Но ведь полный абсурд же! Какая разницы, сторонники или критики #Navalny ?! Разум умирает», «Новый остросюжетный боевик-антиутопия - “Судья Блинов: Я — закон.” #Navalny #Навальный»[5].

---

[1] Всего в корпусе было найдено: 51 твит, оценивающий избирательность российского провосудия на примере дела Сердюкова, 38 — Васильевой, 9 — Якунина. Все эти персоны объединены в посте профессионального блогера Олега Макаренко, на который автор выложил ссылку в Твиттер: *Макаренко О.* Стыд и позор: Алексей Навальный приговорен к пяти годам лишения свободы // Профессиональный блоггер Олег Макаренко. 2013. 18.07. URL: http://blogger-oleg.livejournal.com/1147.html.

[2] Кличка, образованная от фамилии Тины Канделаки, известной своей пропутинской позицией.

[3] URL: http://twitter.com/Keloraen/status/357833773037002752; URL: http://twitter.com/ArtSheww/status/357896191712825345; URL: http://twitter.com/Adiquiet/status/357827629178552320.

[4] Такие ссылки найдены у девяти независимых авторов в коллекции.

[5] URL: http://twitter.com/balashov_andrey/status/357814280529264641.

«Анти-»: «-Манежка» – неодобрение по отношению к участникам схода

Так же активно выражалось неодобрение по отношению к участникам схода и отдельно к либеральной оппозиции. Их обвиняли в том, что они — «гламурное кисо», «бараны» и «тупорылая массовка»[1], «купленные» («толпа прыщавых даунов-сисадминов, которых свезли в центр создавать видимость», «#Instagram по тэгу #манежка фото хипстеров, каких-то куриц и толп народа. Ох, оппозионеры хреновы...»[2]). Звучали и обвинения в бездействии или слабой протестной активности, причем они исходили не только от противников оппозиции, но и от лиц, вполне ей сочувствующих, но мечтающих о большем «драйве».

«Анти-»: «-Навальный» – неодобрение по отношению к Навальному

Навального называли «американским проектом»[3] или же, напротив, «кремлевским проектом и провокацией Кремля», «вором» (для этого значения был изобретен специальный тег #селворик[4]), которого не любят в Рос-

---

[1] «Сборищами рулишь не ты, направляешь их не ты. Ты — тупорылая массовка. Ты — баран, которого погонят на заклание ради чужих денег» — цитата из статьи Д. Пучкова (Гоблина), написанной по поводу протестов «Русской зимы»: *Пучков Д. (Гоблин)*. Вопросы и ответы про митинг // Tynu40kGoblina. 2011. 10.12. URL: http://oper.ru/news/read.php?t=1051609312.

[2] URL: http://twitter.com/Aleks1_Zaharov/status/357950845670785026; URL: http://twitter.com/dyadyabulya/status/357952604833198080.

[3] «Навальный однозначно — Левый. раскрашенный в звездно-полосатый и украшенный стразами» (URL: http://twitter.com/dmitryWolfhound/status/357943287350431744).

[4] Этот тег был образован из другого тега «кировлес», если его читать наоборот. Этот специальный тег «селворик» использовался оппонентами Навального, тогда как «кировлес» сначала употреблялся просто

сии, а поддерживают только «10к[1] мажоров по всей россии»[2]. Инвективные производные от фамилии как в хэштегах, так и в текстах твитов (#оральный, #анальный, #лесоповальный, #навральный, #провальный, #карнавальный, #навальнер) более лаконично доносили ту же суть.

«Действие»: твиты, связанные с организационными и личными действиями

Мобилизация

Мобилизационные твиты содержали призывы выйти на митинги или предлагали участникам эффективные с точки зрения авторов действия: «Зачем столько писать тут? Приходите вечером на Малую Садовую[3] в 19:00. Это будет сильнее 1000 слов!», «Почему бы не собраться, молча? Все обсуждения перенести в твиттер, с определенным хэштегом, стоящих не загребут[4] *#твитдождю #Навальный #манежка*»[5]. В других мобилизационных твитах просили подписать онлайн-петицию; скандировать «Навальный — наш мэр»[6]; принести протестующим еду и воду; расклеивать стикеры

как название фирмы, участвующей в деле, заведенном на Навального, — именно в финансовых махинациях при работе на фирме «Кировлес» Навальный и был обвинен. С развитием дебатов оба тега «кировлес» и «селворик» стали семантически антинавальновскими.

[1] Имеется в виду «косарь» — сленговое обозначение купюры номиналом тысяча рублей и собственно числа тысяча.

[2] URL: http://twitter.com/BreakPosst/status/357874592024494080.

[3] На Малой Садовой проходил петербургский Народный сход.

[4] Так как демонстрации были несанкционированы, люди могли быть арестованы, если бы начали произносить публичные речи или скандировать лозунги.

[5] URL: http://twitter.com/_VolkovAleksey_/status/357789006659985408.

[6] Навальный в эти дни участвовал в избирательной кампании на пост мэра Москвы, не столько с желанием победить (победа была маловероятна), сколько с целью борьбы с коррупцией московских властей.

«За Навального»; более эффективно мобилизовать людей, в частности через тот же Твиттер. Звучали и призывы развернуть акцию в более решительном направлении: брать пример с Турции (рис. 30), Тахрира, устроить «оккупай-манежка» и «не расходиться», «разжигать», «брать Останкино», «блокировать улицы машинами», «вязать омон» или же, напротив, вести себя осторожнее.

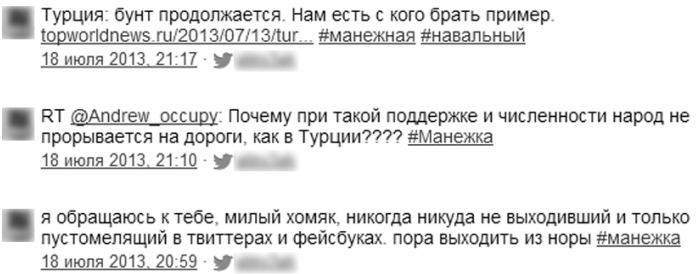


Рис. 30. Мобилизационные твиты одного из пользователей 18 июля 2013 г.[1]

Личное участие

Личное участие в Народном сходе подтверждалось твитами с места событий[2], о намерении пойти на митинг

---

[1] URL: http://twitter.com/АВТОЗАК/status/357912094240284672; URL: http://twitter.com/Andrew_occupy/status/357909719106596864; URL: http://twitter.com/АВТОЗАК/status/357907584654639105.

[2] «@zavros2la @Mazov_Tula пришли, потому что почувствовали — нужно прийти и все равно сколько нас будет, каждый важен #Навальный @navalny#Тула» (URL: http://twitter.com/chiginskiy/status/357951453115068416). Тридцать один твит объявлял об одиночном пикете в разных российских городах («Устроил одиночный пикет на Театралке в поддержку Лехи», «В Иркутске протестовать в 19.00 пришел я один :(Слишком мало времени прошло после приговора. минус 5 от Москвы #navalny»), в том числе там, где застал июльский отпуск, например в Анапе (URL: http://twitter.com/st_spirit43/status/357913032006971392; URL: http://twitter.com/13iskander131/sta-

или о том, что автор с него вернулся[1], а также твиты координирующего характера о том, с какой улицы или от какого выхода из метро лучше подойти, чтобы избежать участков, перекрытых ОМОНом; куда лучше перейти, чтобы не создавать давки, опасной для протестующих, и т. п.

Онлайн-петиции

Также раздавались призывы подписать петицию, адресованную Верховному коммиссару ООН по правам человека с просьбой осудить тюремный приговор Навальному через платформу общественных движений *Change.org*[2].

«Информация»

Информационные твиты несли фактическую информацию о сходе, его начале, окончании, месте и маршруте, давали ссылки на трансляции, фотоотчеты, репортажи, запрашивали информацию у других (например, «Навальный приговорен к 5 годам лишения свободы. Защита намерена обжаловать в 10-дн.срок. В МСК сегодня Манежка»[3]).

---

tus/357836293595602944; Instagram. URL: http://instagram.com/p/b6UE2ExRpV/).

[1] «После 4,5 часов ушел с Малой Садовой люди там еще остались полиция начала готовиться к отъезду #СПб #Navalny мы их перестояли и придем еще» (URL: http://twitter.com/DmitriyAnisimov/status/357941694806765568).

[2] Change.org (http://www.change.org) — платформа, посредством которой каждый может разместить ходатайство и собрать подписи в его поддержку. Петиции были переведены на разные языки и дублировали русский оригинал (в статистическом анализе мы учитывали только русскоязычные петиции).

[3] URL: http://twitter.com/akargin/status/357825109945368576.

«Иное»

Комментарии

Это были нейтральные высказывания на тему митингов, не показывающие или не содержащие авторской позиции по отношению к Навальному, оппозиции, власти, Народному сходу, а также не сообщающие об участии автора в Народных сходах или каких-то других относящихся к событию авторских действиях (например, «Сколько себя помню, никогда не был в курсе политических новостей в стране и мире, но всегда был за оппозицию. Это норм? #манежка»[1]).

Троллинг – шутки – игра

Близкими к нейтральным комментариям были троллинг, шутки, языковая игра на тему события — традиционные для Твиттера как жанра. Самой популярной шуткой стала «Садись, Леша, пять»[2]. Такая шутка скрывала оценку и тональность, могла содержать иронию, сарказм, юмор пополам с сочувствием, прочитываться как похвала Навальному (который хорошо боролся с властью или же хорошо выступил в суде) или как хула, намекающая на то, что Навальный отлично выполнил кем-то (например, «Госдепом») заданное домашнее задание. Множественность заложенных в эту шутку коннотаций проявилась в полной мере, когда ее использовали авторы, которые в других своих твитах выражали одобрение, неодобрение или же полное безразличие

[1] URL: http://twitter.com/srgt/status/357943769296936960.

[2] О популярности свидетельствует не только количество ретвитов (293), но и то, что из этой «шутки» был образован тег #садисьпять, попавший в топы российского Твиттера.

по отношению к Навальному. Без исследований твиттер-ленты автора такая шутка не обнаруживает никакой авторской позиции и прочитывается как нейтральный комментарий.

Идеологизированность контента

Твитов, связанных с идеологией, было больше, чем связанных с действием и передающих информацию, а также тех, которые мы классифицировали как «иное» (43 % по сравнению с 22 %, 17,8 %, 20,1 % соответственно, см. табл. 1 и рис. 31). Обмен информацией сопровождал все фазы протеста, но стал менее активным после того, как начались самые массовые митинги в Москве и Санкт-Петербурге (19 часов московского времени[1]). Более того, динамика информационных твитов ни на одном этапе протеста не была коррелирована с динамикой твитов, связанных с действием ($r = -0{,}31$, см. рис. 31), в отличие от динамики идеологических твитов, которые после начала основных митингов оказались сильно коррелированными с твитами, связанными с действием ($r = 0{,}76$, там же). Это отличало Народный сход 18 июля 2013 г. от исследованных нами предыдущих эпизодов российского протестного движения: маршей оппозиции 15 сентября 2012 г., 15 декабря 2012 г. и 13 января 2013 г.[2], по поводу которых в Твиттере встречались прежде всего информационные сообщения.

---

[1] 19:00, когда большинство демонстрантов уже собралось в Москве и Санкт-Петербурге, мы принимаем за начало митингов и отмечаем на графиках (рис. 31 и 32) вертикальной чертой.

[2] *Nikiporets-Takigawa G.* Tweeting the Russian Protests.

Таблица 1

Результаты контент-анализа и статистического анализа выделенных дискурсов, 18 июля 2013 г.

ИДЕОЛОГИЯ (43)	Про- (9,9)	Манежка (3,7)
		Навальный (6,2)
	Анти- (33,1)	власть (12,4)
		Манежка (5,9)
		Навальный (14,8)
ДЕЙСТВИЕ (22)	мобилизация (3,5)	
	личное участие (15,8)	
	онлайн-петиции (2,7)	
ИНФОРМАЦИЯ (17,8)		
ИНОЕ (20,1)	комментарии (16,2)	
	троллинг — шутки — игра (3,9)	

В % от количества твитов; сумма больше 100, так как один твит мог относиться к нескольким категориям.

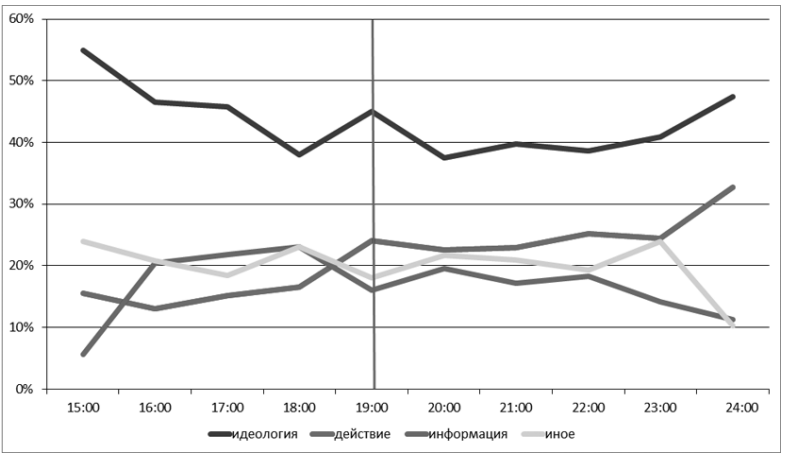


Рис. 31. Динамика основных дискурсов твиттер-коммуникации на временном отрезке 14:00 — 24:00 18 июля 2013 г.

Эмоциональная мобилизация — триггер действий

Эмоциональное выражение позиций «анти-» предшествовало действиям: на графиках, картографирующих развитие коммуникации в динамике во время Народного схода (рис. 32) видно, как между 16:00 и 17:00 твиттер-коммуникация от преимущественного выражения неодобрения переключилась на многочисленные репортажи о личном участии в митингах. Динамика твитов, связанных с действиями, тоже развивалась от «мобилизации» к «участию»: мобилизация велась в твиттере наиболее интенсивно с 14:00 до 15:00, далее последовало подписание онлайн-петиций[1].

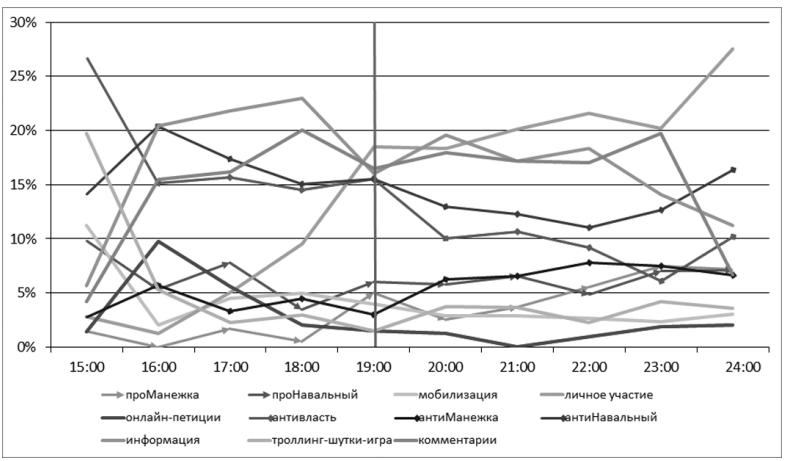


Рис. 32. Динамика дискурсов твиттер-коммуникации на временном отрезке 14:00–24:00 18 июля 2013 г.

[1] Которые мы относим к «действию» вслед за многими исследователями феномена *digital participation*, см., например: *Karpf D.* Online Political Mobilisation from the Advocacy Group's Perspective: Looking beyond Clicktivism // Policy & Internet. Vol. 2. No. 4. 2010. Article 2. URL: http://davekarpf.files.wordpress.com/2009/03/online-political-mobilization-from-the-advocacy-groups-perspective-1.pdf .

Данная особенность соответствует схеме взаимодействия эмоций и протестных движений, приведенной выше. В российском случае протестного движения также имело место несправедливое действие со стороны власти (суд над Навальным по делу «Кировлеса» и вынесенный приговор), вызвавшее у некоторых граждан сильное негодование, в силу чего они стали выражать гнев и другие негативные эмоции в Интернете, который связал недовольных, объединил индивидуальное возмущение в коллективную энергию гнева и позволил преодолеть страх репрессий. То есть интенсивный обмен эмоциями стал триггером действия, интернет-коммуникация (и твиттер-коммуникация как ее часть) — местом и формой эмоциональной мобилизации, которая наряду с прямой мобилизационной деятельностью (тоже осуществляемой через Интернет, причем, как мы уже упоминали, наиболее интенсивно через Твиттер) помогла «рассерженным горожанам» принять решение выйти на митинги.

В то же время российский протест, на примере Народного схода 18 июля 2013 г., отличался негативным характером эмоциональной мобилизации на всех этапах развития. Первым звеном в «цепи эмоций», предшествующих выходу людей на улицы, были «антивластные», за ними последовали «антинавальные». Как только митинги начались, их зрители и участники стали выражать позитивные эмоции. Между тем ведущим эмоциональным тоном твиттер-коммуникации и после начала массовых митингов в самых разных городах продолжал оставаться негативный: он существенно (33,1 % против 9,9 %) превосходил выражение поддержки, одобрения и другие позитивные эмоции, которые были заметно слабее. Так, суммарно твитов, выражающих неодобрение по поводу Навального, было почти в два с половиной раза больше, чем тех, что выражали одобрение (14,8 % против 6,2 %); твитов, выражающих неодоб-

рение по отношению к участникам митингов, — более чем в полтора раза больше, чем симпатизирующих им (5,9 % против 3,7 %). То есть российская эмоциональная мобилизация, начавшись от выражений неодобрения, неприятия, ненависти, так и не сменила негативно направленный модус.

Условия успеха «российской Манежки»: повод для массового возмущения, гнев, страх, Интернет

Несмотря на преобладание негативных эмоций (33,1 % по сравнению с 9,9 % позитивных), но благодаря тому, что многие из них были обращены против власти, коммуникация в целом работала на митинги: совместно 3,7 % высказываний в поддержку участников Схода, 6,2 % «про-навальных», 12,4 % «анти-властных» и 22 % твитов, напрямую связанных с действиями, образовали в нашей коллекции большинство текстов, более чем в два раза превосходящее антиоппозиционную активность (44,3 % против 20,7 %), представленную высказываниями против участников Схода и твитами против Навального.

Именно большое количество артикулируемого неприятия власти помогло перезарядить «эмоциональные батареи»[1], «подсевшие» после ряда менее удачных и массовых выступлений оппозиции, и вывести многих людей на улицы 18 июля 2013 г. в разных городах России. Эмоциональная мобилизация, спровоцированная турбулентным недовольством общества властью, усугубленным несправедливостью суда и приговора в отношении публичной фигуры Навального, взрывом эмоций

[1] *Eyerman R.* How Social Movements Move: Emotions and Social Movements // Emotions and Social Movements / Ed. by H. Flam, D. King. Routledge, 2005. P. 41–56.

и интенсивностью обмена эмоциями в соцсетях, во многом предопределила успех Народного схода — он стал одним из самых заметных[1] эпизодов «Русской зимы».

Вместе с тем Народный сход еще раз доказал, что те митинги, которые собираются, чтобы выразить свое неодобрение и позицию «против», имеют большие шансы на успех, тогда как «позитивная» оппозиционная мобилизация работает хуже. «За Навального», как свидетельствовали твиты, вышло меньшинство, и все попытки объединить оппозицию под этим лозунгом были менее успешны, чем «против Путина». Такая же невозможность позитивной мобилизации оказалась фатальной для ряда предшествующих протестных митингов: попытки «Марша миллионов» 15 сентября и «Марша свободы» 15 декабря 2012 г. мобилизовать людей при помощи достижительской и позитивной риторики («нас миллионы», «за свободу») окончились неудачей на улицах, где собрались совсем не миллионы.

Помимо ненависти, второй стимулирующей эмоцией для успешного протеста является *страх*. 18 июля люди указывали, чего именно они страшатся — утраты личной свободы, так суд над Навальным по делу «Кировлеса» многие восприняли как «демонстративную акцию устрашения» и аллюзию на дело Ходорковского. Такой же страх, наряду с гневом, вывел толпу на Болотную площадь и на проспект Сахарова в 2011 г., когда народ почувствовал в откровенном цинизме власти, сначала объявившей о «тандеме», а затем подтасовавшей результаты выборов в Думу, угрозу отмены даже тех немногих

[1] Успех российских протестных митингов обычно оценивается по данным об их численности — единственном критерии успеха в случае спорадически и спонтанно организуемых российских протестных акций. Ощущение успеха укреплялось тем, что в Москве людям удалось собраться почти на Манежке. «Почти», потому что 18 июля, как мы уже упоминали выше, сама Манежная площадь была закрыта под предлогом ремонтных работ.

свобод, которые на тот момент еще сохранялись. Поэтому приговор Навальному еще раз оказался причиной не только возмущения, но и страха.

Для массовой негативной консолидации важен также *специфический повод* или *адресат для возмущения, с которым согласно большинство.* Например, в случае «Марша против подлецов» 13 января 2012 г. интеграции мешало то, что между группами, течениями и объединениями внутри российской оппозиции существуют резкие расхождения по отношению к законодательным инициативам в области ювенальной юстиции[1]. Поэтому на «Марш против подлецов» вышла только либеральная часть оппозиции, выступающая против предложения Госдумы запретить американцам усыновлять российских детей. Однако во время Народного схода 18 июля произошло объединение различных групп поверх идеологических барьеров, так как повод не вызывал сомнений, несмотря на все описанные выше разночтения в отношении фигуры Навального.

Таким образом, массовый протест в России возможен при сочетании нескольких условий: *гнева* как главной эмоции, сильного *страха* потерять оставшиеся свободы, *повода* и адресата *ненависти*, который *очевиден многим* вне зависимости от идеологической ориентации, политической позиции или их отсутствия. Немаловажным условием является и *наличие средства трансляции индивидуальных эмоций и места их публичной агрегации.* Разнообразные технологические характеристики Интернета делают его подходящим для этих целей, а также для рекрутирования людей для offline-действий, установления солидарностей, конструирования коллективной идентичности, необходимых протестным движениям.

Народный сход стал не просто успехом российского протеста с точки зрения количества участников, но и сви-

[1] Она трактуется в России в широком значении как обеспечение прав и свобод несовершеннолетних.

детельством некоторого роста гражданской активности, особенно на первом этапе, когда самые разные люди пошли на площади городов по всей России вечером рабочего дня[1]. Если во время предыдущих акций противники оппозиции постоянно указывали на малочисленность митингующих[2], то 18 июля подобных указаний было значительно меньше, что является лучшим свидетельством серьезного масштаба митингов. К тому же завсегдатаи оппозиционных акций отмечали факт вовлечения в протест совсем новых участников («в ярославле народа не много. правда люди для меня почти все не знакомые»[3]). Напомним, что решение примкнуть к протестующим 18 июля 2013 г. требовало особенного мужества: репрессии власти шли полным ходом, «узники Болотной» отбывали сроки, митинги в большинстве городов, включая Москву, были несанкционированными и вызывали серьезные опасения возможности массовых задержаний («жаль, что у меня не хватает мужества, ребята, я с вами! #манежка»[4]), которые, надо сказать, в полной мере оправдались.

Тем не менее, невзирая на опасность, люди принимали решение выйти на улицы. Как, например, девушка из Москвы, которая сначала спрашивала у подруги «Валя, там страшно?», но, прочитав призывы в Твиттере, поздно вечером повезла протестующим воду. Этот первый опыт зарождающейся гражданской активности не всегда был удачным: увидев немногих оставшихся на митинге, девушка написала несколько твитов о своем разочаровании («расходясь и отступая от цепочки ОМОНа. С такой поддержкой и врагов не надо. #навальный , я за тебя, я

---

[1] Тем более в «мертвый» летний сезон, для которого характерен спад любой социальной деятельности.

[2] Например, по поводу Марша миллионов 15 декабря 2012 г.: «700 человек, вышедших #15декабря — это успех! Особенно для 12 миллионного города! #посоныпришликуспеху #15декабря15суток».

[3] URL: http://twitter.com/Cyaniter/status/357874462244347905.

[4] URL: http://twitter.com/hedwig_2/status/357884608689356800.

затебее всех, но боже, как это грустно»[1]). Но для других Народный сход стал поворотным событием. Например, для девушки из Калининграда, которая до 18 июля ежедневно писала в Твиттер на темы, совершенно далекие от политики[2]. На ее вопрос, за что Навальному дали пять лет, ответили ссылкой о месте и времени калининградского митинга. Дальнейшие ее твиты и инстаграммы были уже с дороги на митинг[3], потом с митинга, а после 18 июля — о ее добровольной работе на агитационных «кубах» в поддержку Навального.

Наблюдался и рост online-активности. Событие как на улицах, так и в Интернете вызвало отклик людей, не интересующихся политикой и даже считающих неприличным высказываться на эту тему («Простите за полити, но после сегодняшнего приговора #navalny я считаю необходимым высказаться. Коротко и ясно: Путин — трус»[4]). Твиттер-дебаты по поводу Народного схода не прекращались до 20 июля, то есть шли дольше, чем в случае предыдущих эпизодов протестного движения. В этот раз в целях протеста были полнее задействованы потенциал Твиттера, его специфический язык и синтаксис («теперь буду общаться исключительно с хэштегами #народный #сход #навальный #манежка»), создавалось больше твитов непосредственно мобилизационного характера («Предлагаю хэш #последнийшанс для #манежка #судвкирове #навальный @navalny ибо, дальше —

---

[1] URL: http://twitter.com/ma_kova/status/357944466528681984.

[2] Тем не менее среди 118 авторов, чьи твиты она отслеживает, есть один из самых активных репортеров-фотографов протестного движения Илья Варламов (zyalt), а также активист калининградской оппозиции. Именно он дал девушке ссылку на место и время митинга в Калининграде. Данный пример, наряду с другими, показывает результат влияния авторитетного для фолловера автора.

[3] «Я иду на пикет. Первый раз в жизни. #Навальный» (URL: http://twitter.com/DantorDe/status/357888943917772802).

[4] URL: http://twitter.com/shcoder/status/357832852831879169.

уже закрутят последние гайки... И будет тьма»[1]), а также текстов, предлагающих и обсуждающих коллективные действия. Помимо этого, стали учитывать опыт Арабской весны и роль в ней Твиттера. Поэтому Твиттером старались пользоваться как можно более разнообразно и активно, например продвигая свои хэштеги — этим приемом пользовались оба лагеря, как оппозиция, так и их оппоненты[2], с общей целью продвижения своей повестки дня и глушения идеологического врага. К тому же при помощи Твиттера осуществлялась логистика протеста, подвозилась еда и вода для митингующих, высказывались советы одних участников или зрителей другим[3].

Лидеры дискурса

Хэштеги, выводимые в «топы» российского Твиттера, и другие эффективные способы его использования привлекали большое внимание к событию 18 июля. Отозвавшись на него любой репликой, посторонние протесту и вообще политике люди могли попасть в поле зре-

---

[1] URL: http://twitter.com/АВТОЗАК/status/357831057158049792.

[2] «Прокремлевские проститутки ввели #СелВорик в тренды... Причем на кого не кликнешь — то с из едра, то из нашистов, то из чинушей. И т.д» (URL: http://twitter.com/Needed_someone/status/357879293776363520).

[3] Среди советов во время каждого митинга обязательно появляется твит о юридической помощи на случай задержаний. 18 июля 2013 г. это были твиты, подобные «#манежка Тк задержания сегодня неизбежны, было б неплохо дать ссылку/сделать "памятку поведения при задержании" чтобы люди знали свои права» (URL: http://twitter.com/Damasq/status/357841155892850688), а, например, 15 декабря 2012 г. твитили линк на сайт Росузника с сообщением: «если 15 декабря вы совершенно случайно будете проходить через Лубянскую площадь, а вас внезапно задержат, вам понадобится помощь. Для этих целей существует Росузник» (Акции протеста // ВКонтакте. 2012. 14.12. URL: http://vk.com/wall-42120151_1429; Twitter. 2012. 14.12. URL: http://twitter.com/protestactions/status/279685628856258560).

ния «лидеров дискурса» (мы рассуждаем о них в каждой предшествующей главе), которые советовали им, куда отправиться, чтобы «совместно подумать, обсудить и разобраться», уточнить или сформировать свою позицию. За этим могло следовать решение пойти на митинг: в собранной коллекции твитов немало свидетельств, которые документировали этот переход от роли случайного зрителя к гражданскому активизму, совершенный посредством Твиттера, быстро и своевременно объединившего людей и снабдившего их необходимой информацией. Именно такие свидетельства мы нашли в твиттер-ленте упомянутой выше девушки из Калининграда, а также, например, у «твитерянина», который, прочитав твиты Василия Уткина (популярного журналиста, ведущего «Разворот» на «Эхе Москвы», спортивного комментатора, у которого в Твиттере более 4 тысяч подписчиков), написал «Время пришло. Под царем жить надоело. Встретимся на манежке!»[1] и отправился на митинг в центр Москвы.

Здесь выразилось еще одно свойство твиттер-коммуникации, которое помогает протесту: скорость и широта распространения месседжей популярных авторов. В первом случае таковым оказался человек, причастный к протесту, — организатор митинга в Калининграде. Во втором — Василий Уткин, который принял всего лишь личное решение пойти на митинг, но сообщил об этом в Твиттере. Его твиты «Простите парни, я порчу вам праздник. Но оч неудачный день для корпоративов. Задаток возвращаю — неотложные дела вечером. Может, увидимся», «Какая оппозиция, я не оппозиция, я тут живу, понимаете?» и «Одно у меня желание: Владимир Владимирович, будь здоров, живи долго! Прям до суда»[2]

[1] URL: http://twitter.com/EvgenKozlov/status/357831660307361792; http://twitter.com/EvgenKozlov/status/357802794717163520.

[2] URL: http://twitter.com/radioutkin/status/357782483007311873; http://twitter.com/radioutkin/status/357784975636049921; http://twitter.com/radioutkin/status/357772411405475842.

собрали тысячи просмотров[1] и имели сильный мобилизационный эффект, помогая вывести людей на улицы. Его слово оказалось веским для его многочисленных фолловеров. Так, например, хоккейный болельщик из Новосибирска, который, по его словам, «бегал по баррикадам в 90-ые», но в Твиттере высказывался в основном на тему спорта, сначала ретвитил всякие высказывания о бесполезности протеста и о «смищных хипстерах с лазерными указками», но после поста Уткина спросил, где в Новосибирске митинг, и сам на него вышел. Так же поступил, тоже прочитав твиты Уткина, его фолловер из Петербурга, отправившись на митинг на Малой Садовой (рис. 33). Важность высказываний авторитетных, многими читаемых авторов, так же как и их личное участие в митингах, подчеркивается и в других разговорах.

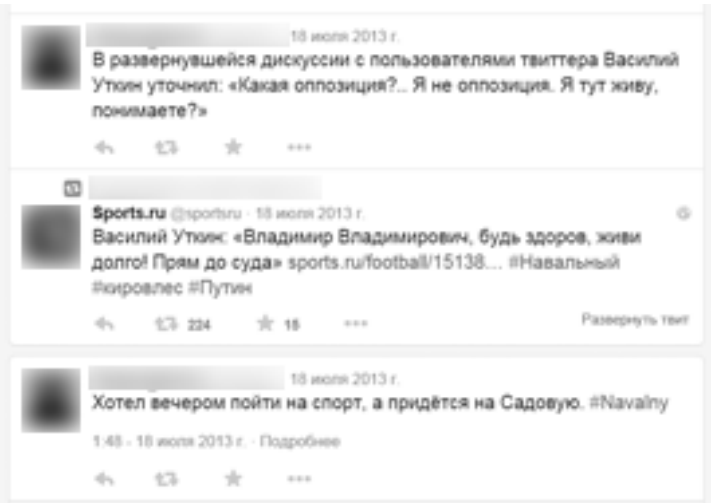


Рис. 33. Одна из твиттер-лент 18 июля 2013 г.[2]

[1] 80 000, как сообщала Lenta.ru, см.: Акции в поддержку Навального. URL: http://lenta.ru/chronicles/navalny/.

[2] URL: https://twitter.com/asanov/status/357798975190994944; http://twitter.com/sportsru/status/357790793827758080; http://twitter.com/asanov/status/357783972731817984.

Что касается лидеров «анти»-дискурса, выражающих неодобрение по отношению к оппозиции, к народным сходам, к Навальному, то среди них также были как профессиональные и последовательные борцы с оппозицией и особенно ее либеральной частью, которых мы уже описывали в главе 1, так и «любители» — не по долгу службы, но не менее агрессивно высмеивающие вышедших на митинги и оппозицию в целом[1]. Все эти online-усилия по дискредитации протеста вместе с тем не мешали его развитию, так как опаздывали во времени и были скорее реакцией на протестное движение, нежели способом борьбы с ним (это документируют и графики — если сравнить пики частотности высказываний «про-» и «анти-», можно увидеть лаг, который означает, что последние были запоздалой реакцией на первые[2]).

Выводы и прогнозы: причины конца «Русской зимы» и будущее протеста

Несмотря на все благоприятные условия, обещавшие новый виток протестного движения в ходе «Русской зимы» 2011–2013 гг., Народный сход 18 июля 2013 г. оказался его последним значительным эпизодом.

---

[1] Как, например, один профессиональный IT-специалист, который следил за происходящим с работы и непрерывно публиковал твиты в духе: «@mariagaidar Одураченные Девушки ГосДеповский Холуй Навальный Сел не из за Вас Он так стремился Спасать ЛЕС чтоЛесник-Прокурор выделилДЕЛЯНКУ» (ответ на твит Марии Гайдар: «Навальный сел за нас»): URL: http://twitter.com/BUGOR13/status/357823302829481986.

[2] Такой же лаг между про-протестной и запаздывающей анти-протестной коммуникацией мы отмечали при изучении постов в ЖЖ и твитов во время маршей 2011–2013 гг., а также упоминали в главе 1, когда описывали запоздалую реакцию «путинистов» на высказывания их главного дискурсивного врага — либеральной оппозиции.

В рассуждениях о причинах конца «Русской зимы» помогают сравнения[1], которые проявляют компонент, практически полностью отсутствующий в российском случае протестного движения, — позитивную фазу консолидации, которая и должна приводить к повторению митингов, создавая постоянную протестную активность и тем самым развивая протестное движение. Эта *невозможность позитивной консолидации протестного меньшинства*, недостаток уверенности в успехе своих действий, гордости за себя, ощущения «делания истории», надежд на желаемый результат своего протеста и подобных эмоций характерен для всех этапов «Русской зимы», за исключением очень краткого первого этапа в декабре 2011 г.

Мы назовем эту специфику российского протестного движения *негативной консолидацией*, развивая тезисы Льва Гудкова о типичных характеристиках провластного российского большинства[2]. Как мы показали в главе 1 и подтверждаем в данной, тезис о его провластности является спорным; «головой и сердцем» провластных россиян в России, скорее всего, не большинство (но, несомненно, больше, чем в той же степени оппозиционных к власти). Сколько бы их ни было, негативные мобилизация, идентичность, консолидация — это свойственные им черты, ярко проявляющиеся в американофобии, ненависти к так называемым западным ценностям и борющимся за них российским либералам.

Однако и в оппозиционных к власти российских движениях, и в том числе в наиболее оппозиционном — либеральном, мы видим ту же самую описанную Гудковым ситуацию, когда «групповые настроения раздражения и недовольства могут стать заместителями идеологиче-

---

[1] См. схему эмоциональной мобилизации для участия в протестном движении, которую мы обобщили выше.

[2] *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Неприкосновенный запас, 2004.

ских программ и партийных позиций»[1]; когда вместо лозунгов используются «нигилистические оценки действий “другого”»[2]; когда участники движения не артикулируют и не пропагандируют свои цели и средства их достижения, не предлагают никакой иной объединяющей идеи, кроме «против врага».

В той же степени, что и конформисты, которые в наших примерах преимущественно высмеивают Навального, антивластная часть россиян ограничивается вербальной агрессией в критике власти, отрицанием идеологии «другого», не занимаясь выяснением собственной. *Негативная консолидация предстает главным двигателем всех без исключения идеологических движений*, доказательства чего мы находим и при анализе повседневной коммуникации представителей каждого из движений (главы 1–4): то есть как в повседневной, так и в протестной коммуникации во время коллективных митингов ведущим средством мобилизации является отрицание идеологии, действий и лозунгов идейных «врагов». Все эти механизмы в совокупности производят низкоплодородные почвы для ростков гражданского самосознания.

Нередко агрессивно критический тон звучит параллельно в адрес как власти, так и оппозиции. Антивластная, но одновременно антиоппозиционная, смутно понимаемая и сумбурно выражаемая гражданская позиция шире всех других распространена в нашем материале, при этом свойственна россиянам, которых нельзя назвать граждански неравнодушными. Они в курсе политического момента и живо им интересуются, но не принадлежат ни к одной из идеологических платформ и вряд ли к этому способны, поскольку возможную попытку осмысления какой-либо из них пред-

---

[1] *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. С. 49.

[2] Там же.

отвращает привычка к отторжению, тогда как скепсис, сарказм и стеб возводятся в статус квазиидеологической идентичности.

При такой идентичности негативные высказывания и в адрес Путина, и в адрес Навального и других противников власти осознаются как самодостаточная форма гражданского участия. Типичный исполнитель именно такой роли критика всех противоборствующих сторон[1] много пишет в Интернете на тему Народного схода, следит за всеми трансляциями, инстраграммами, сообщениями участников митингов, их подробно обсуждает, но выражает как несогласие с решением суда[2], так и уверенность в бесполезности борьбы против Путина; одновременно выступает как против Навального и Немцова как представителей либералов, так и против левых («краснопузой левацкой шелупони») и националистов; хладнокровно подытоживает, что все в России «идет по плану» (без объяснений, по какому именно); а свое эмоциональное отношение к репрессиям в отношении Алексея Навального описывает при помощи брани.

Высказывания, изобилующие бранью[3], нередко являются производным той же идентичности, желанием спрятать гражданскую позицию, ее слабость или отсутствие. Брань позволяет продемонстрировать гражданское возмущение, но не объяснять их оснований, которые могут быть не продуманы, не сформулированы для себя самого. Эта гражданская незрелость курьезным образом проявляется и в других языковых средствах, а также в их контрастности, когда в высказываниях на

---

[1] Здесь как типичный носитель позиции «против всех» цитируется 30-летний сибирский программист.

[2] Потому что «Навального осудили, а Сердюкова и Васильеву не осудили», то есть в случае осуждения всех троих разногласий с властью могло бы и не возникнуть.

[3] Так как это характерно для многих приведенных во всей нашей книге примеров, мы приносим извинения читателю за дискомфорт.

тему политического момента обсценизмы и вербальная агрессия соседствуют с «мимишной» лексикой («няшка» или «котики» о Навальном и его жене и т. д.)[1] или наивным пуританством (у 30-летнего сибирского программиста, которого мы цитировали как типичного носителя идентичности «против всех» выше, скабрезности в высказываниях на тему политики соседствуют с рассуждениями о глубокой набожности, желанием отдать сына в школу при храме и словом «церковь», которое он пишет только с большой буквы). Зыбкость гражданской платформы может проявиться и в игровом отношении к событию, своеобразной «игре в протест» в виде шуток, троллинга, стеба, анекдотов, языковых игр на тему протеста. Все эти приемы оказались первой, как можно увидеть на графиках, и довольно массовой[2] реакцией на событие 18 июля.

Существуют и деидеологизированные россияне, которые подчеркивают свою отстраненность от политики[3] и которые, случайно посредством Интернета наткнувшись на новость о Народном сходе, высказывают свое раздражение[4] политическими событиями, отвлекающими их от обсуждения более важных тем личной жизни, работы, шопинга, гаджетов, спорта и т. д.

---

[1] В «мимишности» языка можно усмотреть признак «инфантильности» российского общества: «Вкупе с обильными “котиками” в соцсетях языковая “мимишность” — свидетельство того, что в России выросло целое поколение, а то и несколько, “питеров пэнов”: взрослых детей, инфантилов». См.: Пичалька, вкусняшка, овуляшка: почему россиянам так нравится мимимишная лексика // Yaplakal.com. 2013. 25.07. URL: http://www.yaplakal.com/forum7/topic620666.html.

[2] Такие твиты вместе с нейтральными комментариями мы отнесли к категории «иное», составившей почти 20,1 % коллекции.

[3] Таких людей немало, судя по свидетельствам самих постоянных участников интернет-коммуникации: «Сегодня в ленте Навальный и нытье по поводу того, что в ленте Навальный. Примерно 50/50» (URL: http://twitter.com/Kpy3o/status/357866871275520001).

[4] «Бесит!!! В твиттере и контакте один #навальный».

Таким образом, российское общество, каким оно предстает из интернет-коммуникации, посвященной митингам, разделено по фундаментальным векторам идеологизированности/деидеологизированности, протестности/лояльности, политизированности/аполитичности, гражданского неравнодушия/равнодушия. Очевидно, что между первыми и вторыми вражда и антагонизм разрушают социальное доверие, делая их не способными к общему действию. Среди первых же — идеологизированных, потенциально способных поддержать митинги, политизированных, граждански неравнодушных — не все склоняются к какой-нибудь из идеологий, выступая четко против власти или же, напротив, оппозиции, но существует аморфная масса тех, кто «против всех». Все эти расхождения векторов постсоветских идеологических идентичностей, усиленные негативной консолидацией, имманентно присущей каждой из них, составляют слагаемые российского протеста.

И одновременно ограничивают его перспективы. Так как, во-первых, россияне с позицией «против всех» предпочитают скрываться за безопасным компьютерным экраном, заполняя соцсети репликами сердитых обозревателей общественных процессов. Нет оснований рассчитывать на них как на актив протеста; они могут быть только его случайными попутчиками, время от времени присоединяясь к какому-нибудь митингу. Во-вторых, негативная консолидация оппозиции малопригодна в деле расширения и продолжения протестного движения. Фактический конец «Русской зимы» является ярким тому доказательством, и опыт разных стран[1] служит вторым доказательством, показывая важность выражений поддержки и других позитивных эмоций, которые укрепляют энтузиазм людей, готовых выйти на

[1] Который обобщен нами в схеме мобилизации для участия в протесте, см. выше.

улицы, и тем самым умножают энергию гражданского протеста. Неодобрение власти как *чувство – идея – лозунг*, страх потерять имеющиеся свободы и подобные негативные эмоции могут инициировать отдельные митинги и вылиться в действительно массовое коллективное действие, подобное Народному сходу 18 июля 2013 г. Но отсутствие веры в целесообразность и перспективу своих действий, четких представлений о следующем шаге и своих целях, уверенности в их достижимости, правоте своего дела и своей победе — то есть всех тех положительных эмоций, которые мы увидели на Майдане 2013–2014 гг., — мешает российскому протестному и, шире, гражданскому движению набирать энергию и развиваться. Такими выводами можно дополнить прогнозы о развитии российского гражданского общества, которым посвящено немало места в нашей книге.

Что касается роли в протесте Интернета, то при такой преимущественно негативной консолидации протестной части россиян, при наличии большого числа деидеологизированных, а также тех, кто «против всех», Интернет как очередное «расширение человека»[1] и информация, которую Интернет доносит до россиян, отнюдь «не разрешают ситуацию» (перефразируя заверения автора ниже, см. рис. 34), и уповать на то, что правильное информационное поле «со временем» сделает свое дело, кажется некоторым «благостным» видением ситуации, если только речь не идет об очень и очень отдаленной временной перспективе.

Пока Интернет, выступая средством, местом и формой эмоциональной мобилизации, облегчает негативную консолидацию, свойственную российскому контексту протестного движения, которая обуславливает мас-

[1] Если воспользоваться маклюэновской терминологией, см.: *McLuhan M., Lapham L.* Understanding Media: The Extentions of Man. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1994.

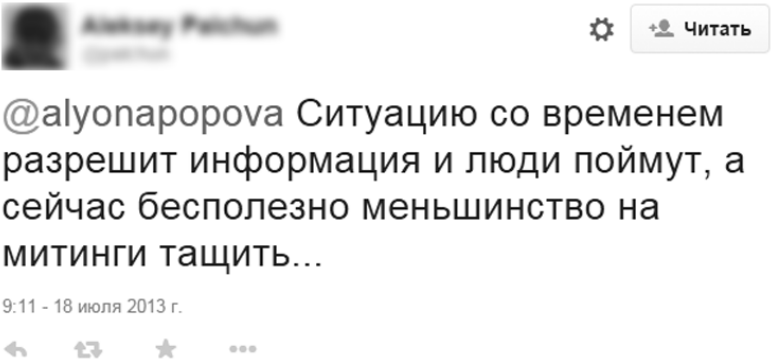


Рис. 34. Один из твитов 18 июля 2013 г.[1]

совость одного митинга, но не дает будущего протесту. Более того, многие жанровые особенности интернет-коммуникации становятся дополнительным препятствием в расширении российского протестного движения. Об одной из них мы уже упоминали выше — *троллинг, шутки, стеб, ирония как популярные дискурсивные стратегии поведения при сетевом общении*[2]. В структуру сетевого общения заложены разнообразные соревновательные элементы, например очки в рейтингах популярности пользователей, и такие стратегии повышают шанс про-

[1] URL: http://twitter.com/palchun/status/357895424197132288.

[2] Они же повышают шанс на ретвит — желанный для многих пользователей Твиттера, которые следят за повышением своего рейтинга. Ряд наших «виртуальных информантов» высказывались на популярную тему Народного схода исключительно для прагматических целей «накрутки» рейтинга, не скрывая этого: «Хочу в топ твитов, свободу Навальному». Мы встречаем также авторов, которые отозвались на событие, чтобы привлечь больше читателей к своей твиттер-ленте в целях как повышения личного рейтинга, так и рекламы своего бизнеса. Например, все, кроме одного, написанного на тему Народного схода, твиты некоего Сергея 18 июля касаются Apple, в сервисном центре которого он работает, а также компьютерных игр. На призыв, к нему обращенный: «Сергей, на Манежку!» — он не отвечает, и следующий его твит опять касается компьютерной тематики.

биться к более массовой аудитории, получить ретвит, тем самым продвинув свой твит и хэштег в топы. Большинство выбравших «игровую» форму отклика на событие были выразителями уже описанной выше идеологической позиции «против всех»[1], но ею же пользовались люди, которые, рискуя быть задержанными, пошли на митинги, а также использовали Твиттер для совсем не легкомысленной цели вызвать на улицы народ[2]. Еще для одной части «твиттерян» политика совершенно недопустима как тема в их личной твиттер-ленте (как в случае автора из приведенного выше примера, который извиняется за тему «полити»), поэтому они, впервые решившись на политическое высказывание, снижали его регистр при помощи шутки. Тем не менее, каковы бы ни были мотивации выбора такого стиля, он мешает вести мобилизацию для протеста, так как подрывает доверие к интернет-высказыванию: разница между троллингом и не-троллингом, шуткой и правдой настолько призрачна, что, не умея различить одно от другого, за формой легко потерять суть.

Второй помехой является *затрудненность интернет-диалога* или известная *монологичность* интернет-ком-

---

[1] Или же востребованного в российском интернете амплуа «троллей на тему политики». В подобном троллинге авторская оценка события просматривается с большим трудом. Например, один из авторов в нашей коллекции, айтишник из маленького провинциального городка, на 18 июля отзывается твитами: «самая популярная кличка для собак — “Навальный” и самая популярная команда “сидеть”» и подобными (URL: https://twitter.com/kreativedone/status/357893195989921792). Однако он же размещает ссылку на сюжет о прощании Навального с женой и матерью в зале суда с собственной припиской: «Очень трогательные фото!» (URL: https://twitter.com/kreativedone/status/357833929379676161).

[2] Ср. некоторые твиты участников митингов: «Летние ночи, все на Манежку короче!» «Навальный сидит. ЖЖ лежит. Путин — идиот. Манежка ждет! #судвкирове» (URL: https://twitter.com/tagannative/status/357944414494146560; https://twitter.com/ChoShto/status/357859658901364737).

муникации. При всем желании убедить и привлечь на свою сторону участники коммуникации ввиду высокой скорости обмена сообщениями не предпринимают для этой цели последовательных попыток, напротив, легко обрывают диалог, встретив малейшее возражение («Не буду переубеждать», «смысл беседы — 0, мы говорим на разных языках»). Эмоциональный накал и речевая экзальтация отвлекают от сути сообщения и главных аргументов, еще более отдаляя от цели переубеждения идеологических противников и привлечения на свою сторону людей без четкой идеологической позиции. Лаконичный Твиттер к тому же часто используется просто для *talking cure («лечение разговорами»),* как средство избавиться от нервного напряжения, поэтому мы находим в собранной коллекции твитов разнообразные выражения разочарования, страха, испуга, злости, боли, стыда, ярости, для которых задействованы все эмотивные и экспрессивные средства языка, — и все эти краткие или более развернутые, зачастую состоящие только из брани высказывания не нуждаются в собеседнике и не ждут ответной реакции.

Еще один недостаток интернет-дискурса — это многократно описанный *слактивизм* — предмет самоиронии и рефлексии, типичной для российской оппозиции, а также жесткой критики со стороны ее противников («Что вы сделали для смены режима? — Мы вывели тег #манежка в топ твиттера»; «Самые политически активные граждане сегодня устроят революцию в твиттере»; «День пафосных речей вконтакте. Хватит пафоса, поднимите попы уже #Навальный»)[1]. И, наконец, *тиражи-*

[1] Один из типичных примеров слактивиста — московская студентка, которая 18 июля написала за несколько часов идущего митинга 164 твита на его тему, порой со скоростью один твит в три минуты. Один из первых твитов о трудной дилемме — пойти на Манежку или на занятия с репетитором по английскому языку, которую она решила в пользу английского. Даже несмотря на то, что английский у нее

рование одного и того же популярного контента еще более усугубляет драматическую невозможность вести диалог в Интернете — драматическую потому, что коммуникация все более интернетизируется, тогда как развитие социальных движений зависит от успешности коммуникации.

Однако несмотря на названные выше жанровые особенности Интернета, оказывающие скорее деструктивный эффект в расширении и укреплении протестного движения, как всегда, когда дело касается взаимовлияний Интернета и общественно-политических процессов, существует и параллельный конструктивный эффект, который становится заметнее от митинга к митингу. Расширяется информирующая функция Интернета: 18 июля любой, кто пользуется Твиттером, видел топовые хэштеги, пользующийся интернет-поиском обращал внимание на горячие новости дня и т. д.; таким образом, даже дистанцирующаяся от политической жизни часть россиян получила информацию о протесте[1] именно при помощи Интернета. В информировании

кончился в 20:30, она не отправилась на Манежку, где люди стояли до полуночи, а посмотрела программу «Время» и подробно описала в Твиттере версию происходящего, предложенную государственным телевидением. Среди тем обсуждения самой частой в ее ленте была «пора валить в Бриташку», а также постоянные инструкции по проведению Манежки с сетованиями, что «митинг не организован», «надо идти в другое место» и т. п. Из активных действий она предложила себя в штаб Навального как юриста, но не в качестве волонтера, а оставив данные на случай, если штаб захочет ее нанять.

[1] Так, например, произошло с мужчиной 30–40 лет из Самары — он узнал о событии из Твиттера (хотя в Самаре на центральной площади шел митинг) и стал задавать уточняющие вопросы. Однако, как мы видим из его следующих твитов, потом он поговорил с «батей» и его знакомым и пришел к выводу, что протестовать не стоит, так как эта тема «близка москвичам», потому что у него, «в глубинке», «дороги делают» и «квартиру дало государство», и никаких претензий к власти у него и его близких нет (URL: https://twitter.com/ShleyFF/status/357810317956354049).

участвовали и те же самые, на первый взгляд вредные для дела протеста нелепые шутки, троллинг и стеб, так как они достигали самой массовой и далекой от протеста аудитории («По шуткам в твиттере понял, что Навальному дали пять лет»). Они же помогали преодолеть страх репрессий и повлиять на атмосферу на митингах, где царила бесшабашная беззаботность.

Более того, по ходу митингов, как мы видели, их участники и сочувствующие старались изобретать новые методы использования Интернета для задач оппозиции. К ним относится упоминание лаконичного прооппозиционного хэштега (#Занавального) в каждом твите и ретвите, которое продвинуло его в тренды российского Твиттера, сделав таким образом тему видимой всем пользователям[1]. 18 июля это был единственный популярный мобилизационный тег, который работал на задачи протестного движения, к тому же, ввиду своего содержания, не совсем удачно. Исходя из негативного характера российской протестной консолидации, лозунг «против», а не «за» мог бы привлечь на улицы больше народа, и антивластные хэштеги, объединяющие все важные лозунги (например, «#НаМанежкупротивПутина»), вызвали бы отклик у большего количества оппозиционно настроенных россиян, в отличие от лозунга «#Занавального», который близок только части либералов.

Понятно, что с увеличением запроса общества на свободную информацию и другие перемены в социально-

[1] С другой стороны, не стоит пользоваться призывами «Распространяем материал по теме», так как это прямо указывает на «накрутки» и производит плохое впечатление, более того, используется противниками оппозиции. А также нужно избегать их хэштегов, даже с целью критики (выше приводился подобный твит, обличающий пропутинских создателей тега «селворик», автор которого употребил этот тег в своем твите), так как любое использование тега добавляет ему популярности. Именно это и произошло 18 июля, так как тег «селворик» тоже оказался в десятке самых популярных тегов дня.

политических условиях потенциал Интернета будет все более и более востребован. С другой стороны, сам по себе Интернет, его потенциал, его технологические возможности развиваются настолько стремительно и столь непредсказуемо, что исследователей взаимодействия Интернета и общества ожидает множество новых открытий относительно его участия в развитии идеологических движений. Для продолжения и развития протеста необходимо сочетание многих факторов помимо коммуникации в Интернете, но все современные общественные процессы совпадают с ростом социетальных влияний Интернета, быстрой интернетизацией политической жизни, в результате которой возникают новые традиции обмена информацией и специфическая культура коммуникации, увеличивается число коммуникативных полей, к которым одновременно подключен индивид, усложняется структура идологических идентичностей и изменяются те черты, которые нам удалось выделить в этой главе, дополняя «портреты» идеологических идентичностей россиян в эпоху политической турбулентности.

ГЛАВА 6

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ «РУССКОЙ ВЕСНЫ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Данная глава посвящена выявлению важнейших тенденций социально-политического развития постсоветской России. Автор, используя накопленные за четверть века «Левада-Центром» материалы социологических опросов, показывает специфику эволюции российского общества. Траектория этой эволюции далека от той, которую рисовали теории, исходившие, в начале 1990-х гг., из иллюзорных надежд на его последовательное движение к демократии и либерализму. В действительности же наблюдается другой вариант развития — в сторону нарастания авторитарных тенденций с угрозой их трансформации в тоталитарные формы. Особое внимание в главе уделено изучаемому в книге периоду (2011–2014 гг.). Автор пытается объяснить причину смены социальных движений между периодами, названными в книге «Русской зимой» и «Русской весной», а также вскрыть механизмы массовой поддержки политики Кремля по отношению к Украине. Важная часть главы посвящена анализу реальной поддержки в обществе тех идеологических движений, которые были выделены методами дискурсивного анализа при изучении интернет-сообществ.

Высокий уровень массового одобрения аннексии Крыма и российской политики по отношению к Украине, поразивший многих политологов и либеральных обозревателей, часто связывается ими **с подъемом русского национализма**, выразителем которого, как считается, и явился Владимир Путин[1]. Однако, как показы-

[1] Примечание редакторов. Лев Гудков и те «политологи и либеральные обозреватели», о которых он пишет, определяют массовое одоб-

вают социологические исследования «Левада-Центра»[1], рост национализма в России не был спонтанной реакцией общества на события в Украине. Европейский выбор соседней страны, ее переориентация с Москвы на Евросоюз первоначально не вызывали какой-либо враждебности в российском обществе. Так, в ноябре 2013 г. 65–70 % россиян считали, что России не следует вмеши-

---

рение российской политики в контексте «Русской весны» как *русский национализм* и дискутируют лишь о том, когда и почему начался его подъем. У нас другое мнение: мы полагаем, что «Русская весна» — это инспирированная властями квазипатриотическая мобилизация, эксплуатирующая не столько националистические, сколько массовые великодержавные, шовинистические, то есть *имперские* настроения, характерные для разных идейно-политических течений российского социума. При этом у русских националистов они зачастую проявлялись в меньшей мере, чем у левых сил и провластных конформистов. Такие активисты «Русской весны», как певец Иосиф Кобзон или лидер Чеченской республики Рамзан Кадыров, вряд ли могут быть названы русскими националистами, они выступают в качестве неизменных противников национализма, в то время как ряд ведущих современных теоретиков русского национализма (Константин Крылов, Владимир Тор, Алексей Широпаев и др.) постоянно подчеркивают его противоположность имперской идее. Эти русские националисты в конце 2013 — начале 2014 г. как раз подержали Майдан как национал-демократическую революцию, что, в частности, отличает их от последовательных адептов имперского сознания (см. главы 2 и 7).

[1] Все приводимые здесь и ниже данные опросов общественного мнения получены в ходе регулярных ежемесячных исследований «Левада-Центра», проведенных по общероссийской репрезентативной выборке (N=1600 человек 18 лет и старше). Результаты этих опросов доступны на сайте «Левада-Центра». См., например: http://www.levada.ru/30-07-2014/otsenka-politiki-rukovodstva-rossii-otnositelno-ukrainy; http://www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii; http://www.levada.ru/29-08-2014/ukrainskii-krizis-vnimanie-uchastie-rossii-budushchee; http://www.levada.ru/28-08-2014/sanktsii-otsenki-i-ozhidaniya; http://www.levada.ru/02-09-2014/prisoedinenie-kryma-k-rossii; http://www.levada.ru/16-10-2014/sanktsii-protiv-rossii-i-kontrsanktsii; http://www.levada.ru/22-10-2014/zhiteli-rossii-i-zhiteli-ukrainy-o-voine-otvetstvennosti-budushchem; http://www.levada.ru/16-10-2014/ukrainskii-krizis-uchastniki-peremirie-otsenki-i-ozhidaniya; http://www.levada.ru/09-09-2014/vladimir-putin-udachi-i-neudachi-sila.

ваться во внутриукраинские дела, тем более — оказывать военное давление на одну из сторон конфликта; большинство полагало, что эти проблемы следует решать самим украинцам. Тем не менее уже тогда 29 % российских граждан считали подобные планы Киева «предательством славянского братства», чему следует противодействовать всеми доступными средствами.

Зависимость и последовательность событий здесь иная: падающая поддержка Путина в российском обществе заставила Кремль искать средства и источники для подавления внутрироссийской оппозиции и дискредитации гражданского общества, выступающего с острой критикой власти. Более чем понятная для россиян аналогия между Майданом (как ненасильственным изменением системы власти в условиях авторитарного правления) и массовыми демонстрациями протеста в Москве и других городах России в 2011–2012 гг., с одной стороны, и параллели между авторитарным и коррумпированным режимом Януковича и режимом Путина, с другой, вызвали страх в Кремле и стали причиной для развязывания беспрецедентной по агрессивности и демагогии антиукраинской кампании.

Российское руководство со времени «цветных революций» было чрезвычайно обеспокоено стремлением бывших республик СССР выйти из зоны влияния России. Вступление в ЕС или в НАТО означало одновременно крах в этих странах постсоветских диктаторских или персоналистских, в любом случае — недемократических структур господства. Любое осуществление подобных планов разрушало бы геополитическую конструкцию, старательно возводимую Путиным, — воссоздание своего рода аналога СССР, но в «уменьшенном» масштабе. России в этой конструкции отводилась доминирующая роль, что крайне важно для сохранения легитимности нынешней российской власти, поддержания у населения образа страны как мировой, «великой», а не просто крупной

региональной державы. Озабоченность идеологической «заразой» — влиянием ценностей западной демократии или непрекращающейся «экспансией» НАТО — заставляет российский режим и его активных сторонников (своего рода «коллективного Путина») рассматривать все события, от движений протеста против фальсификации выборов в России до массовых митингов и выступлений против авторитарных режимов на Севере Африки или Ближнем Востоке, как цепь заговоров и подрывных действий, инспирированных Госдепом, ЦРУ или другими спецслужбами с целью установления мировой гегемонии США и их союзников. Какими бы соображениями или скрытыми мотивами ни обосновывалось это публично выражаемое понимание происходящего: профессиональной паранойей чекистов, пришедших к власти (и убежденных в планах Запада ослабить Россию, захватить ее территорию или ресурсы), комплексами проигравших в холодной войне или лицемерным оправданием своего узурпирования власти, защитой материальных интересов элит, — суть подобной политики одна — упорное навязывание населению идеи враждебного окружения страны, наличия многообразных угроз «национальным интересам» (безопасности страны, ее территориальной целостности, экономике, культуре, ментальности или «духовности», ее традициям)[1].

Эта идеология на наших глазах обретает черты коллективной метафизики — «вечного противостояния» России и Запада как особых, закрытых «цивилизаций». Эта реакционная утопия, возрожденная в новых по срав-

[1] Под национальными интересами в данном контексте понимаются лишь интересы путинской элиты — коррумпированной высшей бюрократии, назначенных «олигархами» предпринимателей, служащих кошельком для кремлевского руководства, силовиков, использующих средства легального насилия для собственного обогащения и подавления или уничтожения оппонентов и конкурентов.

нению с XIX веком одеждах (см. главу 2)[1], заменяет умершую ранее идеологию классовой борьбы и противостояния двух мировых систем (социализма и капитализма). Но функция ее (почти по Карлу Маннгейму) по-прежнему заключается в консервации ставшей безальтернативной институциональной системы господства и — обратным светом — дискредитации идеологии либерализма, «открытого общества», модернизации, возвращения на общую для всех стран дорогу мирового развития, глобализации и — что главное — сознания необходимости систематических реформ как условия роста, процветания, технологического прогресса. Содержательно, сам по себе, этот набор идей представляет принципиально эклектическое собрание разнородных догматических утверждений, объединенных общностью «Большого стиля» — пафосом прославления величия «государства как нации». Будучи сведением ключевых символов и мифов о разных исторических эпохах России (империи и колониальной экспансии, сталинской индустриализации и милитаризма советского времени, становления казенного православия и декадентства Серебряного века, народничества и славянофильства, русского геополитического фашизма и культуры просвещения), идеология «возрождения» обретает свойства «достоверности» и убедительности, поскольку каждая из разных групп населения узнает, точнее, опознает в этом агломерате высокопарных рассуждений о миссии или статусе России нечто свое, знакомое, а сама гетерогенность мифов и идеологем воспринимается как свойство «объективности», внепартийности и истинности. То, что эти суждения предельно клишированы, пошлы в интеллектуальном плане, банальны и примитивны, что это давно отработанный риторический материал, оказывается не недостатком, а достоинством этой идеологии, условием ее суггестивного воздействия на массы.

---

[1] Здесь и далее отсылки к главам этой книги сделаны ее редакторами.

Тотальная и агрессивная пропаганда реанимировала мифы и идеологемы русского имперского национализма (об этом термине см. главу 2) и привела российское общество в возбужденное состояние мобилизации. Но пропаганда не была бы действенной, если бы она не затрагивала глубоко лежащие комплексы национальной неполноценности, многочисленные травмы и болезненные переживания, сопровождающие сознание повторяющихся абортов модернизации, неудач догоняющего развития. Только в этом смысле Путин может считаться выразителем настроений российского большинства, будучи политиком, представляющим и эксплуатирующим фантомы и неврозы ущемленного и несчастного массового сознания. Бескровное (по всей видимости, бескровность здесь — очередной миф) присоединение Крыма, при всей двусмысленности его официального оправдания, стало символом успеха путинской политики в глазах россиян: «Россия защищает своих», «Россия после стольких лет слабости вновь обретает мощь и традиционный авторитет великой державы», «Россия возвращает свои утраченные ранее территории» и т. п.

Таблица 2[1]
Поддерживаете ли вы присоединение Крыма к России?, 2014 г.*

	Март	Май	Октябрь
Определенно за	57	54	55
Скорее за	31	36	31
Сумма «за»	*88*	*90*	*86*
Скорее против	6	4	7
Определенно против	1	1	2
Затрудняюсь ответить	4	5	5

[1] Все таблицы предоставлены для публикации «Левада-Центром».

* В марте и мае вопрос задавался в следующей формулировке: «Вы лично за или против присоединения Крыма к России?»; N=1600 человек

Таблица 3

Почему вы поддерживаете присоединение Крыма к России?, октябрь 2014 г.

Потому что Крым — это русская земля	74
Потому что иначе жители Крыма могли бы подвергнуться насилию со стороны украинских правых радикалов	36
Потому что иначе Крым был бы насильственно украинизирован	16
Другое	1
Затрудняюсь ответить	2

N=1600; в % от тех, кто поддерживает присоединение Крыма; опрошенные могли отметить несколько вариантов ответа

Таблица 4

Какие чувства вызывает у вас решение руководства России о присоединении Крыма к Российской Федерации?, 2014 г.

	Март	Апрель	Август	Сентябрь*	Октябрь*
Чувства торжества справедливости	31	30	30	7	10
Радость	19	23	16	4	4
Гордость за страну	34	38	37	18	18
Одобрение	47	46	40	39	44
Неодобрение	3	3	3	7	6

Продолжение таблицы 4

Протест, возмущение	<1	<1	2	2	3
Стыд, отчаяние	<1	<1	<1	1	2
Тревогу, страх	3	3	3	13	12
Никаких особых чувств	7	11	9	17	16
Затруднились с ответом	1	2	2	7	6

* В сентябре и октябре в формулировке «Какие чувства вызывает у Вас политика России в отношении Украины?»

N=1600 человек; сумма ответов больше 100 %, опрошенные могли отметить несколько вариантов ответа

Из данных, приводимых в таблицах 3 и 4, видно, что доминирующим мотивом для пробуждения национального самоуважения стала именно аннексия Крыма, а не «защита своих». Изменение формулировки вопроса дало резкое снижение удовлетворения от характера российской политики по отношению к Украине, хотя поддержка действий руководства страны на протяжении 2014 г. не ослабла (см. табл. 2).

Поднятая волна национальной гордости и патриотической солидарности восстановили легитимность и доверие к действующей власти. Рейтинг Путина после Крыма вырос за один только месяц в полтора раза. Готовность голосовать за него на будущих президентских выборах поднялась с 28 % (декабрь 2013 г.) до 56 % (март 2014 г.) и остается на том же уровне до настоящего времени (опросы, проведенные 24–27 октября 2014 г.). Но одновременно с ним выросли и другие социальные показатели: общественного самочувствия, массового оптимизма, одобрения правительства и Госдумы (чего не было очень давно — отношение к ГД, к российским политикам все последние годы было явно негативным и неуважительным),

оценка деятельности других органов власти (например, полиции) и т. д.[1] Заметно ослабли обеспокоенность и острота таких проблем, как всеобщая коррупция в госструктурах или положение на Северном Кавказе.

Все вместе это указывает на редко фиксируемую в социологических исследованиях эмоциональную атмосферу общей консолидации, возникающую в результате серьезной угрозы всему целому или утраты особых достижений, символически обозначающих наивысшие ценности общества, заставляющих людей переживать чувство взаимной сопричастности к чему-то, что выше частных интересов, что объединяет их и придает им сверхценное сознание национальной общности. За 25 лет работы социологи Левада-Центра наблюдали такие состояния лишь три раза: в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (перестройка и крах коммунистической системы), в 1999 г. (на фоне глубокого экономического и социального кризиса, второй чеченской войны, терактов в российских городах, создавших особый фон беспросветности и острых ожиданий появления авторитарного вождя или диктатора) и в настоящее время.

Рассмотрим эти проблемы и процессы национальной, вернее, имперской мобилизации[2] последних месяцев более детально. Начнем с предыстории.

---

[1] *Гудков Л.* Путинский рецидив тоталитаризма // Pro et Contra. 2014. № 3–4 (63). С. 129–147.

[2] Речь идет исключительно о виртуальной или символической «мобилизации», поскольку одобрение действий властей в данном случае не сопровождается готовностью нести издержки в виде снижения доходов или сокращения расходов на социальные программы, массово выходить на митинги в поддержку власти или вообще как-то чувствовать свою ответственность за украинскую политику. На вопрос (октябрь 2014 г.) «Если бы Ваш сын решил поехать воевать на стороне ополченцев на Восток Украины, как бы Вы к этому отнеслись?» лишь 13 % одобрили бы такое решение, 68 % опрошенных заявили, что попытались бы его отговорить, и 19 % затруднились ответить (фактически присоединяясь к мнениям большинства).

Идеологические ресурсы российского населения

Следует принять во внимание, что за год до украинского кризиса и резкого поворота в российской политике социологические исследования «Левада-Центра» зафиксировали рост массовой диффузной ксенофобии, достигшей к октябрю 2013 г. максимальных значений за весь 25-летний период исследований (1989–2014 гг.) (см. диаграммы 1–2). После ликвидации слабых демократических институтов в России и замены их в середине 2000-х механизмами «управляемой» или «суверенной демократиии» сфера политики как область открытой конкуренции политических партий, публичных дискуссий о целях национального развития, социальных проблемах, способах их решения, цене и средствах их реализации, представленных в политических программах различных партий, как прокремлевских, так и оппозиционных, характере и смысле внешней или военной политики и т. п., практически полностью исчезла. Прекратилось обсуждение социальных проблем, то есть общественная рационализация способов, цены и средств их решения, изложенных в политических программах как прокремлевских, так и оппозиционных партий. А это означает, что исчезло и сознание ответственности людей за проводимую руководством страны политику (см. диаграмму 3). Общество оказалось полностью отделено от механизмов принятия государственных и политических решений и лишено контроля над их осуществлением. Политика, в особенности международная, приобрела совершенно закрытый характер, ее результаты не подлежали критике и рациональному обсуждению, они могли быть лишь предметом одобрения и аккламации[1].

[1] На вопрос: «В какой мере вы согласны или не согласны с высказыванием “*Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не-*

Социальное недовольство и напряжение, особенно сильное в провинции, не находило себе выхода, а значит — и не могло быть рационализируемым в ходе публичных дискуссий.

Следствием этой блокировки механизмов и процессов общественного мнения стали рост чувства несправедливости сложившегося социального порядка, сознание «испорченности», коррумпированности власти на всех уровнях, прежде всего — тех структур, которые должны были бы поддерживать правопорядок и защиту населения (полиция, местная администрация, суд и т. п.). Реакцией на эту склеротизацию власти оказались не общественные движения, легальные и общепринятые политические формы самоорганизация общества, а все более частые столкновения отдельных групп населения с органами власти (по самым разным поводам — от забастовок и трудовых конфликтов до перекрытия дорог из-за ДТП и других правонарушений, совершаемых местными чиновниками). За этим последовали и межэтнические эксцессы, погромы, выход на улицы и манифестации националистической молодежи. Публичный характер эти конфликты приобрели в декабре 2010 г.: выход на Манежную площадь московской молодежи был лишь столичным выражением накопившихся напряжений, прорывавшихся и ранее, но только в провинции — в Кондопоге, Сагре, на Ставрополье и в других местах.

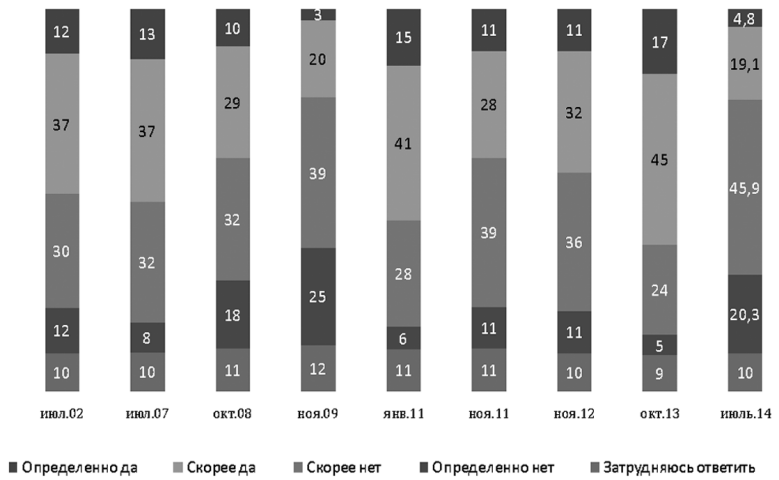
Массовые демонстрации протеста в крупных городах в 2011–2013 гг. приобретали все более антипутинский, антикоррупционный и политический характер. Это было выходом на поверхность того диффузного

права?"», — 49 % в сумме ответили «согласны», 16 % — «нет» (13 % — «скорее не согласен» + 3 % — «совершенно не согласен»), остальные (35 %) предпочли уклониться от ответа или затруднились дать определенный ответ. Племенная солидарность, проявленная в этом примере большей частью населения, стерилизует и подавляет моральное сознание меньшинства.

и неоформленного недовольства властью, которое накапливалось после кризиса 2008 г. Одним из проявлений глубинного недовольства населения, при слабом осознании его причин, выступали этнические фобии — неприязни, страхи и антипатии, а их основными объектами стали кавказцы и мигранты из Средней Азии. Впрочем, эти феномены обществом, не подготовленным к осознанию природы этих напряжений, воспринимались как отдельные иррациональные эксцессы. Когда же началась имперская консолидация, то она на миг притупила не только антиправительственные настроения, но и внутрироссийские межэтнические противоречия. Это хорошо видно по материалам опросов 2014 г.

Диаграмма 1[1]

Возможны ли в настоящее время в России массовые кровопролитные столкновения на национальной почве?



[1] Все диаграммы предоставлены для публикации «Левада-Центром».

Диаграмма 2
Поддерживаете ли вы лозунг «Хватит кормить Кавказ»?

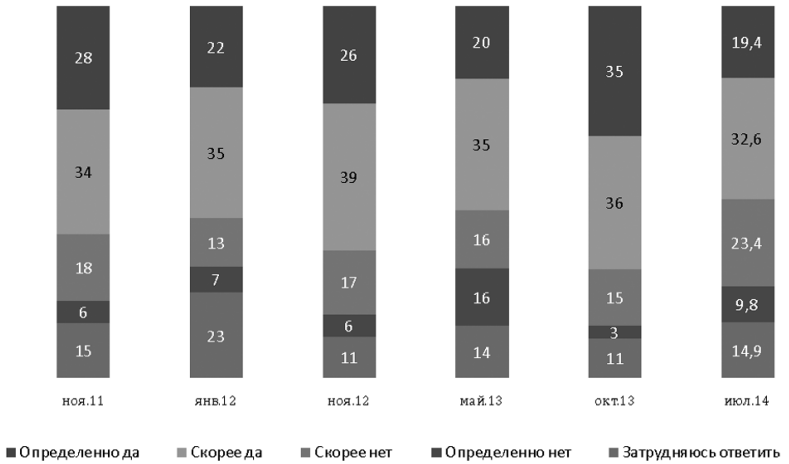


Диаграмма 3
Участие в политике

Лозунг «Хватит кормить Кавказ» (диаграмма 2) на протяжении последних трех лет поддерживали от 56 % до 71 % (пик, как уже говорилось, приходится на осень 2013 г.), не поддерживают в среднем — 20–24 % (минимальный показатель неодобрения с такой постановкой вопроса получен осенью 2013 г. — 18 %). Вместе с тем украинский кризис оттянул на себя рессентимент и привел к смещению агрессии, дав рост имперских настроений.

Особенностью этого подъема ксенофобии в последние годы стало то, что максимальные показатели агрессивного национализма и нетерпимости (по крайней мере — на словах) демонстрировали группы, обладавшие наибольшими социальными ресурсами: высоким социальным положением и уровнем образования, доходами, социальным капиталом, — а значит, и бóльшими возможностями влиять на другие слои населения. (Ранее носителями ксенофобии были социальные низы и периферийные группы населения.) Риторика ксенофобии и необходимости борьбы с мигрантами была в центре предвыборных дебатов всех кандидатов на местных и региональных выборах летом 2013 г. (см. диаграмму 1).

Сам по себе подъем аморфных и нерационализируемых ксенофобных настроений, отсутствие их проработки в форме политических дискуссий отражали слабость и подавленность партийно-политических образований в России — или, если смотреть на это несколько глубже, слабость, незначимость, неавторитетность интеллектуальных, культурных и научных элит, их зависимость от государства, сохраняющуюся по инерции от советских времен. «Элиты» этого рода[1], лишенные

[1] Ю. Левада называл их «заместителями элит» или назначенными быть «элитой». См.: *Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.* Проблема элиты в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

доступа к средствам массовых коммуникаций, практически не участвуют в обсуждении не только по своей природе политических вопросов, но и шире — общественных (например, политики памяти), моральных, эстетических, религиозных и т. п. А это значит, что сохраняется или даже увеличивается разрыв между разными социальных группами, нарушены межгрупповые коммуникации в обществе, не ведется работа с соответствующими дискурсами массового сознания. Тем самым результаты интеллектуальной и духовной работы самых важных групп, держателей специализированных ресурсов знаний, техники мышления, истории, не выходят за рамки самих этих групп, не оказывают влияния на программы политических партий и общественных организаций. В итоге массовое сознание абсорбирует лишь самые простые стереотипы представлений о социальной реальности, но их концентрация с течением времени оборачивается прогрессирующей патологией знаний о действительности, о самих себе и других. Накапливающиеся мифы и предрассудки общественного мнения не просто обедняют картину современных процессов, но и ведут к умственной и моральной деградации, примитивизации общества, внешне выражающейся в форме архаизации социальных практик, структур власти и взаимодействия с ними населения.

По глубокому убеждению населения, политические партии, родившиеся из развала советской номенклатуры, были не в состоянии выражать интересы широких слоев российского общества. В общественном мнении они представали как чужеродные явления двух разновидностей: либо как образуемые Кремлем бюрократические электоральные машины, либо как клановые группировки, формирующиеся для борьбы за распределение казенного пирога или демонстрации поддержки власти.

Основные идеологические ориентации

Самые ранние исследования основных идеологических ориентаций были проведены лишь весной 1990 г., когда, собственно, забрезжила перспектива радикальных институциональных изменений. В общественном мнении тогдашнего советского общества такие варианты общественно-политического и государственного устройства, как «строй свободного капитализма» (который сегодня можно было бы отождествить со взглядами либералов), были привлекательными (или казались реалистичными) всего для 6 % опрошенных. Основная же масса отдавала свои предпочтения «демократическому социализму» в духе Перестройки (52 %) или туманной «шведской» модели социал-демократии и общества благосостояния, с сильным упором на социальную справедливость, уравнительное распределение, но и на правовое государство (25 %). Возврата к сталинской системе хотели бы лишь 4 %, что, как и склонность к либерализму, можно считать взглядами маргинального меньшинства.

Таблица 5
Каким бы вы хотели видеть Советское государство в будущем?, апрель 1990 г.

Социалистическим государством сталинского типа	4
Демократическим социалистическим государством	52
Социал-демократическим государством шведского типа	25
Капиталистическим государством американского типа	6
Другое	4
Затрудняюсь ответить	9

N=500 человек (российская подвыборка во всесоюзном опросе), в % от числа опрошенных

К концу 1990-х гг. значительная часть населения, разочарованного результатами гайдаровских реформ, разуверившегося, дезориентированного и погрузившегося в состояние глубокой фрустрации, депрессии, отказывалась от идентификации по идеологическим или политическим критериям. На вопрос в декабре 1998 г. «Какой из действующих в России политических сил вы лично симпатизируете?» ответы распределились следующим образом: 42 % опрошенных заявили — «никакой» (а вместе с теми, кто затруднился с ответом, доля таких «индифферентных» составила 58 %); 22 % — «коммунистам»; «демократам» (то есть остаткам партии реформаторов, «правым») — 10 %. Свою близость к «патриотам» (национал-патриотам или «крайне правым») обозначили 3 % опрошенных; столько же — к «правым центристам» (3 %); к «социалистам» и «левым центристам» еще меньше — 2 % и 1 % соответственно.

Абсолютное большинство в конце периода российских реформ, перед приходом Путина к власти и началом второй чеченской войны не поддерживали ни одно из действовавших тогда политико-идеологических течений, не идентифицировали себя с ними и не сочувствовали никому из их лидеров, дистанцируясь от большей части общественных организаций.

Таблица 6

Как бы вы могли определить свои политические убеждения или склонности?, апрель 1999 г.

Демократ	14
Патриот	14
Коммунист	10
Либерал	4
Социалист	3

Продолжение таблицы 6

Центрист	3
Консерватор	3
Антикоммунист	3
Анархист	<1
Другое	<1
Не имею никаких политических убеждений и склонностей	38
Затрудняюсь ответить	12

N=3000 человек (открытый вопрос); ответы ранжированы, поскольку некоторые респонденты относили себя к разным политическим течениям; в % от числа опрошенных

Легкость, с которой авторитарный режим подавил свободу политической деятельности и ввел цензуру в СМИ, объясняется в первую очередь именно отсутствием серьезного сопротивления со стороны общества. Контроль президентской администрации над основными информационными каналами был установлен уже в 2002–2004 гг. Одно это уже может свидетельствовать о неразвитости, о недифференцированности социума.

Политико-идеологические взгляды населения можно было описывать как инерционное множество не очень определенных или диффузных представлений о «социализме с человеческим лицом», родившихся еще в середине 1960-х гг. Этот несколько гуманизированный советский вариант государственного патернализма предполагал наличие «социального государства», обеспечивающего «справедливое распределение национальных доходов», защиту неимущих и социально слабых групп населения. Речь уже идет

не о тоталитарной идеологии, требующей от населения жертв и дисциплины во имя построения небывалого, «нового общества», «светлого будущего», утопии благосостояния и равенства, а о массовых иллюзиях относительно государства, которое наконец повернется к обычному человеку и озаботится повышением качества его повседневной жизни, не в будущем, а «здесь и сейчас». При этом оправданные сомнения в отношении альтруизма местной власти и бюрократии, с которыми обычно человек имеет дело, сочетались или, вернее, превращались в неуверенные надежды на доброго правителя, отца или «лидера нации», заботящегося о народе.

Именно это подсознание поколения дефицитарной экономики брежневского застоя определяло доминанту массовых идеологических представлений в постсоветское время. Это основное течение дополнено вариациями на ту же тему патерналистского государства, а именно: каким образом можно достичь желаемого состояния. Одни респонденты считали свои взгляды «коммунистическими»; другие высказывали мнение о необходимости «твердой руки», способной навести «железный» порядок в стране, укротить коррупцию в среде бюрократии, подчинить олигархов, сделав их бизнес «социально ответственным», заставить их «перестать красть» и «вернуть награбленное народу»; третьи определяли себя как людей с русско-патриотическими убеждениями (что означает поддержку, по сути, той же самой политики, но ориентированной на обеспечение приоритетов русских), либо называли себя «аграрниками» и т.п.

Людей, сознательно ориентированных на западные модели правового государства, разделения властей, защиту личных свобод, прав человека и других принципов современного демократического общества, насчитывалось и насчитывается на всем про-

тяжении последних 15 лет сравнительно немного: 7–9 %, максимум в отдельные моменты — 12–15 % взрослого населения. Поэтому доктрина «суверенной» или «управляемой демократии» фактически ничего не искажала в этом понимании положения вещей, хотя и отдавала самым циничным образом риторическую дань иллюзиям либералов и демократов периода перестройки и гайдаровских реформ. Последующая политика медленного удушения конкуренции политических партий, ограничения, накладываемые на информационное пространство, включая Интернет, репрессии или прессинг в отношении общественных движений и организаций, а стало быть — сокращение сферы публичных дискуссий лишь закрепили это состояние.

Вместе с тем действия режима сами по себе не могут быть объяснением того, почему российскому обществу присуща такая степень неопределенности, невыраженности идеологических взглядов и позиций населения, хотя более половины россиян (примерно 55 %) все же способны идентифицировать свои идеологические установки. Это весьма устойчивый показатель, мало меняющийся на протяжении последних 10 лет. Вместе с тем открыто поддерживать, публично «артикулировать» собственные взгляды и позиции готовы не более 40–43 % респондентов. Бóльшая часть предпочла бы ретироваться при необходимости публично их отстаивать.

Идеологическое разнообразие российского общества оказалось стерилизованным, но не «уничтоженным», поскольку, строго говоря, уничтожать уже было почти нечего. Последующие замеры подтвердили значимость этого вывода и устойчивость массового поведения (а значит — неизменность институциональной организации общества).

Таблица 7

Каких политических взглядов вы сейчас придерживаетесь?

	2005 IV	2011 IV	2013 I	2014 III
Коммунистические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать классовые интересы; за государственную собственность на средства производства и государственную систему распределения социальных благ)	12	14	13	12
Социалистические и социал-демократические взгляды (государство должно обеспечивать социальную защиту населения в условиях рыночной экономики и частной собственности на средства производства)	28	30	31	30
Аграрные взгляды (прежде всего необходимо стимулировать развитие сельского хозяйства)	15	14	14	8
Русские национально-патриотические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать интересы русского народа)	10	9	9	10
Либеральные взгляды (за укрепление частной собственности и развитие рыночной экономики)	9	9	7	7
Режим «твердой руки» (вся власть в стране должна находиться в руках сильного политического лидера)	16	14	13	14
Другие ответы / нет ответа	10	10	13	19

N=1600 человек; в % к числу ответивших

Сторонники социалистических воззрений преобладают во всех социальных средах (колебания не превышают допустимой статистической ошибки); их чуть больше только среди людей с достатком, бюрократии (руководителей, специалистов, служащих), сохраняющих убежденность в значении и важности распределительной роли государства. Приверженность к взглядам, отличающимся от доминирующих, то есть более распространенных, меняется в разных социально-демографических группах.

«Коммунисты» представлены главным образом пожилыми и малообразованными респондентами, пенсионерами, людьми с низкими доходами. Напротив, либералов больше среди более молодых людей (от 18 до 40 лет), среди жителей столицы, предпринимателей и руководителей. «Националистами» чаще называют себя более молодые, образованные, амбициозные жители крупных городов, занимающие более высокие социальные позиции (предпринимателей, руководителей) а также — силовики, низовая бюрократия (служащие), то есть те группы, которые явно испытывают дефицит ценностей коллективной идентичности[1].

[1] Примечание редакторов. 1. Автор данной главы, исследуя социологическими методами российское общество, использует более дробную классификацию, чем авторы других глав книги, опиравшиеся на изучение дискурсов интернет-сообществ в 2012 и 2014 гг. Однако обе классификации не противоречат друг другу. При исследовании интернет-сообществ были агрегированы или иначе названы те же группы, которые выделили социологи, а именно: «левые» объединяют людей как с коммунистическими, так и социалистическими взглядами; сторонники «твердой руки» у социологов очень похожи на тех, кого исследователи интернет-коммуникаций назвали «провластными конформистами» и почитателями Путина как кумира; наконец, «портреты» русских националистов и либералов в обеих классификациях почти тождественны. 2. У социологов коммунисты представлены пожилыми и малообразованными респондентами, а в интернет-сообществах — преимущественно молодыми и образованными людьми. Эти различия хорошо объяснимы: в интернет-аудитории активнее молодые и образованные люди.

Таблица 8

Социально-демографические характеристики респондентов с различными политическими взглядами, март 2014 г.

	Коммунистические	Националистические	Либеральные	Социалистические	Сторонники режима «твердой руки»
В среднем	12	10	7	30	14
ВОЗРАСТ					
18–24	4	16	9	28	12
25–39	4	9	11	30	15
40–54	11	10	6	32	17
55+	25	9	3	29	10
ОБРАЗОВАНИЕ					
Высшее	9	12	8	34	13
Средне-специальное	12	12	7	32	13
Среднее общее	11	6	9	25	13
Ниже среднего	19	8	3	26	16
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ					
Москва	11	17	13	34	13
Большой город	9	14	5	35	11
Средний город	15	11	8	32	15
Малый город	13	7	9	26	10
Село	13	7	4	28	19
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС					
Денег хватает только на еду	20	11	4	27	13
Денег хватает и на еду, и на одежду	13	10	7	28	14
Можем приобретать товары длительного пользования	7	10	9	35	14
Можем покупать дорогие вещи (авто, квартиру и т. п.)	12	9	7	36	14

Продолжение таблицы 8

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС					
Предприниматель	8	15	15	26	11
Руководитель	10	15	10	34	7
Специалист	10	11	9	40	13
Силовик	0	14	7	34	0
Служащий	10	16	10	27	14
Рабочий	9	9	6	26	19
Учащийся	3	13	8	41	6
Пенсионер	26	8	2	29	10
Домохозяйка	4	12	12	27	20
Безработный	8	9	6	24	20

В % к числу опрошенных с выраженными политическими установками

Социалистическая модель теряет свою привлекательность. Ее называют, начиная с середины 2000-х гг., вдвое меньше опрошенных, чем во второй половине 1990-х гг., когда возвращение к советской системе многим казалось единственной возможностью выхода из кризиса или его преодоления. Даже общий подъем великодержавных, постимперских настроений после присоединения Крыма не обернулся особым усилением ностальгии по СССР, хотя некоторый их рост все же наблюдался.

Интересно, что «нынешняя система» не выглядит убедительной и привлекательной для абсолютного большинства россиян (см. таблицу 9), несмотря на всплеск патриотических чувств, вызванных аннексией Крыма (опрос, проведенный весной 2014 г., в сравнении с проведенным годом ранее, дал явный прирост ответов такого рода: с 8–10 % в 2006–2013 гг. до 15 %)[1].

[1] Методические различия (особенности формулировки вопроса) оборачиваются разным весом ответов о предпочтительности тех

На протяжении почти 20 лет, когда проводились соответствующие замеры, демократическая модель государства западноевропейского типа собирала предпочтения самой большей части опрошенных. На вопрос (декабрь 1998 г.) «Если бы только от вас зависело, какой будет Россия через 10 лет, то на жизнь какой из следующих стран вы бы хотели, чтобы она походила?», ответ «на себя» дали 25 % опрошенных, «на развитые западные страны» (в сумме) — 55 % (в том числе: на Германию — 16 %, США — 13 %, Швецию — 11 %, на Японию, Францию и Англию — по 4 %, на Австрию — 2 %, Италию — 1 %; открытый список включал более 20 стран). В ноябре 1999 г. одобрили бы идею вступления России в Евросоюз 66 %, 15 % были против; за присоединение к НАТО выступали 35 %, против — 52 % респондентов. Это не противоречит устойчивому воспроизводству враждебных или рессентиментных проекций россиян на страны Запада, которые обычно выступают в качестве недосягаемого и желаемого образца для России. Абсолютное большинство опрошенных (63 %) настаивали и настаивают на том, что развитые страны Запада не заинтересованы в экономическом подъеме России и не хотят, чтобы она входила в их число, с ними были не согласны 29 % (8 % затруднились с ответом; май 2002, N=1600).

или иных типов желаемого государственного устройства. Но во всех этих случаях значимость западной модели государства остается несомненной (табл. 12): ее приоритетность увеличилась в полтора раза за 16 лет (с 23 % в 2000-м до 37 % в 2014 г.). Дореволюционная империя собирает голоса 3–5 % населения, социалистическое государство вроде СССР — в среднем за несколько лет около 15 %. В кризисные моменты растет спрос на «гарантии социализма», а на западную модель — снижается.

Таблица 9
Если говорить в идеале, какой бы вы хотели видеть Россию в будущем?

	1998 IV	2006 IV	2007 IV	2013 III	2014 III
Такой, как сейчас	2	9	10	8	15
Такой, как развитые страны Запада	43	43	50	39	40
Такой, как она была во времена СССР	36	32	25	25	27
Такой, как она была до 1917 г.	5	5	4	7	3
Другое	5	5	5	7	6
Затрудняюсь ответить	9	6	6	14	9

N=1600, в % от числа опрошенных

Однако оптимистов, которые верят, что Россия в состоянии стать такой же развитой страной, как ведущие европейские страны или США, Япония или Канада, не слишком много — около четверти взрослого населения. Но еще меньше тех, кто пессимистически смотрит на будущее страны: «Россию ждет неминуемый распад и гибель» — так считают, в среднем за 20 лет, лишь 5 % (3 % в мае 2013 г.). Для россиян скорее характерно сохранение неопределенности в представлениях о будущем: доля «затрудняющихся ответить» хотя и снизилась за 20 лет с 41 % в 1994 г. до 30 % в 2014-м, но все равно остается самой большой по числу ответов, превышающей долю сторонников любого другого варианта (см. табл. 10).

Таблица 10

Как, по вашему мнению, скорее всего будет жить Россия лет через пятьдесят?

	1994 VIII	2000 IV	2012 V	2014 V
Россия станет такой же богатой и развитой страной, как страны Запада	24	25	21	25
Россия вернется на путь социализма и коммунизма	7	6	4	8
Техника, наука, вооружение будут на уровне западных стандартов, но жизнь людей будет совсем другой	20	23	28	23
Россия будет развиваться наподобие великих стран Азии — Китая, Индии	4	7	7	12
Россию ждет неминуемый распад и гибель	5	5	7	3
Затрудняюсь ответить	40	34	33	29

1994 — N=1500; 2000, 2012, 2014 — N=1600; в % от числа опрошенных

Интересно, что пессимистические оценки чаще давали крайние группы: с одной стороны, самые активные и образованные горожане, чаще москвичи, более обеспеченные и достижительски ориентированные, в том числе и предприниматели, а с другой — бедные, малообразованные, жители села. Напротив, «середина» демонстрировала максимум уверенности и иллюзий в том, что все будет как в «нормальных странах», богатых и развитых. Наибольший оптимизм и иллюзии относительно будущего проявились у учащихся, полагающих, что все идет к лучшему, так, как надо, что все устроится само собой.

В кризисные периоды нарастает стремление дистанцироваться от Запада, после кризиса, напротив, — «желание сотрудничать» с ним или по меньшей мере поддерживать те же отношения, что и до кризиса (табл. 11 и 12).

Таблица 11

Как вы считаете, России сейчас следует укреплять отношения с Западом или дистанцироваться от него?

	1998 IX	2000 VIII	2003 XII	2004 XII	2005 XI	2006 XI	2007 XI	2010 V	2011 VI	2012 VII	2013 V	2014 III	2014 IV
Укреплять отношения	61	74	70	74	73	77	75	78	74	76	71	61	40
Дистанцироваться	22	14	16	18	16	11	14	11	16	13	16	24	39
Затрудняюсь ответить	17	12	14	8	11	12	11	11	10	11	13	15	21

N=1600; в % от числа опрошенных

Таблица 12

Считаете ли вы, что руководство России должно стремиться к сближению с США или нужно соблюдать дистанцию в отношении с ними?

	2003 III	2007 II	2010 III	2011 II	2012 I	2012 III	2013 IV	2014 III
Стремиться к сближению	24	16	13	20	17	15	12	19
Соблюдать большую дистанцию в отношениях	38	39	36	33	38	39	43	36
Сохранять нынешние отношения	29	33	40	34	32	34	31	31
Затрудняюсь ответить	9	12	11	13	13	12	14	14

N=1600; в % от числа опрошенных

Однако все эти предпочтения почти неразличимы на фоне большой части населения, которая не в состоянии артикулировать свой выбор желаемой модели или образца государственно-политического устройства страны. В лучшем случае, они отказываются от любых общепринятых или распространенных клише (перечисленных выше), заявляя, что у России «свой особый путь» (17 %), в худшем — откровенно заявляют, что им все равно, какая в стране система власти, лишь бы им и их семьям было хорошо и спокойно (в марте 2014 г. — 22 %). В сумме эти две категории респондентов плюс «затруднившиеся с ответом» (на вопрос о предпочтительном типе государства) составляют примерно половину опрошенных (от 44 % до 57 %, в среднем — 50 %; см. табл. 13).

Таблица 13

Государством какого типа вы хотели бы видеть Россию в будущем?

	1998 XII	2000 III	2002 IX	2008 X	2013 V	2014 III
Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 г.	3	3	3	3	3	2
Социалистическим государством с коммунистической идеологией	17	15	20	10	12	17
Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	29	23	33	34	33	37
Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	13	19	14	19	19	18
Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	29	33	27	29	26	22
Затрудняюсь ответить	9	7	3	5	7	4

N=1600; в % от числа опрошенных

Эта индифферентная, дистанцирующаяся от политики масса и является основой политической системы в России[1]. Она является условием устойчивости авторитарного режима, требующего от населения не поддержки, а отсутствия сопротивления и минимальной демонстрации лояльности власти. Сумма позитивных оценок Путина, достигшая максимума к 2008 г., почти всегда (за исключением 2007–2008 гг.) была меньше, чем сумма индифферентных и безразличных мнений о нем (в среднем это соотношение составляло 36 % к 48 %), однако вес позитивных мнений почти всегда был существенно больше, чем доля негативных оценок (в среднем равная 13 %, но в годы массовых протестов поднявшаяся до 24–23 %, превысив долю положительных высказываний; см. табл. 14).

Таблица 14

Какими словами вы могли бы обозначить свое отношение к В. Путину?, 2001–2014 гг.

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Восхищение	4	5	4	4	4	6	9	9	4	3	3	2	6
Симпатия	34	37	38	30	32	32	38	40	31	28	20	18	31
Не могу сказать о нем ничего плохого	38	37	39	35	36	36	34	31	38	36	33	30	29
Нейтральное, безразличное	11	9	10	14	11	13	9	10	11	18	19	22	15
Настороженное	8	6	4	7	5	4	4	3	7	4	11	10	6
Не могу сказать о нем ничего хорошего	3	3	3	7	8	5	2	3	6	5	8	8	7
Антипатия + отвращение	1	1	1	3	2	1	2	1	2	3	5	5	2

[1] Описанию интернет-образа этой массы посвящена глава 1.

Продолжение таблицы 14

Сумма ответов «ничего плохого» + «безразличие»	*49*	*46*	*49*	*49*	*47*	*49*	*43*	*41*	*49*	*54*	*52*	*52*	*44*
+/-	3.2	4.2	5.2	2.0	2.4	3.8	5.9	7.0	2.4	2.6	0.9	0.8	2.5

N=1600; в % от числа опрошенных; число затруднившихся с ответом не приводится (их доля составляет 1–3%)

Таблица 15
Когда вы слышите об «особом российском пути», что прежде всего приходит вам на ум?

	% от ответивших	% от опрошенных
Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах «хозяев жизни»	31	23
Несоответствие ценностей и традиций России и Запада	23	17
Учет в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан	19	14
Необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угрозу нападения	11	8
Готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства	6	4
Преобладание интересов власти над интересами населения	4	3
Не думаю, что российское развитие должно отличаться от развития других стран	6	4
Не знаю, в чем, собственно, выражается «особый путь», ничего не приходит на ум	15	11
Ничего не слышал об этом	13	10
Затрудняюсь ответить	7	5

N=1600; сумма ответов больше 100 %, опрошенные могли отметить несколько вариантов ответа; ответы ранжированы

Ответы респондентов о значении понятия «особый путь» распадаются на три категории, разные по своему смыслу: первая (позитивная) содержит установки государственного патернализма (самопожертвование граждан ради государства, моральная сторона подчинения); вторая — угрозу врага, изоляционизм и антизападничество (что в функциональном плане дополняет первую группу значений)[1]. Наконец, третья группа — негативные определения, характеризующие концепт особого пути как пустое или идеологически наполненное словосочетание. Бóльшая часть этих респондентов не имеют представления о том, в чем «особый путь» заключается, небольшое число из них (в основном сторонники либеральных ценностей) резко негативно относятся к этой идее, справедливо полагая, что это не более чем демагогия власти, заинтересованной в том, чтобы блокировать всякую мысль о

[1] Патернализм предполагает «симфонию» государства и населения, но закрепляется психологией осажденной крепости, необходимостью консолидации подданных с властью и убеждением в готовности к существованию в мобилизационном режиме. Это не разные планы, а единый комплекс значений «особого пути». Поэтому на введение санкций со стороны западных стран после аннексии Крыма население России (по меньшей мере доминирующее большинство в две трети) отвечало готовностью все претерпеть ради «Крымнаш». Впрочем, такого рода декларации не очень дорого стоят, поскольку основная масса населения в первые месяцы после объявления санкций (и некоторого возмущения этим обстоятельством) была убеждена, что санкции будут касаться лишь узкого круга руководства страны, принимавшего решения, и что они никак не отразятся на широких слоях населения. Это — ситуация двоемыслия: декларативная поддержка и демонстрация лояльности при внутренней неготовности и нежелании нести за нее ответственность весьма характерны для массового сознания посттоталитарного общества. Лишь 5–7 % населения заявили, что они готовы нести любые издержки (включая согласие на сокращение социальных расходов государства, уменьшение зарплаты и пенсий ради Крыма и продолжения антиукраинской политики руководства страны).

возможности демократии в России. Во всяком случае, смысловая направленность этого понятия определяет его функцию — быть барьером против ценностных значений других, служить условием для негативной идентичности (общая сумма ответов такого рода составляет 55 %). Важно еще раз подчеркнуть, что в идее «особого пути» нет позитивного образа будущего, содержательного наполнения идеи этого «пути», национального развития, целеполагания; напротив, акцент делается на сохранении отношений подданных к власти, а не на формировании механизмов зависимости власти от населения[1].

Параметры идеологического и политического самоопределения. Комплексы общественного мнения

Для проверки гипотез о ведущих идеологических идентичностях российского общества в марте 2014 г. был проведен опрос общественного мнения, в ходе которого по разработанной Эмилем Паиным и его коллегами методике респондентам были заданы вопросы-тесты на идентификацию с различными политическими слоганами. В сентябре эти вопросы были повторены в регулярном ежемесячном исследовании (табл. 16 и 17). Преамбула гласила: «Представьте себе, что вы вышли на городскую площадь и там увидели колонны демонстрантов с различными лозунгами, приведенными ниже».

---

[1] О мифологии «особого пути» см. главу 7, а также: *Паин Э.* Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН, 2009; *Он же.* Будущее постимперских обществ XXI века. Нации, гражданский национализм и демократия // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. Спец. выпуск. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-postimperskikh-obschestv-XXI-veka–16008.

Таблица 16

**1. Какие из этих лозунгов наиболее близки лично вам?
2. К колонне с какими лозунгами вы бы скорее присоединились на демонстрации или митинге?, 2014 г.**

	Март		Сентябрь	
	Близки*	Готов присоединиться	Близки*	Готов присоединиться
1. «Я — русский!», «Россия для русских!», «Не бойся быть русским!», «России русскую власть!», «Русский помоги русскому!»	27	16	24	13
2. «Народовластие — прямая демократия — Советы!», «Пересмотреть итоги грабительской приватизации!», «Хватит кормить буржуев!», «Долой врагов рабочих людей!», «Власть миллионам, а не миллионерам!», «За социализм!», «За государственную поддержку работающего человека!»	19	13	16	11
3. «Путин — наша сила!», «Путин наша надежда!», «Кто, если не Путин!», «Путин — спасение России!», «За стабильность!»	13	9	16	11
4. «За европейский выбор России!», «Права и свободы человека — превыше всего!», «За вашу и нашу свободу!», «Нет дискриминации! Гражданское единство вместо национальной розни!», «За свободу слова! Прекратить политическую цензуру!», «Свободу политзаключенным!»	11	5	9	5
5. Ни один из них	26	18	34	23
6. Ушел бы с площади, увидев эти сборища	19	24	12	25
7. Затрудняюсь ответить	—	15	—	12
Сумма воздержавшихся (строки 5–7)	45	57	46	60

N=1600, в % от числа опрошенных, ответы ранжированы; * — сумма больше 100, так как некоторые респонденты могли идентифицироваться с лозунгами разных политических течений

Результаты первого замера, проведенного незадолго до развертывания антиукраинской пропагандистской кампании, не сильно отличаются от сентябрьского опроса, когда уже стали заметны признаки ослабления поднятой пропагандой волны возбуждения. Это указывает на то, что украинский кризис слабо отразился на характере полученных данных. Во-первых, в обоих случаях сохранилась иерархия предпочтений респондентов: наибольшую поддержку получили лозунги националистов, на следующей ступеньке до и после разгара украинского кризиса остаются «левые», третью строчку занимают сторонники Путина, и лишь последнюю — либералы-западники. И все же изменения произошли, и вполне очевидные: в период «Русской весны», массовой милитаризации сознания, все идейные движения утратили часть поддержки (особенно либералы), в то время как характерная для таких условий поддержка вождистских лозунгов возросла (типа «Путин — наша сила», а также «надежда» и «спасение»). Еще заметнее увеличилась доля тех, кто не поддержал бы ни одно из идейных течений. Группа «против всех» (в табл. 16 — это позиция 5 «ни один из них») оказалась самой большой в новых условиях — это мнение назвали близким к своему 34 % респондентов.

Интерпретация этого обстоятельства может исходить из разных оснований, но я бы здесь принял во внимание лишь две версии, взаимно друг друга дополняющие: 1) выделенные на первом этапе исследования (во время «Русской зимы») и описанные в этой книге типы идеологических течений оказались нерелевантными (или не слишком значимыми) для основной массы населения, *откликнувшейся* на усилия милитаристской пропаганды, так как совокупность этих течений образует устойчивую систему взглядов, нормальную для «спокойного времени»; 2) для приведения общества в возбужденное состояние националистической или патрио-

тической эйфории были использованы другие мотивы и смыслы, лишь косвенно затрагивающие перечисленные выше идеологические установки.

Пропаганда, нацеленная не только на дискредитацию самого украинского демократического движения (строительство национального, европейски ориентированного правового государства), но и на разрушение притягательности и силы европейских ценностей в целом, была направлена против российского антиавторитарного движения. Она била по другим чувствительным точкам массового коллективного сознания, более важным и лежащим глубже, чем собственно декларативная идентификация с «национализмом», «левыми», «либералами» или «провластными». Пропаганда затрагивала механизмы идентификации не просто на уровне идеологических ценностей (политические «свои/чужие»), но еще и по линии «человеческое/нечеловеческое», то есть она обратила сознание людей к значениям воспроизводства базовых представлений о норме, «естественности», жизни и смерти. Обращаясь к языку отечественной войны (речевые штампы «массовые расстрелы», украинские «фашисты», «киевские каратели», геноцид и т. п. в новостных передачах), пропаганда делала невозможной идентификацию российского обывателя с «нелюдьми» (фашисты — не люди). Точно так же и семантическое соединение темы педофилии с либерализмом, якобы массовых издевательств над детьми-сиротами из России в США с демократией, европейскими ценностями, правами человека, угрозой войны, заговором против России как страны «нормальных людей» (считающих себя таковыми, то есть отказывающимися признать «нормальность» других) и т. п. разрушало саму установку на понимание других, оборачиваясь самоизоляцией русских и утверждением самих себя в статусе исключительных людей, «последних в мире хранителей» осажденной не просто христианской веры и традиций,

ценностей, а даже собственно «образа человеческого». Этот барьер между «человеческим/нечеловеческим» более важен, нежели собственно идеологические или партийные разногласия. Поэтому патриотическая мобилизация захватывает практически всю массу населения, предельные для такого воздействия масштабы интеграции (80–86 %), а не какие-то отдельные сегменты ангажированной публики.

Около половины (45–46 %) опрошенных воздержались от оценки лозунгов и не идентифицируют себя ни с одним из них. Если усилить степень идентификации с той или иной идеологической позицией (не просто сочувствие, но и поддержка в виде участия в демонстрации под такими лозунгами), то мы получаем дальнейшее и весьма заметное сокращение доли идентифицирующих себя как общественно ангажированных людей (до 57–60 %). Расхождения между «близостью» к тому или иному набору лозунгов и «готовностью присоединиться» к пропагандирующему их движению в точности повторяются в сентябрьском опросе (последовательно по четырем типам лозунгов: «Я — русский» — минус 11 процентных пунктов, левый популизм — минус 5–6, провластные — минус 4–5 и, наконец, либеральные лозунги — минус 4 пп).

Кроме того, кросс-табулярное сопоставление свидетельствует, что идеологические предпочтения населения России достаточно аморфны и диффузны, поскольку значительная часть респондентов готова сочетать разные установки, не видя в этом большой проблемы и противоречия. Так, например, каждый третий «русский националист» считает себя сторонником Путина и одновременно готов поддержать постсоветскую популистскую риторику «народовластия» и некоторые лозунги коммунистов, но также несколько в меньшей степени (но тоже весьма значительный процент) — «европейский выбор» России (табл. 17 и 18).

Таблица 17

Какие из этих групп лозунгов наиболее близки лично вам? / К колонне с какими лозунгами вы бы присоединились на демонстрации или митинге?, 2014 г.

	Я – русский!	Народовластие – прямая демократия – Советы!	За европейский выбор России!	Путин – наша сила!
Число опрошенных	*438*	*298*	*171*	*214*
Я – русский!	100/53	23/16	33/14	32/16
Народовластие – прямая демократия – Советы!	16/9	100/57	20/10	17/9
За европейский выбор России!	13/3	11/6	100/39	9/3
Путин – наша сила!	16/8	12/4	12/8	100/50

в % от числа опрошенных; без затруднившихся с ответом

Степень готовности к «мобилизации» или степень консолидации различается у респондентов с разными идеологическими позициями. Более сильной мотивацией характеризуются националисты (у них самотождественность составляет 53 %) и левые, просоветские популисты (сторонники прямого народовластия, «советов», «советской демократии» – 57 %). Слабее всего – у прозападно настроенных либералов (39 %, при том что их и так численно меньше других идеологических «партий»). Либеральные взгляды кажутся не только менее распространенными, но и более слабыми в смысле интенсивности своего выражения (лишь 39 % этой, и так весьма малочисленной, фракции прозападно настроенных либералов, готовы выйти с прозападными лозунгами). Такой показатель может служить косвенным признаком аморфности этой

среды, отсутствия выраженного фокуса и значимости такой структуры идентичности (расплывчатости не только позитивного, но и негативного фактора идентичности, например четко выраженного образа врага).

Помимо этого, важно понять, как связана идеологическая идентификация россиян с социально-демографическими характеристиками (табл. 18).

Таблица 18

Социально-демографические характеристики респондентов, которые определились со своей идентичностью / присоединились к другим близким лозунгам, 2014 г.

	Я – русский		Советский популизм		Путинисты		Европейские либералы/ демократы	
	Близки	Присоединился	Близки	Присоединился	Близки	Присоединился	Близки	Присоединился
В среднем	24	13	16	11	16	11	9	5
ПОЛ								
Мужчины	25	13	18	12	12	9	8	5
Женщины	23	12	15	11	20	12	9	5
ВОЗРАСТ								
18–24	28	18	11	6	18	8	8	6
25–39	22	11	14	8	15	12	12	8
40–54	26	13	15	12	16	8	7	5
55 лет и старше	23	12	21	16	17	12	6	3
ОБРАЗОВАНИЕ								
Высшее образование	23	11	14	9	18	12	12	8
Среднее специальное	24	14	17	12	15	9	10	6
Среднее общее	22	12	13	10	17	10	7	6
Ниже среднего	28	13	19	15	14	11	3	<1

Продолжение таблицы 18

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС								
Денег не хватает даже на еду	19	13	15	16	13	10	6	3
На еду и одежду денег хватает, но покупка ТДП проблема	23	12	17	12	17	11	6	5
Могут приобрести ТДП	28	13	15	9	18	10	13	7
Могут позволить себе дорогие покупки (машину, квартиру, дачу и т.п.)	31	11	15	4	15	8	17	11
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ								
Москва	33	20	20	9	3	2	21	13
Большой город	29	11	15	13	22	16	9	7
Средний город	20	11	13	7	18	12	10	6
Малый город	18	13	17	16	12	7	5	3
Село	26	13	16	9	18	10	6	3
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС								
Предприниматель	23	8	9	10	4	7	4	7
Руководитель	26	13	9	4	19	11	19	13
Специалист	22	11	17	11	19	13	13	7
Силовик	17	5	15	13	24	17	3	6
Служащий	24	15	18	10	16	7	9	6
Рабочий	32	17	16	12	13	9	8	6
Учащийся	20	11	8	<1	21	10	6	8
Пенсионер	18	9	20	17	18	12	4	3
Домохозяйка	22	12	10	3	16	8	7	1
Безработный	29	15	5	15	14	12	5	3

в % от числа определившихся с выбором

(Русские) националисты — отличаются полярностью характеристик: среди них как образованные, так и необразованные; самые обеспеченные, жители Москвы и больших городов (среди националистов вообще больше, чем в других течениях, сравнительно обеспеченных респондентов — предпринимателей, чиновников и менеджеров) наряду с малообеспеченными рабочими

и безработными; самые молодые и здесь же сорокалетние. Однако твердые убеждения, готовность «действовать», открыто присоединиться к митингующей колонне с националистическими лозунгами характерны лишь для определенной группы — это прежде всего жители Москвы, молодежь, рабочие, служащие и безработные; заметно больше здесь и обеспеченных респондентов.

«**Путинисты**» — преимущественно женщины (их почти в полтора раза больше, чем мужчин), бедные, пожилые, чуть более образованные, скорее даже со средним специальным образованием, с умеренным достатком, жители больших городов. Однако готовы выйти на демонстрацию в поддержку Путина главным образом жители больших городов, особенно — силовики. В принципе в этой категории опрошенных заметно резкое снижение готовности к каким-то действиям, включая даже выражение солидарности с властью, все социальные экспликации смазаны.

Либералы — самые успешные и адаптированные к изменениям респонденты, относительно молодые (но не самые молодые), обеспеченные, успешные предприниматели, руководители, чаще москвичи.

Левые, или просоветские «коммунисты», представлены преимущественно людьми старших возрастов (63 % из них старше 55 лет и еще четверть — 40–50-летние люди), малообеспеченные, пенсионеры.

Отказ от выраженных идеологических или политических позиций, а также аморфность взглядов связаны с глубокой фрустрацией, вызванной институциональными изменениями в постсоветское время, разочарованием в результатах реформ, проводившихся после краха СССР. Это можно интерпретировать как следствие неадекватных и завышенных ожиданий от смены политической системы.

В том, что господство коммунистического режима принесло нашей стране и народу «больше хорошего,

чем плохого», уверены 43 %, «больше плохого» — только 15 %. Остальные же дают невразумительные ответы (либо затрудняются ответить однозначно, либо не знают, что сказать и т. п.). Примерно столько же россиян положительно оценивают последствия для нашей страны Октябрьской революции 1917 г.: в октябре 1998 г. их доля составляла 46 % (негативные мнения выражали 35 % опрошенных, затруднились с ответом 20 %); в марте 2014 г. — 48 % (против 28 % и 24 % соответственно). В отношении к фигуре Сталина (что также можно принять в качестве индикатора восприятия и оценки прошлого и, соответственно, в качестве показателя легитимности авторитарного режима, апеллирующего к «вождю народов» как символу советской системы) преобладают преимущественно позитивные оценки (восхищение, симпатия, уважение и т. д.): за 2006–2014 гг. такие оценки выросли с 36 % до 40 %, в то время как негативные оценки (неприязнь, раздражение, страх, отвращение, ненависть) — уменьшились соответственно с 38 % до 19 %. Правда, при этом увеличилась также и доля индифферентных оценок — с 19 % до 30 %[1]. Такое снижение негативных оценок советского прошлого обусловлено не только путинской пропагандой; это свидетельствует о моральной несостоятельности российского общества, не способного рационализировать свое прошлое, в том числе дать этическую оценку

[1] *Гудков Л.* Амнезия или стерилизация больного прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий / Мат-лы международ. конф. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. М.: РОССПЭН, 2013. С. 6–20; *Gudkov L.* The Archetype of the Leader: Analyzing a Totalitarian Symbol // The Stalin Puzzle: Deciphering of Post-Soviet Public Opinion / Ed. By Thomas de Waal et al. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. P. 29–46; *Gudkow L.* Spiele mit Stalin: ber das Legitimationsdefizit des Putin-Regimes // Berliner Debatte Initial. 2013. 24 Jg. № 1. S. 99–108.

как преступлениям государства против своих граждан, так и гражданам, поддерживающим или совершающим эти преступления. Именно данное обстоятельство — дефицит моральной ясности или собственно аморализм общества — определяет стерильность идеологии и отсутствие других механизмов консолидации, кроме негативной, чаще всего и эксплуатируемой властями для обеспечения сохранения системы господства.

Само по себе общее движение изменений в стране — Перестройка, инициированная еще Горбачевым, гайдаровские реформы — рассматривается сегодня преимущественно негативно (см. табл. 19 и 20).

Таблица 19

Как вы думаете, объявленная в 1985 г. политика «перестройки» принесла в целом России больше пользы — или больше вреда?, март 2014 г.

	Больше пользы	Больше вреда	Затруднились ответить
В среднем	23	56	21
ВОЗРАСТ			
18–24	26	40	35
25–39	24	49	28
40–54	28	56	17
55+	17	70	13
ОБРАЗОВАНИЕ			
Высшее	28	55	17
Среднее специальное	25	54	21
Среднее общее	19	56	25
Ниже среднего	20	58	23
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС			
Предприниматель	50	36	14
Руководитель	34	52	14

Продолжение таблицы 19

Специалист	26	53	21
Военнослужащий	13	44	43
Служащий	25	52	23
Рабочий	23	52	25
Учащийся	31	34	35
Пенсионер	16	74	10
Домохозяйка	29	43	28
Безработный	8	52	40
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ			
Москва	38	47	15
Большой город	18	60	22
Средний город	28	50	22
Малый город	24	59	17
Село	19	55	26

N=1600; в % от числа опрошенных

В отношении Перестройки чем старше респонденты, тем более категоричными оказываются негативные ответы: у молодых соотношение +/– составляет 0,65, у пожилых – 0,24. У образованных данное значение составляет 0,5, у людей с неполным средним образованием – 0,3. Более толерантны в этом плане москвичи (0,81); хуже всех оценивают итоги Перестройки «индустриальная Россия» и село (0,3). В социально-профессиональном отношении единственные группы, которые оценивают перемены преимущественно позитивно, – это предприниматели (1,47); к ним приближаются менеджеры и студенты, но все равно у них баланс остается отрицательным. Хуже всех относятся к историческим изменениям последних двадцати лет безработные (0,15), пенсионеры и силовики (0,3).

Столь же негативно, если не еще хуже, оцениваются общественным мнением в России результаты гайдаров-

ских реформ, а также сам переход к рыночной экономике и связанные с ним издержки (см. табл. 20). Даже делая поправку на критику и демагогию коммунистов в 1990-е гг. и путинскую пропаганду в 2000-х, агитаторы которой постарались полностью дискредитировать своих предшественников для утверждения легитимности Путина, все равно остается несомненным тот факт, что опыт трансформации тоталитарной политической и планово-директивной распределительной в экономике системы носит крайне травматический характер.

Таблица 20

С какими из следующих мнений по поводу реформ, начатых в 1992 г. Правительством Е. Гайдара, вы бы скорее согласились?

	1999 IV	2002 I	2004 III	2007 III	2009 XII	2010 X	2011 III	2012 III	2013 III	2014 III
Они оказали безусловно положительное влияние на экономику России	2	2	4	5	7	7	5	4	6	5
Они были болезненны, но необходимы	15	14	21	21	31	23	21	20	18	21
В них не было никакой необходимости	13	17	19	20	19	19	22	18	23	22
Они оказали разрушительное действие на экономику России	46	51	36	35	24	26	24	29	31	31
Негативные мнения	*59*	*58*	*55*	*55*	*43*	*45*	*46*	*47*	*54*	*53*
Затрудняюсь ответить	24	16	20	19	19	25	28	29	22	21
+/–	0,3	0,2	0,4	0,5	0,9	0,7	0,6	0,5	0,4	0,5

N=1600, в % от числа опрошенных

Положительное отношение к тем реформам демонстрируют лишь обеспеченные молодые люди, в первую очередь — москвичи; признают ее болезненный, но необходимый характер — опять-таки москвичи, образованные, обеспеченные респонденты[1]. С другой стороны, негативные последствия чаще подчеркивают пожилые респонденты, жители больших (индустриальных) городов и села, малообразованные и бедные люди; в социально-профессиональном плане здесь своим критицизмом и негативизмом выделяются бюрократия (руководители, специалисты, служащие) и бизнес (в целом вышедший из той же среды советских директоров и сохранивший свою генетическую связь с советским чиновничеством).

Собственно либералов, то есть людей, ясно понимающих смысл свободы и институциональных реформ, проведенных правительством Гайдара (при всей их противоречивости и неполноте, незавершенности), в России насчитывается, как упоминалось, 5–7 %. Это ядро прозападно настроенных интеллектуалов и демократов окружено еще примерно 20 % населения, ориентирующимися на них время от времени, в целом разделяющих их мнения и оценки ситуации.

Таким образом, мы имеем дело не с новыми взглядами и убеждениями (которых не возникло с тех пор), а с эрозией прежних; мы сталкиваемся — в ослабленном виде — с инерцией массовых установок, поляризованных мнений и ориентаций, значимых в середине 1990-х гг., но сегодня утрачивающих прежнюю четкую структуру. Политически акцентированные представления в основной своей массе либо носят ретроориентированный характер (левые или, точнее — просо-

[1] Некоторое, впрочем незначительное, снижение отрицательного отношения к реформам Гайдара зафиксировано лишь после кризиса 2008 г., в период экономической турбулентности 2009–2012 гг.

ветские популисты, которые на самом деле обращены в прошлое, увлечены риторикой уравнительной справедливости, а также националисты, подчеркивающие величие прошлых достижений страны — царской империи, сталинской или послесталинской супердержавы, колониальной экспансии), либо ориентированы на настоящее положение вещей, то есть на идентификацию с действующим авторитарным режимом Путина, воплощающего все то, что эти люди хотели бы иметь сегодня.

Это означает, что у российского общества нет идеи или образа будущего. Более того, действуют внутренние механизмы, подавляющие подобные стремления и движения. Впрочем, эти внутренние механизмы не были бы столь разрушительными, если бы власть не занималась целенаправленной стерилизацией публичного поля, если бы его не «выпалывали» от неудобного истеблишмента политических деятелей и средств информации. В этом случае появилась бы, по крайней мере, возможность публичной артикуляции проблем и массовых интересов, завязались бы общественные дискуссии о способах их представления, то есть появились бы механизмы политического целеполагания, включая и предлагаемые решения подобных задач разными партиями и общественными движениями, организациями гражданского общества. Стерилизация публичного поля ведет к стагнации в общественной жизни и массовому равнодушию к политике.

Российский консерватизм

Причины массового консерватизма заключаются не в традиционализме в чистом виде, а в отсутствии будущего, заставляющего большую часть населения упорно держаться за настоящее, оценивая его исклю-

чительно с точки зрения вчерашнего прошлого (то есть отталкиваясь в своих ориентациях и жизненных стратегиях от «худшего»)[1]. Консерватизм, или ригидность (что правильнее в плане дефиниций), массового сознания — это следствие опыта выживания в условиях искусственного отсутствия выбора и альтернативных образцов поведения. Искусственного в том смысле, что безальтернативность есть результат целенаправленной социальной политики авторитарного государства, не контролируемого населением и, следовательно, не испытывающего никакой ответственности за свои действия. Фактически речь идет о приспособлении населения к политическому, законодательному и экономическому произволу власти.

Поэтому в массовом сознании действует максима «понижающей адаптации»: ориентироваться не на что-то лучшее, а стараться не потерять то, что уже есть. Сохранение советских ценностных представле-

[1] Традиционная культура разрушена в ходе социальных катастроф, потрясавших Россию весь XX век, начиная с Первой мировой и Гражданской войн, но особенно — в 1930–1940-е гг. советского тоталитаризма (террор, коллективизация, гулаговская индустриализация, принудительное идеологическое «воспитание» и борьба с религией и «пережитками прошлого»). Об отсутствии спроса на фундаментализм говорит то, что, несмотря на номинально очень высокий авторитет церкви, бóльшая часть россиян против вмешательства РПЦ в частную повседневную жизнь. Более того, большинство продолжает, как и в советское время, настаивать на том, что церковь должна быть отделена от государства (в среднем так устойчиво считают 56–57 %), тогда как за симфоническое слияние церкви и государства выступают 30 % респондентов. Апелляции к традиционализму представляют собой попытки кремлевских политтехнологов создать идеологический эквивалент утраченной единой государственной идеологии советского времени. Пока, как показывают социологические исследования, эти усилия не приносят желаемого результата, но по мере усиления репрессивной политики и все более жесткой пропаганды шансы на закрепление в массовом сознании основных постулатов этой новой идеологии будут повышаться.

ний, включая и тактики приспособления к произволу коррумпированной бюрократии, обусловлено всем институциональным контекстом существования, но в первую очередь — инерционным характером работы репродуктивных и образовательных институтов, рутинным воспроизводством культурных и символических ресурсов коллективной идентичности. А значит — и типом социализации новых поколений. Симптоматика «исчезновения будущего» указывает на отсутствие идеализма (понятий более высокого уровня, нежели собственно потребительское существование) — крайне необходимого фермента в жизнедеятельности современного, то есть непрерывно развивающегося общества. Без него не происходит осмысления новых явлений и процессов в посткоммунистическом обществе; напротив, все новое воспринимается и осознается через сетку старых или квазитрадиционных категорий и понятий (геополитики, племенной или великодержавной этики, изоляционизма, антизападничества и т. п.). Возникающие, в том числе, действительно новые явления и социальные механизмы организации общества, прежде всего — формирование потребительского общества при архаической системе государственного патернализма, не могут быть осмыслены и даже фиксированы в массовом сознании. Для этого даже у «культурной» или «интеллектуальной элиты» нет ни языка, ни средств социальной маркировки. В этих условиях обеднение угнетенной символической сферы (аморализм, игра на циническом понижении представлений о человеке и незаинтересованности в других) оказывается основным ресурсом и тактикой власти[1].

[1] См. подробнее: *Гудков Л.* Человек в неморальном пространстве // Вестник общественного мнения. 2013. № 3–4. С. 118–179.

Символические и социальные функции «великой державы»: величие державы — государственный патернализм — враги — ресентиментный национализм

Национализм может быть *эмансипационным*, то есть ориентированным на модель национального (то есть подчиненного в первую очередь требованиям гражданского общества) государства и *идеологию модернизации*, когда интересы коллективной консолидации предполагают освобождение от империи или какой-то другой внешней силы, как это было в Восточной Европе в момент краха социализма; либо, напротив, национализм может быть *ресентиментным, защитным и компенсаторным* (то есть подчиненным интересам правящего режима в сохранении сложившегося порядка, как в России).

Связь патернализма с ресентиментным и охранительным национализмом не просто формальная (в смысле резкого упрощения конструкций реальности путем устранения, вытеснения представлений о структурно-функциональной дифференцированности общества), но и семантическая, содержательная: патернализм апеллирует к тому же органическому стилю мышления, что и охранительный этнический национализм — к восприятию отношений людей с властью как квазисемейных, родственных, то есть как иерархии соподчинений отца и детей, авторитета и безусловного статуса главы дома или рода — и зависимых, низших членов семьи. Здесь и всплывает органическая метафорика: мотивы общности этнического происхождения, любви/ненависти, рождения/смерти, здоровья / патологии и болезни, зрелости/незрелости, молодости/древности, своих/чужих, полноправных носителей культуры / неполноценных и т. п. Патернализм постулирует неравноправие (несимметричность) отношений господства, зависимости подданных от власти, воспроизводя потребность

«заботы» власти о гражданах, без которой они якобы не могут существовать, в которой нуждаются. Все эти черты присущи российскому обществу (табл. 21).

Таблица 21

Как вы считаете, сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства?[1]

Большинство...	1990 XII	1997 IV	2007 VII	2008 VII	2009 XI	2010 VIII	2011 XI	2012 VII	2013 X	2014 X
сможет прожить без опеки государства	21	17	21	15	15	15	19	20	20	19
не сможет прожить без опеки государства	62	72	74	81	80	77	75	76	70	74
Затрудняюсь ответить	17	11	5	4	5	8	6	4	10	7

В 1990 г. — N=1000; в 1997–2014 гг. — N=1600, в % от числа опрошенных.

Но вместе с «заботой» вводится априорная антропологическая посылка о ценностной неполноте и недееспособности частного человека и, напротив, о превосходстве и суверенитете власти (держателей власти, то есть круга или группы лиц, апроприирующих и приватизирующих все ресурсы государства — от средств насилия и принуждения до прав собственности и распоряжения общим «богатством»). Государственный патернализм предполагает насилие и дополняет его функцию — ценностную дисквалификацию объекта насилия, проекцию на него представлений, отказываю-

[1] Однако абсолютное большинство (от 56 % до 65 % в разные годы замеров) живут, «полагаясь только на самих себя и не рассчитывая на государство».

щих частному человеку, индивидуальности в ценности и значениях самодостаточности и автономности. Тем самым государственный патернализм (в разных его вариантах — от социализма до авторитаризма) апроприирует права на определение условий ограничения свободы и прав отдельного человека, устанавливая приоритетность потребностей и интересов целого над ценностями автономной субъективности (речь не только о налогах, но и о праве объявления войны или чрезвычайного положения, введения новых законов, ограничивающих пространство свободы граждан, мобильность, доступность той или иной информации, образования и т. д.). Патернализм в социальном отношении равнозначен снятию ответственности граждан и переносе ее (мотивации действия) на власть, включая и право на «определение реальности», речевые конструкции действительности, на которых строятся пропаганда и манипуляция общественным мнением. «Сдача» субъективной ответственности обывателя государству одновременно задает и квазиперсоналистического другого — как союзника и партнера (Беларусь, Китай и т. п.), так и врага или чужого (США, Украина, Польша, Балтийские страны); эти последние в массовом сознании предстают как антиподы России, то есть как субъекты действия со своими желаниями, стремлениями, фобиями и т. п.

Другими словами, патерналистское сознание не может не моделировать мир, реальность по образцу ослабленных или стертых традиционных и повседневных ролевых отношений в общине соседей, родственников, землячеств и других неформализованных, несовременных образований. Речь идет не только об отношениях людей с властью в узком смысле слова, но и о конструкции реальности, включающей все коллективные конструкции единства, общности, общего целого: они все подчинены основной идее государствен-

ной власти (в пределе — отождествляемой с главой государства[1]), заботящейся о народе, но заботящейся монопольно, ни с кем не разделяя своего обладания средствами принуждения, то есть собственно инструментов власти. Причем власти, оставляющей за собой право определять, что есть коллективное, целое, что есть право (легитимность и легальность), что есть национальное (опять-таки — «правильно национальное») и где границы этого «целого». Поэтому фокус идентичности все время переходит с одного целого на другое, с власти — на ее негативную проекцию: врагов, других, чужих, на необходимость защиты от других или сопротивления им. Иначе говоря, консервативный национализм и авторитарный патернализм — это гомоморфные и гомологичные структуры сознания. Идеологические значения, подразумеваемые в латентных значениях того и другого, стерилизуют любые универсалистские представления и регулятивные системы, такие как мораль, формальное право, в особенности — международное или основанное на принципах защиты прав человека, его собственности, свободы, дееспособности и т. д. Напротив, постулируется и требуется максимальная лояльность к власти, к государству, претендующему на монопольное представительство значений всего целого, всего социума.

Недовольство и раздражение, вызываемые неудовлетворенностью социальной политикой патерналистского государства (см. диаграммы 4 и 5), при неразвитой правовой и представительной структуре институтов общества, ведут не к организованному политическому протесту, а к стойкому ресентименту

[1] Так, кремлевский служитель Вячеслав Володин полагает, что Путин и есть Россия: Володин: «Есть Путин — есть Россия, не будет Путина — не будет России» // MK.RU. 2014. 24.10. URL: http://www.mk.ru/politics/2014/10/23/volodin-est-putin-est-rossiya-net-putina-net-rossii.html.

в отношении власти (обида на власть) и усилению механизмов негативной идентичности (усиление значений внешних угроз, опасности, исходящей от чужих, отрицания или девальвации базовых ценностных представлений, образующих структуру национальной идентичности). Националистический ресентимент поэтому не просто теснейшим образом связан с госпатернализмом, а является другим выражением того же типа массового сознания.

Недовольство властью у большей части населения обнаруживается главным образом в социологических опросах[1], сохраняющих свой конфиденциальный и анонимный характер. Оно не проявляется в формах открытой публичной или политической деятельности по разным причинам: в силу покорности и страха, идущих от опыта выживания в тоталитарном и репрессивном государстве, привычной культуры двоемыслия и лицемерия, оставшейся еще от крепостного состояния, терпения и сознания безальтернативности своего положения, наследуемых тактик поведения по отношению к принудительным порядкам (колхозной жизни, паспортной системе, прописке, закреплению рабочих в советское время на производстве и т. п.). Более того, недовольство даже принимает положительную форму одобрения таких порядков, поскольку «дисциплина» и принудительный «порядок», наличие «сильной руки» оправданы «высшими интересами» — необходимостью сохранения авторитета «великой державы», интересами страны, компенсирующими комплекс зависимости и неполноценности отдельного человека, отсутствия у него чувства собственного, личного достоинства (см. диаграмму 4).

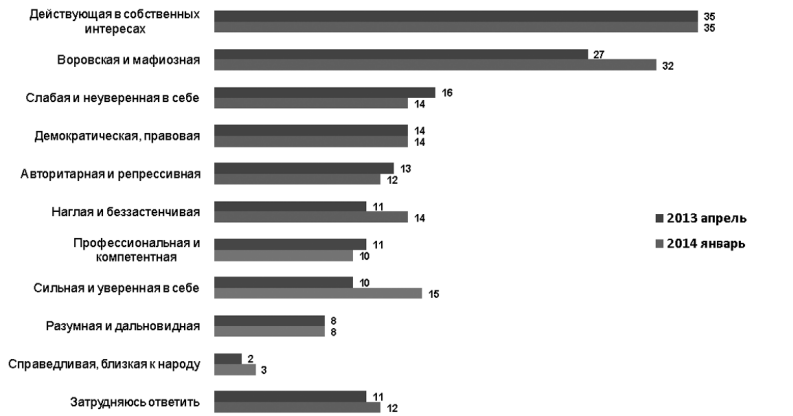
---

[1] Равно как и в проанализированных в данной книге интернет-материалах.

Диаграмма 4
Как бы вы охарактеризовали нынешнюю власть?, январь 2014

N=1600, ответы ранжированы

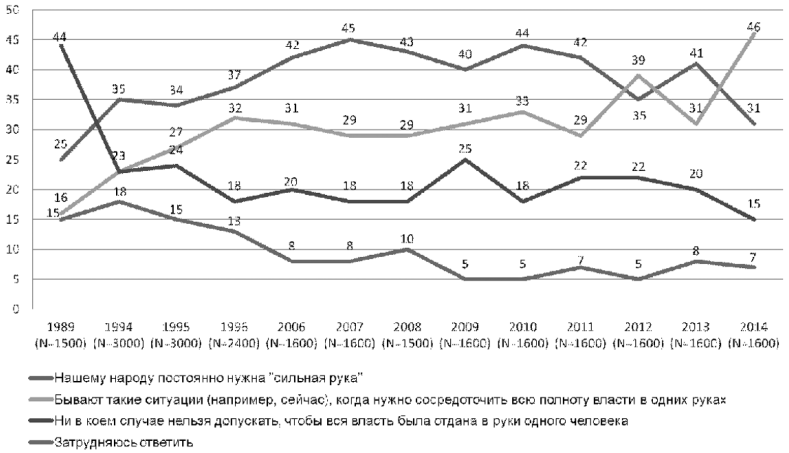
Диаграмма 5
Как бы вы охарактеризовали нынешнюю власть?



N=1600

Диаграмма 6

Бывают ли, по вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?



Хроническое сознание неполноценности, зависимости, унижения и порождаемого ими социального ресентимента в таких условиях снимается лишь общим чувством национального величия. От 70 % до 80 % считают себя патриотами России и гордятся тем, что живут в России[1]. Гордость же нынешней Россией (см. табл. 22) выказывают несколько меньшее число опрошенных: в среднем за десятилетие 55 % (что близко к показателям величины идеологически ангажированной публики).

[1] Общественное мнение — 2013. Ежегодник. М.: «Левада-Центр», 2013. С. 34–35. Табл. 3.1.14–3.2.2.

Таблица 22
Гордитесь ли вы нынешней Россией?

	2006 III	2007 X	2008 X	2010 IV	2013 X	2014 X
Определенно да	19	27	22	18	13	37
Скорее да	29	33	40	37	40	49
Скорее нет	32	23	23	27	30	5
Определенно нет	16	12	6	7	10	1
Затруднились ответить	4	5	9	11	7	8

N=1600; в % от числа опрошенных

Достоинство индивиду может быть придано лишь сознанием принадлежности к большому и сильному государству, «своей стране». Так, отвечая на вопрос «В какой мере вы согласны или не согласны с высказыванием: *"Люди должны поддерживать свою страну, даже если она неправа"*?», полностью или скорее согласны с этим суждением 48 % опрошенных, против лишь 16 %; остальные пытаются уйти от неприятной дилеммы, заявляя, что они не то чтобы согласны, но и несогласными себя назвать не могут или затрудняются ответить на вполне ясный вызов, то есть, по сути дела, демонстрируя полное отсутствие морального сознания (октябрь 2014 г.). Смутный этический дискомфорт от полного слияния с патерналистским и авторитарным режимом снимается характерным утверждением себя как «жертвы», объекта враждебности других стран или их несправедливого отношения к России[1]. Такое резкое усиление «собственной правоты» стало особенно заметным после аннексии Крыма (см. табл. 23).

[1] *Гудков Л.* Комплекс «жертвы». Особенности восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 3. С. 46–64.

Таблица 23

Как мы знаем, в прошлом Россия оказывалась в состоянии конфликта со многими странами. Если говорить только о том, что было после 1917 г., какое из следующих утверждений ближе всего к лично вашей точке зрения?

	1998 V	2014 III
Россия всегда являлась агрессором, виновником конфликтов с другими странами	3	1
Россия в большинстве случаев являлась агрессором, виновником конфликтов с другими странами	16	5
В целом: агрессором	*19*	*6*
Россия в большинстве случаев являлась жертвой конфликтов, пострадавшей стороной	29	27
Россия никогда не была агрессором или инициатором конфликтов с другими странами	37	55
В целом: жертвой	*66*	*82*
Другое	1	2
Затрудняюсь ответить	14	10

N=1600; в % от числа опрошенных

Поддержание такого сознания требует не доказательств достоинств страны, а, напротив, постоянного повторения, что другие хуже, что «Запад нас не любит» и так было всегда. Это лучший способ гарантированного самоудовлетворения. «Запад» в этом плане не только играет роль собрания утопических представлений о лучшем устройстве общественной жизни, о высоком качестве жизни граждан, правовой защищенности и т. п. ценностях, но и представляет собой трансферт негативных проекций самих себя, воплощение всего того, что россияне не хотят признавать в самих себе, опредмечивание мотивов и представлений, которые кажутся самыми «естественными» и лежащими на поверхности

объяснениями других (склонность к насилию, агрессии, пренебрежению интересов других действующих лиц, алчность и т. д.). Подобные стереотипы в первую очередь приписываются США как главному символическому противнику СССР и России. Но и шире — сама эта негативная проекция играет чрезвычайно важную роль в поддержании стабильности рамочных конструкций действительности, «разгружая» массовое сознание от комплексов своей вины или неполноценности.

Поднятая пропагандой волна антизападных настроений сопровождалась переживанием гордости за Россию и еще более горделивым сознанием принадлежности к ней (табл. 24). Октябрьский опрос 2014 г. дал самый высокий показатель за все время исследований (86 %). 64 % были согласны с тем, что «Россия лучше большинства других стран».

Таблица 24

Какие чувства вызывает у вас решение руководства России о присоединении Крыма к Российской Федерации?, 2014 г.

	Март	Апрель	Июль[1]	Август	Сентябрь*	Октябрь*
Чувство торжества справедливости	31	30	38	30	7	10
Гордость за страну	34	38	39	37	18	18
Радость	19	23	21	16	4	4
Одобрение	47	46	38	40	39	44

[1] Здесь и далее: в июле был проведен опрос населения 10 мегаполисов (не менее 1 млн жителей), с тем чтобы получить представление об установках более продвинутых социальных групп. Однако, как показывают эти данные, такого рода гипотезы были не слишком

Продолжение таблицы 24

Неодобрение	3	3	2	3	7	7
Протест, возмущение	0,5	0,3	0,7	2	4	2
Стыд, отчаянье	0,2	0,3	0,5	0,5	2	3
Тревогу, страх	3	3	2	3	13	12
Никаких особых чувств	7	11	10	9	17	16
Затрудняюсь ответить	1	2	1	2	7	6
Сумма положительных высказываний	131	137	136	123	68	76
Сумма отрицательных высказываний	<7	<7	5	<8	26	24
N=	1600	1600	2000 (мега-полисы)	1600	1600	1600

*В сентябре и октябре в формулировке: «Какие чувства вызывает у вас политика России в отношении Украины?».

N=1600; в % от числа опрошенных; сумма ответов больше 100, опрошенные могли отметить несколько вариантов ответа

Подсознательно российское общество ощущает свою ущербность и неправый характер политики государства, но эксплицировать эти обстоятельства может только в виде «проекций» точки зрения обобщенного другого на себя. Так, на вопрос «Как изменилось отношение к России и к русским за последние полгода за рубежом?», лишь 21 % в общей сложности указал на изменение к лучшему («Нас стали больше любить, уважать, понимать»), основная же масса опрошенных — в сумме 64 % — отвечали: «Нас стали больше бояться, ненави-

---

основательными и не выдерживают проверки на устойчивость к имперской демагогии властей. Ответы респондентов этой категории ничем принципиально не отличаются от ответов других групп населения, оказавшихся под облучением антизападной пропаганды. Разницы в оценках антиукраинской политики российского руководства между самыми «модерными» и основной массой населения нет.

деть и презирать» (при этом 13 % считают, что за этот период ничего не произошло, остальные затруднились с ответом). Поэтому лучшей защитой от чувства собственной ущербности, сознания неполноценности может быть либо игнорирование Запада, либо наделение его только негативными характеристиками, включая и вечную, метафизически обусловленную враждебность к России (что, по сути, освобождает общество от гнета собственного аморализма и отсталости).

Таблица 25

Почему вы считаете, что нам не нужно обращать внимание на критику Запада?

	2007	2010	2012
На Западе плохо понимают нашу жизнь, а хотят нас учить	38	36	29
На Западе недоброжелательно относятся к России, критика Запада враждебна	24	22	26
На Западе воспринимают Россию как конкурента и стремятся ее ослабить	39	35	40
Западные критики часто критикуют нас за то, чем сами грешат («двойные стандарты»)	22	14	17
Затрудняюсь ответить	4	3	5

N=1600; в % от числа опрошенных; сумма ответов больше 100, опрошенные могли отметить несколько вариантов ответа

Возмущение (скрываемое, подавленное) поведением украинцев, которые «перекинулись» в Европу в 2013–2014 гг., обусловлено, с одной стороны, завистью («не мы движемся в Европу, хотя мы тоже хотим жить как на Западе, но не можем; не можем даже признаться себе в этом, хотя ясно понимаем, что не способны быть такими, как люди на Западе»), с другой стороны — разрешением на агрессию в отношении к ним, оправданную тем, что они — это «фашисты, нацисты,

каратели, хунта, бандеровцы, русофобы, ультра-националисты» и т. п.[1]

Есть латентное понимание собственной недееспособности, ущербности, того, что россияне недостойны жить как на Западе, но это понимание не может быть эксплицировано. Поэтому единственный «выход» — убрать сам источник раздражения или смягчения этих напряжений. Провоцируемые пропагандой и санкционируемые авторитетом власти злоба и ненависть к Западу, прежде всего к США как символическому противнику, не тождественны враждебному отношению к конкретной стране или странам (данные опросов хорошо иллюстрируют эту раздвоенность).

Речь идет скорее об амбивалентном отношении (притяжении/ненависти) к виртуальному ценностному образу, воплощению всего того, что российский обыватель хотел бы иметь у себя в стране, но не может. Сознание невозможности оборачивается желанием опорочить и снизить привлекательность обладателя этих благ, унизить западные страны. Российский политический класс совершенно сознательно и демагогически эксплуатирует этот массовый ресентимент для укрепления своего авторитета и легитимности[2]. Отсюда — старательные поиски и ежедневные усилия пропаганды по донесению до населения какой-нибудь гадости о западной жизни. В этом плане и сама поддержка власти, режима в значи-

---

[1] Отношение россиян к украинцам в последние месяцы приобрело отчетливо неприязненный, если не враждебный характер. Отношение украинцев к русским — заметно более благоприятное и позитивное.

[2] Так, характерны проговорки Путина, например, в его выступлении в Сочи на заседании клуба «Валдай»: «Так ведут себя, извините, нувориши, на которых вдруг свалилось огромное богатство, в данном случае в виде мирового господства, мирового лидерства. И вместо того, чтобы им, этим богатством грамотно, аккуратно распорядиться, в том числе и в свою, разумеется, пользу, считаю, что наломали много дров». См.: Остановить глобальный хаос // RG.ru. 2014. 24.10. URL: http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html.

тельной степени связана не с тем, что власть «хорошая» (тут у населения как раз никаких иллюзий нет), а с тем, что власти предержащие «правильно» ведут себя, именно так, как это отвечает ожиданиям, потребности и привычкам обывателя: они «гасят» Запад самым прямым и откровенным образом, демонстрируя свою силу, наглость и кураж, примерно так, как это проявляется у зачинщиков толпы при погромах. Поэтому государственный патернализм в сегодняшних условиях предполагает или даже требует (для своего сохранения) интенсивного выражения антизападных настроений как средства подавления болезненного комплекса неполноценности и канализации осознаваемой злобы, неприязни к Западу, заставляющего нас думать о себе плохо.

Эта двойственность чрезвычайно характерна для национального сознания русских, защитно-компенсаторного национализма. В массовых опросах она проявляется одновременно в высказывании противоположных суждений о фактах: например, утверждение, что Россия поддерживает сепаратистов ДНР и ЛНР и что там есть российские войска, — и одновременно отрицание этого факта; заявления, что Россия ведет информационную войну и при этом — что российские СМИ объективно освещают события в Украине; упорное желание заявить, что СМИ не врут, что в Украине все так, как они и говорят, и вместе с тем позиция типа «и слушать ничего не хочу иного». Двусмысленность ситуации и действия российского руководства для многих очевидна, но признать само это обстоятельство россияне не могут, потому что не хотят. Настаивание на своем важнее, чем открытое признание действительного положения вещей (при некотором сомнении в своей правоте).

«Возрождение» России как великой державы является самым эффективным в идеологическом плане основанием для легитимации системы господства, подобной путинской. После краха СССР абсолютное большинство

опрошенных (72 % — 74 %) считали, что Россия утратила статус великой державы, а его возвращение должно быть одной из главных задач государственной политики. От появления нового лидера, сменившего вызывавшего почти всеобщее раздражение Ельцина, население ожидало решения двух главных задач: выхода из экономического кризиса (улучшения материального положения) и восстановления международного авторитета России как великой державы. Его возвращение должно было быть главной задачей государственной политики, внешней в первую очередь.

С большим трудом, только резко ограничив свободу информации, Путину удалось убедить общество в том, что вторая проблема решена. Еще в 2011 г. общественное мнение колебалось относительно того, вернула ли Россия свой статус великой державы или нет (мнения разделились ровно пополам: 47 % на 47 %), но после аннексии Крыма сомнения исчезли (63 % — 68 % россиян вновь признали свою страну «великой»).

Путин крайне нуждался в подтверждении того, что геополитические позиции, которые имел СССР, удержаны нынешней Россией. Поэтому населению упорно навязывалась мысль о спасительности возвращения к «национальным традициям», к ценностям патриотизма (под которым понималась именно безоговорочная гордость страной как условие отсутствия протестов против власти и признание роли или заслуг ее руководителей в деле восславления отечества). Этот процесс возвращения пропагандой советских мифов и идеологем резко усилился после массовых антипутинских акций и демонстраций протеста в 2011–2012 гг.[1]. Антизападная,

[1] Примечание редакторов. В других разделах книги мы именуем этот период (более продолжительный, на наш взгляд — растянувшийся до июля 2013 г.) «Русской зимой». Это период, противоположный по своему политическому содержанию и составу акторов «Русской весне».

антилиберальная демагогия официальных пропагандистов противопоставляла «деградирующую», «кризисную Европу, утратившую свои христианские моральные и культурные ценности», «возрождающейся и набирающей силу России», требующей признать ее новую роль в мире, наполненном «врагами» (см. табл. 26–27 и 28). В результате такой обработки общественное мнение за очень короткое время, буквально за год-полтора, стало настроенным милитаристски, антизападно, в первую очередь — антиамерикански (см. диаграммы 7 и 8).

Таблицы 26–27
Есть ли враги у нашего народа, нашей страны?

	1994	1999	2003	2008	2009	2011	2012	2013	2014
Да, есть	41	65	73	68	69	70	63	73	84
Нет	37	14	9	14	18	19	19	13	8
Затруднились ответить	22	21	18	18	13	11	18	14	8

N=1600; в % от числа опрошенных

	1989 XII	1994 III	2011 I	2014 III
Наша страна окружена врагами со всех сторон	4	7	18	26
Самые опасные наши враги — скрытые, внутренние	16	16	28	20
У народа, вставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги	18	12	21	30
Зачем искать врагов, когда корень зла — в нас самих, в наших собственных ошибках	48	45	19	17
Затруднились ответить	14	20	14	7

1989 — N=1100, 1994 — N=2000; 2011 и 2012 — N=1600; в % от числа опрошенных

Диаграмма 7

Индекс отношения к США

(строится как разница позитивных и негативных оценок)

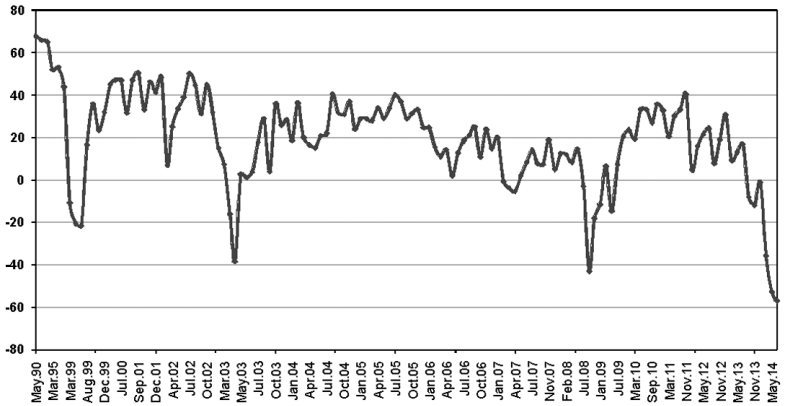


Диаграмма 8

Индекс отношения к Евросоюзу

(строится как разница позитивных и негативных оценок)

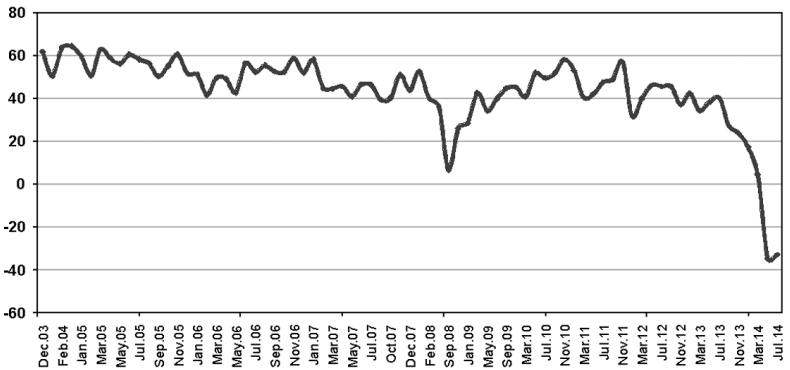


Таблица 28

Социально-демографические характеристики респондентов, разделяющих приведенные выше политические и идеологические взгляды, март 2014 г.

	Наша страна окружена врагами со всех сторон	Самые опасные наши враги — скрытые, внутренние	У народа, вставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги	Зачем искать врагов, когда корень зла — в нас самих, в наших собственных ошибках	Затруднились ответить
В среднем	26	20	30	17	7
ВОЗРАСТ					
18–24 года	23	17	29	20	11
25–39 лет	26	20	31	16	7
40–54 года	24	17	33	20	6
55 лет и старше	29	25	26	15	6
ОБРАЗОВАНИЕ					
Высшее	26	19	31	18	6
Среднее специальное	26	21	30	17	6
Среднее общее	25	22	28	18	8
Ниже среднего	28	19	29	16	8
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ					
Москва	35	22	29	14	0
Большой город	21	19	37	17	6
Средний город	30	22	26	16	6
Малый город	30	21	20	21	7
Село	21	19	34	16	11

Продолжение таблицы 28

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС					
Предприниматель	17	22	29	24	8
Руководитель	28	15	32	24	2
Специалист	26	19	31	18	7
Силовик	24	20	37	10	9
Служащий	25	15	38	15	7
Рабочий	26	23	28	17	6
Учащийся	26	8	36	19	11
Пенсионер	29	21	26	16	8
Домохозяйка	24	19	30	19	7
Безработный	22	30	30	8	10

В % от числа опрошенных

Из таблицы 29 видно, что более критично к массовым фобиям (обилию врагов) относятся люди с более инструментальным, прагматичным и рациональным мышлением (предприниматели, руководители), наиболее суггестивны — силовики, служащие и учащаяся молодежь. Напротив, считают, что разговоры о врагах — это не более чем страшилки, которыми путинский режим пугает население, прежде всего молодые и образованные респонденты, москвичи, то есть те группы, которые сильнее включены в рыночную экономику и потому более свободны от государства, тогда как уверены в существовании врагов и враждебного отношения в мире к России население средних городов («индустриальная Россия», в терминологии Н. Зубаревич[1]), работники госсектора, пенсионеры.

[1] *Зубаревич Н.* 4 России // Эхо Москвы. 2013. 14.05. URL: http://echo.msk.ru/programs/dozor/1073100-echo/.

Таблица 29

Разговоры о врагах ведутся, потому что...

	2007 XII	2014 VIII
России действительно угрожают многочисленные внешние и внутренние враги	42	61
Разговоры о врагах ведутся для того, чтобы запугать население и сделать его послушной марионеткой в руках власти	30	27
Затруднились ответить	28	12
Соотношение вариантов ответа	1,4	2,3

N=1600, в % к числу опрошенных

Технология негативной консолидации: антиукраинская кампания

Усиление значимости фактора изобретенного врага непосредственно связано с активизацией кремлевской пропаганды, отвечающей на рост массового недовольства, протестного движения и раздражения социальной политикой путинского правительства стремлением дискредитировать своих критиков, представив их в качестве агентов Запада. Легитимность самого Путина, занявшего в третий раз, вопреки Конституции РФ, пост президента, к этому моменту заметно ослабла: общество начинало уставать от него и требовать политических свобод, честных выборов, участия в политике новых людей, новых политических программ. Падение популярности «национального лидера» лишь косвенно связано с путинской идеологией государственного национализма. Социальное напряжение вызывалось накапливающимися причинами: снижением уровня жизни после экономического кризиса 2008–2009 гг., сокращением со-

циальных расходов государства, усилением бюрократического давления на бизнес и общественную жизнь, нарастанием коррупционных скандалов в высшем руководстве. Режим оказался не в состоянии отвечать на патерналистские ожидания своих подданных — гарантировать необходимый уровень существования (а это — основа легитимности авторитарного правления). Популярность Путина (его личный рейтинг) к осени 2013 г. — январю 2014 г. оказалась в низшей точке за все годы его правления (см. диаграмму 9). Однако это общественное раздражение из-за подавленности общественной и политической жизни, цензуры в СМИ могло найти выход для себя лишь в разнообразных формах внутренней и внешней ксенофобии, достигшей самого высокого уровня за все годы социологического наблюдения.

Диаграмма 9

Индекс одобрения президента Путина и премьер-министра Медведева

(строится как разница позитивных и негативных оценок)

На этом фоне разворачивающиеся в Украине события, массовые выступления против коррумпированного

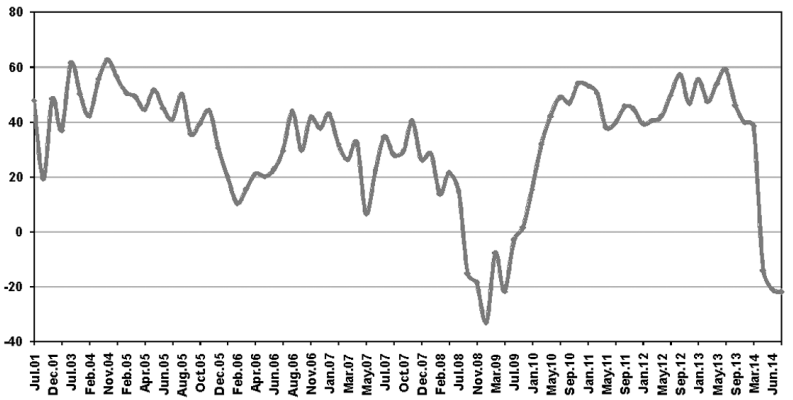
режима Януковича представляли серьезную угрозу и для нынешней российской олигархии.

Пропаганда, натравливающая российское общество на украинцев и новое киевское руководство и породившая волну антиукраинских настроений (см. диаграмму 10), последовательно била по нескольким чувствительным для национального сознания русских темам[1].

Диаграмма 10

Индекс отношения к Украине

(строится как разница позитивных и негативных оценок)



Первый и главный мотив: Евромайдан — звено или часть инспирированных США массовых волнений и социально-политических переворотов, подготовленных с помощью Интернета и социальных сетей, деятельности зарубежных фондов, неправительственных организаций с целью ослабить Россию, вытеснить ее из зон традиционного влияния. Эта версия укладывалась в давнее российское антизападничество и была с готов-

[1] *Gudkov L.* The technology of negative mobilization. Russian public opinion and Vladimir Putin's «Ukrainian policy» // Eurozine. 2014. 01.10. URL: http://www.eurozine.com/articles/2014-10-01-gudkov-en.html.

ностью принята в качестве рамки для объяснения украинских событий. 83 % опрошенных россиян (из числа тех, кто имел хоть какое-то представление о волнениях в Киеве) были согласны с тем, что массовые митинги и демонстрации в соседней стране инспирированы и организованы («проплачены») Западом.

Вторая особенность этой пропаганды заключается в использовании языка войны с фашизмом. Называя украинское демократическое движение «фашистами», «нацистами», «бандеровцами», а армию — «киевскими карателями», проводящими политику геноцида против русского населения, пропаганда возвращала массовое сознание в контекст Второй мировой войны, страданий, жертв, делая тем самым невозможной идентификацию русских с украинцами, понимание их мотивов и видение ситуации. Одновременно с этим пропаганда придавала действиям российского руководства нравственный характер, поскольку оно в этом случае оказывалось той силой, что защищала нормы гуманности и волеизъявления народов («подлинной, а не фальшивой, как на Западе, демократии»), а мирных жителей — от насилия со стороны бандитов.

Помимо антиукраинской риторики с течением времени все сильнее стал звучать тезис о том, что Россия не просто «защищает русских» в Украине (этот мотив постепенно ослабевает), а что она ведет себя так, как ей и подобает: она восстанавливает свою традиционную роль империи и возвращает исконные земли, которые из-за предательства или произвола, самодурства отдельных своих прежних правителей (Хрущева, Горбачева, Ельцина) утратила в недавнем прошлом. Геополитические планы Путина и заявления о защите «стратегических интересов России» вполне сочувственно встречаются российским обществом, явно разделяющим его видение мира (табл. 31–33). Западная критика действий России в этом плане для российского обывателя сама по себе уже служит свидетельством признания возросшей мощи страны.

И, наконец, еще один важный мотив, использованный политтехнологами, заключался в неявном, но очень действенном приеме: показывая пожары, столкновения, убитых, разрушенные дома, беженцев, пропаганда как бы говорила тем, кто сочувствовал лозунгам оппозиции и критикам Путина: «Вы хотели реформ, демократии, торопитесь жить как на Западе, вы не думаете о стабильности и спокойном развитии страны при нынешней власти — вот посмотрите, к чему вы ведете страну: хаосу, разрухе, гражданской войне». Для российского обывателя, крайне тяжело пережившего кризисы и спад жизненного уровня 1990-х гг., телевизионные кадры такого рода выглядят устрашающе и убедительнее аргументов противников Путина. Апелляция руководителей ведомств и политиков к выступлениям русских монархистов и реакционеров (особенно часто цитируется Петр Столыпин: «Вам [сторонникам широких реформ в 1907 г.] нужны потрясения, нам — Великая Россия») оказывается нормой чиновничьей лояльности.

Тотальная и агрессивная риторика дала свой результат — чрезвычайно быстро восстановилась поддержка Путина, все социальные показатели пошли вверх, народ видимым образом сплотился против Запада.

Таблица 30

О чем, по вашему мнению, прежде всего свидетельствует присоединение Крыма к России?, 2014 г.

	Март	Апрель	Май	Июль
О том, что Россия возвращается к своей традиционной роли «великой державы», утверждает свои интересы на постсоветском пространстве	79	75	80	79

Продолжение таблицы 30

О растущем авантюризме российской власти, стремящейся отвлечь население от реальных социальных и экономических проблем, коррупции, недовольстве властями в самой России	9	15	9	9
Затрудняюсь ответить	12	10	11	12
N=...	1600	1600	1600	2000 (мегаполисы)

В % от числа опрошенных

Таблица 31
Как вы считаете, что в первую очередь стоит за действиями российского руководства в отношении Крыма и Украины?, 2014 г.

	Март	Май
Стремление защитить русское население Крыма и Украины от ущемления его прав, угрозы его безопасности и благополучию	62	53
Стремление навести порядок и стабилизировать ситуацию в условиях политического хаоса и безвластия на Украине	32	36
Стремление восстановить историческую справедливость, вернуть России ее территории	38	34
Российские имперские амбиции вплоть до аннексии территорий сопредельного государства	4	2

N=1600; в % от числа опрошенных; сумма ответов больше 100, опрошенные могли отметить несколько вариантов ответа; ответы ранжированы

Таблица 32

Как вы считаете, какие цели в своей политике по отношению к Украине преследует Владимир Путин?, 2014 г.

	Июль	Сентябрь	Октябрь
Защитить военно-стратегические и геополитические интересы России, сохранить военно-морскую базу в Севастополе, не допустить расширения НАТО	51	43	46
Защитить русское население в южных и восточных регионах Украины, которому угрожают украинские националисты	44	38	42
Не допустить массовых волнений, общественной дестабилизации, ослабления государства в России, как это произошло в Украине	27	25	31
Защитить экономические интересы России, не допустить экономической интеграции Украины в Европу	30	30	29
Не допустить такого же развития в России, как это было на Украине, — народного восстания против коррумпированного режима	22	20	28
Другое	0.3	0,4	0,8
Затрудняюсь ответить	5	6	5

N=1600; в % от числа опрошенных; сумма ответов больше 100, опрошенные могли отметить несколько вариантов ответа; ответы ранжированы

Весь смысл нынешней политики дестабилизации Украины заключается в том, чтобы дискредитировать силы демократической национальной консолидации в России и перенести недовольство российского населения с коррумпированной бюрократии на сторонников права, демократии и европеизации. Задача кремлевских политтехнологов состоит не просто в том, чтобы блоки-

ровать «экспансию» или «экспорт» демократии и европейских ценностей в Россию, представив их как нечто глубоко чуждое «русским традициям и морали», но и в том, чтобы дать массам устрашающий пример дестабилизации, неизбежной после свержения авторитарного и клептократического режима (в том, что российский режим именно таков, мало кто сомневается в России).

Таблица 33

Поддерживаете ли вы лозунг: «Нет оранжевой угрозе!», «Не допустим майдана в России!»?, март 2014 г.

	Определенно поддерживаю + Скорее поддерживаю[1]	Скорее не поддерживаю + Определенно не поддерживаю	Затрудняюсь ответить
В среднем	77	15	8
ВОЗРАСТ			
18–24	76	16	8
25–39	75	18	7
40–54	79	13	8
55+	76	13	11
ОБРАЗОВАНИЕ			
Высшее	77	16	7
Средне-специальное	80	13	7

[1] Следует принять во внимание необычно высокий процент преобладающих категорических ответов «определенно поддерживаю» — 42%. (Обычно наибольшая часть респондентов склоняется к умеренным, серединным вариантам суждений, как положительным, так и отрицательным; здесь явно преобладают акцентированные реакции согласия.)

Среднее общее	74	17	9
Ниже среднего	74	15	11
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ			
Москва	79	11	10
Большой город	79	13	8
Средний город	73	18	9
Малый город	73	21	6
Село	70	18	12
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС			
Предприниматель	72	19	9
Руководитель	61	27	12
Специалист	79	16	5
Силовик	76	14	10
Служащий	77	15	8
Рабочий	79	14	7
Учащийся	76	19	5
Пенсионер	76	13	11
Домохозяйка	74	16	10
Безработный	74	20	6
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			
Нуждающиеся	79	11	10
Бедные	79	13	8
С умеренным достатком	73	21	6
Обеспеченные	69	18	13

В % от числа опрошенных, 100 по строке

Августовский опрос общественного мнения «Левада-Центра» показал первые признаки отрезвления и усталости от мобилизации. Одобрение планов пря-

мого участия российской армии в военных действиях на востоке Украины снизилось с 74 % в марте до 41 %; готовность присоединить восточные и южные регионы Украины к России тоже заметно уменьшилась (преобладает идея фиктивного образования, протектората России — «Новороссии» — по образцу уже существующих, но не признанных в мире республик: Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии). Люди боятся перерастания локальных боев в широкую гражданскую войну и втягивания в нее России. Международные санкции против путинского окружения и госкорпораций не воспринимаются как нечто серьезное, а разногласия среди западных стран лишь подтверждают заверения пропаганды, что давление на Россию будет контрпродуктивным и не даст желаемого эффекта. Тем не менее рост цен и инфляции, вызванные санкциями, равно как и ответные «антисанкции», сильнее ударившие по потреблению россиян, чем западные, медленно, но неуклонно вызывают тревогу и сомнения в будущем. Через несколько месяцев волна русского бытового империализма, антиукраинских и антизападных настроений начнет спадать, хотя Кремль будет упорно продолжать провоцировать конфликты, держать соседнюю страну в состоянии хронической нестабильности, пытаясь максимально ослабить новое украинское государство и свернуть его руководство с выбранного европейского курса.

Трудные перспективы

Далеко не всегда системный кризис, возникающий в странах с переходной политической системой, ведет к демократии и трансформации общества в сторону более либерального и современного социального порядка, предполагающего разделение властей, пра-

вовое государство, свободную рыночную экономику, основанную на признании частной собственности, неприкосновенности прав личности и т. п. принципах и ценностях европейской культуры. Эволюция постсоветских государств, включая Россию, чаще показывает совершенно другие варианты развития: формирование авторитарных или даже деспотических режимов, пытающихся удержать свою власть путем ужесточения репрессий и внутреннего контроля над обществом. Начиная с середины 2000-х гг. в России идет процесс централизации власти, сужения, а затем и ликвидации пространства политической конкуренции, принципа многопартийности; вводится цензура в СМИ; усиливается подчинение судебной и правовой системы Администрации президента (с не определенными Конституцией РФ полномочиями и компетенциями); нарастает влияние на политическую и общественную жизнь спецслужб (прежде всего политической и уголовной полиции, армии); убыстряется возрастающая национализация экономики и т. п. Общество утратило какие-либо механизмы контроля и привлечения власти к ответственности. В правовой сфере имеет место ревизия всех правовых принципов и законов, на которых держится после Второй мировой войны международный порядок, а в публичном дискурсе режима — возвращение к геополитической философии XIX века. Время взаимных контактов, партнерства в сфере культурного обмена, образовательных программ, взаимодействия организаций гражданского общества европейских стран и России в области экологии, благотворительности и т. д. прошло — российское руководство резко ограничивает подобные отношения, делая ставку на изоляционизм, «замораживание» процессов глобализации и развития открытого общества. Все это резко повышает угрозу политического и военного авантюризма руководства России, крайне нуждающейся

в признании своей легитимности внутри страны и восстанавливающей ее путем демонстрации имперской мощи и внешнеполитического влияния.

Российское общество, оказавшееся в информационной изоляции, подвергнутое давлению пропаганды, с большим трудом осознает сам смысл этих санкций, точнее — их моральное и правовое значение, но это лишь дело времени. Адекватное понимание обращения к России западных стран, содержащееся в этих мерах, наступит по мере ухудшения материального положения в стране и принудительного осознания коллективной ответственности россиян за одобрение политики властей. Россия испытывает колоссальный дефицит моральной ясности в таких вопросах, отсюда возникает необходимость информационной работы, разъясняющей суть политики окружающего мира по отношению к нашей стране.

ГЛАВА 7

РОССИЯ В ПЛЕНУ ИМПЕРСКОГО СИНДРОМА: О ПРИРОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНЕРЦИИ

Данная, заключительная, глава посвящена концептуальному, политологическому анализу общественно-политических процессов в современной России. В ней предпринимается попытка выделить общие факторы, которые делают возможной имперскую консолидацию различных идейных сил. Предлагаемая концепция постимперского общества позволяет взглянуть на роль прошлого и настоящего в воспроизводстве механизмов авторитарной демодернизации, охранительного национализма, а также в процессе мифологизации массового сознания. Мы помещаем современную Россию в контекст иных постимперских обществ XX и XXI веков, указывая на отсутствие принципиальной уникальности и «особого пути» развития российской политической системы. Затем мы анализируем два типа имперского мышления — антилиберальный национализм идеологов-«охранителей» и антинациональный либерализм «отчаявшихся» западников, развивающих идеи исторической и культурной предопределенности. Наконец, мы полагаем, что имперская модель общественно-политического развития в России практически исчерпала свои ресурсы, а для ее наименее затратного преодоления необходимы в первую очередь отказ от фатализма и переосмысление позитивной роли национально-гражданской консолидации.

Время политической реакции и нерешенные вопросы его понимания

Период 2011–2014 гг. стал временем заметных перемен в развитии российского политического режима и общества, осмысление которых является одной из важнейших задач данной книги. К концу этого периода отчетливо обозначились многие признаки *политической реакции*. Под ними обычно понимаются ситуативные изменения политической системы той или иной страны в сторону противоположную от направлений, считающихся прогрессивными, и в целях «сохранения и укрепления отживших социальных порядков»[1]. И хотя сам вектор прогресса может пониматься неодинаково разными политическими силами — левыми и правыми, либералами и националистами, — все же некоторые общие черты политической реакции проявились в разные периоды мировой истории в различных странах мира[2].

Во-первых, это всегда временные, не окончательные движения, охватывающие лишь определенный отрезок истории; во-вторых, это всегда эпоха подавления оппозиционных движений; в-третьих, время торжества традиционализма, в разных формах его проявления (клерикализм, религиозный фундаментализм, феодализм, монархизм и др.), над тенденциями

---

[1] Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. И.И. Санжаревский. 2010. URL: http://glos.virmk.ru/. См. также: Реакция в политике // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1890–1907. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/.

[2] Общепризнанными примерами политической реакции в мире являются периоды монархических реставраций (например, в Англии — династия Стюартов в конце XVII века, или во Франции — династия Бурбонов в 1814–1830 гг.) и постреволюционные периоды (такие, как правление Николая I в России и в особенности «Мрачное семилетие» 1848–1855 гг., отразившееся во многих странах Европы после «Весны народов» 1848–1849 гг.).

политического обновления, а также время попыток традиционалистских сил навязать обществу восстановление отживших институтов (например, рабства или крепостного права, имперского порядка, инквизиции, сословных привилегий, цензуры или всевластия тайной полиции); наконец, в-четвертых, это период, когда, параллельно с доминирующей ориентацией на восстановление идеалов прошлого, общество утрачивает представления о социальных или политических перспективах развития и возникает явление, получившее название «безвременье».

Этот последний аспект эпохи реакции заслуживает особого внимания, поскольку безвременье является не только одним из признаков наступления политической реакции, но и важным механизмом ее эскалации. В публикациях многих российских экспертов термин «безвременье» стал весьма популярным определением всего периода с 2011 по 2014 г., характеризующегося полным отсутствием образа будущего не только в массовом, но и в элитарном сознании. Показательно, что такие оценки совпали у представителей разных политических взглядов: у экспертов, близких к либеральным кругам[1], некоторых левых интеллектуалов[2] и влиятельных экспертов, обслуживающих государственную власть[3]. Многие известные исследователи, обобщая тенденции

---

[1] *Паин Э.* Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. №. 1–2 (62). С. 34–53; Россия сегодня живет в безвременье (беседа с Н. Зоркой) // Левада-Центр. 2014. 07.07. URL: http://www.levada.ru/07-07-2014/rossiya-segodnya-zhivet-v-bezvremene; *Шевцова Л.Ф.* Мы: жизнь в эпоху безвременья. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

[2] *Пряников П.* Шесть лет — за 9 месяцев // Каспаров.ru. 2014. 29.09. URL: http://www.kasparov.ru/material.php?id=5428FE71B0137.

[3] Валерий Федоров: «Россияне не понимают, чего хотят белоленточные смутьяны» // Эксперт Online. 2012. 28.12. URL: http://expert.ru/2012/12/28/valerij-fedorov-rossiyane-ne-ponimayut-chto-hotyat-belolentochnyie-smutyanyi/.

трансформации российского общества и политического режима после 2011 г., указывали на неслучайный и неуникальный характер дрейфа России к безвременью и, шире — к политической реакции[1]. В мировой истории подобные попятные движения являются скорее правилом, чем исключением: например, непоследовательные, незавершенные, фрагментированные процессы демократизации во многих странах оборачивались реставрацией авторитарного режима (так называемыми обратными волнами демократизации[2], или «дедемократизацией»[3]), а фаза модернизации правовой системы нередко сменялась фазой деградации конституционализма[4]. Те же самые волны модернизации и ретрадиционализации характерны для развития массового сознания, общественных нравов и ценностей[5].

Вступление России в период безвременья, скорее всего, осознавалось и российским политическим истеб-

---

[1] См.: *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2013. С. 9–23; Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 гг. Кризис и трансформация российского авторитаризма: Доклад / Под общ. ред. К. Рогова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. URL: http://www.liberal.ru/upload/files/Osnovnie %20tendentsii %20politicheskogo %20razvitiya.pdf.

[2] См. подробнее: *Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003 [1991]; *Паин Э.* Перманентный кризис культуры модерна или временная «обратная волна»? // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. М.: Новое издательство, 2011. С. 118–190. Применительно непосредственно к постсоветской России см.: *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.

[3] См.: *Тилли Ч.* Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2007.

[4] См.: *Медушевский А.Н.* Размышления о современном российском конституционализме.

[5] См. рассмотрение российской истории через призму сменяющих друг друга фаз милитаризации и демилитаризации укладов жизни общества: *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало?

лишментом, прежде всего как угроза задаче его самосохранения. Во всяком случае, в экспертных кругах, близких к власти, признавались факты не только психологического безвременья, но и растущей дезориентации общества. Например, руководитель ВЦИОМ В. Федоров констатировал в декабре 2012 г., что для массового сознания россиян характерны «разброд и шатания», рост недоверия, а также происходящее «достаточно искусственно» возвращение к ценностям «патриархального, автаркического и автократического общества», противопоставляемым ценностям модернизации[1].

Ощущение безвременья всегда мучительно для общества, поскольку приводит к нарастанию проблем коллективного самоуважения, а то и к появлению чувства коллективной униженности. «Мы долго молча отступали. Досадно было, боя ждали», — писал М.Ю. Лермонтов о настроениях русских людей в начале русско-французской войны 1812 г. Вот и в начале первой декады 2000-х гг. социологи фиксировали у российского населения снижение удовлетворенности жизнью, проявления усталости от действий политической элиты и значительный спад готовности россиян гордиться свой страной. Если в 2010 г. доля тех, кто не испытывал чувства гордости за свою страну, составляла 34 %, то на конец 2013 г. она увеличилась до 40 % респондентов, опрошенных «Левада-Центром»[2]. Российский истеблишмент попытался преодолеть подобные настроения, активизируя патриотический энтузиазм населения. «Начиная с 2012 года тема патриотизма в России стала ведущим мотивом политического дискурса» президента и идеологов формируемого их же усилиями «путинского большинства», однако при

[1] Валерий Федоров: «Россияне не понимают, чего хотят белоленточные смутьяны».

[2] Россияне о гордости и свободе // Левада-Центр. 2013. 21.11. URL: http://www.levada.ru/21-11-2013/rossiyane-o-gordosti-i-svobode.

отсутствии позитивных целей патриотизм сразу же стал подменяться шовинизмом, ксенофобией и ненавистью к «чужим»[1]. Именно шовинизм, не раз использовавшийся властями в российской истории последних по меньшей мере двух столетий, стал основой для негативной консолидации перед созданными образами врагов, список которых к 2013–2014 гг. быстро разросся, тогда как масштабы ксенофобии достигли небывалых размеров за всю постсоветскую историю России[2].

Попыткой прорыва из застоя «снизу» со стороны общества были политические манифестации 2011–2012 гг., однако подъем политической активности российской оппозиции, названный нами в этой книге «Русской зимой», был неподготовленным, не обеспеченным реальной политической программой позитивных перемен. В результате оппозиционное движение было подавлено уже к 2013 г. Российская власть перешла в контрнаступление, используя, в том числе, и удачно для нее подоспевшие украинские события конца 2013 — начала 2014 г. По мере втягивания России в украинский кризис стало заметно, как на основе ненависти к общему врагу (к Майдану, украинским националистам и Западу), сформированной российскими средствами массовой пропаганды, и всеобщего ликования по поводу присоединения Крыма к России власти пытаются преодолеть безвременье и соорудить подобие новой политической перспективы и мобилизующей идеи. Ее суть состоит в установке на пересмотр результатов распада СССР и на его реставрацию в той или иной форме. В этом же ряду новых тенденций проявился почти весь стандартный набор индикаторов политической реакции:

---

[1] Подмена понятий патриотизма в России // Левада-Центр. 2014. 27.05. URL: http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii.

[2] *Паин Э.* Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья. С. 36.

- агрессивная ретрадиционализация, выражающаяся не только в опоре на православно-державнические круги, но и в том, что провластный дискурс буквально переполнен мифологией мировых заговоров. Смутное время начала XVII века и революционные процессы 1917 г., крестьянские восстания и дворцовые перевороты в самодержавной России — все это объявляется единой цепью заговора Запада против России[1];
- усиливающиеся требования репрессий и подавления любого инакомыслия. Некоторые высокопоставленные представители государственной власти потребовали признать оскорбление «патриотических чувств» (вслед за «чувствами верующих») уголовно наказуемым преступлением[2]; очевидно, что любое негативное высказывание по поводу действий российских властей в Крыму или в отношении Украины может легко подпасть под такие расплывчатые антиправовые формулировки;
- негативная мобилизация, в основе которой лежит нарастание антиамериканских, антиукраинских, антилиберальных настроений, а также развитие иных политических, социальных и этнических фобий в массовом сознании.

Так складывалась идеология «Русской весны», ставшая мощным катализатором ретроградных движений в стране и обусловившая значительные изменения внутри различных идеологических течений России. В предыдущих главах книги были подробно отражены, на примере различных идеологических интернет-сооб-

---

[1] См., например: Стрелков против Ходорковского: шокирующий дебют евразийского политолога Гиркина // Sputnik & Pogrom. 2014. 17.10. URL: http://sputnikipogrom.com/russia/22931/fuck-me-sideways-and-call-me-sally/#.VErv4RZDiSq.

[2] Подмена понятий патриотизма в России...

ществ, некоторые реакционные тенденции, характеризующие свертывание идеологического разнообразия при переходе российской политической системы от «Русской зимы» к «Русской весне», а именно:

- сжались и без того ограниченные возможности Интернета как средства демократизации и либерализации общественного сознания (как мы уже сказали подробнее в главе 5);
- усилился процесс сращивания националистического дискурса с провластным, что отразилось в возрастании активности проимперски настроенных националистов;
- произошло свертывание оппозиционного дискурса в тех узких слоях левых и националистических группировок, которые развивали его в период «Русской зимы», в результате чего левые и национал-демократические силы утратили готовность вести диалог с либеральной частью общества;
- радикально ускорился процесс маргинализации и виктимизации либералов и либерализма в пространстве Рунета и общественном мнении.

Важнейшей политической тенденцией, которую мы наблюдали с разных точек зрения, стало доминирование в Рунете на момент весны 2014 г., как и во всем медийном пространстве, неоимперской, шовинистической риторики: именно она стала площадкой единения националистов, левых государственников и лояльных режиму конформистов. Иными словами, новый идеологический союз, созданный вокруг неоимперской идеи, сплотил все антилиберальные силы.

В данной главе мы постараемся обобщить и проинтерпретировать полученные нами материалы с целью выявить общие факторы, способствующие поддержанию и воспроизводству в России имперской риторики в ее связи с демодернизационными процессами:

укреплением авторитаризма, мифологизацией общественного сознания, ростом различного рода фобий и т. д. Мы попытаемся показать, каким образом антимодернизационная риторика проявляется, подчас в неожиданных формах, у таких разных идеологических течений, как идеологи политического режима В. Путина и российские либералы. С одной стороны, положение антиимперского меньшинства, сторонников преобразований по европейскому образцу в современной, «посткрымской» России незавидны: их выталкивают из политического и информационного пространства, загоняя в «осажденную крепость» даже в пространстве социальных медиа. Однако, в конечном счете, не играют ли сами российские либералы, открещивающиеся как от режима, так и от поддержавшего его российского общества, по навязанным им правилам — в пользу очередных попыток восстановления имперского порядка?

О сущности «имперского синдрома»

Российский сегмент Интернета, отражающий в себе социальные процессы современной России, как будто тотально поражен состоянием дежавю. Многим кажется, что призраки непогребенного, неосмысленного прошлого воскрешаются в исторической памяти: настоящее видится повторением «темных» периодов российской истории. Одним видится 1937 год; другим — время «столыпинских галстуков», а третьим — эпоха николаевской реакции после разгрома декабристов в конце 1825 г. Лозунги с плакатов демонстрантов на маршах оппозиции 2011–2012 гг. и заголовки блогов в либеральном сегменте «посткрымского» Рунета напоминают стихи М. Ю. Лермонтова времени торжества идеологии «официальной народности» о «мундирах голубых»

и «преданном им народе». Здесь же, в Рунете, еще активнее обсуждаются причины массового одобрения обществом (во всяком случае, респондентами социологических опросов) открытых действий российской власти в Крыму и скрытых действий на Донбассе.

С одной стороны, популярны объяснения с конструктивистских позиций. Например, либерал А. Илларионов, бывший в начале 2000-х советником президента Путина, полагает, что консолидация общества вокруг действий российской власти в условиях негативной экономической конъюнктуры — следствие государственной пропаганды, или активности «информационного спецназа путинского режима»[1]. Такая точка зрения может быть выражена в радикальной форме; согласно ей, данные социологических опросов, дающие цифру одобрения деятельности Путина в 86 % (сентябрь 2014 г.), напрямую отображают реальность, точнее, «сознание 123 миллионов (86 %) жителей России»[2]. Другие конструктивисты не соглашаются с подобной интерпретацией. Например, журналист К. Рогов, не отрицающий определяющей роли российской госпропаганды, указывает на эффект сверхбольшинства и возникновение в обществе «спирали молчания»: те, кто выступал за Путина и раньше, стал об этом громче говорить, а противники путинского режима стали скрывать свои убеждения (в том числе путем отказа от участия в социологических опросах)[3]. Таким образом, социальная реальность сложнее: вряд ли можно приравнять деидеологизированные слои населения, демонстрирующие конформизм в публичном пространстве, к активным «крымнашистам».

---

[1] *Илларионов А.* «Путинские ножницы» и авторитарная ловушка // Каспаров.ru. 2014. 11.10. URL: http://www.kasparov.ru/material.php?id=543951BE1A32E&section_id=50A6C962A3D7C.

[2] Там же.

[3] *Рогов К.* Правда ли, что 83 % россиян поддерживают Путина?

С другой стороны, звучат эссенциалистские и фаталистические интерпретации. Либеральный политолог Е. Ихлов полагает, что агрессивная шовинистическая пропаганда в государственных медиа есть отражение желаний и комплексов народного подсознания. В результате само общество и таящиеся в нем националистические силы, ведущие к формированию русской политической нации, являются своего рода «заказчиком» на внешнюю политику режима Путина[1].

Несмотря на многообразие позиций и (зачастую неосознанное) использование тех или иных объяснительных схем, эти дискуссии не выходят за рамки сиюминутных эмпирических обобщений, тогда как теоретический анализ причин очередного срыва процесса политической модернизации и неудач демократических преобразований в России существенно запаздывает. Остаются нерешенными многие теоретические вопросы, которые были поставлены еще в начале 2000-х гг., когда переход власти от президента Ельцина к Путину оценивался многими экспертами как поворот в российской политике, знаменующий собой возвращение к советской модели управления[2]. Уже тогда многие исследователи связывали эту историческую инерцию с влиянием имперского наследия на жизнь современной России.

---

[1] *Ихлов Е.* Это пропаганда самого подсознания (ответ Андрею Илларионову) // LiveJournal. 2014. 12.10. URL: http://e-v-ikhlov.livejournal.com/80935.html.

[2] *Гудков Л.Д.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 124–147; *Дубин Б.* Сталин и другие: фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Полит.ру. 2003. 26.02. URL: http://polit.ru/article/2003/02/26/585074; *Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004 [2001]; *Pain E.* Back to the USSR? New trends in Russian Regional Policy // Demokratizatsiya. Vol. 9. 2001. No. 2. P. 182–192.

А. Мотыль, например, отмечал, что основным препятствием на пути к демократизации «России и ее соседей выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого»[1]. Соглашаясь с автором в признании значимости влияния имперского наследия на современное развитие России, стоит подчеркнуть и наши разногласия. На наш взгляд, не имеет смысла противопоставлять «дурную наследственность» «дурным политикам» хотя бы потому, что деятельность таких политиков чаще всего и приводит к возрождению или оживлению остатков имперского наследия. Кроме того, метафора наследия не дает представления о его конкретном содержании.

Логичнее обратиться к иному способу характеризовать данный феномен, а именно к концепции «имперского синдрома», включающего в себя три составных элемента — «имперскую власть», «имперское тело» и «имперское сознание»[2]. Все эти элементы, которые были характерны — разумеется, в различных формах — для империи Романовых и СССР, стали объектом воспроизводства и имитации в условиях современной, постсоветской России[3].

---

[1] *Мотыль А.* Указ. соч. С. 174–175.

[2] См. подробнее: *Паин Э.А.* Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России; *Он же.* Россия между империей и нацией: концепции национально-государственного устройства в условиях кризиса гражданской идентичности // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 42–59; *Он же.* Будущее постимперских обществ XXI века. Нации, гражданский национализм и демократия.

[3] Защиту тезиса, согласно которому СССР был имперской политией и в значительной мере являлся продолжением Российской империи, можно найти в работах целого ряда видных исследователей: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010 [2007]; *Ливен Д.* Российская империя и ее враги

«Имперская власть» – это политический режим империи. «Империя, — отмечает Д. Ливен, — по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия — вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия»[1]. Останавливаясь на проблемах национальной идентичности и нелегитимного господства в модерновых империях, М. Бейссингер определяет империю как «*нелегитимные* отношения контроля со стороны одного *национального* политического сообщества над другим»[2]. Е. Гайдар также считал важнейшим свойством имперского государства его политический режим, а именно

с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007 [2002]; Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2008; *Хоскинг Д.* Россия: народ и империя (1552–1917); *Он же.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе; *Lieven D.* The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities // Journal of Contemporary History. Vol. 30. No. 4. 1995. P. 607–635. СССР унаследовал от империи Романовых колониальную территорию и методы обращения с населением как объектом колонизации. Одновременно с этим к наследию Российской империи были добавлены некоторые важные нововведения, такие как идея развития этнонаций в 1920–1930-е гг. и концепция тоталитарного государства, основанного на индоктринации, репрессиях и культивировании страхов. Некоторые формы существования Старого режима обрели новое содержание (коммунистическая утопия стала субститутом российского цивилизационного мессианства XIX и начала XX века, а плановая экономика являлась радикальным продолжением милитаризированной экономики империи Романовых), тогда как демократические, либеральные и конституционные достижения поздней Российской империи были просто-напросто уничтожены и подменены фикциями.

[1] *Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок // Ab Imperio. 2005. № 1. С. 79.

[2] *Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 68.

то, что в нем «imperium — власть доминировала в организации ежедневной жизни»[1].

Формула «власть без согласия народов» не обязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии; главное — она указывает на то, что в имперских политиях воля граждан и их ассоциаций, например территориальных сообществ, не имеет значения для функционирования государства. Одновременно с этим в империях существует суверенитет верховного правителя, олицетворяющего в себе все общество (или «нацию» на языке Модерна), в отличие от народного суверенитета в государствах-нациях, создающего «нацию» через политическое участие и публичную политику. Неслучайно и то, что применительно к империям речь идет о народах, то есть множестве групп, объединенных по этническому, лингвистическому, религиозному или территориальному признаку и при этом слабо связанных друг с другом «горизонтальными», гражданскими отношениями.

Хорошим индикатором имперского порядка является управление провинциями страны с помощью наместников: сатрапов, прокураторов, воевод, назначаемых губернаторов. Создание федеральных округов в России в 2000 г. и лишение жителей российских регионов права выбора их руководителей четыре года спустя — это форма восстановления имперского порядка; данное решение было сугубо аппаратным, кабинетным, не опиравшимся ни на легитимные процедуры (вроде референдума), ни на широкое общественное обсуждение. Восстановление управления по типу сатрапий обосновывалось ссылками на национальную русскую традицию, и это был не первый в истории России опыт подобной формы легитимации политических решений. Возвращение к выборам губернаторов в 2012 г. не сильно увеличило за-

[1] *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. С. 18.

висимость глав регионов от населения: они по-прежнему ориентируются не столько на потребности местных жителей, сколько на Кремль, перед которым они чувствуют свою ответственность[1]. В то же время управление, доверенное верховным наместникам (постпредам Президента), переводится в ручной режим и приобретает в «посткрымскую» эпоху чрезвычайный характер[2].

«Имперская власть» нацелена на управление и сохранение «имперского тела» — территории страны, разделенной на неинтегрированные в культурном отношении регионы, сохраняющие исторические следы колониальных завоеваний и постоянного освоения завоеванных просторов[3]. Погоня за природными ресурсами восточных земель — пушниной — способствовала завоеванию огромных сибирских просторов, ставших уже в XX веке новой базой для «ресурсного государства» благодаря открытым запасам нефти и природного газа[4]. Так или иначе, по классификации Ч. Тилли, российское государство опиралось на насилие больше, чем на капитал[5]: экономические отношения никогда не были отделены от политической власти, стремившейся к централизации. Помимо «вертикальных» хозяйственных свя-

---

[1] *Remington T.F. et al.* Economic and Social Policy Trade-Offs in the Russian Regions: Evidence from Four Case Studies // Europe-Asia Studies. Vol. 65. 2013. No. 10. P. 1855–1876.

[2] Именно в этой логике в сентябре 2014 г. было ликвидировано Министерство регионального развития, тогда как ранее были созданы структуры по управлению особыми (и важными с имперско-пространственной точки зрения) территориями — Министерства по развитию Дальнего Востока и Северного Кавказа, а также Министерство по делам Крыма.

[3] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова, 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2013 [2011].

[4] Там же. Гл. 5.

[5] *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т. Б. Менской. М.: Территория будущего, 2009 [2002]. С. 202–210.

зей, следы колониальных завоеваний заметны прежде всего в ареалах компактного расселения колонизированных этнических общностей, элиты которых до сих пор оперируют в своем дискурсе оппозицией «мы и Россия», вне зависимости от того, имели ли эти народы в прошлом свою государственность. Впрочем, не только территории с преобладанием этнических меньшинств, но и все так называемые «субъекты Российской Федерации», включая области с преимущественно русским населением, — это фактически части «имперского тела». В действительности они лишены своей политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, «вертикали власти», а не добровольного согласия и осознанной заинтересованности в интеграции. Имперский принцип «удержания территорий» канонизирован в российской политике начала XXI века. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию президент Путин еще в 2003 г. назвал «удержание государства на обширном пространстве» на протяжении тысячелетия историческим подвигом народа[1].

Наконец, «имперское сознание» включает в себя сложный комплекс традиционных стереотипов массового сознания, например подданническое сознание[2], сохраняющее устойчивые этатистские ценности («культ личности государства», по выражению Е. Евтушенко[3]), надежды на «мудрого царя» и «сильную руку», а также имперские амбиции по отношению к внешнему миру.

Элитарные разновидности «имперского сознания» прежде всего связаны с геополитическим эссенциа-

---

[1] Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2003. 16.05. URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml.

[2] См.: *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, Princeton University Press, 1963.

[3] *Евтушенко Е.* Выступление на I Съезде народных депутатов СССР. 1989. URL: http://www.youtube.com/watch?v=G7Vy-695Zjc.

лизмом, выражающимся в двух взаимосвязанных представлениях: во-первых, о российской «уникальной цивилизации», навечно сохранившейся в «русской душе»; во-вторых, о постоянной угрозе этой «цивилизации» со стороны «цивилизации Запада». Эта старинная идея, известная с начала XIX века, вновь стала набирать популярность с середины 1990-х в интеллектуальных и околовластных элитарных кругах, приводя их к тем же выводам, что и графа Уварова за полтора столетия до них, а именно: для защиты от внешнего врага нужны сильный правитель — император — и собственная система ценностей, основанная на патернализме и антизападничестве. Сегодня концепцию принципиальных различий в интересах и ценностях России и Запада, а также идею необходимости реанимации имперского порядка для отражения «западной угрозы» развивают профессиональные пропагандисты и идеологи, такие как члены «Изборского клуба» (В. Аверьянов, А. Дугин, М. Леонтьев, Н. Нарочницкая, Н. Стариков, А. Фурсов, М. Шевченко и др.), созданного в 2012 г. под председательством сталиниста А. Проханова[1].

Р. Вортман утверждал, что в династии Романовых лишь два императора, имевшие личные претензии к западникам (Николай I после восстания декабристов и Александр III после убийства террористами-западниками его отца), сознательно и последовательно опирались в своей политике на мифологию национальной исключительности России, противопоставляя ее политическим моделям Запада[2]. Пол-

[1] См. подробнее: *Умланд А.* Новые праворадикальные интеллектуальные круги в России: Антиоранжевый комитет, Изборский клуб и клуб «Флориан Гейер» // Неприкосновенный запас. 2014. № 2 (94). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2014/2/8u.html.

[2] *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С.233–244.

тора столетия спустя их преемником стал В. Путин, который с самого начала своего лидерства в России и до сегодняшнего дня ретранслирует ту же мифологию. В 1999 г., когда в России еще доминировала идея «догнать Запад», Путин, будучи премьер-министром, отстаивал во многом иной подход, подчеркивая уникальность российского варианта развития:

> Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа. Крепкое государство для россиянина не аномалия <...> а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен[1].

Уже в этих словах можно усмотреть ориентацию на обоснование «особого пути» (*Sonderweg*) развития — идеологического конструкта, не раз использовавшегося имперскими режимами России и Германии в прошлом[2]. Притом Путин говорил это, являясь подчиненным Б. Ельцина. Став главой государства, он все более открыто стал развивать идею о цивилизационных различиях между Россией и Западом, ссылаясь на философа Ивана Ильина, прямого наследника интеллектуальной традиции поздних славянофилов. Наиболее полно идеи российской уникальности — исторической, культурной и политической — отражены в программном выступлении российского лидера — статье 2012 г. под названием

---

[1] *Путин В.* Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30.12. URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html.

[2] О сравнении мифологии «особого пути» в России и Германии — уникальной российской «цивилизации» и немецкого *Sonderweg* — см.: Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010.

«Россия: национальный вопрос»[1]. В ней Россия провозглашается «полиэтнической цивилизацией», существующей благодаря «единому культурному коду», суть которого сводится к мессианской роли русских и созданию самого большого в мире государства. В этих рассуждениях отсутствует слово «империя», как не было его и в официальном советском дискурсе «дружбы народов»[2]; однако обе идеологемы, очевидно, являются выражением дискурса имперского порядка.

Производство мифов об уникальности российской демократии («суверенная демократия»), о культурной предрасположенности русского народа к авторитарному стилю правления («колея», «русская матрица»)[3] и об «особом пути» развития России представляет собой процесс реанимации «имперского сознания». На достижение этой же цели работает последовательный курс российских властей по ретрадиционализации общественных нравов — поиск «духовных скреп». Суть этой «борьбы за умы» россиян состоит в пропаганде так называемых традиционных семейных ценностей и использовании православия как механизма формирования консервативного большинства наряду с поиском врагов, как внутренних (гомосексуалисты или либералы, «пятая колонна»), так и внешних (страны Балтии, Грузия, США или Украина, в зависимости от внешнеполитической ситуации).

Элементы «имперского синдрома» не просто взаимосвязаны, но и обеспечивают взаимную устойчивость всей конструкции, выступая условием ее воспроизводства. Вот лишь некоторые варианты такой взаимосвязи. С одной стороны, пока сохраняется «имперское тело»,

---

[1] *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос.

[2] См.: *Лурье С. В.* «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 145–156.

[3] См. критику этой идеологемы: *Паин Э. А.* Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России.

живы и страхи его разрушения. Такие страхи приняли наиболее массовый характер после распада СССР. Впрочем, это произошло не сразу, не в 1991 г.; страхи «возвращались» из прошлого постепенно, на протяжении всего последнего десятилетия XX века. К этому мы обратимся чуть позже.

С другой стороны, пока существуют страхи разрушения или захвата «имперского тела» внутренними или внешними врагами, воспроизводятся и надежды на «сильную руку» и «мудрого царя». Эти стереотипы, в свою очередь, используются как база для восстановления и укрепления имперской, антифедеративной централизации. Целями борьбы с сепаратизмом В. Путин, в частности, обосновывал введение федеральных округов в мае 2000 г.[1], а необходимость замены избранных губернаторов назначаемыми после Бесланской трагедии 2004 г. была обоснована борьбой с терроризмом и укреплением безопасности[2].

Наконец, размер «имперского тела» порождает великодержавные амбиции. По мысли (нео)евразийцев, идеи которых стали основой официального дискурса российского политического режима, не может страна с самым большим «телом» на свете не иметь особой геополитической роли в мире, не претендовать на статус великой державы. Знаменитый постулат этой группы идеологов гласит: «Географический рельеф как судьба»[3].

Существует множество факторов, активизирующих взаимодействие в цепи «имперское тело — имперское сознание — имперская власть». Мы сосредоточимся на такой их классификации, которая позволяет отделить

---

[1] *Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю.* Пространство российского федерализма // Полис. 2005. № 5. С. 98–110.

[2] Путин объявил о перестройке государства после трагедии в Беслане // NEWSru.com. 2004. 13.09. URL: http://www.newsru.com/russia/13sep2004/putin.html.

[3] *Дугин А.* Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. С. 12.

факторы, обусловленные историей и являющиеся адаптацией к среде, от факторов, связанных с манипуляциями массовым сознанием и эксплуатацией существующих у населения страхов. Так, мы полагаем, что «имперское сознание» не является имманентно присущим массовому сознанию всего населения России или менталитету русских. Напротив, оно оживает только в том случае, если его последовательно активизируют, реконструируют заинтересованные политические силы, опирающиеся при этом на благоприятные для себя условия, например усталость народа от реформ и отсутствие демократических традиций.

Механизмы «имперского пленения». О постимперских трансформациях в России

Случай постсоветской России наглядно демонстрирует, как обществу в 1990-е гг. буквально навязывалось «имперское сознание». В 1992–1994 гг. на политической сцене России уже в полной мере проявились политические силы, которые можно назвать имперскими реставраторами. Например, бессменный лидер российских коммунистов Г. Зюганов уже тогда патетически взывал к чувствам русских людей: «Без воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен»[1]. Левые силы, да и не только они, активно выдвигали триединое требование: «возрождение СССР», «объединение разделенного русского народа» и «защита русских соотечественников, брошенных на произвол судьбы» в новых независимых государствах[2]. Это те же идеи, которые ныне поддерживает большинство россиян, но ведь в начале 1990-х такие лозунги не

[1] *Зюганов Г.* Драма власти. М.: Палея, 1994. С. 22.
[2] Там же.

имели большого отклика в массовом сознании. Социологические опросы 1993 г. не выявили у россиян ни малейших признаков сожалений о распаде страны и тяги к ее объединению. Например, только 16 % россиян в то время заявляли, что их жизнь в значительной мере связана с другими республиками бывшего СССР, при этом у этнических русских актуальные эти связи были менее значимыми, чем у респондентов других этнических групп[1], многие из которых, возможно, были выходцами из других республик бывшего Союза[2]. Лишь 9,3 % русских и 12,9 % представителей других национальностей заявляли, что они ощущают «свою общность с людьми и историей этих республик» (речь шла о союзных республиках). И даже простой интерес к территориям за пределами России был тогда невысок. К Украине интерес был выше, чем к другим республикам, но и к ней проявляло внимание меньшинство — только 21 % русских респондентов[3].

К 1993 г. появился Конгресс русских общин, который стремился превратить многомиллионную русскую диаспору в новых государствах, бывших республиках СССР, в мощную политическую силу и орудие русского ирредентизма, то есть объединения вокруг России людей, считающих себя русскими. И каков был результат? Ничего похожего на имевшие место в прошлом и настоящем венгерский ирредентизм (например, присоединение Северной Трансильвании и проект Великой Венгрии) или румынский (Великая Румыния) ирредентизм. Ничего, что могло бы даже отдаленно напоминать по своей мощи указанные ирредентистские дви-

[1] В анкетах ВЦИОМ того времени, которые использовал Э. Паин для выделения влияния этнического фактора, предусматривалось только два этнических маркера: «русский(ая)», «прочие национальности».

[2] *Паин Э. А.* Между империей и нацией. М.: Новое издательство, 2004. С. 75.

[3] Там же. С. 75.

жения, на территории СНГ тогда не проявилось. Ирредентизм считается в теории одним из ярких признаков имперского национализма и имперского массового сознания. И в 1990-е гг. эти свойства проявлялись у иных народов, например венгров, сербов и румын, больше, чем у русских.

Можно утверждать, что жесткие государственники и имперские националисты до середины 1990-х гг. ссылались на «волю народа» без малейшего на то основания. В начале 1990-х гг. 60 % опрошенных социологами под руководством Ю. Левады респондентов рассматривали Запад как модель для подражания, имея в виду его политическую систему, рыночную экономику и образ жизни[1]. Прошло время, и к 1995 г. стали все более ощущаться трудности переходного периода: нарастала усталость от реформ и ошибок в их проведении. Именно в это время массовые настроения начали постепенно меняться. В середине 1990-х гг. процесс эрозии позитивного образа Запада только начался, а к 2000 г. оценки начала 1990-х поменялись на противоположные. В 2001 г. 67 % опрошенных в России указали, что западный вариант общественного устройства в той или иной мере не подходит для российских условий и противоречит укладу жизни российского народа[2].

Радикальность социально-экономических перемен в России в 1990-е гг. была ниже, чем, например, в Польше или странах Балтии; по крайней мере, отраслевая структура экономики России и состав ее менеджмента изменились меньше. Однако у названных соседей России психологическая болезненность от шока перемен смягчалась желанием войти в Европу. Считалось, что ради этой самостоятельной и важной цели можно было

---

[1] *Дубин Б.* Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1 (3). С. 137.

[2] Там же. С. 150.

потерпеть дискомфорт и преодолеть болезни роста. В России такого защитного механизма в народном сознании не было: движение в Европу не являлось самостоятельной целью, напротив, эта идея сама зависела от нескольких других. Важнейшую роль в восприятии вестернизированных реформ играло отношение к социализму и к СССР. В 1989–1992 гг. более половины россиян поддерживали лозунг «Социализм завел нас в тупик»[1]. Примерно такая же доля респондентов выступала в поддержку аналогичной идеи в Польше 1980-х гг., но там подобные настроения специально оберегали, на их сохранение работали музеи социалистического быта, подавлявшие желание вернуться в социализм, фильмы А. Вайды и едва ли не вся польская литература. В России ничего похожего не было, и к 1995 г. стал популярным другой тезис: «Социализм был не так уж плох, плохи были его лидеры», — а к началу 2000-х были реабилитированы и советские лидеры.

В этом отношении показательны перемены отношения к образу И. Сталина. Во второй половине 1980-х, в период начала общенациональных социологических опросов в СССР, Сталин не попадал в списки выдающихся деятелей и был фигурой, постоянно подвергаемой в перестроечных медиа жесточайшей критике. В 1991 г., в новой постсоветской России отношение к нему в массовом восприятии лишь ухудшилось. Тогда менее одного процента опрошенных первым в России социологическим центром ВЦИОМ посчитало, что о нем будут помнить через десять лет. Подавляющее же большинство респондентов было уверено, что его скоро просто забудут. Однако этот прогноз не сбылся: менее чем через десять лет, в 2000 г., тот же социологический центр зафиксировал, что Сталин, по данным опросов общественного мнения, лидирует в спис-

[1] *Паин Э. А.* Между империей и нацией. С. 73.

ке самых выдающихся глав российского государства в XX веке[1]. Показательно, что третью строчку в этом рейтинге занимал Ю. Андропов — руководитель Советского Союза в 1982–1984 гг., а до этого многолетний глава КГБ, который, так же как и Сталин, воспринимался в массовом сознании россиян как сильный авторитарный администратор — «железная рука»[2]. После десяти трудных лет привыкания к новой социальной и экономической среде у многих россиян возродились привычные советские стереотипы, связывающие в сознании стабильность исключительно с авторитарным правителем. Но еще важнее, что эти патерналистские стереотипы навязывались массам российской политической элитой, которая не только морально реабилитировала Сталина, но и активно его рекламировала. В 2000 г., по случаю Дня Победы, имя Сталина впервые прозвучало в позитивном ключе из уст президента Путина; тогда же кинорежиссером Н. Михалковым была озвучена идея переименования Волгограда в Сталинград[3]. С тех пор тема возвращения городу имени Сталина возникала каждый год накануне 9 мая.

В 2002 г. социологический центр ВЦИОМ под руководством Ю. Левады выпустил юбилейный сборник, посвященный 15-летию своей деятельности и отразивший социальные перемены в России с 1987 г. Оказалось, что именно в 2002 г., впервые за 15 лет социологического мониторинга, распад СССР был оценен респондентами в качестве главного и самого драматического события всего этого периода[4].

---

[1] *Дубин Б.* Сталин и другие: фигуры высшей власти в общественном мнении современной России.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Итоги 2002-го и предшествующих годов глазами россиян представлены в работе: Общественное мнение — 2002: Ежегодник. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 19.

Вслед за изменением взглядов на социализм и Советский Союз быстро стали меняться представления о врагах России. В СССР Запад рассматривался не только как геополитический противник, но и как классовый враг, компромисс с которым невозможен, поскольку классовые противоречия, согласно марксистской доктрине, носят антагонистический характер. Единственным временем, когда политическая элита СССР, а затем и России провозглашала лозунг возвращения в «семью цивилизованных народов», «в Европу», был период с конца 1980-х до начала 1990-х гг. Массовое сознание тогда весьма активно поддержало эту политику, в это время в России доминировала идея: «Зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих». Однако по мере возвращения советского в культуре России стали оживать и советские стереотипы массового сознания. Первыми вернулись страхи, фобии, образы врага. В 1991 г. только 12 % опрошенных считали Запад (прежде всего США) врагом, в 1994 — уже 41 %, а в 1999 г. почти две трети респондентов — 65 %[1]. В 2014 г., после произошедшей в Украине национал-демократической революции, отношение основной массы россиян к Западу стало почти тотально враждебным. Опрос «Левада-Центра», проведенный 18–21 июля 2014 г., показал, что к США плохо относятся 74 % респондентов (максимальное значение за все время наблюдений). 60 % опрошенных негативно относятся к странам Евросоюза[2]. При этом 52 % россиян полагают, что «Украина стала марионеткой в руках Запада и США, проводящих антироссийскую политику»[3].

---

[1] *Гудков Л.Д.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. С. 132–133.

[2] Отношение россиян к другим странам: Опрос «Левада-Центра». 2014. 18–21 июля. URL: http://www.levada.ru/06-08-2014/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam.

[3] Украинский кризис: действия руководства Украины и России. Опрос

Рост фобий к Западу не связывался в массовом сознании с возрождением советских черт в жизни России. Свои перемены россияне объясняют с позиций несовместимости цивилизаций России и Запада; в общем виде данную позицию можно сформулировать так: «Вот мы изменились, стали демократией, а Запад нас по-прежнему не любит — это их природная русофобия».

В России вначале вернулось советское сознание (конец 1990-х гг.), а уже после этого постепенно была реабилитирована идея империи в досоветской ее редакции. Дело в том, что в Советском Союзе термин «империя» имел сугубо негативную коннотацию. Авторитетный историк советской национальной политики Т. Мартин приводит документальные доказательства своего вывода о том, что «Ленин и Сталин очень хорошо понимали, как это опасно — именоваться империей в эпоху национализма»[1]. Поэтому советские лидеры никогда не называли СССР империей; «это слово отвергли со всей определенностью»[2]. И нынешнюю Россию ее власти до сих пор упорно именуют федерацией, хотя она все больше приобретает (вернее, восстанавливает) черты имперского устройства. Советским людям со школы внушали, что империя — это «плохо», это «тюрьма народов», это режим, против которого боролся великий Ленин, а империализм есть последняя стадия разложения капитализма. Тем удивительнее реабилитация термина «империя» в России начала XXI столетия.

Примечательно, что в начале 2000-х гг. в разных издательствах России вышли романы, написанные в жанре оруэлловской антиутопии: описывая современность под видом событий будущего, они были посвящены

«Левада-Центра». 2014. 1–4 августа. URL: http://www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii.

[1] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». С. 34.

[2] Там же. С. 35.

России как империи[1]. Во-первых, показателен интерес к жанру антиутопии, который иногда называют жанром «зашифрованного языка». В период Перестройки и президентства Ельцина у россиян не было спроса на такого рода произведения. Напротив, после долгих лет жизни за «железным занавесом» изголодавшаяся по правде постсоветская публика буквально набрасывалась на ранее запрещенную литературу и на публикации, отражавшие актуальные проблемы общества. Во времена Путина, как и во времена Сталина или Брежнева, появилась необходимость зашифровывать мысли о современности.

Во-вторых, поражает, что во всех романах отразилось предчувствие возрождения в России имперского порядка. В одном из них (в романе Э. Геворкяна «Времена негодяев») прямо говорится о России как империи; в других используются вымышленные названия: «Славянский Союз» (О. Дивов, «Выбраковка»), «Ордусь» (то есть «Ордо-Русь») (Хольм Ван Зайчик, цикл повестей «Плохих людей нет. Евразийская симфония» — «Дело жадного варвара» и др.) или «Империя Гесперия», столица которой называется Москва (П. Крусанов, «Укус ангела»). Время действия отмеченных романов обозначено по-разному: у Э. Геворкяна время указано точно — 2014 год, у других менее определенно, как первое 20-летие или 30-летие нынешнего века. Несколько позже, в 2006 г., вышла знаменитая ныне антиутопия писателя В. Сорокина «День опричника». Эта книга по замыслу писателя должна была предостерегать о судьбе, которая ждет Россию в случае продолжения текущего политического курса. Действие книги происходит в России образца 2027 года, которая отгородилась от мира при

[1] *Дивов О.* Выбраковка. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000; *Геворкян Э.* Времена негодяев. М.: АСТ, 2000; *Крусанов П.* Укус ангела. СПб.: Амфора, 2000; *Хольм Ван Зайчик.* Дело жадного варвара. СПб.: Азбука, 2000; и др.

помощи Великой Русской Стены, символа, как известно, иной, древней империи. Трудно найти лучший метафорический прием, чтобы описать изоляцию России в 2014 г.

Ни один из этих романов не мог служить делу популяризации империи, поскольку во всех из них ее образ был представлен крайне непривлекательно, отталкивающе, а порой и ужасающе. Например, в гротескном романе «Дело жадного варвара» Россия изображена полностью порабощенной Китаем. Русский народ в романе ассимилирован, а русский язык забыт и вытеснен китайским. От России остался лишь государственный гимн, текст которого был некогда написан поэтом С. Михалковым, но слегка измененный: в нем говорится о Союзе улусов вместо прежнего Союза республик.

Писатели в романах передали свой страх перед надвигающимся тоталитаризмом, раньше, чем социологи, ощутив происходящие в российском обществе перемены: прежде всего массовый спрос на стереотипы «имперского сознания», которые целенаправленно активизировались с конца 1990-х гг., а ныне широко эксплуатируются в целях самосохранения авторитарного режима и реанимации «имперского синдрома». Приписываемый В. Путину знаменитый лозунг «Россия будет либо великой, либо ее не будет вообще» является обобщением таких стереотипов массового сознания[1].

---

[1] Эта фраза постоянно повторяется как путинская, но она, по всей видимости, приписывается В. Путину с чужих слов. «Каждому из нас по сердцу слова нашего Президента: Россия может быть либо великой, либо никакой», — сказал А. Дугин, выступая на Всемирном русском народном соборе, состоявшемся в Москве в декабре 2001 г. Опровержений авторства этих слов со стороны государственных органов не последовало. См.: *Ицкович С.* Кем формируется государственная идеология России // Вестник online. 2002. № 2 (287). URL: http://www.vestnik.com/issues/2002/0117/win/itskovich.htm.

Лишь к концу первой декады XXI века в политическом дискурсе так называемых «национал-патриотических» сил России (А. Дугин, А. Проханов, М. Юрьев и др.) стало модным использовать слово «империя» для обозначения как былого советского величия и порядка, так и желаемых перемен в будущем. Но больше других в популяризации империи постаралась и преуспела бизнес-реклама. Ее усилиями мотивы империи постепенно стали входить в массовую культуру, а затем и в массовое сознание. Самые популярные сорта русской водки во многих регионах России получают названия «Империя», «Имперская». Бизнес-класс в некоторых российских авиакомпаниях переименовали в класс «империал». А дальше термин «империя» стал символом чего-то очень хорошего, постоянно мелькая в словосочетаниях типа «империя вкуса», «империя духа». Империя стала воспеваться на эстраде, в кино, в литературе. В художественных произведениях «империя» стала выглядеть привлекательно, «красиво», иногда даже «шикарно», как парад войск царя Александра III на кремлевской площади в кинофильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник». Неоимперский стиль стал доминирующим в архитектуре и градостроительстве.

Возрождение «имперского сознания» шло рука об руку с реанимацией имперского порядка. Уже к середине 2000-х гг. ярко обозначился рост фантомных болей по империи, а свертывание демократических институтов стало ускоряющейся тенденцией[1]. Помимо усталости населения от реформ, вызывавших необходимость адаптации к быстро меняющимся условиям

[1] См.: *Арбатов А.* Россия: особый имперский путь? // Россия в глобальной политике. 2005. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5977; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России; *Паин Э.А.* Между империей и нацией.

жизни и к резкому росту разнообразия, в том числе ценностного и идеологического, немаловажную роль в процессе антидемократического и антилиберального отката сыграли и внешние события, такие как действия НАТО в Югославии в конце 1990-х гг., но в особенности — «оранжевая революция» 2004 г. в Украине[1].

«Украинский фактор» стал одним из механизмов изоляции и консолидации авторитарного режима в России и в 2014 г.[2] Однако уже тогда, в 2004–2005 гг., внешние шоки наложились на внутриэкономическую динамику: политические элиты осознали возможность извлекать ренту из отказа от болезненных для общества трансформационных реформ — экономических, политических и правовых. Как только «стало ясно, что цены на нефть будут продолжать расти», Путин «отказался от реформ»[3]. Суть выбора модели развития была в ограничении конкуренции в политике и экономике, то есть в поддержании «порядка ограниченного доступа» (или «естественного государства»), если воспользоваться терминологией Д. Норта и соавторов.

С 2005 г., по версии *Freedom House*, Россия является несвободной (*not free*) страной[4]. С того же момента многие исследователи для определения российского политического режима начали использовать термин «управляемая демократия», который коррелирует с концептом суверенной демократии, изобретенным

---

[1] *Умланд А.* Новый «особый путь» России после «оранжевой революции»: радикальное антизападничество и паратоталитарный неоавторитаризм 2005–2008 годов // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 245–265.

[2] *Макаренко Б.* Посткрымский политический режим // Pro et contra. 2014. № 3–4. С. 87–103.

[3] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011 [2009]. С. 246.

[4] Freedom House. URL: http://www.freedomhouse.org/.

идеологом режима Путина В. Сурковым[1]. По уровню институционализации демократии и гарантии прав граждан путинская Россия относится скорее к категории домодерных (или немодерных) обществ, в которых нет защиты гражданского общества и бизнеса от произвола со стороны государства[2], а уровни доверия и конкуренции крайне низки[3]. Российское «государство как институциональная конструкция и воплощение публичной жизни общества является слабым и дисфункциональным»[4]. Отсутствие механизмов гражданского контроля способствует расцвету «мнимого конституционализма»[5] — состояния правовой системы, при котором становится возможным «фактическое изменение Конституции без формального пересмотра ее текста» с целью ограничения демократии и укрепления доминирования исполнительной власти[6]. Именно в это время российские власти начина-

---

[1] *Anderson P.* Russia's Managed Democracy: Why Putin? // London Review of Books. Vol. 29. No. 2. January 2007. P. 3–12; *Krastev I.* Putinism Under Siege: An Autopsy of Managed Democracy // Journal of Democracy. Vol. 23. No. 3. July 2012. P. 33–45. О концепте «суверенной демократии» в интерпретации Суркова см.: Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента — помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года // Единая Россия. 2006. 22.02. URL: http://web.archive.org/web/20080417005442/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148.

[2] См.: *Олейник А. Н.* Общество неопределенности: институциональная перспектива // Экономическая политика. 2007. № 1 (5). С. 98–111.

[3] См.: *Mendras M.* Russian Politics. The Paradox of A Weak State. London, Hurst & Columbia University Press, 2012. Ch. 6.

[4] Ibid. P. 11.

[5] См.: *Медушевский А. Н.* Размышления о современном российском конституционализме.

[6] *Медушевский А. Н.* Завершение постсоветского цикла. «Мнимый конституционализм» становится реальностью // Русский журнал. 2009. 25.09. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Zavershenie-postsovetskogo-cikla.

ют оказывать финансовую поддержку неоимперским и просоветским силам[1], а апелляции к православию становятся неотъемлемой частью официального дискурса режима В. Путина. Завоевания демократической революции конца 1980-х — начала 1990-х стали казаться случайным эпизодом недавнего прошлого, а единственно верным курсом — попытки восстановления империи. Знаковым событием, обозначившим бесповоротный выбор российских политических элит в пользу постимперского государства, стали слова президента Путина, произнесенные в 2005 г.: «Крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой XX века»[2].

Трудно понять механизм постоянного возврата к имперскому прошлому, не обратившись к сравнениям с другими странами. Сравнительная перспектива позволяет увидеть, что явление постимперских трансформаций, сопровождающихся ростом ностальгических настроений по утраченному государственно-имперскому величию, исторически неуникально. Напротив, этот феномен едва ли зависит от культурных и географических особенностей: постимперские общества и по сей день многочисленны, особенно если учесть, что самые крупные колониальные империи перестали существовать только в середине прошлого столетия. Распад Советской империи, как и крах всех иных империй, сопровождался чередой кризисных явлений[3].

---

[1] *Умланд А.* Новый «особый путь» России после «оранжевой революции»: радикальное антизападничество и паратоталитарный неоавторитаризм 2005–2008 годов. С. 251–252.

[2] Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml.

[3] *Гайдар Е.Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. С. 38–45. См. также о более глубинных,

Однако России среди иных посткоммунистических обществ пришлось сложнее остальных.

Прежде всего, Россия на протяжении столетий была континентальной, или территориально интегрированной, империей. Коллапс таких образований оказывается наиболее болезненным. Колониальные (заморские) империи — другое дело. В эпоху Модерна они существовали как бы на двух скоростях: метрополии шли по пути строительства национального порядка, оставляя имперскую структуру в качестве рамки, «надстройки», которая обеспечивала геополитическое и геоэкономическое могущество европейских наций. Нация для себя, империя для колоний — вот формула, которая описывает державы-метрополии европейского типа в их зрелом виде в XIX — первой половине XX века. К воспроизводству этой же модели стремились милитаристская Япония, фашистская Италия, кайзеровская и затем нацистская Германия. Со значительными оговорками США после Второй мировой войны можно считать такого рода нацией, осуществляющей империалистическую внешнюю политику, однако без претензий на территориальную экспансию: территория сама по себе утратила ценность в мире наций. Так или иначе, для России эта формула совершенно чужда. Россия никогда в своей истории не знала ничего похожего на национальный тип социально-политической организации. Рухнувшее имперско-советское пространство оставило страну неподготовленной к глубоким трансформациям переходного периода, что породило проблему разделенности русского народа политическими границами (около 20 миллионов русских оказались за пределами Российской Федерации), тогда как имен-

---

социетальных, изменениях в обществе, порождаемых революциями: *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005 [1925].

но русские были инициаторами строительства империи и главной опорой имперского порядка. Именно в этом, имперском смысле слова русские являлись государствообразующим народом[1]. И в воображаемом сегодня «Русском мире», границы которого российские власти примеряют к расширенному, «родовому», «имперскому телу» Российской империи / СССР, главным действующим лицом провозглашаются русские — народ-правитель и народ-жертва своего имперского величия[2].

В результате распада СССР Россия унаследовала территорию «сердцевины» империи. В этом состоит еще одно важное отличие российского общества не только от постсоветских стран, но и от бывших колоний европейских держав в Америке, Азии и Африке. То обстоятельство, что российское имперское пространство не знало четких различий между метрополией и периферией, границы между которыми постоянно передвигались в процессе внутренней колонизации, способствовало созданию дополнительных трудностей на пути *nation-building* в постсоветской России. Воспроизводить «имперский синдром» значительно легче, когда страна «похожа на окровавленный торс империи — то, что осталось, когда от нее отделились другие

---

[1] Ведущиеся в России на протяжении многих лет споры о необходимости записать в Конституцию особый статус русского народа как «государствообразующего» происходят именно в рамках (нео)имперского мышления, содержащего прямую отсылку к многовековой истории русской экспансии на запад, на север, но главным образом — на юг и на восток. В этой же логике выстроена идеологема «Русского мира», официально озвученная президентом Путиным в марте 2014 г. после аннексии Крыма.

[2] Именно так назвал свою книгу британский историк Д. Хоскинг, размышляющий об имперском бремени русских и показывающий ту высокую цену, которую русский народ заплатил за созданную им Советскую империю: *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе.

[советские] республики»[1]. Иные посткоммунистические общества пусть часто и с великим трудом, но все-таки сумели встать на извилистый путь национального строительства[2]. Важным фактором на этом пути оказалась готовность элит и общества к выбору ценностной системы, позволяющей легитимировать новые институциональные системы. Возможность апеллировать к досоветскому прошлому блокировала воскрешение «призраков» имперско-советского прошлого; невозможность (или нежелание элит) найти антисоветскую ценностную платформу способствовало такому воскрешению[3]. В этом смысле легче всего пришлось странам Центральной и Восточной Европы. Там консолидация населения и превращение его в демос облегчались наличием демократических традиций и докоммунистической исторической памяти. Решающую роль, безусловно, сыграл и политический фактор — идея возвращения в лоно западной цивилизации, из которой они прежде «выпали» не по своей воле. Наконец, успех постсоциалистических трансформаций на пути к стабильной демократии в этой группе стран был достигнут благодаря реально существовавшему противостоянию гражданского общества и политического режима, навязанного извне: если «Россия воспринимала себя как центр империи», то, например, «Польша себя —

---

[1] *Хоскинг Д.* Россия: народ и империя (1552–1917). С. 502.

[2] См. анализ процесса «национализации» политической и общественной жизни в постсоциалистических обществах на просторах Евразии: *Brubaker R.* Nationalizing States in the Old 'New Europe' — and the New // Ethnic and Racial Studies. Vol. 19. No. 2. 1996. P. 411–437; *Brubaker R.* Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies. Vol. 34. No. 11. 2011. P. 1785–1814.

[3] *Каспэ С.* Постсоветские нации в саду расходящихся тропок // Россия в глобальной политике. 2009. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14295.

как оккупированную страну»[1]. В отличие от Польши, Чехословакии, Венгрии, стран Балтии и даже Грузии, Молдовы и Украины (которым приходится имитировать модели восточноевропейских стран) Россия после 1991 г. оказалась один на один со своим имперским прошлым. Перед ней встала сложнейшая задача изживания имперского порядка из самой себя.

Сравнение постсоветской России с «сердцевинами» других континентальных империй оказывается довольно продуктивным для понимания феномена «имперского пленения» и сложности постимперских трансформаций. В схожем с постсоветской Россией положении оказывались иные имперские политии, потерпевшие крах в XX веке. В то время как на обломках Российской империи в результате Гражданской войны победила имперско-советская модель[2], в иных континентальных империях реализовались другие сценарии трансформации.

В образовавшихся на просторах бывшей Австро-Венгрии республиках заработал механизм этнического национализма. Тем не менее его влияние не смогло ликвидировать в одночасье «имперское сознание» и предотвратить ностальгию по утраченному государственному величию. Чешские немцы, оказавшиеся на

---

[1] *Гайдар Е. Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. С. 174.

[2] Е. Гайдар пишет, что, как правило, «возродить империю невозможно». При этом он добавляет: «Уникальный случай — восстановление в иных, коммунистических, почти неузнаваемых формах Российской империи в 1917–1921 гг. Это исключение, здесь все дело именно в *иных формах*, которые-то и слово "восстановление" строгого исследователя заставят взять в кавычки. СССР возник в результате братоубийственной Гражданской войны, невиданного в истории террора и гибели миллионов людей. В подавляющем большинстве случаев реставрация империй в силу обстоятельств, обусловленных долгосрочными тенденциями социально-экономического развития, невозможна» (*Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. С. 9).

обломках Габсбургской монархии, в которой они были господствующим этносом, приветствовали аннексию Судетской области и последовавшую оккупацию всей Чехословакии в 1938–1939 гг., а в Вене тем временем восторгались гитлеровским Аншлюсом. Третий Рейх стал для немцев Германии, Австрии, Чехии, Польши и других стран региона попыткой восстановить бывшее имперское пространство и возродить мощь, утраченную этим государствообразующим народом двух империй, павших в 1918 г.

Турецкая республика с начала 1920-х гг. стала полем для действия новых для нее форм националистического воображения и практики: здесь умы были захвачены младотурецким этнонационализмом в его смеси с западничеством и стремлением к полномасштабной модернизации общественных нравов и политической системы. Однако актуализированное наследие империи вскоре и здесь дало о себе знать: национальный порядок так и не был в полной мере построен, созданная демократия оказалась нестабильной, а курдский вопрос внутри (и вне) Турции до сих пор не решен, хотя прошло уже целое столетие с начала турецкой постимперской трансформации.

Югославия — отличная от СССР лаборатория по построению «красной империи»: югославский проект был значительно «мягче» советского, притом отнюдь не только в экономике и внешней политике. Югославские элиты во главе с И. Тито также пытались поддерживать хрупкий баланс между этносами и территориями при помощи квазифедеративной модели власти. Однако эти попытки, плохо скрываемые официальной идеологией и системой коммунистического управления, в конечном счете легко уступили место веренице этнических конфликтов. Результатом последних, в частности, стал территориальный раздел имперского центра — Сербии. Имперский порядок, отлучавший народы от реального

принятия решений, стремился поддерживать их фактическое и символическое равноправие, но в конечном итоге сам способствовал развитию этнических национализмов, как только авторитарный режим столкнулся с рядом внутренних и внешних кризисов.

Югославский, как и российский сценарии свидетельствуют о том, что разложение империи может быть оттянуто на десятилетия, а «спящие» территориальные претензии, подогревающие националистические настроения, могут быть возбуждены значительное время спустя после момента юридического оформления государственных границ. Примером этому является возвращение к идее и практике «космического суверенитета»[1] в России в виде планов по новому «освоению», то есть колонизации, «Русского мира» на просторах Евразии[2] через двадцать лет после краха СССР.

В современной России, начиная с конца 1990-х и до настоящего времени, происходит развитие процессов аналогичных тем, что имели место в Германии 1920-х и начала 1930-х гг.[3] Их суть, как мы увидели, состоит в мистификации имперского прошлого и попытке в него вернуться. «Призраки» прошлого настигают настоящее, а фантомные боли по империи и воспроизвод-

---

[1] См. анализ концепта космического суверенитета в работах: Le concept d'empire / dit par M. Duverger. Paris, PUF, 1980; *Каспэ С. И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001.

[2] Частью такой колонизации, вернее, реколонизации утраченных частей «одной шестой части суши» являются попытки Москвы запустить интеграционные процессы — с Беларусью, Казахстаном, Арменией и в меньшей мере с другими государствами региона. Так или иначе, сегодня, в «посткрымский» период ясно, что усилия, нацеленные на реинтеграцию на постсоветском пространстве (сначала в форме СНГ, а затем в виде Таможенного и Евразийского союзов), в целом оказались тщетны.

[3] *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. С. 10–16.

ство имперского наследия в мышлении и политической практике достигают своего апогея в попытках искоренения идеологического (и иного) разнообразия, ликвидации федерализма и консолидации политического режима вокруг ксенофобной и милитаристской риторики. Как бомба замедленного действия, этот «синдром» становился явью постепенно: демократическая революция времен Перестройки и начала 1990-х гг. сменилась замедлением реформ. За этим последовал реставрационный период, прошедший несколько этапов — от восстановления имперской символики государства до деградации конституционных норм, от ограничения политического плюрализма до травли оппозиции, от сожаления об утрате имперских (советских) колоний до агрессивной попытки реализовать проект имперского национализма на постсоветском пространстве.

В главе 2 было показано, что национализм как идеологическое течение и политическое движение в России долгое время апеллировал исключительно к поддержанию имперского порядка. Этническая составляющая русского национализма, напротив, исторически была подчинена целям сохранения «имперского тела» и носила реакционный характер, являясь опорой режима и защитником консервативных ценностей. Гражданский национализм и вовсе был искоренен из идейной жизни российского общества после восстания декабристов, подготовленного влиянием французского республиканизма. Таким образом, в России ни чисто этнический национализм, требовавший создания государства на основе «сброса» инокультурных окраин, ни гражданский национализм, стремившийся акцентировать внимание на правах граждан и политическом участии, не были облечены в формы интеллектуальных движений и политического действия ни в XIX, ни в XX, ни даже в начале XXI века.

Сам термин «имперский национализм» звучит непривычно, по крайней мере для западной научной традиции,

в рамках которой национализм чаще всего рассматривается как один из факторов противостояния империи, имперскому господству. Тем не менее феномен имперского национализма, поддерживающий имперские цели, реально существует в российских условиях и не раз проявлялся в истории России. Можно без преувеличения сказать, что данная идеологическая платформа оказывала и продолжает оказывать важнейшее влияние на развитие страны в последние два века, представая в разных по форме, но схожих по сути ипостасях: от «официальной народности» до славянофильского национального мифа эпохи Александра III и поддержанного императором Николаем II черносотенства, от сталинского великодержавничества до околовластного «цивилизационного национализма»[1] и путинского «крымнашизма».

Во всех случаях главной целью провозглашается борьба за сохранение территориальной целостности страны в ее существующих, имперских, границах (то есть борьба за удержание «имперского тела»). Основным средством для этого становится сильная и централизованная власть, вокруг которой сплачивается разрозненное общество. А главным идеологическим лейтмотивом выступают антизападничество и поиск уникальных черт русского народа и России как страны-цивилизации. Историк А. Янов в разгар «Крымской кампании» 2014 приводит пример подавления Польского восстания 1863–1864 гг., указывая на очевидные исторические параллели проявления «патриотических истерий» в постсоветской России начала XXI столетия и Российской империи времен либеральных реформ Александра II. Консолидация общества на основе имперского национализма, повто-

[1] См.: *Верховский А., Паин Э.* Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

ряющаяся в российской истории, позволяет установить связи между воспроизводством «имперского сознания» и идеологической политикой властей:

> Одно мы, по крайней мере, можем утверждать с уверенностью: до возникновения Русской идеи ничего подобного «патриотическим истериям» Россия не знала. И это довольно точный индикатор: если начинает вдруг общество биться как в падучей, можно не сомневаться, что девизом или, если хотите, идеей-гегемоном страны оказалась «Россия не Европа»[1].

Изучение дискурсов идеологических сообществ в Рунете позволило нам в очередной раз наблюдать этот феномен: имперский национализм в 2014 г., после присоединения Крыма к Российской Федерации, стал фактором стирания многих идеологических различий и основой для формирования шовинистической, антилиберальной и антизападной коалиции. Примечательно, что вторая половина 2000-х гг. начиналась с политических событий, которые (как многим тогда казалось) предвещали вытеснение имперского авторитарного начала в российской политике новыми демократическими явлениями. Так, в тени внепарламентской активности пытались объединить свои силы либералы, составлявшие костяк протестных, антиправительственных движений в 2011–2012 гг.; появились готовые к сотрудничеству с либералами левые силы и движение национал-демократов — течение нового для России антиимперского русского национализма. Однако эти ростки противостояния «имперскому синдрому» оказались слишком слабыми перед лицом воспроизводства старых стереотипов массового сознания. Поражение нового, оппо-

---

[1] *Янов А.* «Патриотическая истерия» // Сноб.ru. 2014. 28.03. URL: http://snob.ru/profile/11778/blog/74293#comment_709879.

зиционного, антисоветского национализма вновь подталкивает к размышлению о причинах устойчивости имперской составляющей не только в русском национализме, но и во всем современном российском обществе.

Спрос населения на реабилитацию имперского прошлого, вызванный усталостью от адаптации к новым моделям поведения и общественного уклада, а также устойчивостью авторитарных стереотипов массового сознания, подогревается растущим предложением со стороны политиков. Однако вряд ли «патриотические истерии» и единение общества с агрессивно действующей властью могли бы состояться без поддержки со стороны ее критиков. Одни поддерживают власть сознательно, как бывшие оппозиционные левые и националисты, снявшие свои претензии к путинскому режиму; другие, как российские либералы, сами того не желая — путем дистанцирования от общества и отречения от своей страны.

Типы имперского сознания: антилиберальный национализм и антинациональный либерализм

Явно выраженные признаки ушедших и повторяющихся периодов политической реакции подталкивают многих интеллектуалов воспринимать проблемы России сквозь призму концепции path dependence («историческая колея» или «колея развития»), вторя тем самым неоимперским пропагандистам. Появившись в экономической науке как попытка преодолеть антиисторичность экономических теорий[1], эта концепция по-

[1] См.: *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2010. С. 6–19.

лучила широкое распространение в социальных науках. Однако ее применение зачастую является некритическим, а потому ведущим к радикальным выводам о существовании жестких зависимостей в развитии политических и социальных систем. Иными словами, концепция «исторической колеи», например в виде смены циклов развития, становится самодовлеющей объяснительной схемой, а не одним из методологических подходов[1]. В российской политической мысли такого рода схемы и вовсе в большинстве случаев объясняют многовековую устойчивость в России политических систем авторитарного типа культурной, цивилизационной предопределенностью российского пути. «Популярные» и идеологизированные конструкции «колеи»[2] представляют собой набор постулатов о культурной преемственности норм и ценностей народа России, привыкшего к «сильной руке» и, выражаясь словами В. Путина, обладающего «единым культурным кодом», связывающим русских с этнокультурными меньшинствами[3]. Иными словами, Россия объявляется «историческим государством»[4], воспроизводящим с неизбежностью одни и те же модели существования.

Существенные различия между конкурирующими версиями концепции культурной предопределенности и исторического «бега на месте» и «блуждания по кругу истории»[5] проявляются не столько в системе доказа-

---

[1] См., например, академическую работу, выполненную в этом жанре: *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.

[2] См. рассмотрение и критику различных концепций «колеи» в современной России в книге: *Паин Э. А.* Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России.

[3] *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос.

[4] Там же.

[5] *Афанасьев Ю.* Мы — не рабы? (Исторический бег на месте: «особый путь» России) // Новая газета. 2008. 05.12. URL: http://old.novayagazeta.ru/data/2008/color47/14.html?print=201216120806.

тельств их справедливости, сколько в политической и, шире, мировоззренческой мотивации таких интеллектуальных конструкций. По этому признаку можно выделить два основных класса апологетов идеи историко-культурного фатализма. Одних мы назовем «охранителями», других — «отчаявшимися».

«Охранители» — известный в российской историографии термин, используемый по крайней мере начиная с 1830-х гг. для характеристики консервативной идеологической установки апологетов сложившегося политического режима. В наибольшей мере «охранители» активизируются в те моменты, когда в обществе проявляется или только назревает рост оппозиционных движений. И тогда «охранительная» идеология, апеллирующая к прошлому, традиции и культурной особости, приходит на помощь власти, выполняя ее заказ на самосохранение. Цель самосохранения диктует разнообразные формы обоснования недопустимости политической модернизации (по западному образцу), в том числе и за счет ссылок на мистическое предназначение России и культурную (историческую, географическую и т.д.) предопределенность авторитарного правления. Безусловно, и нынешнее идеологическое ополчение российской власти, в частности члены «Изборского клуба», по политическому происхождению стоят в одном ряду со своими историческими предшественниками.

Периоды политической реакции и подавления оппозиционных сил всегда порождали своих идеологов, порой весьма ярких. В России во времена Николая I был заметен Фаддей (урожденный Ян Тадеуш) Булгарин, знаменитейший перебежчик из либералов-республиканцев в лагерь консерваторов-реакционеров. Его отступничество было тотальным: он последовательно отказывался от своих первоначальных идентичностей — этнической (поляк-шляхтич стал русским), религиозной (из католицизма перешел в православие) и политической (по-

томственный республиканец, из семьи революционера, сосланного в Сибирь, и сам воевавший за эти идеалы под знаменами Наполеона, стал радикальным монархистом, агентом Третьего отделения, отмеченным лично царем). История, в том числе и история постсоветской России, дает немало примеров подобного перерождения и избыточного усердия неофитов, доказывающих таким образом другим и самим себе верность новой вере, этничности или политической идее. Однако в российскую историю вошли не только перебежчики, но и последовательные и агрессивные консерваторы. Во времена Александра III это были прежде всего М. Н. Катков и К. П. Победоносцев, а в советскую эпоху самым известным и последовательным представителем плеяды «охранителей» был М. А. Суслов.

Важно отметить, что устойчивость появления этого типа идеологов в различные исторические эпохи нельзя назвать культурной традицией: их мысль адаптивна к реальности и тем изменениям, которые неизбежно происходят, как бы власть в своей риторике и своих действиях ни старалась сохранить статус-кво. Тем не менее у охранителей «путинского призыва», по сравнению с их предшественниками, есть одна важная особенность. Консерваторы времен династии Романовых доказывали незыблемость самодержавия, исходя из универсальных закономерностей монархического правления. Советская марксистско-ленинская идеология демонстрировала уверенность в универсальном, всемирном характере коммунизма и неизбежности перехода всех стран к коммунистическому строю. И только нынешний политический истеблишмент отказывается от нормативных универсальных оценок России, формируя идеологию изгоев, признающих свое отставание в глобальном мире и смирившихся с ним, но стремящихся компенсировать отсутствие модернизации, развития демократических институтов и подотчетного обществу государства фор-

мулами типа «не очень-то и хотелось»[1]. С точки зрения современных «охранителей», у России «особый путь», «своя колея», поскольку Россия — это «уникальная цивилизация», для которой не только самодержавие, но и крепостное право — благо, поскольку эти институты якобы являлись «скрепами» жизни дореволюционного общества[2]. Вместе с тем современные российские «охранители» продолжают линию своих предшественников XIX и XX веков, используя противопоставление России и Запада, обобщенный образ которого являлся конституирующим «другим» и антиподом «исторической России» с тысячелетней историей. Показательно, что точкой отсчета истории современной России как государства и общества с новым укладом жизни в дискурсе российской власти (и части исторического сообщества) называется не 1991 г., а времена Киевской Руси.

Как показывает анализ дискурсов различных идеологических сообществ Рунета за 2012–2014 гг., идеологемы, разрабатываемые российскими «охранителями», являются очень популярными, расхожими схемами объяснения реальности и миропонимания для каждой из групп, кроме либералов.

---

[1] Эту тенденцию можно заметить уже в дискурсе В. Суркова и Администрации президента в середине 2000-х гг., когда сравнения со странами остального мира проводились открыто, однако России уделялось особое место и особая линия поведения в условиях глобализации — модель «суверенной демократии». Радикальные антизападники, ставшие к началу 2010-х гг. выразителями идеологии Кремля, и вовсе отказались от постановки России в один ряд с демократическими странами мира, ассоциирующимися с ненавистными им Западом и либерализмом. См.: *Умланд А.* Новые праворадикальные интеллектуальные круги в России: Антиоранжевый комитет, Изборский клуб и клуб «Флориан Гейер».

[2] Такое мнение было высказано председателем Конституционного суда России В. Зорькиным: *Зорькин В.* Суд скорый, правый и равный для всех // Российская Газета. 2014. 26.09. URL: http://www.rg.ru/2014/09/26/zorkin.html.

Провластное сообщество, апеллирующее к образу «путинского большинства», в этом смысле не одиноко: риторика «уникальной» России не чужда подавляющему большинству левых, поддерживающих левопатриотические силы (типа КПРФ), а также имперским националистам. При этом важно отметить, что у сторонников неосоветской левой идеологии «охранительство» очевидным образом проистекает из антизападной и антикапиталистической риторики (Запад и капитализм, как и в марксизме-ленинизме, оказываются тождественными началами). Иными словами, левые верят, что социалистический, «левый поворот» возможен на самых разных уголках планеты, но при этом подвержены советским фобиям перед лицом капиталистической глобализации.

У имперских националистов другая мотивация поддержки власти — убежденность в необходимости мощного государства, управляемого русским православным царем, чья «сильная рука» необходима для сохранения гетерогенного пространства на обширных территориях. Для них несвойственны заключения о России как единственном имперском организме, поскольку они полагают скорее, что империя и великодержавность — легитимная модель устройства миропорядка. Готовность имперских националистов поддержать «сильную руку» и квазимонархический (и даже неосоветский) строй связаны с опасениями за потерю территориальной обширности и политической мощи России. Так или иначе, левые и националистические «охранители», полностью не разделяющие представлений об «особом пути» и «уникальной цивилизации» России, но пораженные многочисленными фобиями по отношению к разрушению российского государства, становятся опорой для дискурса официального режима.

Неоимперская идея является общей площадкой для всех трех сообществ: страхи потери «имперского тела»

современной России, унаследованного из советского и досоветского прошлого, способствуют формированию коалиции идеологических сил, поддерживающих «имперскую власть». Конгломерат различных по своим идеологическим платформам сил, апеллирующих кто к универсализму, кто к партикуляризму, кто к социализму, а кто — к патерналистскому государству, наглядно демонстрирует, что «вопрос отношения к империи остается для [нынешней] России архиважным»[1]. «Охранительный», реваншистский и проимперский дискурс, эксплуатирующий страхи и устойчивые стереотипы массового сознания, позволяет реанимировать имперский порядок четверть века спустя после краха СССР. Эта реанимация препятствует формированию гражданского общества и фигуры ответственного гражданина, делает политически невостребованной населением демократизацию и апробацию либеральных идеалов прав человека и подконтрольного нации государства.

Наряду с «охранителями», обосновывающими политическую реакцию и защищающими политический режим как якобы безальтернативный, есть и иное течение мысли, объясняющее срывы модернизации в России историческим и культурным детерминизмом. Представителей последнего течения можно назвать российскими «отчаявшимися», среди которых большинство — либералы, прозападно настроенные интеллектуалы. Их мотивация в поддержке идеи «неизменной России» иная, чем у «охранителей». Отечественные западники хотели бы вырваться из «колеи», приписываемой российской истории, но отчаялись в попытках это сделать. «Отчаявшиеся», как правило, считают себя представителями иной, более высокой цивилизации, которых петровские (и в этом смысле

[1] *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007 [2002]. С. 43.

чисто имперские) исторические ветры занесли в страну с чужой им культурой — «страну рабов». Развитие концепции «блуждания по кругу истории», не приносящего никаких качественных изменений в России на протяжении столетий, является делом рук «отчаявшихся» либералов. Проевропейское меньшинство, в его собственном представлении, обречено на проигрыш воспроизводящейся «русской власти» и «русской бюрократической матрице», которая «в ходе очередного кризиса перезагружается (ценой мгновенного распада Государства) — а потом новые чиновники опять самодержавно царят "на просторах новой Родины"»[1].

Прежде всего, то, что отличает «отчаявшихся», — это неверие в воплощение модели западной демократии на российской почве. С одной стороны, безальтернативным сценарием развития России для «отчаявшихся» является интеграция с Европой. С другой стороны, условий для европеизации российского общества и государства они не видят. Их политический идеал — построение общества как «там»: с правовым государством, гарантией индивидуальной свободы и без коррупции. В этом едины как интеллектуалы, напрямую ассоциирующие себя с либерализмом (в их собственном понимании этого термина), так и члены, условно говоря, более широкого круга «русских европейцев» (к которым относятся и не-либералы, как А. Кончаловский). Надо сказать, что граница между двумя группами условна, поскольку, как было показано в главе 4, собственно либеральный дискурс во множестве его измерений (социальном, политическом, экономическом, правовом) в России аморфен и разобщен.

Однако квалифицирующий признак «отчаявшихся» — выражение упреков в адрес российского народа

---

[1] *Радзиховский Л.* Фальстарт // Российская газета. 2012. 04.12. URL: http://www.rg.ru/2012/12/04/falstart.html.

как неспособного к поддержке и восприятию западных ценностей[1]. Во-первых, эти упреки оборачиваются воспроизводством давнишней, имеющей сословные корни дихотомии: образованные/привилегированные слои и непросвещенные податные массы. В современных терминах это разделение может быть выражено как противостояние «креативного класса» и «быдла». «Отчаявшиеся» презирают институционализированное неравенство и несвободу, по-чаадаевски сожалеют об историческом пути России, но вместе с тем по-колониалистски относятся к народу как «туземцам», неразумным детям, которых нужно просвещать, но не допускать до власти ради их же блага. В наиболее радикальной форме такая позиция защищается журналистом Ю. Латыниной[2]. Определяя свои взгляды как «либерал-прагматизм», Латынина фактически воспроизводит дискурс европейских либералов первой половины XIX века, выступавших против всеобщего избирательного права. Рассматривая демократию как простой механизм, а не процесс эмансипации, они полагали, что выбирать представителей нации могут только те, кто обладает определенными гражданскими навыками (образование, участие в общественных делах) и собственностью (что должно предотвратить приход к власти охлоса, стремящегося порушить фундаментальное право собственности в пользу пере-

---

[1] Показательно, что в либеральном дискурсе понятие «универсальные ценности», популярное в годы Перестройки, было вытеснено термином «западные ценности». Эта семантическая трансформация может свидетельствовать о процессах «партикуляризации» и «суверенизации» российского массового сознания и социально-политических дебатов (в том числе в либеральной среде).

[2] См.: *Латынина Ю.* Либерал-прагматизм // Ежедневный журнал. 2011. 21.11. URL: http://www.ej.ru/?a=note&id=11494#; *Она же.* Либеральный большевизм // Новая газета. 2014. 07.10. URL: http://www.novayagazeta.ru/columns/65592.html.

распределения). Однако уже тогда многие либералы (А. де Токвиль, Дж. С. Милль) говорили о возможности сочетания либерализма и демократии, а к рубежу XIX и XX веков практически все либералы согласились со свершившимся фактом политической эмансипации бедных слоев общества и женщин[1].

Во-вторых, от чаадаевского критицизма «отчаявшихся» пролегает мостик к гегельянскому видению российской истории («неисторичность» народа) и эссенциализации российского населения — наделения его набором неизменных черт. Известный писатель В. Ерофеев усматривает наличие чуть ли не генетических корней антизападничества у большинства россиян, которым якобы чужды либеральные идеалы:

> Если в Украине население, исповедовавшее западные ценности, составляло минимум 50 процентов, то в России — всего 15. После перестройки и распада СССР никто не принимал во внимание сознание 85 процентов россиян, не разделявших европейские ценности. Это большая ошибка либералов и демократов, пришедших во власть после 1991 года. Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, мой друг Борис Немцов занимались реформированием, которое 85 процентов российских граждан не понимало[2].

---

[1] См. описание трансформации партийной системы в Европе и анализ изменения взглядов либералов-республиканцев на демократию и политическую конкуренцию в XIX веке: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Гл. 6; *Хиршман А.О.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010 [1991]; *Rosanvallon P.* Le Sacre du citoyen. Histoire du suffrage universel en France. Paris: Gallimard, 1992.

[2] Ерофеев: Думаете, исчезнет Путин — прекратится и агрессия России? Вы наивны, ей-богу // Гордон. 2014. 13.10. URL: http://gordonua.com/publications/Erofeev-Dumaete-ischeznet-Putin-prekratitsya-i-agressiya-Rossii-Vy-naivny-ey-bogu-46016.html.

Как мы могли увидеть выше, наблюдая постепенно нараставшие процессы ностальгии по советскому прошлому в 1990-е гг. и в начале 2000-х, такое заявление абсолютно антисоциологично. Впрочем, оно призвано не предложить рациональные аргументы, а выразить чувства грусти и отчаяния у его автора.

Среди российских «отчаявшихся» встречаются и академические интеллектуалы (например, Ю. Афанасьев, Ю. Пивоваров, И. Яковенко), и публицисты (вроде Ю. Латыниной и Л. Радзиховского). Их объяснительные схемы обладают разной степенью утонченности, однако все они так или иначе ссылаются на факторы культурно-исторического фатализма — «дурную наследственность» народа и власти («рабское сознание», «русская власть», «русская матрица»)[1]. В этом смысле «отчаявшиеся» либералы и «русские европейцы» — антинациональное течение мысли. Идея гражданской нации для них по-прежнему является *terra incognita*, а недовольство действиями власти переносится на народ, в активной или пассивной форме ее действия поддерживающий. Этот опасный дискурсивный ход обращает часть либерально ориентированной интеллигенции в союзники «охранителей» путинского режима. Приписывая россиянам неизменные черты национального характера, они, сами того не желая, поддерживают миф об «уникальной» цивилизации. Вместе с тем, не различая империю и общество, государство и отечество, российские либералы вторят дискурсу имперского национализма.

По своей мотивации объяснения неизбывности авторитаризма в России у «отчаявшиеся» и «охранителей» сильно отличаются. Однако по своим политическим последствиям оба подхода тождественны, поскольку примерно в равной мере содействуют самосохранению нынешнего политического режима, воспроизводя,

[1] См. также главу 4.

хоть и по-разному, одни и те же стереотипы «имперского сознания». Одни — «отчаявшиеся» — антисоциальны и в этом смысле антинациональны. Они не видят смысла в гражданской консолидации и попытках найти общественный консенсус: «снизу» — «плохой» народ, «сверху» — «дурная» власть. Они отчаялись и смирились с ролью проигравших. Другие — «охранители» — антилиберальны. Они противятся всему, что только можно приписать Западу как сообществу и модели развития, а через отвращение к Западу пропагандируют отказ от модернизации, патриархализацию нравов и политическую реакцию в отношении проевропейских слоев населения и выражающих их интересы оппозиционных сил.

Между двумя противостоящими ветвями идеологов «неизменной России» есть и поразительные сходства в их объяснении механизмов, обусловливающих ее исторический «бег по кругу». Так или иначе, они сводятся к идее закрепления культурных норм в менталитете народа (при этом опять-таки непонятно, какая социальная общность стоит за термином «народ») через межпоколенческое наследование. Примерно так, как это описывает культуролог либеральных взглядов И. Яковенко: «Ментальность возникает в процессе цивилизационного синтеза и далее наследуется из поколения в поколение <...> задача изменения ментальных оснований связана с прерыванием социокультурной преемственности»[1]. Во многом аналогичные объяснения сходства исторических коллизий в истории России дает и идеолог имперско-консервативного лагеря А. Дугин, выдвигающий на первый план историческую традицию, процесс культурного наследования[2]. В обоих случаях мы сталки-

---

[1] *Яковенко И. Г.* Что делать? // Новая газета. 2012. 16.03. URL: http://www.novayagazeta.ru/arts/51633.html.

[2] *Дугин А.* Евразийский путь как национальная идея. 2003. 31.05. URL: http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1324.

ваемся с упрощенными и иллюзорными представлениями о роли культурного наследования в историческом процессе. Мы уже приводили аргументы в доказательство этого тезиса[1]. Сейчас отметим лишь, что применительно к большинству населения России, на наш взгляд, справедливо утверждение о том, что влияние исторической культуры в большей мере определяется не столько традициями, сколько их отсутствием, не столько накопленным опытом, сколько не созданным[2]. Именно избыточный уровень разрушения традиционных социальных отношений и культурных норм у большинства населения страны, а вовсе не давление вековых традиций, представляет проблему для российской модернизации: новации быстро воспринимаются, но не закрепляются, не становятся традициями, а слабые «горизонтальные» (межиндивидуальные, межгрупповые и межрегиональные) связи препятствуют формированию институтов гражданского общества в России. Между тем обширная литература о «социальном капитале» свидетельствует о важности выработки и поддержания механизмов гражданской, демократической, партиципаторной культуры для устойчивого восприятия инноваций, то есть постоянной, непрерывной модернизации[3]. В России же бедность и однообразие культурного опыта в политической и правовой сфере приводят к активизации механизма «избегания неопределенности»: новации появляются, но плохо приживаются, а потому высокую роль

---

[1] См.: *Паин Э.А.* Исторический фатализм в эпоху безвременья // Вестник общественного мнения. 2013. № 2 (115). С. 7–19.

[2] *Паин Э.А.* Общество без традиций перед вызовами современности // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10955.

[3] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1996 [1993]; *Putnam R.D., Feldstein L.M.* Restoring the American Community. New York: Simon & Schuster, 2003.

играют сложившиеся модели адаптации к слабо изменяющимся условиям внешней среды — природно-географической, экономической и социально-политической.

Есть ли будущее после империи?

В 2000-е гг. российское государство совершило поворот в прошлое. Общество, не имевшее ни досоветской памяти, ни демократических традиций, вынужденно последовало за выбором элит в пользу поддержания статус-кво. Альтернатив использованию старых моделей предложено не было — ни ценностных, ни институциональных. Постсоветская Россия не смогла вырваться из лап реанимируемого имперского порядка: не нашлось ни достаточного количества средств, ни политиков, готовых взять на себя груз ответственности за системные трансформации. Все это сделало возможным ужесточение авторитарного режима и воссоздание антидемократического порядка на просторах теперь уже «посткрымской» России.

На политическом поле сегодня, как и десять лет назад, активно играет только власть. Сначала она создала атмосферу безвременья, затем предложила собственный выход из нее — консолидацию вокруг неоимперской идеи. Между тем общество, в том числе и либерально-ориентированные группы, по-прежнему парализовано навязанными ему представлениями о своем бессилии и особом историческом пути, якобы навечно привязавшем российский народ к самодержавию. Сегодня, с одной стороны, практически все идеологические течения, пытающиеся сформировать собственные позитивные программы, по-прежнему опираются на эксплуатируемый властью имперский национализм. С другой стороны, отвержение империи либералами не выражается в разработке национального проекта, но выливается

в детерминистские рассуждения о культурной несклонности россиян жить «иначе» и об их «любви» к «сильной руке». Длительное сохранение такой ситуации чрезвычайно опасно, прежде всего в связи с появлением на политическом поле новых радикальных политических сил, эксплуатирующих массовые стереотипы и ксенофобную риторику.

И тем не менее нам представляется, что у рационально мыслящих представителей российского общества есть достаточные основания для исторического оптимизма. Используемые правящими силами инструменты самосохранения обеспечивают желаемый ими результат — сохранение их политической монополии — лишь на сравнительно короткий, по историческим меркам, период. В перспективе же они ведут к накоплению проблем, решение которых окажется неизбежным, хотя и вовсе не предопределено, что в кризисных условиях возобладают голоса тех, кто предлагает действительно оптимальные решения. Так или иначе, политическая ситуация в России становится крайне неравновесной, и в таких условиях оценивать ее в терминах концепций «блуждания по кругу истории» по крайней мере неразумно. Перед интеллектуалами всех идеологических направлений стоит политически важный и творчески увлекательный вызов: разработать «дорожную карту» выхода из становящейся все опаснее российской стадиальной воронки — авторитарной демодернизации.

Сравнительный опыт свидетельствует о том, что переход от авторитаризма и тоталитаризма к демократии, от коллективистских ценностей к правам человека, от вседозволенности государства к реальному конституционализму, от империи к нации не лимитирован во времени и не предопределен ходом Истории. Для того чтобы такой переход свершился, необходимы усилия, индивидуальные и коллективные — как со стороны общества, так и со стороны политических элит. Россий-

ские элиты сделали свой выбор. И этот выбор противоречит духу времени. Он ведет в тупик.

Однако восстать против попятного движения российской политической реакции общество пока не в состоянии. И дело отнюдь не в реальном фатализме, а в неготовности преодолеть видение реальности, искаженное призмой предопределенности. Осознать это — первейшая задача для идеологов различных политических движений, выступающих за демократизацию, либерализацию и модернизацию российского общества. Без этой, прежде всего интеллектуальной, работы надеяться на позитивные перемены, которые случатся сами собой, было бы наивно. И очень опасно.

Важно понять, что оттянутый на годы реанимацией «имперского синдрома» переход к политической нации и устойчивой демократии возможен. По большому счету, он является единственной альтернативой поддержанию статус-кво на основе эксплуатации привычных имперско-советских моделей. Сегодня главный вопрос о будущем России состоит в том, какова будет цена этого перехода. Пока она представляется крайне высокой не только для неконсолидированной оппозиции, но и для всего общества. Однако по-прежнему сохраняются надежды на то, что прогрессивные островки «многоликой России», спасающиеся в Сетевом пространстве, сумеют пережить последствия «Русской весны» и в недалеком будущем принять на себя груз ответственности за выведение страны из исторического тупика.

Ключом к решению вопроса о будущем России, на наш взгляд, является переосмысление понятия нации и отказ от его мифологизации. Россия беременна нацией, и прежде всего в том отношении, что ее полиэтническое общество нуждается в консолидации не против вымышленных врагов, а на основе позитивных ценностей. Национальное государство и национальное общество являются перспективными формами политической ор-

ганизации для стран и регионов, сохраняющих значительные пережитки имперской организации. Д. Растоу еще в 1970 г. убедительно показал, что демократические трансформации могут происходить и в странах, не прошедших до конца стадию экономической модернизации, то есть построения действенной рыночной экономики, опирающейся на правовое государство. Единственным предварительным условием демократизации является национальная консолидация[1]. Только нация — политическое «мы» — может решать вопросы общественного развития. Но прежде нужно определить, что такое нация: кто «мы» по отношению к власти — подданные или суверены? кого «мы» в себя включает? что «нас» объединяет? можем ли «мы» договариваться друг с другом?

Российскому обществу, прежде всего его либеральной части, важно осознать, что национализм — комплексный феномен, связанный с интерпретацией и дискурсивным использованием понятия «нация», играющего «ключевую и весьма многоплановую роль в политическом мышлении модерна»[2]. Этот термин прочно вошел не только в вокабуляр политической науки, но и в повседневную речь, общественные дебаты и в восприятие современного мира[3]. Нации часто ругают, а национа-

---

[1] *Растоу Д. А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15. Полная оригинальная версия статьи: *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. Vol. 2. No. 3. Apr. 1970. P. 337–363.

[2] *Миллер А.* История понятия «нация» в России.

[3] Призму «методологического национализма» можно критиковать как парадигму социальных наук, но вряд ли возможно в одночасье в условиях современного мира отказаться от достижений, принесенных с собой институционализацией либеральной демократии в национальных обществах. См.: *Бек У.* Жизнь в обществе глобального риска — как с этим справиться: космополитический поворот // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 57–69; Обсуждение лекции Ульриха Бека на семинаре в Горбачев-Фонде // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 70–81.

лизм и вовсе зачастую используется в качестве бранного слова. Но все дело в различном понимании нации и, соответственно, национализма как идеологии и политического движения, нацеленного на создание национального сообщества. От понимания данного концепта зависит выстраивание всей институциональной системы. И если сегодня Россия страдает от воспроизводства модели имперского национализма, отсылающей к прошлому, то антиимперский национализм способен предложить реальную альтернативу общественного и государственного устройства. Сценарий этнического национализма был бы опасен для России как многосоставной страны, а вот построение гражданской нации способно сохранить Россию в нынешних границах и дать толчок ее децентрализованной модернизации.

Развитие концепции гражданского национализма, предполагающего открытие пути для преобразований общества на основе либерализма, конституционализма и демократии, особенно важно и потому, что ее сегодня почти не принимают всерьез: она мертва не только в обществе, но в интеллектуальной среде сторонников либеральной модернизации. Между тем свято место пусто не бывает: сегодня, в отсутствие интеллектуальной и политической альтернативы, победа различных комбинаций имперского и этнического национализма представляется весьма вероятной. В пространстве политических идей современной России расцветают идеологические гибриды: одни идеологи исходят из имперского (черносотенного) понимания нации (примером может служить имперский православный национал-социализм, представленный в дискурсе провластного сообщества, КПРФ и имперских националистов); другие придерживаются этнической интерпретации нации как государства с господствующим положением одного этноса (такое понимание нации свойственно национал-демократам). Немалую тревогу вызывают и небывалый подъем ксенофо-

бии, и обострение межкультурных, этнополитических противоречий, и рост социального недовольства.

Все континентальные империи распадались в условиях роста ксенофобии и подъема национализмов. Эти процессы, по сути, являются проявлением голода по несостоявшейся нации — по гарантии гражданских прав и равенству, по демократии и подчиненному интересам общества государству, по более справедливому социальному устройству и потребности в безопасности. И российскому «имперскому острову», по всей видимости, не избежать этой участи, хотя запас прочности нынешнего порядка еще не исчерпан. Движение к нации есть до определенной степени отрицание самой России, той России «кормлений» и централизации, что составляет суть «вертикальной» организации общества, лишенного автономного существования. Это заставляет задуматься о том, что будет после коллапса. И готовы ли «мы» к тому, что будет после?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Классики современной политологии Г. Алмонд и С. Верба в предисловии к последнему изданию своей прославленной книги «Гражданская культура» (1989) отнесли ее к жанру, имеющему древнюю родословную. Они назвали этот жанр «утро после попойки» или «отрезвление теории демократии», показав на многочисленных примерах (от античных авторов до современных им Йозефа Шумпетера, Роберта Даля, Сеймура Липсета и других, наблюдавших в разные эпохи очередной «коллапс европейских демократий, наряду с брутализацией их жизни и культуры»), как подобные катаклизмы продвигают ученых к пониманию сущности демократии и общих политических процессов[1].

Задумывая нашу книгу, мы не предполагали, что и она может быть хоть как-то связана с указанной научной традицией, поскольку нынешняя «брутализации жизни и культуры» России, вызванная так называемой «Русской весной», проявилась уже к завершению нашего исследования. Кроме того, пока не наступило массового отрезвления ни общества, ни его российских обозревателей, бóльшая часть которых либо переполнена хмельной радостью от присоединения Крыма, либо страдает от столь же хмельного пессимизма, допуская «невозможность демократии в этой стране». И все же, пусть и к концу исследования, авторы данной книги заметили некоторые признаки отрезвления, и этими заметками мы и хотим поделиться с читателями, подводя итоги нашего анализа взаимосвязи Интернета

---

[1] *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014 [1989]. С. 10–11.

и российского общества. Прежде всего, мы отмечаем те общественные процессы, изучаемые нами на примере идеологических интернет-сообществ, которые сохраняются независимо от таких сильнейших политических толчков, как «Русская весна», и в то же время подчеркиваем перемены, связанные так или иначе с вызванными украинским кризисом конца 2013 — начала 2014 г. потрясениями.

Проведенное исследование подтвердило нашу гипотезу о том, что российское интернет-сообщество в 2011–2014 гг. неизменно функционировало главным образом как совокупность идеологически разрозненных дискуссионных площадок и в значительно меньшей мере выступало как средство обмена информацией и инструмент информационно-политической организации общества.

Никаких проблесков гражданского единства, общей гражданской культуры и тем более зачатков единой гражданской нации исследование не выявило. Напротив, в период между «Русской зимой» и «Русской весной» росла и усиливалась идейная поляризация общества, проявились ретроградные процессы возрождения архаичного имперского сознания, раскалывающего общество на противоборствующие идеологические «общины», «секты», «касты» (см. главы 6–7). Для большинства идеологических движений (провластные конформисты, левые и значительная часть националистов) империя предстала в качестве идеальной модели будущего (и одновременно — образа возрождения утраченного золотого века), а ведущим для них эмоциональным порывом стала гордость за Россию, «вставшую с колен», вернувшую себе «исконно русский» Крым и защищающую от «фашистов» так называемую Новороссию. Для других — оказавшихся в меньшинстве либералов и небольшой части национал-демократов — империя предстала в образе трагической судьбы России, «россий-

ской колеи», которая уводит страну от прогресса. Эти два образа, две утопии исторического развития России стали линией идейного противостояния и причиной новых разломов внутри общества.

Через призму Рунета мы увидели донациональную, негражданскую природу российского общества, которое точнее было бы называть *Gemeinschaft* (общинность), чем собственно обществом (*Gesellschaft*), основанным на нормах правовой, гражданской культуры. Это население страны, объединенное вертикалью власти и негативной консолидацией; это сообщество, переполненное фобиями, ненавистью и лишь на короткое время сплачиваемое создаваемыми образами врагов (глава 5). После украинского кризиса контент Рунета стал жестко поляризованным и еще более мифологизированным, чем раньше. Ликование большинства по поводу присоединения Крыма сопровождалось ростом агрессивности против идеологических противников, вплоть до призывов к их физическому уничтожению. При этом такие настроения проявились, хоть и в разной мере, во всех четырех идеологических течениях, выделенных нами. Социологические исследования «Левада-Центра», проведенные в рамках нашего совместного проекта, зафиксировали радикальное снижение идейно-культурного разнообразия российского общества в условиях милитаристской пропаганды и охватившего массы великодержавного угара на волне «Русской весны», хотя и в мирное время такое разнообразие было весьма бедным (глава 6). Социологи зафиксировали также в этот период взрывное нарастание агрессии в российском обществе, а написанные нами «портреты» каждого из идеологических направлений (главы 1–4) отразили радикализацию языка и стиля коммуникации.

Важнейшим индикатором модернизации общества, его перехода от ранних стадий, характеризующихся подданнической культурой, к стадии гражданской

(«партиципаторной») культуры, в условиях которой демократия становится нормативной политической установкой общества и практикуемой реальностью, является готовность общества к политическому участию и к политической и гражданской самоорганизации[1]. Надежды многих социологов и политических аналитиков, российских и западных, на то, что Интернет станет коллективным организатором гражданского сплочения в России, не оправдывались даже в наиболее благоприятный для этого период «Русской зимы» 2011/2012 гг. При этом наше исследование выявило разный уровень освоения идеологическими течениями организационно-мобилизационных практик и соответствующего им дискурса (см. Приложение 3).

До украинского кризиса бесспорным лидером среди идейных движений по уровню самоорганизации и демонстрируемого интереса к этой проблематике были русские националисты. В их интернет-дискуссиях 31 % всех сообщений были так или иначе связаны с самоорганизацией. Для них же была характерна высокая креативность в изобретении форм солидаризации. Националистический дискурс этим выигрышно отличался от всех остальных. «Русские пробежки» — сплачивающая это движение форма активности — показывают образец эффективного использования Интернета для идеологической мобилизации и организации каких-то сегментов гражданского общества. Движение за здоровый образ жизни (ЗОЖ), казалось бы, могло стать основой общегражданского сплочения, учитывая остроту экологических и демографических проблем современной России (прежде всего экстремально высокую смертность мужчин), однако на деле оно служит только для внутригруппового, «кастового» сплочения, будучи рассчитанным только на «своих», на русских националистов, которые

[1] *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура. С. 25–37.

настаивают на том, чтобы этническое название «русские пробежки» не подменялось общегосударственным (например, «российские пробежки»). С началом «Русской весны» интерес к самоорганизации, да и вообще ко всем внутрироссийским проблемам, существенно снизился во всех группах, в том числе и у националистов (с 31 % до 23 % от объема дискурса).

В 2011–2012 гг. за националистами с очень небольшим отставанием следовали левые с 25 % контента, связанного с вопросами самоорганизации. Радикальное изменение политических условий в России — переход от «Русской зимы» к «Русской весне» — существенно не повлияло на организационно-мобилизационный потенциал этого течения. Судя по возрастному составу участников левых групп (здесь преобладают лица в возрасте до 25–30 лет), левые идеи продолжают активно транслироваться в рядах молодежных движений, оснащенных знаниями основ марксистской идеологии. Левые умело пользуются широко разветвленными сетями идейной пропаганды, созданной в советские годы. Интернет стал эффективным дополнительным инструментом «советизации» людей, не имевших опыта жизни в СССР.

Следующую ступень в иерархии групп по их внутреннему организационно-мобилизационному потенциалу занимали и занимают конформисты, постоянные сторонники власти. На фоне массовых уличных протестов около 21 % дебатов в их наиболее популярных сообществах «ВКонтакте» было посвящено вопросам организационно-политической работы. Эти группы мобилизуются и сплачиваются преимущественно сверху; тем не менее в их среде заметны искренние, а иногда и фанатичные проявления групповой солидарности, основанной на симпатиях к одному человеку — Владимиру Путину. До наступления кризиса это квазиидеологическое сообщество напоминало собой не столько идейное движение, сколько фан-клуб с соответствующим типом коммуника-

ции и культурной стилистики, предполагающей, например, восхваление кумира в форме стихов, песен, видео- и аудио-материалов. После присоединения Крыма это движение стало все больше напоминать религиозную секту, похожую, например, на исмаилитов, признающих существование живого бога. В условиях «Русской весны» в этом сегменте Интернета стало заметно весьма существенное (более чем в 2,6 раза, до 8 %) снижение доли сообщений, связанных с самоорганизацией, что можно объяснить высочайшей концентрацией внимания данного сообщества к проблемам Крыма и Донбасса (отметим, что внимание не перерастает в действия).

Из всех рассматриваемых идейных движений России наименьший уровень интереса к самоорганизации и фактически самые низкие его показатели проявились в либеральном сообществе. Даже во времена наивысшей активности этого движения, в исторический миг «Русской зимы», кажущийся сейчас чуть ли не чудом, не более 15 % содержания коммуникации либеральных групп «ВКонтакте» было связано с проблематикой сплочения либеральных сил. Даже в период проведения массовых мероприятий, например таких, как «Марш миллионов» 15 сентября 2012 г., в котором либералы играли ведущую роль, их коммуникативное сопровождение включало, помимо фотографий и радостных восклицаний, еще и множество сомнений: «А в чем польза таких акций?», «Почему оппозиции необходимо объединять усилия?», «Хорошо ли оппозиция показала себя?» и т. д. После наступления «Русской весны» в либеральных кругах стало еще меньше признаков сплочения, а сомнений в пользе неких совместных действий только прибавилось. Мы зафиксировали усиление пессимизма и исторического фатализма, проявляющихся, в частности, в признании России и большей части ее населения принципиально не готовыми к модернизации и восприятию либеральных ценностей. Фраза Лермонтова полуторавековой

давности о «стране рабов» превращается у значительной части либералов в лозунг и актуальное кредо. В таких условиях организационно-политическая компонента дискурса либерального сообщества Рунета сократилась в период «Русской весны» драматически — до 4 %, то есть почти в четыре раза.

Итак, переход к «Русской весне» продемонстрировал нарастание общественной пассивности российского общества, что и обусловило усиление роли российского государства и подчиненных ему средств пропаганды, ставших фактически единственным политическим и идеологическим актором на российской политической сцене.

Движение российского социума от ситуации «Русской зимы» ко временам «Русской весны» не только обусловило ослабление всех самостоятельных, негосударственных идейных течений и затормозило перемены внутри каждого из них, но и внесло изменения в характер взаимоотношений между ними. Наше исследование отразило эти перемены, проявившиеся в формировании неожиданных идейных союзов.

Российские левые и бóльшая часть русских националистов почти полностью отказались от критики российской власти и вместе с конформистами, почитателями российского лидера, образовали единый идейный фронт, враждебный украинскому Майдану, новой украинской власти и Западу, представленному прежде всего США (главы 2 и 3). Либералы тоже стали реже выступать против российской власти, перенося огонь критики на российский народ как якобы главный тормоз исторического развития России и основной носитель имперского сознания, стоящий на пути движения соседней страны в Европу (глава 4). Преувеличивая роль так называемой «исторической колеи» России, цивилизационно противопоставляя российский народ с его якобы «неизбывным рабским сознанием» свободным наро-

дам Европы, российские либералы оказались в идейном союзе с консервативными силами России, проповедующими идею «особого пути» страны (глава 7). При этом консерваторы-охранители от этой идеи испытывают прилив удовлетворенности, а либералы, воспроизводящие ее в иных терминах, напитываются еще большим пессимизмом, порой переходящим в отчаянье.

Гораздо органичнее оказалось идейное сближение левых и «путинистов». Уровень их негативного отношения к украинской национально-демократической революции и Западу практически одинаков, а в поддержке проекта так называемой Новороссии и еще более широкой и долговременной утопии — восстановления Советского Союза — левые и вовсе впереди всех остальных. Намного сложнее отношение к этим же явлениям у русских националистов. У численно наибольшей их части (так называемого «низового национализма») всегда преобладали имперские ценности, которые в ходе украинского кризиса лишь усиливались, способствуя нарастанию неприятия Майдана. В то же время в среде лидеров русских националистов преобладало позитивное отношение к Майдану, хотя и по разным причинам. По их высказываниям в Сети можно проследить их готовность поддержать протест против власти в соседней стране (глава 2). Лишь после присоединения Крыма и начала боевой активности так называемых «ополченцев» Донбасса большинство представителей обеих подгрупп движения националистов идейно сблизились.

Так или иначе, антиукраинская и антизападная пропаганда, радость за аннексию Крыма, поддержка сепаратистов ДНР и ЛНР — все это объединило бóльшую часть российского общества, противопоставив его либеральному меньшинству, все чаще рассматриваемому, в том числе и в социальных медиа, как внутренний враг, «национал-предатели» и «пятая колонна». Общество добровольного единомыслия резко сужает

возможности Интернета — сами по себе чрезвычайно обширные и востребованные в постиндустриальных обществах — способствовать плюрализму мнений и идентичностей. На более или менее свободной от цензуры площадке Интернета россияне повторяют один и тот же, звучащий по телевизору, бедный набор патриотических лозунгов и анафем либеральным ценностям. Аморфное российское большинство не желает слышать разные версии и не стремится получить разнообразие фактов; оно больше заинтересовано в какой-то одной объяснительной парадигме и интерпретации политической действительности. Для этих задач телевизор гораздо удобнее Интернета, поскольку последний показывает мнения и информацию, способные, в условиях постсоветского общества, посеять сомнения и вызвать раздражение.

Дело, таким образом, не в недостатках интернет-пропаганды по сравнению с телевизионной пропагандой[1]. Главной причиной «недоиспользования» предоставляемых Сетью возможностей является само российское общество в его нынешнем состоянии. В современных условиях, при высокой степени неприятия либеральных и демократических ценностей невелик и общественный запрос на свободную информацию, производимую и артикулируемую в интернет-среде. В отличие от ситуации начала 1990-х гг., когда две трети россиян были уверены в том, что «социализм завел нас в тупик», современные жители России в своем большинстве идеализируют достижения СССР, забывая о лишениях и невзгодах советской эпохи: они находятся в плену имперской идентичности, негативной, антизападнической консолидации

[1] Результативности последней, надо отметить, «помогают» тот же самый Интернет и коммуникация в Сети: фейковые фотографии и видеосъемки, полученные от гражданских журналистов, являются ярчайшими примерами привнесения интернет-технологий в телевизионную пропаганду.

(главы 6 и 7). При этом происходящая в стране модернизация массовых коммуникаций парадоксальным образом сопровождает масштабные антимодернизационные процессы: ликвидацию свободы слова, мифологизацию массового сознания, деградацию демократических институтов, нарастание политической реакции, подавление публичной политики. Все эти процессы не только не вызывают протестов в российском обществе, но чаще всего благожелательно встречаются молчаливым большинством.

Вместе с тем вполне вероятно, что нынешний идейный союз различных отрядов послушного большинства — всего лишь временное явление. Менее чем за четверть века постсоветской эры настроения россиян менялись неоднократно и зачастую весьма радикально. Есть основания для предположений о вероятных переменах и нынешних социально-политических тенденций.

Социологические исследования второй половины 2014 г. отразили усталость россиян от милитаристской мобилизации и значительное (с 74 % в марте до 41 % в августе) уменьшение поддержки идеи силового присоединения восточных и южных регионов Украины к России. К концу года россияне стали больше опасаться втягивания России в войну в соседней стране.

Россия вступает в период экономического кризиса, который скорее всего будет оказывать влияние и на социально-политические процессы в стране. Этот кризис явился следствием ряда основных факторов: долгосрочных экономико-политических просчетов российской власти; падения на мировом рынке цен на нефть и газ, продажа которых является основным источником пополнения российского бюджета; применения экономических санкций против России со стороны Запада за политику в отношении Украины в 2014 г. Первым проявлением кризиса стало скачкообразное падение курса рубля по отношению к доллару и евро в конце 2014 г.,

однако это явления пока задело интересы не самой большой части общества. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в конце 2013 г. представил материалы своих исследований, свидетельствующих, что у подавляющего большинства россиян (71 %) по-прежнему не было никаких банковских вкладов: об их наличии заявили только 28 %. В прошедшие годы ответы на аналогичный вопрос распределялись практически таким же образом[1]. Среди имеющих вклады более двух третей хранили свои деньги в рублях. И сегодня нет оснований полагать, что количество вкладчиков с тех пор существенно увеличилось. Внимание к динамике соотношения рубля к доллару у россиян возросло, по данным ВЦИОМ, с 53 % в начале 2014 г. до 65 % в его конце, однако треть россиян этим вообще не интересуется, а среди заинтересованных преобладают те, кто следит за курсом валют лишь изредка, время от времени[2]. Наиболее болезненные для масс проявления экономического кризиса (рост цен на продовольствие и лекарства, а особенно рост безработицы) стали очевидными лишь во второй половине 2015 г.[3] Маловероятно, что это приведет к социальным волнениям в России, но кризис может восстановить тот уровень критики правительства со стороны левых сил, который наблюдался до присоединения Крыма (глава 3). Рост такой критичности, пока без упоминания персональной ответственности национального лидера России за негативные

---

[1] Банковский кризис и вкладчики // ВЦИОМ. 2013. 25.12. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114657.

[2] Рубль в «свободном падении» // ВЦИОМ. 2014. 21.11. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115059.

[3] Число официальных безработных, как прогнозируют эксперты, существенно вырастет, не говоря о громадном секторе «нелегальной занятости»: *Нетреба П., Бикбов А.* Число безработных россиян вырастет в 2015 году на 650 тыс. человек // РБК. 2015. 16.01. URL: http://top.rbc.ru/economics/16/01/2015/54b954119a79474618845d0f.

тенденции, уже проявился в декабре 2014 г.: фракция КПРФ в Думе попыталась инициировать вынесение на голосование вопроса о недоверии правительству[1].

Обострение ситуации на рынке труда почти наверняка вновь будет стимулировать активность русских националистов против «понаехавших». И хотя мигранты из Средней Азии стали активно покидать Россию как раз вследствие экономического кризиса[2], основной объект фобий русских националистов (приезжие из Северного Кавказа) не исчез и не стал менее заметным. Следовательно, скорее всего будет воспроизводиться уже ставший традиционным конфликт между этими группами, а следовательно, и вытекающий из этого конфликт националистов с федеральной властью.

Кризис вряд ли способен существенно изменить настроения той части российских конформистов, которые после «Крымской кампании» перешли от почитания национального лидера к его обожествлению, но подобная ситуация складывалась и во многих других странах, не создавая непреодолимых преград для перемен в них. Например, в Китае после политических авантюр Мао Цзэдуна, «Большого скачка» (1958–1960) и «Культурной революции» (1966–1976), повлекших за собой гигантские человеческие и экономические потери для страны, уровень обожествления народом «вели-

---

[1] Российские коммунисты требуют отставки правительства Медведева // Обозреватель.UA. 2014. 22.12. URL: http://obozrevatel.com/politics/97315-rossijskie-kommunistyi-trebuyut-otstavki-pravitelstva-medvedeva.htm.

[2] Глава Федерации мигрантов РФ Мухаммед Амин предположил, что после Нового года из России уедут порядка 25 % трудовых мигрантов, в основном представители Таджикистана, по причине ухудшения экономической ситуации и введения платного экзамена на знание русского языка. См.: Трудовые мигранты массово уезжают из России // Новые известия. 2014. 19.12. URL: http://www.newizv.ru/lenta/2014-12-19/212204-trudovye-migranty-massovo-uezzhajut-iz-rf-iz-za-kursa-rublja-i-novyh-pravil-sdachi-testov.html.

кого кормчего» Мао не уменьшился; однако внутри китайской элиты в 1970-е гг. появились новые идейные направления и политические фигуры, возглавившие курс на модернизацию страны (группировка Дэн Сяопина).

В России основным инициатором перемен в сторону ее модернизации остаются только либеральные силы. Несмотря на их виктимизацию в условиях «Русской весны» и превращение в политических изгоев, голос либералов в условиях кризиса может окрепнуть, а их аргументы могут стать более значимыми и действенными. В период «Русской зимы» либералы выдвигали идеи политической модернизации, защиты свободы слова и честных выборов, не представлявших высокой ценности для большинства населения. Критика нынешнего политического курса России с экономических позиций может вызвать куда больший интерес широких кругов общества, начинающих ощущать на практике ухудшение своего социально-экономического положения. Впрочем, и до экономического кризиса в России либеральный голос продолжал звучать в Интернете и на некоторых иных площадках. Периодически против него объявляются репрессии, довольно бессмысленные в XXI веке, малоуспешные, а потому никого не пугающие. Либерал — главный и фактически единственный внутренний враг провластных россиян (глава 1), поскольку остальные идеологические движения не являются для власти и ее активных и пассивных сторонников до конца враждебными. В этих условиях либеральная оппозиция, по сути, является единственным оппонентом власти. Диалога между либералами и представителями других идейно-политических движений сегодня почти нет, хотя представители каждого течения отслеживают значимые тексты, направленные друг против друга. И в этом одна из важных функций Интернета.

Отключить Интернет не удается, как и избежать его влияния на общественные процессы, и с этим можно

связывать надежды на демократизацию России. В Рунете труднее, чем в телевизоре, полностью «зачищенном» от всех неодобряемых властью смыслов, изолировать себя от нежелательных знаний: всплывающие баннеры, твиты, линк на чью-то запись, страница, выдаваемая при поиске, реклама и спам — Интернет довольно настойчиво продвигает все мнения и информацию, в том числе самые ненужные и неприятные, приучая к одновременному учету многих и разных коммуникативных пространств. Из-за этой особенности интернет-коммуникации идеологические противники невольно наталкиваются на тексты друг друга, обнаруживая пересечения, которые потом и заимствуют (главы 1–4). Таким же образом сторонящиеся политики люди невольно узнают о Навальном и митингах (глава 5). Конечно, пока неудобные для большинства россиян знания пробиваются к ним через нежелание и отторжение. Но либеральная идеология продвигается в массы через Интернет, и с этой задачей он успешно справляется и будет справляться и далее, оставляя веру в то, что за технологической модернизацией последует модернизация политическая.

Впрочем, в случае двух героев этой книги — Интернета и общества — ничего нельзя утверждать наверняка. Интернет быстро развивается. Российское общество и идеологические движения в России тоже — медленнее, но драматичнее. Отслеживая динамику взаимоотношений Интернета и общества, приходится быть готовым к новым результатам, которые могут поставить под сомнение полученные в этой книге выводы и, возможно, указать на допущенные ошибки.

Это нас не смущает, так как работа носила во многом экспериментальный характер: мы старались посмотреть на все самые крупные идеологические движения вместе, придумать новую методологию, опробовать разные данные из Интернета, ответив самим себе на вопрос, годятся ли они для выводов об обществе.

Конечно, наши выводы касаются прежде всего «граждан Рунета» — российского сетевого общества, и мы не ставим знака равенства между ними и гражданами России, среди которых почти половина не пользуется Интернетом[1]. Но все-таки мы берем на себя смелость утверждать, что выявленные и нарисованные нами фрагменты пазла настолько крупны, что позволяют почти полностью сложить общий «портрет» российского общества, на котором хорошо видны как общие черты постсоветских россиян, так и особенности разных идеологических течений.

Данные соцопросов (глава 6) утвердили нас в уверенности в том, что Интернет, при умелом его анализе, дает адекватное отражение политических, социальных

---

[1] Это обстоятельство позволяет некоторым авторам рассуждать о россиянах как преимущественно «партии телевизора», см., например: *Aron L.* Nyetizdat: How the Internet is Building Civil Society in Russia // aei.org (American Enterprise Institute). 2011. 28.06. URL: http://www.aei.org/article/nyetizdat-how-the-internet-is-building-civil-society-in-russia; а также: *Захаров М.* «Партия телевизора» живет и побеждает // Полит.ру. 2012. 05.06. URL: http://polit.ru/article/2012/06/05/internet_tv/. На самом деле эта дихотомия порочна, поскольку значительная часть интернет-пространства является неполитизированной и деидеологизированной, а активное интернет-пользование не является тождественным такой же гражданской позиции. Данные разных стран указывают либо на отсутствие корреляции между offline- и online-активностью (см., например: *Gil de Zúñiga H., Copeland L., Bimber B.* Political Consumerism: Civic Engagement and the Social Media Connection // New Media & Society, 2013. P. 488–506), либо признают кликтивизм или слактивизм формами участия, не видя никакой разницы между реальным и виртуальным: например, считается, что такая форма, как «постоянное наблюдение» за интернет-активностью своей политической организации в виде, скажем, регулярного просмотра сайта, чтения сообщений и участия в интернет-голосовании, является равноправной формой участия наряду с посещением собраний и митингов, — однако все это спорные подходы и концепции (*Karpf D.* Online Political Mobilisation from the Advocacy Group's Perspective: Looking beyond Clicktivism // Policy & Internet. Vol. 2. No. 4). 2010. Article 2. URL: http://www.psocommons.org/policyandinternet; *Karpf D.* The MoveOn Effect...

и культурных процессов в России. Более того, Интернет предстает не просто инструментом для их отражения, но зеркалом с эффектом многократного увеличения. Изучение пространства Сети имеет и свои преимущества в сравнении с соцопросами, интервью, включенным наблюдением, потому что здесь можно встретить спонтанную речь, порождаемую без всякого вмешательства исследователя. Все это богатство эмпирических данных сложно структурировать, описать и обдумать, но результаты стоят вложений труда. Однако важно двигаться дальше по пути умножения методов, добавления линз, увеличения ракурса, расширения междисциплинарности теоретических подходов. Поэтому наша книга не столько предлагает готовые ответы и окончательные истины, сколько намечает линии для дискуссии, к которой и приглашает читателей.

Галина Никипорец-Такигава и Эмиль Паин

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СЛОВАРЬ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

	Либералы	Националисты	Левые	Конформисты
Мы	антиселигер	братья и сестры	большевик	партия реальных дел
	белая лента	великая русская нация	коммунист	путин наш президент
	креативный класс	евразиец	пролетарий	россия великая страна
	либерал	ЗОЖ	рабочий человек	мы российский народ
	либеральные националисты	национал-большевик	советский патриот	мы большинство
	оппозиционер	национал-демократ	советский человек	
	оппозиционные силы	национал-социалист	социалист	
	оппозиция	родновер	сталинист	
	рукопожатный	русские европейцы	товарищ	
		русские пробежки		
		русский значит здоровый		
		русский значит трезвый		
		русский марш		
		русский националист		
		соратник		
Другие (они)	анчоусы	антирусские	банда, уничтожающая народ	белоленточная оппозиция
	арестократия	лицо кавказской национальности	буржуй	болотная оппозиция
	быдло	москвабад	враги рабочих людей	болотник
	быдлопатриот	русофоб	вредитель	дерьмократ
	ватники	хач, хачик	капиталист	киевская хунта
	геббельсовская пропаганда		киевская хунта	

Продолжение таблицы

Другие (они)	жуликоватая номенклатура		киевские фашисты	либераст
	закон подлецов		кургинеры	либерастический
	колорады		либераст	либерастня
	кремлежулик		навальновцы	либероид
	кремлядь		оранж	майданутый
	крымнашист		оранжевая проказа	майдаун
	нашист		оранжевая угроза	навальновцы
	нерукопожатный		оранжевая чума	оранж
	партия жуликов и воров		оранжевый сценарий	оранжад
	поцреот		оранжизм	оранжевая пена
	прокремлевский		оранжист	оранжевая проказа
	пропутинский		путинист	оранжевая угроза
	путемед		тайный агент	оранжевая чума
	путинг			оранжевый сценарий
	путиноид			оранжизм
	рабы с георгиевскими ленточками			оранжист
	рашизм			продажный пособник запада
	рашист			шальные 30-е
	руsskость			
	суверенная клептократия			
	сурковская пропаганда			
Лозунги	«За европейский выбор России!»	«Я — русский!»	«Народовластие — прямая демократия — советы!»	«Путин — наша сила!»
	«Права и свободы человека превыше всего!»	«Россия для русских!»	«Пересмотреть итоги грабительской приватизации!»	«Путин наша надежда!»

Продолжение таблицы

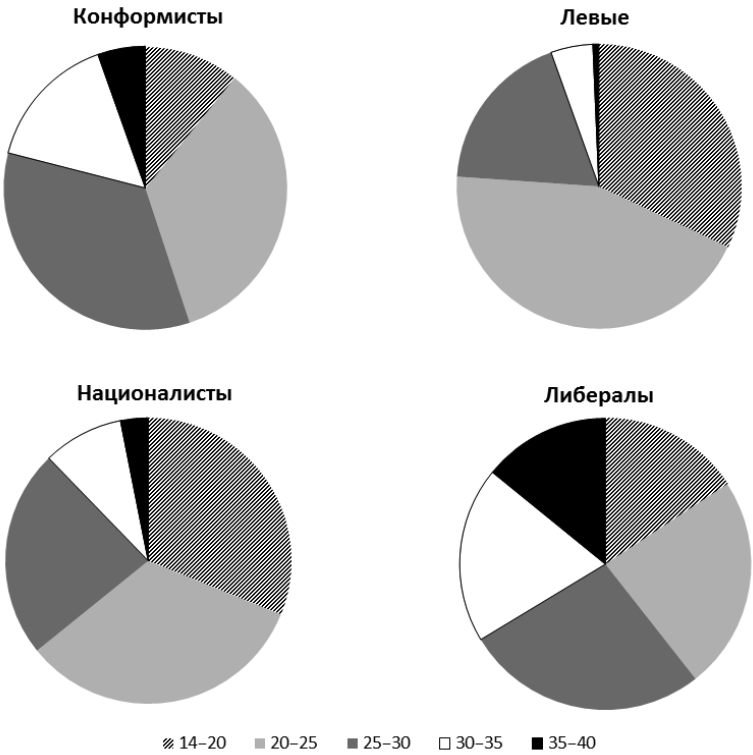
Лозунги	«За вашу и нашу свободу!»	«Не бойся быть русским!»	«Хватит кормить буржуев!»	«Кто, если не Путин!»
	«Нет дискриминации! Гражданское единство вместо национальной розни!»	«России русскую власть!»	«Долой врагов рабочих людей!»	«Путин — спасение россии!»
	«За свободу слова!»	«Русский помоги русскому!»	«Власть миллионам, а не миллионерам!»	«За стабильность!»
	«Прекратить политическую цензуру!»		«За социализм!»	
	«Свободу полит-заключенным!»		«За государственную поддержку работающего человека!»	

Источник: Галина Никипорец-Такигава

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ДЕСКРИПТИВНАЯ СТАТИСТИКА ИССЛЕДОВАННОЙ ВЫБОРКИ

2.1. Возраст участников сообществ



Источник: Галина Никипорец-Такигава

2.2. Количество участников

Группы	Количество участников			
	01.09.2012	01.09.2013	01.09.2014	
Русские пробежки	—	—	19 850	**Националисты (414 760)**
Правые	111 132	—	145 627	
Я_русский	224 299	—	249 283	
Советский Союз в нашем сердце	133 757	130 463	129 675	**Левые (237 763)**
Как учил дедушка Ленин (Марксизм|Коммунизм)	61 200	60 560	60 325	
Коммуна	48 788	—	47 763	
Сеть сторонников Путина Владимира Владимировича	—	9655	9758	**Конформисты (115 160)**
Слава России!!! Путин-наш президент!!!	—	37 981	38 151	
Мне реально нравится Путин!	—	74 501	74 429	
Партия народной свободы	10 436	—	10 095	**Либералы (274 989)**
Свободные новости	179 725	215 592	217 971	
Эхо Москвы	131 900	—	181 678	

Источник: Галина Никипорец-Такигава

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

	Год	Выражение неодобрения («анти-») по отношению к…																
		Западу	США	Европе	евреям	России	Путину	власти	фашизму	Кавказу	Майдану	империализму	ДНР–ЛНР	религии	либеральной оппозиции	оппозиции в целом	мигрантам	мусульманам
КОНФОРМИСТЫ																		
Слава России!!! Путин-наш президент!!!	2012	1	2	3	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	25	0	0	0
	2014	0	7	1	0	0	0	0	0	0	38	0	0	0	7	0	0	0
Мне реально нравится Путин!	2012	4	3	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	11	0	0	0
	2014	1	8	1	0	0	0	0	0	0	13	0	0	0	1	0	0	0
Сеть сторонников Путина Владимира Владимировича	2012	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	22	0	0	0
	2014	5	9	0	0	0	0	0	0	0	45	0	0	0	1	0	0	0
Конформисты в целом	2012	3%	2%	1%	0%	0%	0%	1%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	19%	0%	0%	0%
	2014	2%	8%	1%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	32%	0%	0%	0%	3%	0%	0%	0%
НАЦИОНАЛИСТЫ																		
Правые	2012	0	0	0	4	0	0	12	0	23	0	0	0	2	0	1	9	0
	2014	0	1	4	1	1	0	6	0	4	8	0	0	0	0	0	16	1
Я_русский	2012	0	1	1	2	3	0	5	0	12	1	0	0	2	3	3	2	9
	2014	2	4	1	0	0	1	2	0	5	23	0	0	0	0	2	4	1
Русские пробежки. Русские за ЗОЖ. Русь!	2012	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
	2014	0	0	0	0	2	0	6	0	1	2	0	0	0	0	2	0	0
Националисты в целом	2012	0%	0%	0%	2%	1%	0%	6%	0%	12%	0%	0%	0%	1%	1%	1%	4%	3%
	2014	1%	2%	2%	0%	1%	0%	5%	0%	3%	11%	0%	0%	0%	0%	1%	7%	1%

	«анти-» в целом	Выражение одобрения («про-») по отношению к…															«про-» в целом	Идеология (в целом)	Действие	Информация	Иное
		Западу	США	Европе	панславянской идее	России	Путину	власти	Сталину	ДНР–ЛНР	Майдану	оппозиции	ЗОЖ	просоветскому сентименту	русофильству	нацизму					
	33	0	0	0	0	7	8	3	0	0	0	0	0	1	0	0	19	52	24	7	17
	53	0	0	0	1	9	2	0	0	11	0	0	0	2	0	0	25	78	5	16	1
	20	0	0	0	0	10	19	4	0	0	0	0	0	1	0	0	34	54	10	30	6
	24	0	0	0	0	21	13	1	0	10	0	0	0	0	0	0	45	69	11	17	3
	25	0	0	0	0	4	18	0	0	0	0	0	0	0	0	0	22	47	29	10	14
	60	0	0	0	1	5	4	0	0	14	0	0	0	0	0	0	24	84	8	5	3
	26%	0%	0%	0%	0%	7%	15%	2%	0%	0%	0%	0%	0%	1%	0%	0%	25%	51%	21%	16%	12%
	46%	0%	0%	0%	1%	12%	6%	0%	0%	12%	0%	0%	0%	1%	0%	0%	31%	77%	8%	13%	2%
	51	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0	5	0	0	8	0	16	67	15	15	3
	42	1	0	3	2	3	0	0	0	8	0	2	10	0	5	1	35	77	12	8	3
	44	0	0	0	1	2	0	0	0	0	0	0	3	0	13	1	20	64	20	11	5
	45	0	0	1	3	13	1	1	0	7	1	2	2	0	10	1	42	87	6	4	3
	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	21	0	11	0	33	34	58	7	1
	13	0	0	0	4	6	1	1	0	2	0	0	19	0	3	0	36	49	50	0	1
	32%	0%	0%	1%	1%	1%	0%	0%	0%	0%	0%	2%	8%	0%	11%	0%	23%	55%	31%	11%	3%
	33%	0%	0%	1%	3%	7%	1%	1%	0%	6%	0%	1%	10%	0%	6%	1%	38%	71%	23%	4%	2%

Продолжение таблицы

	Год	Выражение неодобрения («анти-») по отношению к…																
		Западу	США	Европе	евреям	России	Путину	власти	фашизму	Кавказу	Майдану	империализму	ДНР–ЛНР	религии	либеральной оппозиции	оппозиции в целом	мигрантам	мусульманам
ЛЕВЫЕ																		
Советский Союз в нашем сердце	2012	4	0	2	0	5	3	14	0	0	1	4	0	1	1	0	0	0
	2014	2	3	0	1	0	0	0	0	0	20	1	0	2	3	0	0	0
Как учил дедушка Ленин (Марксизм| Коммунизм)	2012	1	1	0	0	3	1	15	0	1	0	4	0	1	10	0	0	0
	2014	1	1	0	0	0	1	2	0	0	17	7	0	3	3	0	0	0
Коммуна	2012	4	2	1	1	1	7	19	0	0	0	3	0	0	7	0	0	0
	2014	1	2	0	0	1	6	8	0	0	45	4	0	0	1	0	0	0
Левые в целом	2012	3%	1%	1%	0%	3%	4%	16%	0%	0%	0%	4%	0%	1%	6%	0%	0%	0%
	2014	1%	2%	0%	0%	0%	2%	3%	0%	0%	27%	4%	0%	2%	2%	0%	0%	0%
ЛИБЕРАЛЫ																		
Эхо Москвы	2012	0	0	0	0	1	4	19	0	0	0	0	0	11	0	2	0	0
	2014	0	2	0	0	28	7	16	0	0	14	0	2	0	0	1	0	0
Свободные новости	2012	0	0	0	0	4	4	37	0	2	0	0	0	4	0	2	0	0
	2014	0	0	0	0	40	7	22	0	0	0	0	6	2	0	0	0	0
Партия народной свободы	2012	0	0	0	0	5	6	33	0	0	0	0	0	4	0	1	0	0
	2014	0	0	0	0	32	14	23	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0
Либералы в целом	2012	0%	0%	0%	0%	3%	5%	30%	0%	1%	0%	0%	0%	6%	0%	2%	0%	0%
	2014	0%	1%	0%	0%	33%	9%	20%	0%	0%	5%	0%	3%	1%	0%	1%	0%	0%

Источник: Галина Никипорец-Такигава

	«анти-» в целом	Выражение одобрения («про-») по отношению к...															«про» в целом	Идеология (в целом)	Действие	Информация	Иное
		Западу	США	Европе	панславянской идее	России	Путину	власти	Сталину	ДНР–ЛНР	Майдану	оппозиции	ЗОЖ	просоветскому сентименту	русофильству	нацизму					
	35	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	10	1	11	0	0	22	57	35	3	5
	32	0	0	0	0	0	0	2	0	4	0	3	0	5	0	0	14	46	46	2	6
	37	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	14	0	5	0	0	21	58	27	8	7
	35	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	7	0	23	0	0	32	67	26	3	4
	45	0	0	0	0	0	0	1	3	0	0	21	0	7	0	0	32	77	13	5	5
	68	0	0	0	1	2	0	0	0	4	0	5	0	6	0	0	18	86	7	1	6
	39%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	2%	0%	0%	15%	0%	8%	0%	0%	25%	64%	25%	5%	6%
	45%	0%	0%	0%	0%	1%	0%	1%	0%	3%	0%	5%	0%	11%	0%	0%	21%	66%	26%	2%	5%
	37	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	0	0	0	0	3	40	7	19	34
	70	0	0	0	0	0	0	1	0	1	8	1	0	0	0	0	11	81	2	16	1
	53	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0	0	0	0	7	60	23	14	3
	77	0	0	0	0	0	0	0	0	0	12	4	0	0	0	0	16	93	4	3	0
	49	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0	0	0	0	6	55	14	19	12
	71	0	0	0	0	0	0	0	0	0	11	8	0	0	0	0	19	90	6	1	3
	46%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	5%	0%	0%	0%	0%	5%	52%	15%	17%	16%
	73%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	10%	4%	0%	0%	0%	0%	15%	88%	4%	7%	1%

ОБ АВТОРАХ

Гудков Лев Дмитриевич — российский социолог, доктор философских наук, с 2006 г. директор Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центра»), главный редактор журнала «Вестник общественного мнения», профессор Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики. Участник всех основных исследовательских проектов ВЦИОМа в период, когда этим центром руководил Юрий Левада: «Советский человек» (1989–2012»), «Русский национализм», «Итоги года: общество 1989–2014», «Антисемитизм» и др., а также — исследовательских проектов «Левада-Центра» по социально-политической и культурной тематике («Гражданское общество в России», «Отношение населения к судебной системе в России» и др.). Автор книг и статей по теории и методологии социологии, социологии литературы, этнонациональных отношений, по социальным проблемам постсоветского общества, в том числе «Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии» (М.: Русина, 1994), «Негативная идентичность» (М.: Неприкосновенный запас, 2004). «Абортивная модернизация» (М.: РОССПЭН, 2011) и др.

Никипорец-Такигава Галина Юрьевна — культуролог и социолог, преподаватель отделения славистики факультета современных и средневековых языков (с 2013 г.) и научный сотрудник проекта «Войны памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине» (2010–2013) Кембриджского университета, приглашенный научный сотрудник Александри института в Хельсинки (2012), почетный научный сотрудник и бывший

профессор (2002–2009) Токийского университета иностранных языков, профессор и заведующая кафедрой политологии Российского государственного социального университета. Редактор и один из авторов книги «Интегрум: точные методы и гуманитарные науки» (М.: Летний сад, 2006), автор более 150 глав в книгах, статей в реферированных научных изданиях и других научных публикаций, изданных в России и на Западе по теории коммуникации, социологии политики, постсоциалистической идентичности, цифровой культуре, методологии исследований социально-политических процессов, а также взаимовлияниям медиа и политических и социокультурных процессов.

Паин Эмиль Абрамович — российский политолог и антрополог, доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, бывший приглашенный научный сотрудник Международного центра им. Вудро Вильсона (Woodrow Wilson Center и Kennan Institute Galina Starovoitova Fellow), до закрытия института научный руководитель РОО «Кеннан» в 2008–2014 гг. Удостоен премии Международного центра Вудро Вильсона по научным исследованиям (США), автор книг и статей по этнополитическим процессам, национальной политике, этническим конфликтам и политической антропологии, среди которых: «Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России» (М.: РОССПЭН, 2009), «Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России» (М.: Институт социологии РАН, 2004), «Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России» (М.: Новое издательство, 2003) и др.

Простаков Сергей Александрович — магистр политологии, аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, бывший редактор интернет-издания «Русская планета».

Федюнин Сергей Юрьевич — магистр политологии, аспирант Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut National des Langues et Civilisations Orientales), Париж, Франция.

ИНТЕРНЕТ
И
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ

Дизайнер
Д. Черногаев

Редактор
Е. Мохова

Корректор
Л. Морозова

Верстка
А. Кондаков

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК- 005-93, том 2
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60 x 90/16
Бумага офсетная №1.
Печ. л. 30. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, 8 495 781-19-00
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), 8 495 201-36-45
- «Гараж» — ул. Крымский вал, д. 9, стр. 32 (Парк Горького, слева от центральной аллеи, магазин в Музее современной культуры «Гараж»), 8 495 645-05-20
- Государственная галерея на Солянке — ул. Солянка, д. 1/2, стр. 2 (вход с ул. Забелина), 8 495 621-55-72
- Книжная лавка историка — ул. Б. Дмитровка, д. 15, 8 495 694-50-07
- Книжный киоск РОССПЭН — ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 8 499 126-94-18
- «Медленные книги» — http://www.berrounz.ru/, 8 499 258 45 03
- «Москва» — ул. Тверская, д. 8, стр. 1, 8 495 629-64-83, 8 495 797-87-17
- «Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, д. 8, 8 495 789-35-91
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — ул. Петровка, д. 25 (в здании ММСИ), 8 916 979-54-64
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., д. 14, стр. 5А (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Петровский бул., д. 23, 8 495 625-44-85
- «Порядок слов в Электротеатре» — ул. Тверская, д. 23, фойе Электротеатра «Станиславский», 8 917 508-94-76
- «У Кентавра» — ул. Чаянова, д. 15 (магазин в РГГУ), 8 495 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, 8 495 749-57-21
- «Фаланстер» (на Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., д. 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), 8 495 926-30-42
- «Циолковский» — Пятницкий пер., д. 8, 8 495 951-19-02
- «Додо» — ул. Мясницкая, д. 7, стр. 2, 8 926 463-82-35
- «Додо» в КЦ ЗИЛ — ул. Восточная, д. 4, корп. 1, 8 495 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- «Додо» в ЦКИ «Меридиан» — ул. Профсоюзная, 61